

ЦАРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ ЦАРЕЙ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА И АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА XVII ВЕК

БЛАЖЕННОЙ И ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III
БЛАГОГОВЕЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУД,
ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
НАЧАТЫЙ,
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ

Считаю себя обязанным принести искреннюю и глубокую благодарность учреждениям и лицам, содействовавшим мне в исполнении трудной задачи составления истории Великокняжеской и Царской охоты. Документальные сведения получены мною из архивов: Общего Министерства Двора (в Москве и Петербурге), Министерства юстиции (в Москве), Государственного (в Петербурге), Министерства иностранных дел (в Москве), патриаршей ризницы (в Москве) и Троице-Сергиевой лавры, а равно из Императорской Публичной библиотеки. Разные сведения, справки и указания благосклонно сообщены мне: *Г. В. Есиновым, А. Ф. Бычковым, И. А. Бычковым, В. В. Стасовым, С. Н. Шубинским, Г. И. Тимченко-Рубаном, Н. П. Лихачевым, В. П. Ламбиным, А. А. Фаворским, С. Л. Ширяевым и М. И. Бессребрениковым*. Особенной благодарностью обязан я *П. Я. Дишкову*, любезно предоставившему в мое распоряжение свое богатое собрание гравюр, из которого и заимствованы для настоящего издания редчайшие старинные гравюры и рисунки, изображающие охотничий быт.

Том II

Глава I

Цари Михаил Феодоровичи Алексей Михайлович

Время, протекшее от смерти царя Бориса Годунова до вступления на престол Михаила Феодоровича, было совершенно неблагоприятно для развития и процветания царских и частных охот. В истории царских охот это самый глухой период. Правда, при первом Самозванце охота на время оживает, устраивается отчасти на европейский образец и, по-видимому, имеет довольно данных для пышного расцвета в будущем; но смерть Самозванца положила конец начинаниям в области охоты, и самая память о них как бы развеялась вместе с его прахом.

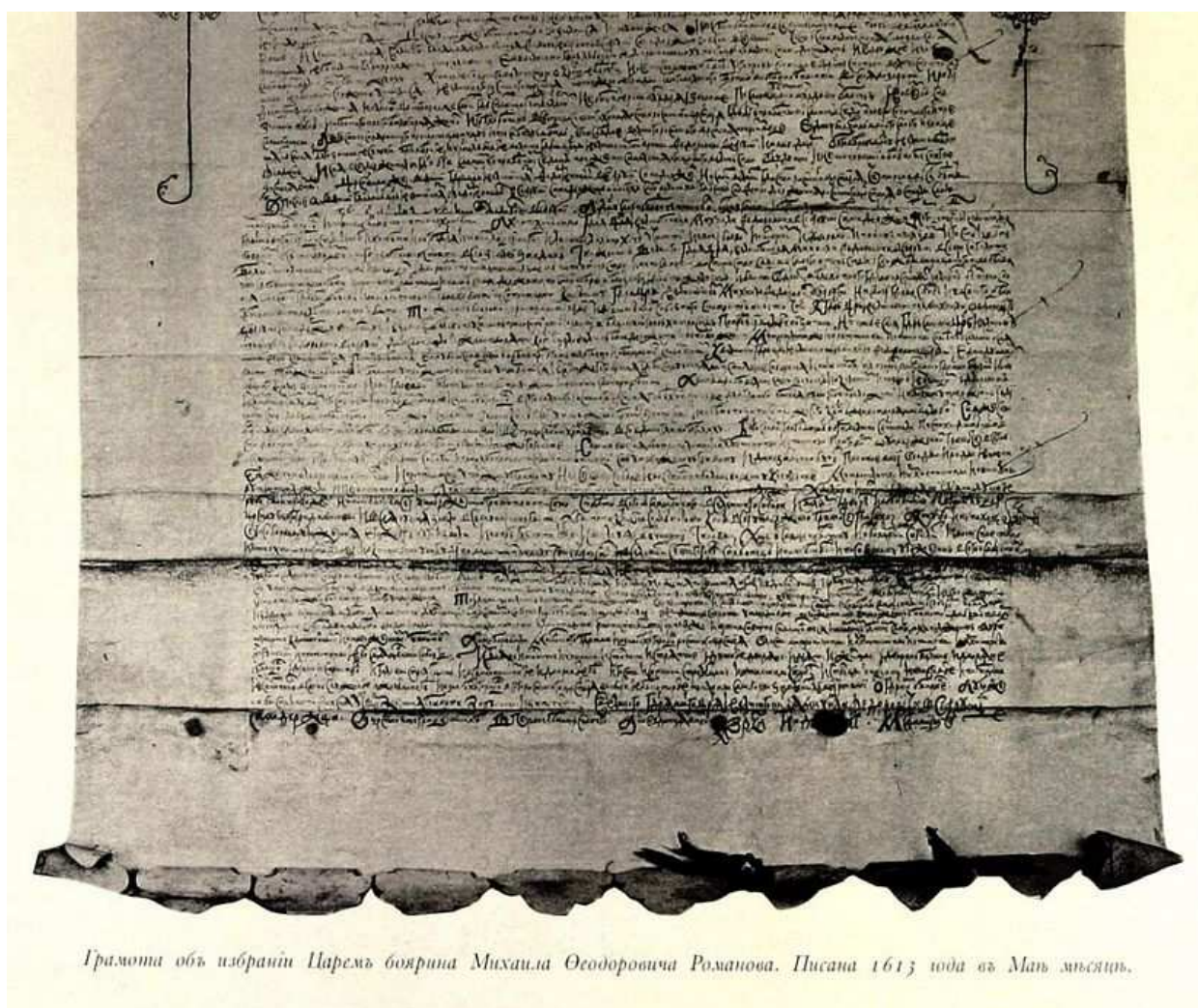
Наступившее вслед за тем безвременье, которое современники метко обозвали "московскою разрухой", в корне потрясло строй жизни государственной и надолго нарушило порядки и мирное течение жизни обыденной, в которой русскому человеку привычно было труды и заботы чередовать с отдыхом и забавами. В это ужасное время русским людям не до забав было и не до отдыха. Пред всеми и каждым стоял грозный вопрос о самосохранении; пред немногими – вопрос не о себе только, но и о том, как изжить-избыть беду, черной тучей налетевшую на Русь. В общем смятении, когда все приходило в упадок и разрушение, не могла, конечно, уцелеть и сохраниться былая организация царских охот. Оттого в исторических документах за все Смутное время почти нет прямых и ясных указаний на былые охоты; и такое безмолвие источников об охотах продолжается вплоть до воцарения Михаила

Феодоровича.

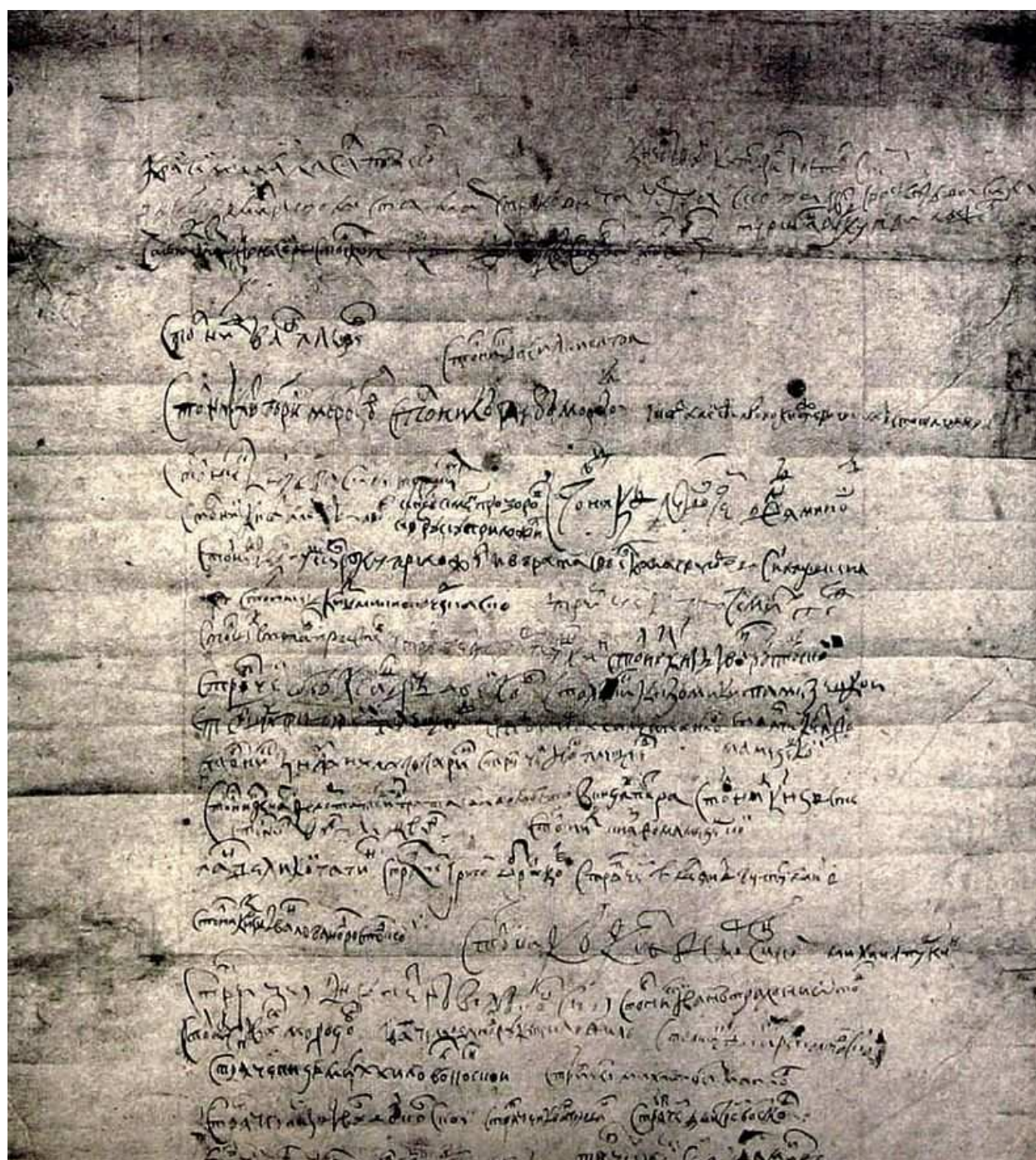

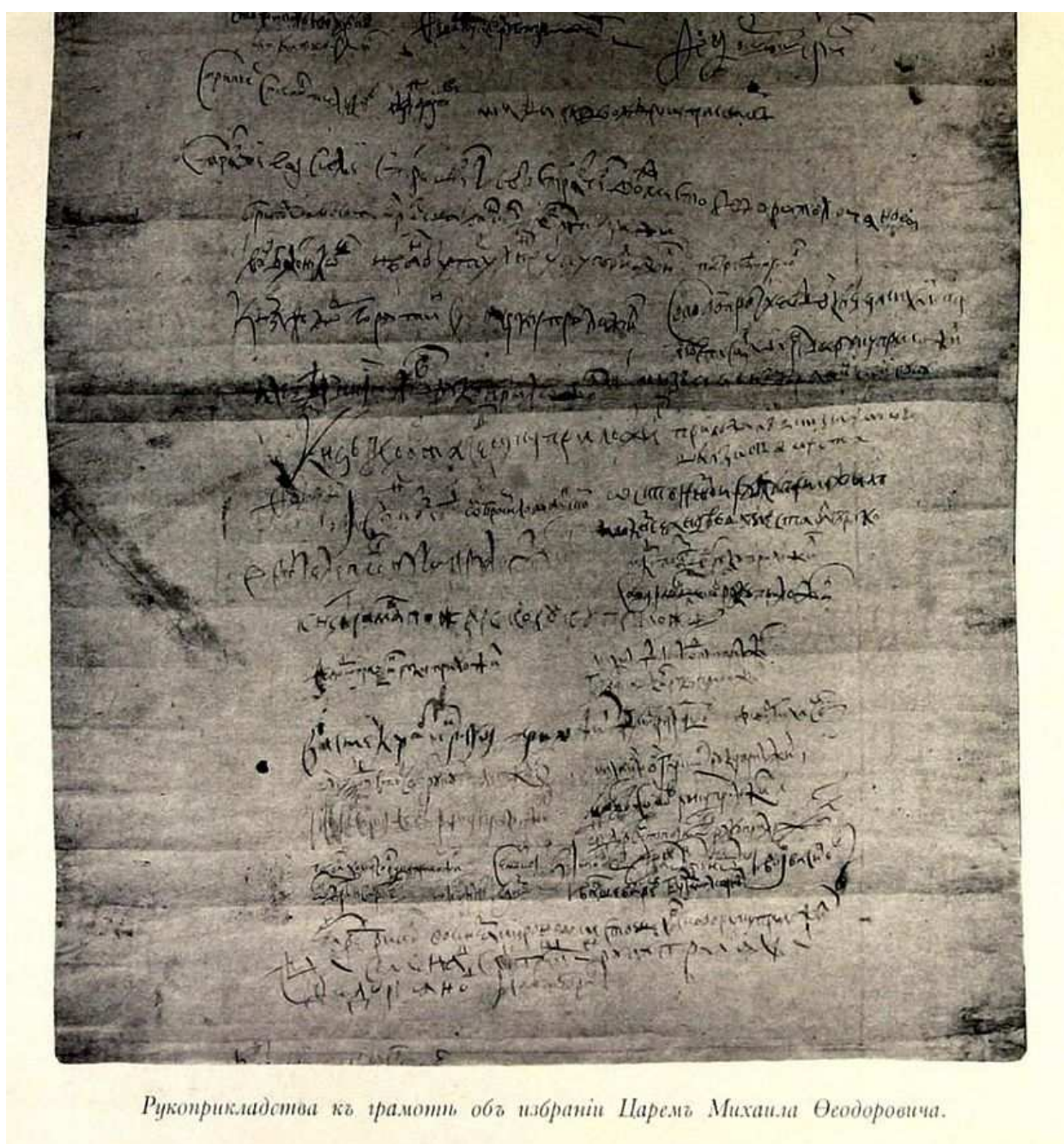
*Царь Михаилъ Феодоровичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.*

Грамота объ избраніи Царемъ боярина Михаила Феодоровича Романова. Писана 1613 года въ Мѣсь мѣсяцъ.

Руконрикладства къ грамотѣ оъ избраніи Царемъ Михаила Феодоровича.

Царь Михаил Феодорович вступил на престол при самых печальных обстоятельствах. Извне была война с Польшей и Швецией. Внутри государства многие города были сожжены дотла, и сама Москва лежала в развалинах. Повсюду бродили шайки под названием "казаков", которые грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутренние области сильно обезлюдели. Поселяне умирали от голода. Повсюду господствовала нищета; в казне не было денег, и трудно было собрать их с разоренных жителей. Одна беда вела за собою другие, но самая великая беда была в том, что русские люди, по меткому выражению матери малолетнего царя Михаила, "измалодушествовались". Смутное время, равно как и предшествовавшие ему эпохи Грозного и Годунова, выработали поколение людей, мелких по чувствам, их одушевлявшим, и по характеру слабых. Неудивительно, что в таком поколении значительно ослабел, наряду с другими жизненными свойствами, и здоровый инстинкт охоты. В этом отношении молодому царю предстояла задача разбудить в своих современниках заснувшую охотничью удаль; но эта задача в первое время должна была отодвинуться на задний план ввиду других более существенных и неотложных забот. Нужно было уладить внешние отношения с враждебными государствами; скрепить расшатавшиеся устои государственной жизни; усмирить разбойничьи шайки, капризной и грозной волною перебрасывавшиеся из конца в конец и от города к городу; наконец, молодому царю приходилось подумать даже об устройстве собственного жилища, потому что "прежние царские хоромы и палаты были без кровель, без полов и без лавок, без окончин и без дверей"¹.

Первые годы царствования Михаила Феодоровича прошли в этих трудах и заботах. Устраивая и успокаивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой царь только спустя пять-шесть лет мог серьёзно позаботиться о восстановлении былых охот и потех. И можно думать, что охоты и потехи приходилось не столько восстанавливать, сколько устраивать заново, хотя и по старым порядкам. Для псовых охот не было хороших собак; поизвелись также и медведи для дворцовых потех. Нужно было вновь завести псарный двор и зверинцы, какие были в старину. С этой целью в 1619 году Михаил Феодорович послал в северную медвежью сторону – в Галич, Чухлому, Солигалич, Судай, Парфеньев, Кологрив и на Унжу – двух охотников и трех конных псарей с поручением брать в тех местах у всяких людей собак борзых, гончих, медеянских и медведей. Успех этого поручения обеспечивался царской грамотой, посланной на имя галичского губного старосты, а чрез него и во все другие указанные пункты. Этою грамотою царь приказывал местным властям оказывать всякое содействие посланным охотникам и псарям: давать под них собак и медведей, подводы и провожатых от города и до города, снабжать кормом для собак и медведей, "чем им мочно сытим быть", наконец, давать им стрельцов, пушкарей и рассыльщиков в помощь против ослушников, т. е. против тех бояр, дворян и прочих местных жителей, которые не захотели бы добровольно расстаться с любимыми псами и медведями. Приказ этот распространялся одинаково на села дворцовые и княжеские, боярские, дворянские и "всяких людей" поместья, на волости царской матери, инокини Марфы Ивановны, на вотчины патриаршие, митрополичьи, владычные и монастырские².

Недостаток в хороших собаках и медведях был, как видно, слишком чувствителен и велик, если принята была столь решительная мера: принудительное, почти военное отчуждение живого охотничьего инвентаря частных людей. Нет, однако, оснований думать, что Михаил Феодорович решился на эту меру для удовлетворения личной его страсти к охоте; напротив, этого требовали обиход двора и уважение к исконным порядкам царского быта: с давних времен охоты и потехи сделались необходимою принадлежностью царской жизни, и молодому царю, воспитанному на преданиях старины, не приходилось останавливаться даже пред крутыми мерами, когда дело касалось восстановления былых порядков царской жизни, стариной завещанных.

Этим фактом открывается история царских охот при дворе дома Романовых. Отобранные таким путем медведи и собаки составили ядро охоты, возобновленной Михаилом Феодоровичем, постепенно с течением времени развивавшейся и достигшей пышности и великолепия при Алексее Михайловиче.

И Михаил Феодорович, и Алексей Михайлович, оба заботились о развитии и процветании своих охот, но в истории царских охот значение Алексея Михайловича гораздо выше и важнее, чем значение его отца. В отце и сыне неодинаково был развит интерес к охоте; неодинаково она их волновала и заботила. В то время как для отца охота была немногим более, чем обязательная подробность царской жизни, для сына она составляла особый мир, полный своеобразной, чарующей прелести и непреодолимо влекийший его к себе. Эта разность в отношениях к охоте вытекала из особенностей личного характера того и другого царя и отчасти была подготовлена несходной обстановкой их

первоначального воспитания.

Отец Михаила Феодоровича, боярин Феодор Никитич Романов, впоследствии невольный монах и патриарх Филарет, в дни мирского жития был страстным охотником в духе своего века и даже, как мы видели, в ангельском чине не переставал вздыхать и тосковать о былых утехах отъезжего поля. Казалось бы, что сын наследует отцовскую страсть; но наследственность имеет свои капризы, а врожденные склонности и страсти гаснут, если не находят пищи и упражнения. Быть может, в натуре Михаила Феодоровича и таился скрытый зародыш охотничьей страсти, но он в нем не развился и не вырос, потому что условия жизни совершенно этому не благоприятствовали. Беда разразилась над семьей Романовых, когда Михаил был еще ребенком: отца и мать насильно постригли и сослали порознь в дальние монастыри, а маленького Михаила с теткой отправили на Белоозеро. Не светлые грёзы золотого детства, но безотчетный ужас, навеянный непонятною ему драмой, – вот что привез с собою на Белоозеро малолетний Михаил. Бедная, угрюмая природа Белозерского края; серая, томительно однообразная обстановка отшельнической жизни; отсутствие развивающего товарищества подвижных сверстников; отсутствие нежной материнской ласки – вот условия, в которых протекали уныло и печально детские годы Михаила, годы, когда слагаются первые основные черты характера. В такой обстановке не мог выработаться характер, свойственный охотнику, – подвижной, смелый и бодрый; напротив, в характере Михаила, что вполне естественно, мы видим следы задержанного развития, вялости и тихой, глубокой грусти. Такие характеры могут быть упорны, но всегда

несамостоятельны, лишены духа почина и предприимчивости и легко поддаются чужому влиянию. Так было и с Михаилом Феодоровичем: молодой царь сначала находился в полной покорности инокине-матери, затем подчинился сильному влиянию отца-патриарха, а вне этих влияний всегда был во власти одолевавшей его "кручины". Была в характере Михаила и еще одна черта, которая также не осталась без влияния на его отношения к охоте: это – слишком большая преданность обряду, внешней стороне дела. Правда, это не столько его личная черта, сколько историческая вековая болезнь всей русской жизни; но у сильных натур свободный порыв господствует над формой и обрядом и одухотворяет их, а у натур слабых он бесследно растворяется в тесных рамках формы, обряда или чина. Сообразно с этим Михаила могла занимать в охоте больше ее внешняя, обстановочная сторона, чем самый процесс охоты. В исторических документах сохранилось довольно много известий об охотах Михаила Феодоровича, но мы не найдем здесь особенно ярких фактов, которые позволяли бы сравнивать Михаила Феодоровича как охотника со знаменитыми охотниками-князьями предшествующих эпох.

Первая из известных нам охот Михаила Феодоровича относится к 1615 году. Это было "лошье и медвежье поле" в имениях князя Феодора Ивановича Мстиславского, вероятно в окрестностях его родового села Хвили, в Кунцевской местности, близ г. Москвы; в этой охоте принимали участие люди князя Мстиславского, за что и были награждены из царской казны³. По-видимому, этот факт указывает на существование организованной царской охоты уже в самые первые годы царствования Михаила

Феодоровича и как бы устраняет собою другой отмеченный выше факт, что первые серьёзные меры по организации охот начались с 1619 года. Но спрашивается: охота 1615 года была ли собственно царская и производилась ли она с помощью служащих и живого инвентаря царских охот, или это была охота, всецело устроенная кн. Мстиславским, а царь Михаил Феодорович был лишь желанным гостем на княжеской охоте? Признать ее царской нет никаких данных; напротив, считать ее частной княжеской охотой склоняет участие в ней княжеских ловчих, признак во всех других случаях несущественный, но в данном имеющий решающее значение. Есть, однако, другие указания, на первый взгляд еще более веские, что царские охоты и до 1619 года имели уже характер вполне устроенных охот: в 1617 году осочили (обкладывали) медведицу с медведем; в 1618 году были большие царские охоты на лосей, устроенные ловчим Тверского пути Григорием Григорьевичем Маматовым при участии псовника Василия Усова и 10 охотников Ловчего пути; в 1619 году Маматов вновь тешил царя лосиными ловлями⁴. Все эти охоты производились при помощи собственного персонала царских охот – охотниками Ловчего пути под общим руководством ловчего и псовника, что и указывает на существовавшую уже некоторую организацию царской охоты. Но собрать охотников-знатоков своего дела было не особенно трудно даже после "московской разрухи", потому что занятие это наследственно передавалось в известных семьях от отца к детям, и, конечно, не перевелись окончательно за Смутное время подобные семьи. Иначе стояло дело с собаками. Царская псарня, несомненно, была в плачевном состоянии, и весьма возможно, что именно эти охоты

1616, 1618 и 1619 гг. воочию показали царю бедность и недостаточность его псового состава.

Весьма возможно также и то, что уже на охоте 1615 года у князя Мстиславского царю впервые пришла мысль пополнить свою псарню за счет охот боярских и дворянских. Во всяком случае царская охота показала себя в полном порядке и благоустройстве в первый раз почти год спустя после известной грамоты 1619 года. В январе 1620 года, вероятно в окрестностях Черкизова, была устроена в больших размерах царская охота на лосей и медведей. На этих "лосиных и медвежьих ловлях" участвовало 14 охотников Ловчего пути, 63 конных и 24 пеших псаря⁵. Ради этой охоты был отменен назначенный на тот день (17-го января) прием шведского посла. Сопоставляя этот факт с огромным числом участвовавших в охоте псарей, конных и пеших, не трудно догадаться, что эта охота была первою полевою пробой собак, собранных на государеву псарню по грамоте 1619 года; потому-то она так заинтересовала царя, что он решил отменить назначенный прием шведского посла. Имеется легкий намек, что охота была веселая и жаркая.

Когда отложенный прием шведского посла был после охоты назначен вновь, то рындой к царю во время церемонии приема назначили явиться некоему Ивану Петрову сыну Чихачеву; последнему очень не хотелось присутствовать при церемонии благодаря местническим счетам с другим рындой, князем Афанасием Шаховским, и он не поехал в город, сказавшись больным; однако, когда его потребовали для объяснений к боярам в Золотую палату, он явился туда на костылях – "о дву посохах" – и оправдывался пред боярами тем, что "лошадь ногу изломила, как государь тешился за лосми, затем-де и в город не поехал"; эта отговорка не спасла Чихачева от наказания: бояре "велели бить его кнутом", а чтобы не

откладывать наказания, "долго де того ждать", думный дьяк да боярин Романов знатно били здесь же Чихачева по спине и по ногам его же собственными посохами "и, бив его, велели ему быть в белом платье (т. е. рындой) по прежней сказке"⁶.

В следующем 1621 году вновь производились лосиные осеки и медвежьи ловли под руководством тверского ловчего Григория Маматова. Это была также большая царская охота, так как в ней участвовало 54 конных и 20 пеших псарей и 16 охотников⁷. После этой охоты в течение нескольких лет, приблизительно до 1625–1626 г., Михаил Феодорович, по-видимому, не принимал личного участия в охотничьих поездках, но царская охота и за это время не бездействовала: по крайней мере, в этот промежуток времени многие чины личного состава царской охоты получали награды за охоты⁸. Мы не знаем причин, почему Михаил Феодорович почти на 4 года забыл и покинул охоту; однако самый факт для характеристики царя важен как доказательство, что Михаил Феодорович не был охотником по натуре: истинному охотнику трудно выдержать четырехлетний искуc воздержания от любимого дела. Но после этого перерыва и почти до конца своего царствования он каждый год находил досуг и желание позабавиться охотой. По большей части эти охоты соединялись с поездками царя на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, в Николо-Угрешский и Симонов монастыри и производились обыкновенно на обратном пути в Москву. В таких случаях государя обыкновенно сопровождали на богомолье чины царских охот, псовой и соколиной, псари и охотники Ловчего пути. Иногда царь делал поездки исключительно для охоты и с этой целью отправлялся преимущественно в недалекие

подмосковные села, удобные для охот, чаще всего в Покровское-Рубцово⁹.

Отдельных эпизодов и интересных подробностей относительно этих охот не имеется. Впрочем, в двух случаях охота сопровождалась, может быть, заканчивалась, своеобразным развлечением: государя тешили стрельбой в шапки. В первом случае (1630 г.) были расстреляны шапки стольника князя Пронского, окольничего князя Львова и князя Одоевского, а во втором (1634 г.) этой чести удостоилась простая шапка задворного конюха Степана Карпова: "Государевы комнатные государя тешили, по его (конюха) шапке стреляли из луков и из пистолей и шапку исстреляли". За испорченные шапки бояре и простой конюх получили из казны материал для новых шапок, причем первым был отпущен бархат-кармазин и на опушку соболь, а последнему – сукно вишневого цвета и для опушки лисьи лапы.

Любимой охотой Михаила Феодоровича была охота на медведей; по крайней мере, чаще всего он охотился за ними. Государю случилось однажды обмолвиться фразой, которая показывает, что он хорошо знал медвежий нрав и повадки. Один голландец рассказывает, что когда молодому царю доложили о каком-то лице, которое следовало наказать за важный учиненный им проступок, то Михаил Феодорович, между прочим, ответил: "вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться только с летами"¹⁰.

Соколиной охотой царь тешился вместе с сыном, царевичем Алексеем Михайловичем. В течение лета 1632 года отец и сын хаживали на охоту с ловчими птицами весьма часто. В 1635 году, по свидетельству Олеария, дядькою царевича Алексея была устроена соколиная охота в присутствии иностранных послов.

Это была веселая и занимательная охота, и, как кажется, устроена она была для сравнения искусства и ловкости русских соколиных охотников с охотниками иноземными, так как незадолго перед этой охотой некоторые из чинов голштинского посольства показывали в Рубцове, в присутствии царя и царевича, свое умение и приемы в соколиной охоте.

В том же Рубцове-Покровском состоялась и последняя известная нам охота царя Михаила Феодоровича: 10 сентября 1643 г. государь тешился здесь соколами царевича Алексея Михайловича¹¹.

В ряду русских царей-охотников Алексей Михайлович занимает совершенно особое положение: это был самый замечательный, единственный в своем роде царь-охотник. Он напоминает собою отчасти двух других замечательных охотников Древней Руси – Владимира Мономаха и Василия III Ивановича: первого – своим серьёзным и вдумчивым отношением к охоте, второго – страстным наслаждением ее художественными сторонами. Сливая эти черты ума и сердца в своем характере, Алексей Михайлович прежде всего, однако, искал в охоте удовлетворения эстетических наклонностей своей художественной натуры. Он жил охотою и отдавался ей весь безраздельно, как поэт – своему вдохновению. По своей натуре, благодушной, глубоко спокойной и порою созерцательной, Тишайший Царь не мог любить волнений резких и сильных, но лишь такие, которые растут, усиливаясь постепенно, не внося с собой смуты и бури в душевную жизнь; а такие волнения, легкие и приятные, дает только один род охоты – охота соколиная. Вот почему Алексей Михайлович отдавался столь беззаветно потехе с ловчими птицами.

К птицам и к птичьей охоте Алексей Михайлович привязался душою еще с самого раннего детства. Когда он был ребенком, ему покупали разных потешных птичек: живых воробьев, чечеток и всяких других. Инстинктивная привязанность царевича к птицам не могла ускользнуть от умного и наблюдательного воспитателя его – или, по тогдашнему названию, "дядьки" – боярина Морозова, и едва ли можно сомневаться, что именно он и прирастил маленького царевича к соколиной охоте. По свидетельству Олеария, у Морозова была своя соколиная охота, и ему случалось иногда тешить ею за городом заезжих иноземцев и послов, конечно не без расчета снискать их расположение. И в деле воспитания царевича соколиная охота сослужила Морозову добрую службу. Познакомив своего воспитанника с прелестью соколиной охоты, Морозов дал движение врожденным склонностям чуткой души царевича с ее поэтическим одушевлением и присущей ей любовью к природе – и тем самым навсегда привязал к себе своего царственного воспитанника.

С летами, когда царевич рос и мужал, росла и крепла в нем страсть к охоте и развивалось сознательное и заботливое отношение ко всему, что касалось любимой забавы. В ранние годы царствования Алексей Михайлович еще не в силах был господствовать над своею страстью и с юношеским увлечением отдавался охотам больше, чем царственным трудам; но в зрелую пору умел делить свое время и точно следовал своему девизу: "делу – время, а потехе – час". Однако и среди трудов и забот государственных он, казалось, ни на минуту не забывал своих любимых птиц и постоянно мыслью переносился на свою кречатню, где всегда чувствовал себя в своей

сфере, около дела близкого, дорогого, ничем не заменимого.

*Царь Алексѣй Михайловичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.*

Случалось, что дела государственные и заботы семейные вынуждали его на время отказываться от любимой охоты, но не всегда он был в силах подчиняться этой необходимости. Так, 16-го января 1648 года Алексей Михайлович женился на Марии Ильинишне Милославской, однако уже 21-го января, всего через пять дней, он охотился в имении Морозова, на пути в Троицкую лавру. Или другой случай: в сентябре 1674 г. объявлено было, что до весны "похода" государя с Москвы не будет, и опять он не утерпел – в том же месяце делал поход в Коломенское. Алексей Михайлович глубоко и нежно любил свою жену, серьёзно и строго относился к обязанностям правления, но ему, живому и подвижному, как бы не сиделось дома. Его постоянно тянуло из царских хором, из царицына терема, на широкий простор подмосковных полей, под своды голубого неба, куда вслед за взмывшим соколом неслась и душа охотника-царя. В поле, "за красной и славной птичьей потехой", он все забывал, и кручины и радости, и весь преображался, охваченный живым восторгом, передавая свое настроение всем, кто бывал с ним.

Не удивительно после этого, что большую часть своего тридцатилетнего царствования он провел в разъездах или, как тогда говорилось, "в походах". Зимой и осенью, весной и летом, в погоду и в распутье и бездорожье царь то и дело совершал "походы" или в ближние подмосковные села, в особенности в Коломенское, для красной и славной птичьей потехи, или в дальние монастыри на богомолье – в Троицкую лавру, в Саввин Сторожевский монастырь, в Боровск, Можайск и многие другие места. Но и в этих богомольных походах он пользовался всяким случаем позабавиться охотой, соколиной или псовой. Даже во

время военных походов царь, по-видимому, находил возможность иногда на охоте отдохнуть от военных тревог: в 1655 г., находясь в походе против польского короля, Алексей Михайлович приказывает немедленно выслать из Москвы к нему в Шклов, где он тогда стоял, конного псаря Терешку Фролова, конечно, не для воинских надобностей, но – полагаем – для охоты, при которой этот Терешка Фролов мог быть нужным человеком, как мастер своего дела.

Таким образом, вся жизнь Алексея Михайловича тесно сплеталась с охотами, и никакие события, как бы крупны они ни были, касались ли его личной жизни или государственной, не могли заставить царя надолго позабыть или покинуть любимую забаву. Это был охотник, никогда не изменявший своей страсти, и его всего лучше можно охарактеризовать его же собственным выражением – *"охотник достоверный"*, т. е. истый, заклятый охотник. Никто лучше его не понимал поэтической стороны охот, да едва ли кто мог соперничать с ним и относительно технической стороны охотничьего дела.

Поэтическую сторону соколиной охоты Алексей Михайлович прекрасно изобразил в своем предисловии к *"Уряднику Сокольничья пути"*. Особый тон этого предисловия, отделанные обороты речи, витиеватой, но очень выразительной, показывают, что предмет, о котором писал царь, – соколиная охота – слишком волнует его, затрагивает всю его душу и заставляет ее вылиться в массу звучных словесных оборотов. В самом деле, вчитываясь в это предисловие, почти слышишь, как в нем бьется обьятая восторгом душа охотника-поэта:

"Зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичья добыча. Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна потешна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лет. Премудра же соколья добыча и лет. Добровидна же и копцова добыча и лет. До сих доброутешна и приветлива правленных ястребов и челигов ястребьих ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловли – рассуждение охотников временам и порам; разделение же птицам в добычах. Достоверному же охотнику несть в добыче и ловле рассуждения временам и порам; всегда время и погоды в поле.

"Будете охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зимо потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и бесскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу".

Еще сильнее чувствуется в Алексее Михайловиче охотник-поэт, когда он с неподражаемою изобразительностью описывает подвиги – лов и лет – своих любимых соколов. Однажды он поехал "отведывать" – пробовать птиц – "на добычах", и вот между Сущевым и Напрудным (т. е. в нынешней местности между Бутырскою и Троицкою заставами г. Москвы) наехал на "прыск", т. е. на наезженное торное место, которое по весеннему времени было еще залито водою, и стал пробовать взятых с собою соколов. "Отпустили, – пишет он, – сокола Мадина и он хорошо полетел, да не слез, а утки многие связи и

шилохвосты и чирята, а в длину вода та шесть сажень и поперек две сажени, да тем хорошо, что некуда утечь, нет иных водич близко; так Модину соколу дали вабило да отпустили сокола Семена Ширяева дикомыт: так безмерно каково хорошо летел, так погнался да осадил в одном конце два гнезда шилохвостей, да полтретья гнезда чирят, так в другорет погнался, так понеслось одно утя шилохвость и милостию Божиею и твоими (Матюшкина) молитвами и счастьем как ее мякнет по шее, так она десятью перекинулась да ушла пеша в воду опять: так хотели по ней стрелять, почаели што худо заразил а он ее так заразил, што кишки вон; так она поплавала немношко да побежала на берег, а сокол-от и сел на ней..."

В этом безыскусственном описании сказалась вся страсть охотника, который то с опасением, то с восторгом, но в обоих случаях с одинаково глубоким волнением следит за каждым движением любимого сокола и безмерно счастлив, когда сокол не срамит его надежд; в частом и страстном повторении слова "так" чувствуется, как на этой охоте возрастали восторг и волнение царя, и из всего описания встает, как живая, фигура царя, гордого победою своего сокола.

На охотах с соколами Алексей Михайлович внимательно изучал каждого отдельного сокола, подмечал отличительные черты в приемах охоты того или другого из них и на основании этих наблюдений наперед умел разгадывать свойства соколов гораздо раньше, чем они проявлялись на деле: "видитца какбы тяжел, — пишет он про одного сокола, — а добр добре будет". Сам следил на охотах и с точностью отмечал и записывал, сколько "ставок" делает тот или другой сокол и какой "верх" берет. Неудивительно, что обитателей своей кречатни он знал

и ценил безошибочно, как глубокий знаток своего дела. Его заботы о птицах доходили до самых мелких подробностей: он сам давал имена новым соколам, сам указывал, как их учить, как нужно применяться к их характерным особенностям. Одним словом, внутренняя жизнь и распорядки кречатни находились под самым бдительным надзором самого царя. Можно сказать, что, если бы на плечах государя не лежало бремя государственных забот, он всего себя отдал бы кречатне, потому что с этим уголком тесно связаны были лучшие мгновенья его жизни. Но заботы правления брали почти все *время*, для потехи оставались лишь *часы*, а между тем соколиная охота со всеми ее порядками требовала постоянного и буквально неусыпного наблюдения; вот почему Алексею Михайловичу необходимо было найти себе в этом деле верных помощников, а за собой оставить лишь верховный надзор и главное руководство всем, что касалось красной и славной птичьей потехи. Талант истого охотника, инстинктом отгадывающего сродную себе натуру, помог царю остановить свой выбор на двух лицах – его бывших сверстниках и совоспитанниках Афанасии Ивановиче Матюшкине и Василии Яковлевиче Голохвастове. В истории охоты царя Алексея Михайловича Матюшкину принадлежит исключительная роль и значение. Без всякого преувеличения можно сказать, что во всем, касавшемся охоты, он был самым надежным и верным помощником царя: это было как бы "око государево"; неусыпно наблюдавшее за кречатней с ее птицами и многочисленной прислугой, с ее своеобразными порядками и обычаями. Матюшкин отдавал кречатне не только время, но и душу, работал, заботился и волновался делами охот не из страха пред гневом царя,

но из великой любви к делу и еще большей к личности царя, с которым он был связан узами родства, товарищества и тесной дружбы, покоившейся на единстве вкусов, на одинаковой любви к одному и тому же делу— охоте. Двоюродный брат царя по матери, Афанасий Иванович, неизменно пользовался расположением царя и платил ему самую горячую любовью и неизменною преданностью во всем, что касалось заветных желаний царя. Долгое время (до 1655 г.) не занимая официального положения при царских охотах, он, тем не менее, на деле всегда был главным лицом в этой области. Через него шли все распоряжения царя относительно охот, через него посылались похвалу и одобрения, равно как и гнев и порицания царя начальным и простым охотникам. Когда государь был в "походах", Матюшкин, оставаясь в Москве, вполне замещал его в отношении кречатни и нес всю ответственность за целостность и здоровье птиц, за строгое и точное исполнение заведенных порядков, за верную службу многочисленного личного состава царских охотников. И он умел оправдать доверие царя. В своих письмах к Матюшкину Алексей Михайлович не раз выражал ему свое удовольствие и благоволение за распорядительность и усердие к беспокойным делам охоты. В одном из этих писем царь ясно выразил, как незаменим и дорог ему Матюшкин в роли верного человека при царской охоте: в 1650 г., посылая из Калязина разные поручения по кречатне Матюшкину вместе с Голохвастовым и Хомяковым, Алексей Михайлович писал: *"Я теперь кладуся на вас во всем, как лутче так и делайте"*. Нелегко было вполне оправдать царское доверие, и Матюшкину при всей его близости к Алексею Михайловичу знакомы были и страх царского гнева, и горечь царского упрека.

В том же письме вслед за вышеприведенными словами стоят следующие строки: *"а будет вашим небрежением Адарь, или Мурат, ли Булат, или Стреляй, или Лихач, или Салтан (соколы) умрут и вы меня и не встречайте"*, т. е., другими словами, готовьтесь к опале. В другой раз, возвращая к Матюшкину сокола, "утекшего" с кречатни, но пойманного близ Рязани каким-то боярским сыном, Алексей Михайлович шлет Матюшкину упрек: *"вы теряете, а мы сыскиваем"*. Вероятно, также за какой-нибудь недосмотр, быть может даже невольный, со стороны Матюшкина на одном из своих писем царь делает такую надпись: *"Письмо"*.

Вообще, переписка Алексея Михайловича с Матюшкиным, дошедшая до нас в числе 25 писем, дает много материала для характеристики как самого царя, так и его помощников в делах соколиной охоты. Когда в письмах Алексей Михайлович делится с Матюшкиным впечатлениями своих охот, перед читателем встает царь-охотник; когда он делает распоряжения относительно птиц и порядков кречатни или других предметов охоты — читатель чувствует присутствие заботливого, разумного и деловитого хозяина, вникающего во все малейшие подробности дела. Царь хочет всегда знать о состоянии здоровья каждого сокола; когда птицы больны, он требует уведомления, чем больны и как их лечат; вообще о состоянии кречатни требует самых точных и подробных сведений: *"отписать бы вам к нам... подлинно про все, статья против статьи, и не оставить ни одной строки, против которой к нам не отписать"*.

Понимая, что в таком деле, как соколиная охота, успех и процветание зависят всего больше от правильных порядков и дисциплины, он приказывал Матюшкину, Голохвастову и Хомякову: *"робят"* (т. е. низший служебный персонал) *держат в руках, чтоб были вежливы... чтоб они также были в совете меж себя и в дружбе и раздору б меж их не было никакого"*. Последнее желание царя весьма важно, потому что при существовании раздора и ссор между начальными или рядовыми охотниками взаимная мстительность, несомненно, выразилась бы в намеренной порче ловчих птиц. Еще сильнее царь опасался подобной вражды между Матюшкиным и Голохвастовым и заклинал их Богом *"быть в совете и в любви, а будет вы Бога и меня не слушаете, и вы да будете прокляты в сей век и в будущий"*. Порядок и согласие низших лиц, служивших при соколиной охоте, придерживались со стороны царя мерами двоякого рода: за нерадение о птицах, за нарушение обычаев и порядков службы виновным угрожали царский гнев и кнут¹², напротив, усердным и старательным улыбались царская милость, похвала и награда. Случалось, конечно, и то и другое; но царь прекрасно понимал, что в таком деле одного страха и угроз мало, и с большим тактом умел заставить всех служащих полюбить дело охоты и работать для него охотно, радостно, любовно. Для этого он иногда велит рассказать сокольникам об успехах того или другого сокола, таким образом намекая им, что он ценит их труды по *"держанью"* и вообще по уходу за птицами, – что им он немало обязан ловчими подвигами своих птиц; шлет им похвалы или приказывает *"спросить об их здоровьи"*, в отдельных случаях требует даже точных сведений о ходе болезни даже рядовых

сокольников. Трогательна эта заботливость царя о маленьких людях: *"встал-ли Карпунька"*, или: *"сокольникам Паршутке, Михейке, Левке, Митрошке, Корчмину, Шатилову, Марке есть-ли легче... и ужли-ль по старому ставятца"*, т. е. ходят в наряд по службе? Без сомнения, это теплое и участливое отношение царя к своим охотникам порождало в них безграничную преданность самому царю и беззаветную любовь к охоте.

Исключительная привязанность Алексея Михайловича к соколиной охоте составляла главную основу его охотничьей деятельности; но рядом с нею в душе царя-охотника сильна была одно время и склонность к зверовой охоте. В первые годы царствования Алексей Михайлович едва не поплатился жизнью за удовольствие поохотиться на медведя. В Звенигородском уезде Московской г. существует Саввин Сторожевский монастырь, основанный св. Саввою еще в 1377 году. Из этой обители в одно из своих посещений Алексей Михайлович отправился раз на охоту в окрестные леса. Случилось, что сопровождавшие его лица разбрелись по лесу и царь, оставшись один, увидел шедшего прямо на него медведя. Убежать и спастись не было никакой возможности, и царь ждал уже неминуемой смерти, как вдруг перед ним явился благолепный старец-инок, и медведь тотчас же ушел. Царь спросил старца об его имени, и старец сказал, что он один из иноков Сторожевского монастыря, именем Савва; и, сказав это, старец скрылся в лесу. В монастыре царь спросил об этом иноке Савве, но в обители не оказалось ни одного инока с таким именем. Но, увидав здесь икону преподобного Саввы, написанную еще при жизни святого (и доныне хранящуюся в монастыре), царь

понял, что его спас от смерти сам преподобный Савва, и в благодарность тогда же положил открыть его мощи. В январе 1652 г. гроб преподобного был открыт патриархом Иосифом, и обретенные нетленные мощи были поставлены у южных дверей соборного монастырского храма Рождества Богородицы, где находятся и ныне. Поэт Л. Мей в чудных стихах изобразил этот момент, которые я и привожу дословно:

ИЗБАВИТЕЛЬ

Как любил государь, православный царь,
Алексей государь – свет Михайлович,
Как любил государь больно жаловал
Ту потеху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да, любил государь позабавиться –
Заоблавить в дуброве сохатого,
Аль расправить плечо неподатное
И медведя поднять на рогатину...
Вот и было к весне, о Грачевнике,
Приезжал государь со боярами
В свою отчину – город Звенигород,
Помолиться святому угоднику;
В келью стал к самому настоятелю...
Будет – так, о полудне, на третий день,
Мужичок и приходит к келейнику:
"Обошел я медведя для батюшки,
Для царя Алексея Михайловича,
Там и там: матерой, да породливый,
Только царской руке и угодливый".
Доложили царю – усмехается,
А с самим собой думушку думает:
Аль пойти в одиночку померяться,

В молодецкой удаче провериться?
И пошел... За плечами рогатина,
А у пояса нож златокованный..
И пошел монастырскою пущею..
Видит – тропка проложена по снегу,
И промерзлые сучья надломлены –
"Быть сюда!" И пошел, не задумавшись,
По тропе снеговой, меж березами.
Что ни шаг, то нога оступается, –
В снег уходит по берцу, а охобень
Заметает сугробы, а инеем
Вся бобровая шапка осыпана..
Засветилась полянка... Под соснами
Куча хвоста снегом надавлена,
Белый пар так и валит в отдушины;
Тут берлога... И царь сноровляется
У рогатины жало осматривал,
Поясок свой шелковый подтягивал,
С плеч спускал соболиный свой охобень,
И задумал загадку мудреную:
Быть – не быть, а свалить косолапого..
Вот поднял он корягу из-под снега,
И ударил корягой по хвосту.
И медведь заревел, – так что дерево
Над берлогой его закачалось, –
Показал он башку желтоглазую,
Вылез он из берлоги с оглядкою,
Дыбом стал и полез на охотника,
А полез – угодил на рогатину.
Под косматой лопаткою хрустнуло,
Черно-бурая шерсть побагровела..
Обозлился медведь и рогатину
Перешиб пополам, словно жердочку,
И подмял под себя он охотника,

И налег на него всею тушею.
Не сробел государь – руку к поясу –
Хвать! ан нож-то его златокованный
И сорвался с цепочки серебряной.
Воздохнул государь – и в последнее
Осенил он себя крестным знаменьем...
Вдруг скользнула с плеча его царского
Стопудовая лапа медвежая;
Разогнулись когти и замерли,
И медведь захрипел, как удушенный,
И свалился он на бок колодою.
Глянул царь – видит старца маститого,
Ряса инок; взгляд благовестника;
В шуйце крест золотой, а десницею
Опустил он топор окровавленный..
Поднялся государь – нету инок –
Как во сне приходил – и никем никого
На полянке и между деревьями,
Только зверь околелый валяется,
И башка у него вся раскрыта. –
Постоял государь, поглядел кругом
И пошел в монастырь, призадумавшись..
А пришел, все сказал настоятелю
И велел привести честных иноков
Перед очи свои государевы:
Все пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крепче того призадумался;
"Помощь свыше, десница Господняя!.." –
Молвил он и пошел в церковь Божию.
Там на царское место, у клироса,
Становился и начал молиться
Перед образом светлым угодника;
Да как глянул на лик преподобного –

Так и пал на чело свое царское:
Понял – кто был его избавителем.
На другой день, за ранней обеднею,
Отслужил он молебен угоднику
И вернулся к Москве белокаменной.
А вернувшись к Москве белокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходил государь – не откладывая –
В терема к государыне ласковой,
Что своей ли Наталье Кириловне,
Слезно с ней обнимался-здоровался,
И сажал государь, ухмыляючись,
На колени меньшого царевича,
Государя Петра Алексеича;
Целовал-миловал, приговаривал
"Ох ты, дитяtko, сердце строптивое,
Спозаранок в тебе, мое дитяtko,
Расходилася кровь богатырская –
На румяных щеках заалелася,
В соколиных очах загорелася..
Подрастешь ты, случится безвременье –
Разобидят завистники недруги,
Аль наступят на Русь на кормилицу,
И пойдешь ты войною на врагов –
Не надейся на силу могучую,
А надейся на милость Господнюю,
Да припомни ты слово отцовское:
Охраняют святые угодники,
И Господь благодатью пожаловал
Дом честной Пресвятой Богородицы,
Вседержавную Русь православную".

После этого в продолжение всей своей жизни,
движимый чувством признательности к преподобному

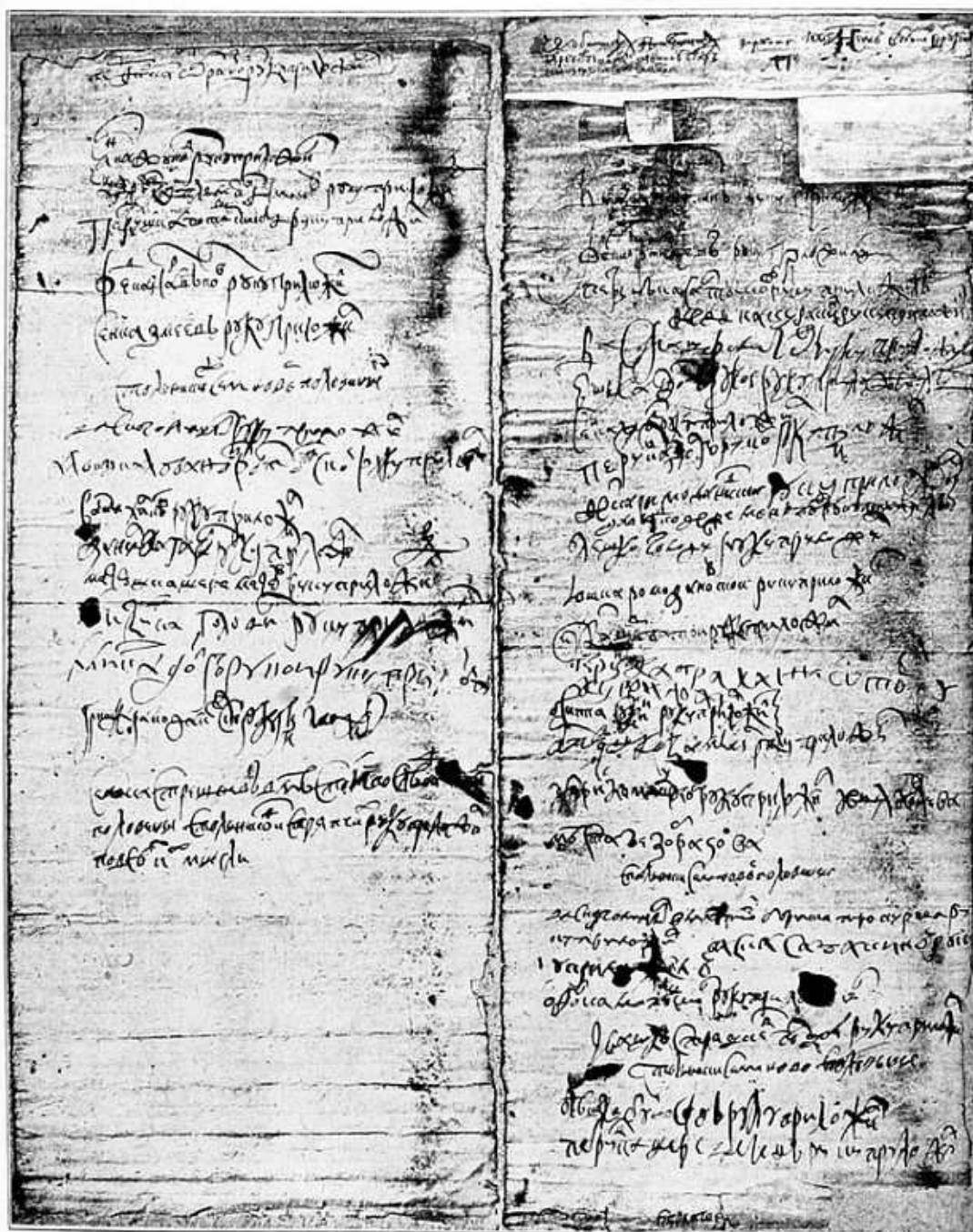
Савве, Алексей Михайлович не переставал благотворить этой обители, богато украшал ее, делал крупные вклады, построил при ней дворец для себя, другие здания и ограду с башнями. Часто посещал эту обитель и подолгу живал в ней, посещая в дни памяти преподобного решительно все богослужения; сам заведовал делами и денежными счетами обители, входил во все подробности ее хозяйства, знал поименно всех ее иноков – словом, был как бы настоятелем этой царской обители своей.

Чудесное спасение от неминуемой смерти произвело на царя, как видно, глубокое впечатление, и воспоминание об этом случае всю жизнь не покидало его. Ужасные минуты, пережитые при этой встрече с глазу на глаз с разъяренным медведем, не прошли бесследно и для охотничьих склонностей царя, но несколько поохладили его молодое увлечение рискованными охотами на медведей. По крайней мере, после 1650–1651 года, к которому относится этот случай, царские охоты на медведей становятся весьма редкими, тогда как до этого времени, в течение 1645–1650 гг., Алексей Михайлович весьма часто ходил на волков, на лисьи "осоки" и очень любил охоту на обложенных медведей. На эти охоты, веселые и шумные, царя обыкновенно сопровождали его полчане и стольники, все молодежь, такая же живая и подвижная, как и сам Алексей Михайлович; но иногда, желая устроить медвежью охоту на славу, царь звал с собою на охоту и старшую дружину – бояр. В 1646 году, когда Алексею Михайловичу было только 17 лет, собрался он осекать медведя в одной из подмосковных дач, в селе Озерецком, и на этого медведя звал с собою поохотиться и бояр, причем приглашение было сделано им в форме "челобитья" молодого царя к знатым

боярам: Борису   Ивановичу   Морозову,   Никите
Ивановичу   Романову;   князьям   Черкасскому,   Львову,
Трубецкому,   Куракину,   Темкину,
Литвинову-Масальскому;   окольничим
Далматову-Карпову и Собакину и стряпчему Ртищеву.

„Потынная“ Царя Алексея Михайловича близкими боярами
платье съ ними на медовью охоту въ 1646 году.

Рукопись списка ближних бояръ, приглашенных ѣхать на медовую охоту,
на оборотной стороне "Потышной" Царя, въ 1646 году.

Приглашая их на охоту от своего и своих полчан имени и указывая порядок предстоящей охоты, царь пишет в своем челобитье: *"пожалуйте поступитесь, о чем я у вас с своими полчаны прошу, а я всем вам поступался, кто о чем бил челом"*, и далее каждому приглашаемому боярину в отдельности напоминает о тех их челобитьях, какие он охотно исполнял для них; в конце "челобитья" младшая дружина царя – *"стольники, и стряпчие и дворяне руки приложили: либо так быть, как ваш государь и наш изволил"*, и убедительно добавляли: *"всегда мирских речей слушают"*¹³. Нельзя сомневаться, что эта охота была одна из самых оживленных и интересных, так как среди приглашенных бояр были настоящие любители ее и мастера своего дела, в особенности боярин Морозов и князь Черкасский.

Весьма характерно, что увлечение Алексея Михайловича зверовыми охотами относится к его юным годам. В этом увлечении отразились не сложившиеся охотничьи вкусы царя, но избыток молодых сил и свойственная молодости жажда сильных ощущений. Действительные охотничьи вкусы царя сложились позже, в возрасте около 25 лет, когда он уже бесповоротно весь отдается соколиной охоте и знает и ценит только ее одну. Правда, и позднее встречаются изредка известия о зверовых охотах царя, но число их в сравнении с соколиными столь ничтожно, что и в счет нейдет, а самые известия о них так глухи и малозначительны, что не дают повода считать эти охоты сколько-нибудь похожими на Озерецкую. В течение последних 25 лет своего царствования Алексей Михайлович почти исключительно тешился охотой с ловчими птицами; но пора наибольшего увлечения, пора наиболее частых ради нее поездок относится к

десятилетию между 1657–1667 гг.¹⁴.

За 1657 год имеются подробные указания об охотах Алексея Михайловича в сохранившемся отрывке его охотничьего дневника. Еще в 1650 году царь приказал Матюшкину *"записывать в который день и которого числа дождь будет"*, и это приказание послужило основанием к составлению особых "дневальных записок", из которых до нас дошла только часть, относящаяся к 1657 году. Время от времени, иногда по несколько дней сряду, записки обозначают, когда ходил государь тешиться на поле и в каких именно полях тешился. С весны до осени этого года государь тешился соколами, по среднему расчету, через день: в апреле месяце в дневнике отмечено 11 дней, когда он ходил в поле, в мае – 16, в июне – 20, в июле – 18 и в августе – 9. В некоторые дни, когда погода была особенно хороша для охоты, Алексей Михайлович ходил в поле по два раза в день. Охота с соколами производилась в разные часы дня: иногда государь шел в поле с раннего утра, едва только рассветало, иногда *"после раннего кушанья"*, т. е. после завтрака, но гораздо чаще *"до и после столового кушанья"*, т. е. после полудня; с охоты возвращался по большей части к вечеру, а иногда уже с наступлением ночи¹⁵.

Без сомнения, и в другие годы этого десятилетия царь охотился столь же часто, как и в 1657 году, хотя и не сохранилось дневальных за эти годы записок. Вообще, в этот период для царя было большой досадой, если в течение нескольких дней ему не удавалось позабавиться охотой с соколами. В июле 1660 года он в письме к Матюшкину, между прочим, жаловался на подобный случай: *"Не ходил на поле тешится Июня с 25 числа Июля по 5 число, и птичий промысел поизмешался"*. В годы, следовавшие за этим

десятилетием, вплоть до самой своей смерти Алексей Михайлович не переставал любить соколиную охоту, но пошатнувшееся здоровье не всегда позволяло ему отдаваться любимой забаве с беззаветностью прежних лет. В последние десять лет царствования Алексея Михайловича случались перерывы в его охотах на полгода, на девять месяцев и на целый год, когда он не покидал Москвы для соколиных охот. Его последняя известная по документам поездка на соколиную охоту в окрестностях сел Семеновского и Измайловского была 16 августа 1675 г. В январе следующего 1676 г. Алексей Михайлович тихо скончался.

После его смерти соколиная охота постепенно приходит в упадок и отходит в область преданий былых невозвратных времен¹⁶.

В таком виде представляется охотничья деятельность двух первых царей из дома Романовых. Благодаря их заботам и трудам охотничье дело, совершенно забытое в эпоху смут, вновь возродилось, и в веселых окрестностях Москвы по-прежнему закипела шумная охотничья жизнь. Большая часть этих охот происходила вблизи Москвы, в окрестностях сел, со всех сторон опоясывавших Первопрестольную. Наиболее любимыми местами царских охот в эту эпоху служили следующие села:

С. *Коломенское*, расположенное по реке Москве в 6 верстах от Серпуховской заставы и исстари принадлежавшее к вотчинным землям московских князей. Эта местность представляла собою одну из самых красивых московских окрестностей, а для соколиной охоты – одну из самых удобных благодаря обилию в ней заливных лугов. Во время половодья на этих лугах появлялось великое множество дичи, и

раннею весною соколиные охоты устраивались здесь особенно часто.

С. *Измайловское* в охотничьем отношении представляло меньше удобств (хотя и здесь соколиные охоты бывали нередко), но зато славилось как прекрасно устроенный царский хозяйственный хутор, который показывали иноземцам как достопримечательность. Начало Измайловского царского хозяйства относится к 1663 году, когда Алексей Михайлович стал переселять сюда крестьян из других дворцовых вотчин. С того времени заведена здесь пашня в огромных размерах, садоводство, пчеловодство и другие хозяйственные статьи, в том числе даже шелководство. В устройстве хуторского хозяйства, как увидим ниже, принимали участие и чины Сокольничья пути.

С. *Семеновское*, которое было расположено в местности нынешней Лефортовской улицы в Москве. Близ этого села на озерах и болотах прикармливались дикие утята, для чего при Алексее Михайловиче отпускался казенный овес.

С. *Покровское*, иначе называвшееся (при Михаиле Феодоровиче) Рубцовым, часто служило местом соколиных охот Михаила Феодоровича. Здесь был знаменитый сад, устроенный еще в 1635 году и заботливо поддерживаемый в царствование Михаила Феодоровича, так как царское семейство обыкновенно проводило здесь лето.

С. *Хорошево*, в семи верстах от Пресненской заставы, по Звенигородской дороге, оправдывало свое название красивым местоположением, так что в народе ходила даже поговорка: "Хорошо Хорошёво, да не наше, а царёво". Оно исстари принадлежало роду бояр

Романовых, а при Михаиле Феодоровиче перешло в состав дворцовых вотчин. Во время охотничьих отъездов цари часто останавливались в существовавшем здесь деревянном дворце и нередко выезжали сюда на летнее временное пребывание.

По соседству с Хорошевым была расположена *Кунцевская местность*. Кунцево в начале XVII в. представляло из себя небольшую деревушку на левом берегу речки Хвилки и принадлежало селу Хвилям, которое было родовой вотчиною князей Мстиславских; в середине XVII века оно перешло в дворцовое ведомство, а после женитьбы Алексея Михайловича на Милославской оно было пожаловано царскому тестю, боярину Илье Даниловичу Милославскому.

Кунцевская местность изобиловала болотами и густыми старыми лесами, где много водилось всякого лесного зверя: волков, медведей, лисиц и зайцев. Эта местность была заповедною стороною и строго охранялась собственно для царских охот, звериной и птичьей. Для Алексея Михайловича она была особенно любезна тем, что чрез нее лежала дорога в три дорогие для него пункта: в Саввин Сторожевский монастырь, к тестю Милославскому и к дядьке Морозову, не говоря уже о том, что Хвильские и Хорошевские болота, расположенные в этой местности, сами по себе представляли много заманчивого для соколиного охотника. Ему часто приходилось здесь "пробовать" своих соколов, и он великолепно знал эту местность, очень заботился о болотах и строго приказывал беречь на них всяких птиц и посторонним сюда отнюдь не ездить и не травить соколами, особенно когда нужно было "править", т. е. учить царских соколов. В Кунцевских лесах Алексею Михайловичу случалось не раз охотиться на зверей: бывали здесь горячие лисьи

осоки, осекали медведей и однажды даже объехали волка, что почиталось большим охотничьим искусством. Словом, это было одно из любимых мест Алексея Михайловича, и он часто перебрасывал свои потехи из Коломенского прямо в Хорошево и Кунцевскую местность.

Из других охотничьих местностей следует отметить село *Преображенское* близ Москвы, на левом берегу реки Яузы; *Сокольники*, или Сокольничье поле, где жили сокольники и вынашивались царские соколы; *Росткино*, в 4 верстах от Москвы, по дороге к Троицкой лавре; *Остров*, дворцовое село в 20 верстах от Москвы; *Тарасовку* на Клязьме, в 24 верстах; *Пустынь*, дворцовое село в Домодедовской волости; *Тонинское*, по Дмитровской дороге, в 33 верстах; *Рогочево*, близ Троицкой лавры, в 60 верстах от Москвы, и другие менее значительные местности¹⁷.

Охота в местностях, более отдаленных от Москвы, производилась царями по большей части во время их походов на богомолье в чтимые монастыри: Троицкую лавру, Саввин Сторожевский монастырь, или во время их поездок "для своего государева и земского дела" в разные города, напр. в Смоленск, Можайск, Боровск и т. п.¹⁸.

Отправляясь из Москвы "в поход" в дальние или ближние монастыри или в подмосковные села для охот и летнего пребывания, государи, по заведенному порядку, поручали оберегать Москву двум боярам, одному или двум окольничим и двум думным дьякам, и эти лица в отсутствие царя ведали все текущие дела правления¹⁹. Самый выезд царей из Москвы совершался с большою торжественностью. Вперед

обыкновенно отправлялся кто-нибудь из окольных "пути строить и для дворовые заимки станов". Царя сопровождали бояре, окольные, думные и ближние люди, стряпчие, дворяне, жильцы, все по особой росписи, и значительный конвой из воинских чинов. Насколько была величественна общая картина царского выезда, можно судить по следующему описанию. В апреле 1651 г. Алексей Михайлович делал выезд в село Покровское. Наперед был отправлен в Покровское с постельным возком постельничий и с ним стряпчий с ключом Григорий Ртищев, которых сопровождали жильцы в количестве 300 человек, в цветном платье, ехавшие на аргамаках и жеребцах, убранных ратною сбруей; жильцы были выстроены в колонну по три в ряд. За ними ехал стрелецкий голова Михайло Зыбин с сотниками Стрелецкого приказа и стрельцами на конях; 300 стрельцов, также в цветном платье и с карабинами, ехали по пяти человек в ряд. За стрельцами ехало 500 рейтаров, построенные рейтарским строем, имея во главе полковников и иных начальных людей. За ними 12 человек стрелков с длинными пищалями. Далее следовал дьяк Конюшенного приказа Дмитрий Булгаков, а за ним конюхи вели государева седла простых жеребцов, аргамаков, коней и иноходцев, всего 40 лошадей в великолепных седлах и полном "большом" наряде; за верховыми лошадьми следовали две перемены возников, т. е. упряжных лошадей, в бархатных и цветных суконных расшитых чехлах: 6 возников были темно-серые, другие шесть буланые. Далее ехал сам царь в аглицкой карете, запряженной шестериком темно-карих возников, с крашеным немецким перьем в начёлках; кучера были одеты в червчатые бархатные кафтаны и собольи шапки с немецкими перьями.

С государем в карете ехали: против государя боярин Морозов, по правую сторону у дверцы князь Трубецкой, по левую князь Одоевский. Впереди кареты ехал боярин Стрешнев, подле кареты справа – окольничий князь Хворостинин. За каретой следовал рында стольник князь Григорий княж Сунчалеев сын Черкасской с 12 жильцами в цветном платье, далее – ясельничий, за которым 8 пеших конюхов вели двух лошадей государева седла в большом конском наряде и под нарядными большими седлами, а в руках те же конюхи несли нарядные седельные покровцы. По обе стороны дороги шли 300 пеших стрельцов в цветных зипунах, при шпагах и кованых батогах. Вблизи самой кареты шли стрелецкие головы и сотники, одетые в шитых золотом бархатных ферязях и чюгах, с саблями и оправными топорами. В хвосте этого кортежа ехали стольники, стряпчие, дворяне и всяких чинов люди, по 3 в ряд, в цветном, расшитом золотом платье, на аргамаках и других пород хороших конях в великолепной сбруе. Шествие замыкал стряпчий с государевым запасным возком, имея позади себя простых стряпчих в цветном платье, по 3 в ряд, на конях²⁰. В тех случаях, когда государь совершал выезд со всей своей семьей, сопровождавший их кортеж был еще значительнее, причем в нем участвовало немало особ женского пола, состоявших при царице и царевнах. Во время похода в с. Преображенское в октябре 1674 г. Алексея Михайловича сопровождали царица, царевичи и царевны. Царь ехал в карете с царевичем Феодором Алексеевичем; далее в своей карете ехал царевич Иван Алексеевич с дядькой и стольниками; за ним ехала государыня в колымаге, запряженной 12 цветными возниками, имея с собою царевича Петра Алексеевича и меньших царевен, с

которыми ехали мамки и боярские жены; в следующей колымаге, также запряженной 12 цветными возниками, сидели большие царевны и при них боярыни дворовые; позади в особых колымагах следовали верховые боярыни, казначеи, карлицы и постельницы²¹. Во время этих походов особые лица везли за государем его гардероб, столовые принадлежности, шатры, палатки. На пути при "слазках", т. е. кратких остановках, государь иногда переодевался, конечно не столько ради необходимости, сколько ради "чина", заведенного порядка. Обычное ездовое платье государя во время таких выездов отличалось блеском и роскошью: для летних поездок белый атласный зипун с обнизью из драгоценных камней; червчатая бархатная чюга с канительной нашивкой и жемчугом; шитый золотом по лазоревому фону кушак; ездовая ферязь из малиновой зуфи, с жемчужным украшением; горлатная шапка с колпаком и посох; зимою теплый ездовой соболий кафтан, суконная ферязь на собоьем меху и зипун из белой тафты; шапка бархатная ярких цветов²².

Во время поездок на охоты или дачной жизни государь приказывал иногда раскинуть шатры. Палатками и шатрами заведовал особый шатерничий, сопровождавший царя в поездках со всем шатерным скарбом. Царские шатры отличались большою роскошью, которая поражала даже издавших виды иностранцев. Англичанин Коллинс, проживший 9 лет при дворе Алексея Михайловича в качестве врача, рассказывает, что у царя были 3 великолепные палатки: для себя, царицы и детей. Государева палатка была сделана из золотой парчи и украшена соболями, царицына из серебряной и украшена горностаями, палатка князей была несколько проще и скромнее. Царские палатки располагались кругом, в центре

которого помещалась палатка для походной церкви. "Вид на них так величествен, – говорит Коллинс, – что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления, потому что царь не хочет, чтобы простой народ видел, как он забавляется"²³. Кроме этих виденных Коллинсом царских шатров, у Алексея Михайловича много было и других, не менее роскошных палаток, и в том числе одна подаренная ему бухарским царем, а другая поднесенная турецким послом²⁴.

Обыкновенные поездки царей на действительную охоту совершались с большей простотой и без ненужной толпы. Государя сопровождали только люди, необходимые при псовой и соколиной охоте. В тех случаях, когда охота устраивалась для развлечения царской семьи, поездки опять были пышные, многолюдные и шумные. На охоту ехали в каретах и с большими церемониями; в толпе сопровождавших царскую семью бояр, окольничих, думных дворян, ближних людей, стольников и иных чинов действительные охотники стусевывались; в поездке, ради "чина" конечно, участвовали мамы, боярыни, казначеи, кормилицы и другие женщины, служившие при царице и царевнах²⁵. При столь многолюдном и не совсем подходящем для охот составе участников эти охоты едва ли были особенно удачны, но шуму, забав и потехи бывало немало, что, конечно, главным образом и имелось в виду при устройстве подобных поездок.

Глава II

Царские охоты и потехи

Условия охоты, как царской, так и народной, в XVII в. были менее благоприятны, чем в века, ему предшествовавшие. Благодаря заселению девственных пространств, истреблению лесов, постоянным охотам количество зверей постепенно уменьшалось, и Россия XVII в. не могла уже похвалиться тем разнообразием пород зверей и дичи, каким славилась Древняя Русь. Некоторые породы зверей совсем перевелись и исчезли, другие перекочевали на восток, в сибирские страны, менее людные и для них более спокойные. К этому времени соболь окончательно покинул Россию и удалился за Уральский хребет, уходя все глубже и глубже на северо-восток Сибири, вплоть до самого Охотского моря. Вслед за соболем отодвигаются к востоку пугливые бобры; бобровые гоны еще существовали по местам, но их к XVII в. уцелело очень немного, и они были поставлены под особое покровительство законов: во-первых, строго запрещалась хищническая охота на бобров при помощи капканов, причем капканы конфисковались, а ослушники и кузнецы, починявшие старые капканы или делавшие новые, наказывались "доправкой" (штрафом) и были биты кнутом; при троекратном нарушении закона их били кнутом нещадно и сажали в тюрьму, донося о них самому царю²⁶; во-вторых, запрещалось кому бы то ни было отгонять бобров от мест, где объявятся бобровые гоны, и в таких случаях владелец земли, на которой объявились они, мог искать судом с виновных денежного удовлетворения за

отпуганных, похищенных или побитых бобров "по указной цене"; но если бы бобры сами перешли на землю другого владельца, то он считался их собственником, а прежнему владельцу "до того нового бобрового гнезда дела нет"²⁷. Один иностранец, писавший о современной ему русской торговле 1647 г., утверждал даже, что "в России бобров нет" и что "туда их привозят Голландцы и Гамбуржцы"²⁸. Хотя это сообщение совершенно неверно, но оно отчасти объясняется значительным оскудением бобров в центральной полосе России. В XVII в. бобровые гоны лишь изредка встречались в северо-западных, белорусских областях, в большом количестве имелись на восточной границе, но в срединной полосе совсем не попадались, и одна только Сибирь была еще очень богата бобрами всяких сортов.

Оскудение зверей и дичи в России XVII в. было, однако, относительное только в сравнении с неисчерпаемым богатством и разнообразием зверей в Древней Руси. Вне этого сравнения она все же была богата всяким зверем и с этой стороны удивляла иностранцев, посещавших Россию в период царствования Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. Многие иностранные писатели говорят о богатстве зверей и птиц в России за этот период²⁹. "Вся Россия, как и Ливония, – пишет Олеарий, – повсеместно, за исключением пространств, выжженных под хлебные поля, покрыта кустарниками и лесами; оттого-то там бездна всякой лесной дичи, птиц и зверей. Пернатая дичь, водящаяся там в громадном числе, не считается за редкость и не ценится так высоко, как у нас: тетеревов, разных рябчиков, куропаток, диких гусей и уток, журавлей, лебедей тоже бездна, мелких же птиц, как дроздов, жаворонков и пр.,

хоть их и множество, считают не стоящими того, чтобы их ловить и употреблять в пищу... Леса богаты всякого рода дикими зверями, за исключением оленей, которых там или вовсе нет, или, как уверяют некоторые, встречаются очень редко. Зайцы в некоторых местах, а в Ливонии везде, летом серые, а зимою белые, как снег. Замечательно, что в Куронии, граничащей с Ливонией и отделяющейся от нее только рекою Двиною, зайцы и зимою остаются серые. Поэтому, если поймают после замерзания Двины в Ливонии такого зайца, его называют куронским перебежчиком.. Кроме этих... в России водится множество хищных зверей: медведей, волков, рысей, тигров (речь идет, вероятно, о тигровой рыси), лисиц, соболей (?) и куниц, мехами которых русские ведут значительную торговлю". Каждая местность имела своих зверей сообразно с климатическими и другими естественными условиями, но, как общее правило, фауна была и многочисленнее, и разнообразнее там, где местность была реже заселена людьми. Поэтому страны, лежавшие на севере и северо-востоке России, – области Двинская, Югорская и Пермская – особенно изобиловали дикими зверями и животными. Здесь большими стадами водились северные олени, которых Олеарий описывает следующим образом: "Северные олени величиною и видом походят на обыкновенного оленя, но цветом белые и сероватые, имеют широкие, как у коровы, копыта, делаются легко ручными, как домашний скот, и употребляются вместо лошадей, для чего их впрягают в небольшие легкие сани, похожие видом на полулодку или половину бота, и в этих санях они чрезвычайно быстро могут пробегать довольно далекие расстояния"³⁰. Восточная и юго-восточная полоса России, начиная от южной границы Пермской области

и кончая Казанью и Астраханью, изобиловала самую разнообразною дичью, а из зверей – дикими кабанами. Здесь целыми тучами носились дикие гуси, красные утки, встречались пеликаны, бакланы и колпицы (*Platalea leucordia*), попадался зобовый гусь, называвшийся "бабою" и, как редкость, весьма интересовавший собою иностранцев³¹. Олеарий так описывает внешний вид "бабы": "Зобовый гусь во многом похож на обыкновенного гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и пером, но величиною превосходит лебедя, имеет длинный в 3/4 локтя и широкий в 2 пальца красивый клюв с загнутым крючком наперед. На нижней половине клюва и у горла висит большой, из тонкой съезжившейся кожи, мешок, который так широко растягивается, что в него можно упрятать обутую в сапог ногу или влить 5 штофов воды. В мешок эта птица собирает себе рыбу; горло у птицы широкое. В некоторых местах птицу эту приручают и употребляют для ловли рыбы; но в таком случае вокруг шеи птицы завязывают особый узел, чтобы пойманную рыбу она не в состоянии была проглотить, но так бы и принесла ее в мешке к хозяину. Персы мешок этот употребляют на бубны и им же обтягивают особый род гудков; растянутый мешок этот так же прозрачен, как бычий пузырь". Благодаря обилию дичи в юго-восточной полосе местное татарское население вело постоянную охоту с соколами и орлами; под Астраханью у каждого татарского аула легко было встретить либо сокола, либо орла³².

Другие местности, на западной и южной окраинах России, конечно, не были совсем свободны от зверей, но, вероятно, особенным богатством в этом отношении не отличались; по крайней мере, прямых указаний на это за рассматриваемый период не имеется. На

северо-западе была местность, по богатству и разнообразию фауны весьма замечательная, именно в Смоленской области, в пределах Каспленских и Еленских лесов, расположенных в нынешних границах Смоленского и Поречского уездов: отсюда привозили ко двору Алексея Михайловича лосей, бобров, рысей, куниц и диких кабанов. В 1666 г. местный стрелецкий голова Даниил Чернцов по царскому приказу должен был, "выбрав звериною промыслу охотников лутчих людей, сколько человек пригоже, послать Смоленского уезду в леса, в которые пристойно, и убить дву лосей, а убив, вычистя и набив в нутры и щеки снегу, и бобры, и рыси, и куницы, и мед, что собрал он с стряпчим, прислать к Москве тотчас, без всякого мотчанья". Исполнительный голова тотчас снарядил на охоту двух рейтар и 13 стрельцов, и они убили восемь лосей и двух вепрей; двух вепрей и двух лосей, опалив, вычистив и набив снегом, голова отправил в Москву, а остальных шесть лосей, за неимением ямских подвод, предусмотрительно посолил в кадках и спрашивал царского приказа, какое из этого мяса сделать употребление, а равно просил распоряжения относительно лосиных шкур и доставки мёда; на этой отписке была сделана помета, что лосиные шкуры и мёд должно прислать к Москве "по просухе", а лосиное мясо раздать в Смоленске стрельцам и солдатам³³.

Проведя от этого обильного дичью охотничьего уголка линию по течению Зап. Двины и другую, по старой Смоленской дороге, к Москве, мы получим местность, также весьма богатую в XVII в. зверями. Это было пространство, тогда почти сплошь закрытое хвойным, перемежку с лиственным, лесом, и по направлению к устью Зап. Двины встречалось множество лосей и медведей, а по направлению к

Москве водились в громадном количестве лисицы, зайцы, волки и медведи, и путь к Москве благодаря им был далеко не безопасен³⁴.

Центральные области России с Москвою в середине, как наиболее заселенные, не были удобны для некоторых пород зверей и животных, по натуре диких и пугливых; встречались, правда, здесь лоси, хотя в ограниченном количестве, но зато здесь было богатство лисиц, волков и медведей, которые тяготеют к людским поселениям и хищнически кормятся на счет людской оплошности и неосторожности. Так же как и теперь еще в глухих деревнях, в XVII в. "волки" – по сообщению Олеария – "зимою безбоязненно бегали по дворам и, если скотина была заперта, подкапывались под заборы и таскали овец, часто таскали и собак со двора, и в некоторых местах дороги ночью были от них весьма опасны"³⁵. Олеарий записал несколько слышанных им рассказов относительно проделок волков и медведей, но он сам сознается, что они могут показаться неправдоподобными. Так, например, ему рассказывали, как однажды медведь схватил близ Риги женщину и продержал ее у себя в берлоге четырнадцать дней, пока ее случайно не спасли охотники. Или еще ему рассказывали, будто медведи выкапывают человеческие трупы, неглубоко зарытые в могилах, и пожирают их³⁶.

Таковы были естественные условия охоты в России XVII в. Охотничьих зверей и пернатой дичи было еще очень много, но в промысловых зверях, дорогих пушных, уже чувствовался в самой России большой недостаток. В XVII в. промысловая охота в недрах России пришла в упадок, царские "ловчие пути" потеряли свое значение, и центром промысловой охоты и главным источником, откуда шли дорогие меха в

царскую меховую казну, становится с этого времени Сибирь³⁷.

Инородческие племена, населявшие Сибирь и смежные с нею северо-восточные области России, были обложены в XVII в. особою данью, которая называлась ясаком и заключалась в ежегодной доставке в царскую казну мехов пушных зверей в определенном количестве.

Ясачные народцы поставляли в царскую казну соболей разного достоинства, куниц больших и малых, выдр больших и малых, бобров карих, черно-карих и рыжих, кошлоков (молодых камчатских бобров) черных, черно-бурых, карих и рыжих, ярцев (годовалых бобров), лисиц черных, чернобурых, красных, синедушчатых, черногривых и черночеревых, горностаев, росомах, белок, песцов черных и голубых, волков обыкновенных и черношерстных и, наконец, рыбий (моржовый) зуб³⁸. Кроме сибирских инородцев, ясаком обложены были также инородцы (преимущественно татары) Казанского и Астраханского царств и понизовых городов.

Сбором ясака и всеми делами, касавшимися его, ведали приказы Сибирский и Казанского дворца. Для оценки и приема ясака при приказе состояла особая комиссия в составе "головы" (т. е. председателя) и нескольких "товарищей" (т. е. членов), называвшихся "целовальниками и сторожами". Все эти лица избирались ежегодно торговыми людьми из своей среды и приносили присягу – "за верою и крестным целованием", что они не будут красть царской казны, менять свои худые меха на хорошие из царской казны, а оценку ясачных мехов будут производить по совести, без корысти и лицепрития, ставя цену всяким зверям

по прямой московской цене, немногим дешевле рыночной³⁹. Ясачные меха доставлялись в приказы самими данниками только в редких, исключительных случаях⁴⁰; обыкновенно же сбор ясака производился на месте воеводами ясачных местностей при помощи состоявших при них целовальников и служилых людей, и затем транспорт ясака отправлялся в Москву с теми же служилыми людьми. Вследствие отдаленности ясачных местностей от Москвы такой порядок сбора неминуемо вел к злоупотреблениям. В некоторых местах воеводы и их чиновники притесняли инородцев, брали с них ясак "своим насильством не по правде", требовали лишних подвод под ясак, вымогали "посулы и поминки великие". Иногда притесняемые инородцы искали правды и защиты на Москве и находили их там⁴¹; в других случаях, будучи не в состоянии платить ясак и накопившиеся недоимки, предпочитали бросать свои места и убегали в соседние округа, но таких беглецов приказывалось силою водворять на прежних местах жительства и доправлять на них недоимку, по возможности сполна за все недоимочные годы⁴². Инородцам приходилось терпеть притеснения не от одних только властей; их обижали также разные "сторонние люди" и в особенности торговые люди — мехопромышленники. В первой четверти XVII в. чюсовские вогуличи просили защиты у царя Михаила Феодоровича против Максима Строгонова, который послал в их вотчины своих людей, татар и русских, тайком ловить соболей, куниц, бобров и всякого зверя, отчего вогуличам стало трудно выплачивать исправно свой ясак. По их челобитной приказано было отправить в их вотчины "стрельцов и казаков, сколько человек пригоже", и "тех чюсовских вогулич от Строгоновых и сторонних людей от обид и насильства беречи", а

ослушников приводить на Верхотурье и "чинить им по сыску наказанье, смотря по вине, чтоб от того насильства чюсовские вогуличи розно не розбрелися, и нам бы ясачный сбор в том не залег"⁴³. В половине XVII в. предписывалось якутскому воеводе принять все меры к защите якутов от своеволия и притеснений мехопромышленников. Последние с самого перевозимья и до весны своевольно ловили на землях якутов соболей самыми хищническими способами: кулемниками (т. е. западнями) и капканами, считая уже невыгодным охотиться на соболей "обметом" и с собаками⁴⁴. Против таких хищников необходимы были строгие и энергические меры, потому что соболи, напуганные истребительными способами их ловли, уходили на восточные окраины Сибири, к Охотскому морю, где туземцы еще не знали таких способов ловли и по старине охотились за соболем с одним только луком в руках⁴⁵; в других же местах Сибири, не столь от Москвы отдаленных, "звериный лов (благодаря этому) помешался", соболи ловились только средние и плохие, оттого цены на соболя мех поднялись, и к концу XVII в. сказался некоторый недостаток мехов даже в самой Сибири⁴⁶.

Ввиду огромной важности ясака для государственной казны Михаил Феодорович и Алексей Михайлович охотно защищали от обид и притеснений инородцев, уже плативших ясак, и всеми мерами стремились расширить район ясачных областей, привлекая к ясаку другие племена лаской и подарками, а если это не помогало, то оружием. Приведем на этот счет крайне характерный факт. В 1639 году енисейский воевода Веревкин по царскому приказу отправил из енисейского острога пятидесятника Родюкова со служилыми людьми вверх по Тунгуске реке, под

Ленский волок, оттуда по волоку на Лену, а по ней на Чичюй и Олёкму реку и "в новые иные захребтовые землицы для государева царева... ясачного сбору". Родюков посылался на смену другому пятидесятнику, Шаламу; у последнего он должен был принять острожек, ключи от острожка, порох, свинец, суда с судовыми снастями и разными материалами и запасами, именные списки ясачников и толмача. Затем он должен был пригласить к себе "тунгусских князцев и всяких улусных людей" и сказать, чтобы они были "на Государеву милость надежны" и под его "высокою рукою послушны", чтобы платили ясак, за что государь жалует их жалованьем и приказывает своим служилым людям оберегать их землю "от иных землиц". После этого должно было накормить и напоить гостей "государевыми запасами довольно" и тогда уже принять ясак, как от старых ясачных людей, так и от новых, впервые приносящих мягкую рухлядь. При этом ясак указы валось брать осмотрительно, "как мочно, чтобы им было не в тягость и тем бы их наперво не ожесточить и от государя царя высокие руки не отогнать, а в государеве б казне в ясачном сборе учинити прибыль". В виде ясака надлежало принимать только добрых соболей, "а худых соболей и вешных и недособолей в государев ясак не имати". Если же местные князьки ясака платить не захотят, "Семейке (Родюкову) с товарыщи, прося у Бога милости, поиск над ними чинити и промышляти и битца с ними, сколько Милосердый Бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царскою высокою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве неотступны". Под страхом "великой опалы и жестокого наказанья" Родюкову приказывалось употребить все старания на это дело. С ним отправлен был для

принятия рухляди особый целовальник и в качестве писаря один служилый человек. Экспедиция Родюкова была снабжена запасом пороха и свинца, по полупуду того и другого, "пудом меди зеленой в котлах и тазех, пудом олова в блюдах и торелех" – для обмена на меха и различными письменными принадлежностями, между прочим, 2 дестями бумаги⁴⁷.

Сбор ясака и вообще меховой промысел в Сибири в XVII в. доставляли правительству немало хлопот по упорядочению дела в интересах казны и по искоренению злоупотреблений, допускавшихся служилыми людьми и мехопромышленниками. Желая иметь в своей казне высшие сорта соболей, государи запрещали частным лицам продавать и покупать меха соболей стоимостью за пару свыше 20 рублей или за сорочек свыше 300 рублей, для чего в Сибири на тракте повсюду учреждены были заставы, где и производился досмотр транспортируемым мехам и меха вышеуказанной доброты отбирались в царскую казну безденежно; впрочем, вывоз дорогих соболей не в виде мехов, а в виде шуб и платья, сделанных для собственного употребления, "про себя", не запрещался⁴⁸.

Даже покупка мехов на месте, в самой Сибири, считалась состоявшейся лишь после досмотра покупаемых мехов местными служилыми людьми. Самим служилым людям сибирским строго запрещена была торговля мехами, и лишь в виде исключения им дозволялось покупать меха только для собственной надобности – "для большие их сибирские нужи", причем, однако, предписывалось кому следует "однолично над ними смотреть и беречи накрепко, чтоб та их рухлядь, которая им отдать доведется, была не посульная (т. е. не взятка) и не насильством взята и не

преж государева ясачного сбора была куплена"⁴⁹. Иногда, в виде исключительной меры, вероятно по особой нужде или при большом спросе на некоторые меха, временно запрещалась частная торговля ими и устанавливалась принудительная продажа их в казну по известной цене. Так, в 1675 г. верхотурскому воеводе предписано было все меха черных и голубых песцов отбирать на заставах у купцов и других людей, уплачивая за меха их стоимость⁵⁰. Несмотря, однако, на все эти стеснения, торговые люди умели найти лазейку для обхода строгих правил, входили в сделку со служилыми людьми, водившими караваны ясака на Москву, и провозили, до поры до времени благополучно, свои "неявленные" меховые товары под видом царской меховой казны. В пресечение этого зла и чтобы царскому "денежному сбору истери не было", еще в 1621 г. предписано было верхотурским воеводам снабжать провожавших караван служилых людей подробною росписью, сколько и каких мехов идет с караваном, а в проезжих грамотах обозначать с точностью, какие именно служилые люди везут ясак⁵¹.

Ясак составлял одну из самых важных статей государственного дохода в XVII в. Катошихин, человек, близко стоявший к государственным делам того времени, исчислял доход от ясака свыше 600.000 рублей в год. При слабом развитии денежного обращения в России XVII в. меховая царская казна имела крупное финансовое и экономическое значение. Внешняя торговля с греческими, персидскими и отчасти европейскими купцами производилась в значительной степени в обмен на меха. Меха выдавалось государево "жалованье" людям всякого чина. Меха, вообще, обращались как деньги, и на них совершались кредитные сделки, "кабалы", причем меха,

как деньги, давались в долг с поручительством третьих лиц. В сфере внешних сношений меха служили для подарков иностранным государям и отпускались в виде пособия на поддержку восточных церквей и патриархов⁵². При большой свободной наличности мехов в казне, но при малом расходе на государственные нужды меха поступали в продажу и, усиливая количество предложения, понижали рыночную цену мехов, продававшихся частными торговцами. В те годы, когда лов и привоз зверей были не особенно значительны, меха, в особенности собольи, или вовсе не поступали из казны в продажу, или же "с царского повеления" продавались по цене гораздо выше средней рыночной⁵³.

Цена мехов зависела от редкости того или другого зверя, сорта меха и, наконец, от степени спроса на те или иные меха. Московские цены на меха были выше сибирских; еще в 30-х годах XVII в. сибирским воеводам предписано было при приеме ясака и "поминок" сортировать меха по достоинству и при этом ценить их "сибирскою прямою ценою, а не дорогою, чтобы государевой всякой мягкой рухляди на Москве по московской цене перед сибирскою ценою была прибыль, а убыли бы в цене не было"⁵⁴. Меха продавались или цельными, или в виде отдельных частей шкурок, как то: лапки, брюшки, душки и хвосты составляли отдельный товар. Счет мехам велся на пары и на сорока, как в XVI в. Рыночные цены на соболей колебались в XVII в. в весьма широких размерах в зависимости от достоинства меха. При Михаиле Феодоровиче средняя цена на соболей была 50 рублей за сорочек, но за высокие сорта платили до 200 рублей. При Алексее Михайловиче цены были выше; в начале его царствования цена соболей была от 30 до 300

рублей, а в конце за лучших соболей платили до 1000 рублей за сорочек⁵⁵. Бобры считались десятками, и лучшие бобры были черные. Десяток бобров в XVII в. продавался, по свидетельству Кильбургера, от 6 до 8 рублей; но в продаже их было мало, быть может потому, что весь привоз бобров из Сибири шел на потребности царского обихода. Сорочек цельных кунных шкурок стоил по средней цене около 13 рублей. Цены на лисьи меха были самые разнообразные, в зависимости от цвета меха; мех черной лисицы, считающийся лучшим, ценился до 50 рублей. Горностаи редко доставлялись в XVII в. в Москву, и в продаже их не было. Меха сибирских обыкновенных волков продавались дешево, копеек по 90 за шкуру, но черные волки, с мягкой и длинной шерстью, достигали цены в 4 рубля за шкуру⁵⁶. Сырые лосиные шкуры продавались (по большей части немцам) от 3 до 4 рублей за штуку, а за выделанные немцами русским приходилось платить в десять раз дороже, от 30 до 40 рублей. Выделка лосиных кож отчасти производилась и в России, но не русскими, а немцами: в 1634 г. была выдана девятилетняя привилегия немцу Фимбранду на выделку лосиных кож⁵⁷.

Значительные доходы казна извлекала из продажи рыбьего зуба. Это были бивни моржей, которых убивали у берегов Новой Земли, Охотского моря и по рекам: Анадырю (где их водилось весьма много), Лене и другим, в Сибири. Моржовый промысел наполовину был правительственной регалией. Местным "охочим людям" позволялось бить моржей под условием уплаты в казну половины добытых моржовых костей, другая половина шла в их пользу, однако, не целиком, но за вычетом десятой части в виде десятинной пошлины с промысла; оставшуюся на долю охотников часть костей

они должны были продавать в казну по указной цене. По сообщению Кильбургера, моржовые клыки ценились дороже слоновой кости, и чем более кость испещрена наподобие мрамора, тем она реже и дороже. Моржовая кость ценилась соответственно своим размерам. Иногда пуд костей выходил из 2 костей, иногда из 3, 4 или 8. Мелкая кость заключала в пуде от 8 до 16 костей и ценилась гораздо дешевле. Средняя цена рыбьего зуба доходила в XVII в. в Сибири до 1 рубля за фунт, но при обязательной продаже в казну за крупную кость уплачивалось от 15 до 20 рублей за пуд, а за мелкую – до 12 рублей. Как прибыльна была охота за моржами даже при такой низкой казенной оценке рыбьего зуба, видно из того, что промышленники иногда за один раз добывали до 50 пудов моржовой кости⁵⁸.

В противоположность промысловой охоте, постепенно в XVII в. пришедшей в упадок в самой России, любительская охота, царская и частная, в течение этого века обнаруживает большое оживление и быстро развивается. Восстановленная Михаилом Феодоровичем после разгрома Смутного времени, она скоро достигает той степени, на какой стояла в лучшие периоды предшествующих веков. Зверовая и соколиная охоты в оба царствования существуют параллельно, но при Михаиле Феодоровиче перевес и преимущество были на стороне зверовой охоты, а при Алексее Михайловиче соколиная охота не только первенствует, но почти затмевает собою охоту зверовую.

Мы уже говорили в начале очерка, в каком запущении или, вернее, разорении находилась царская псарня в начале царствования Михаила Феодоровича. Собаки, отобранные по царскому приказу у бояр, дворян и всякого чина людей, составили ядро новой

псарни, которая затем пополнялась приплодом, покупкою новых собак, присылкою их в подарок от иностранных государей или от русских бояр, имевших собственные охоты. В 1647 г. посланник английского короля Карла I, Нейтингаль, привез Алексею Михайловичу в подарок собак в медных ошейниках, на которых было вырезано "Карлус-Король", а в 1665 г. боярин Благово ударил царю челом двумя охотниками и десятью лошьями собаками, за что и получил ценный царский подарок – 100 рублей денег⁵⁹. В царской псарне имелись разные породы охотничьих собак: гончие, борзые, медеянские, ищейные кобели, особые лошьи (лосиные) собаки, британы (английские доги) и "других страшных пород", вероятно, восточных и кавказских⁶⁰. О численном составе царской псарни, равно как и о тогдашних способах натаскивания и приучения собак к полю, сведений не сохранилось. Царская псарня до 1636 г. помещалась в Белом Царевом городе, а затем была переведена на Старое Ваганьково, где для нее построены были новые помещения. При этом переводе всем псарям приказано было свозить на Старое Ваганьково и их "дворишки"; но это распоряжение очень их затруднило, и они коллективно, "всем чином", подали государю челобитную, что им "не мочно" перевозить свои дворишки, потому что "хоромишки их стары и погнили"; и, ссылаясь на свою верную службу, псари просили позволения – дворишки и места продавать "беспенно", что и было им дозволено⁶¹.

Наряду с псарней существовали особые зверинцы, в которых содержались охотничьи звери для устройства садок и притравливания молодых собак, еще не ходивших в поле. Зверинцы эти назывались волчьими дворами, потому что в них всего больше

содержалось волков, но были также медведи и лисицы. Таких волчьих дворов в XVII в. было много и помещались они в селах, близ которых в те времена часто производились царские зверовые охоты. Это наводит на догадку, что при неудачных облавах и осеках находящиеся на свободе зверей устраивалась в виде утешения травля зверей, выпускаемых из зверинца. Известны следующие волчьи дворы: Измайловский, Хорошевский, Чертановский, Осеевский, в селах Ермолине, Дмитровском и Балобанове. Ими заведовали конные псары или стремянные конюха, иногда даже сокольники⁶².

Для зверовой охоты, как и для соколиной, имелись особые охотничьи лошади, как для личного царского обихода, так и для большинства чинов охоты. Как и в XVI в., охотничьи лошади добывались из ногайских степей, от ногаев и татар. Пригон лошадей из Ногаи составлял в Москве в XVII в. в некотором роде событие и носил название Орда-Базарной станицы. Табуны пригонялись кочевниками при непосредственном наблюдении заблаговременно посылаемых из Москвы в степи чиновников, называвшихся табунными воеводами. Каждый воевода наблюдал за одним своим табуном и не мог вмешиваться в распоряжения других табунных воевод. Общее число пригонявшихся лошадей достигало 30, 40, 50 и более тысяч ежегодно, но из этого числа еще в Казани и Астрахани табунные воеводы отбирали лучших лошадей про государев обиход, тысяч 5, 6–8, и клали "пятно" (тавро) и делали им опись. Но это еще не считалось окончательным приемом отобранных лошадей в казну; в Москве из "запятнанных" лошадей производился ясельничим новый отбор самых лучших из них – в количестве по царскому указанию – для самого государя, для

патриарха и для Троице-Сергиева монастыря. Остальные лошади поступали в общую продажу. Татары и ногаи, пригонявшие табуны в Москву, – их иногда приезжало до 200 человек – при отъезде бывали на приеме у государя, после которого им предлагался "стол на царском дворе довольный"; на приеме у государя в отношении их соблюдался этикет такой же, что с крымскими и калмыцкими послами, да и подарки делались им того же достоинства⁶³.

Цены на лошадей ногайских в XVII в. стояли следующие: при Михаиле Феодоровиче за жеребца платили 8 руб., за мерина половину, за кобылу 6 руб., за простую табунную 3 руб., за жеребенка ногайского 3 руб. и простого 1 1/2 руб.; при Алексее Михайловиче средственный татарский конь стоил от 5 до 15 рублей, а боярские лошади, аргамаки, – значительно дороже; грузинские аргамаки в начале XVII в. стоили от 30 до 65 руб., а боярские мерины – от 12 до 16 руб.⁶⁴.

Не обходилось дело без злоупотреблений и в торговле ногайскими лошадьми. В подрыв царским конюшням действовали воеводы и служилые люди казанские и астраханские, а равно московские бояре, окольные, дворяне и торговые люди. Тайком, без проезжих грамот, они посылали с толмачами своих людей к мурзам и по улусам, скупали по дешевой цене самых лучших аргамаков и жеребят и контрабандой переправляли их из Понизовья в вотчины и поместья, отчасти для личного употребления, но больше для корыстного торга. Вследствие этого на Москву в табунах пригонялись "клячи самые худые и жеребята малые, которых уж в Астрахани никто за худобою не купит, и из тех лошадей на государеву конюшню лошадей выбирать не из чего". Против таких злоупотреблений еще в 1625 г. был дан астраханским

воеводам строгий наказ: следить, чтобы частных закупок лошадей у мурз и по улусам отнюдь не производилось; позволять покупку лошадей только станичникам, посылаемым с государевым делом к Москве, но и то не более одной-двух и только при крайней нужде – трех; а астраханским служилым людям и обывателям позволять покупку лошадей только для себя, а не для продажи, и требовать при этом явки и записи в таможенные книги; самим воеводам абсолютно воспрещалась всякая покупка лошадей, даже для своей надобности, исключая приобретения лошадей для служебной надобности; наконец, им предписывалось всеми мерами и обещанием царских милостей склонять ногаев и татар к тому, чтобы они лучших лошадей не продавали на месте, а пригоняли в Москву⁶⁵.

Быть может, в связи с подобными же злоупотреблениями стоят заботы Алексея Михайловича о развитии конно-заводского дела, заботы, хорошо оттененные следующим сообщением: 1675 г., марта 25-го, после всенощного, ясельничий Вышеславцев докладывал: "которых Великий Государь укажет жеребцов и к которым кобылицам припущать"⁶⁶.

Что касается вооружения охотников при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче, то в этом отношении XVII в. не представляет большой разницы в сравнении с XVI веком. Техника оружейного дела к этому времени не успела еще настолько развиться и усовершенствоваться, чтобы изобрести для охоты особое оружие, отличное от воинского. В XVII в. охотник шел на зверя с таким же оружием, с каким воин выступал на битву с неприятелем. Для охоты употреблялось как холодное (преимущественно колющее), так и огнестрельное оружие. Лук и стрелы

по-прежнему были в большом ходу, предпочтительно восточного производства: бухарские, едринские, крымские, мешетецкие (грузинские), турецкие и черкасские, но были и местные, московские. Части лука носили следующие названия: все древко лука – *кибить*; каждая половина кибити – *рог*; нижняя сторона рога – *подзор*; верхние накладки подле оконечностей рогов – *мадяны*; две костяные вставки с низу рогов – *кости*; через последние проходила *тетива*. Налучие, влагалище лука, именовалось *лубьем саадачным*, делалось из кожи или сафьяна и обтягивалось атласом, бархатом или парчой; вышивалось золотом, серебром и шелками, украшалось каймами. Стрелы для лука были тростяные, камышовые, березовые, яблоневые, кедровые и чипрасовые (кипарисовые). На одном конце стрелы приделывалось обыкновенно острое железцо, или *накосточек*, на другом – *ушко*, или вырезка, и перье. Железцо или копейцо делалось двух-, трех- или четырехгранным, гладким, желобчатым, с врезными или вырезными украшениями. Перье было орловое, кречатье, лебяжье и пр. Ушки изготовлялись из рыбьего зуба и другой кости и нередко убирались драгоценными камнями. Под перьем переливалось золотом или серебром. Полный прибор вооружения конного воина (или охотника) именовался *саадаком*. Особый род лука назывался самострелом: это стальной лук, вделанный в деревянную *соху* (приклад) с *полосою* (ложею); тетива у самострела делалась всегда толстою и спускалась особым воротом, называвшимся *коловоротом самострельным*.

Кроме лука со стрелами, охотники вооружались *копьями, протозанами, вилами и рогатинами*. *Протозаном* называлось оружие, состоявшее из

длинного древка, с широким глухим или прорезным копьём на конце, украшенное кистью. Это было обыкновенное оружие сокольников, наряжавшихся в парад при встречах или проводах иностранных послов, вряд ли удобное для самой охоты. *Вилы* были железные и деревянные и обыкновенно употреблялись для медвежьего боя на домашней царской потехе. *Рогатиной* называлось широкое, плоское, на обе стороны острое копьё, насаженное посредством *тулеи* (трубки) на *скепище* или короткое *ратовище*. Охотничьи рогатины, с которыми ходили на медведя, имели в старину, подобно нынешним, отроги у тульи. Из огнестрельного оружия употреблялись *пищали*, *самопалы*, *карабины* и *пистолы*. Некоторые части их изготовлялись в самой России; так, замки и станки были иногда "русского дела" или "новгородского дела", другие части, а иногда и все оно, были польского дела, датского, курляндского. При Алексее Михайловиче стволы и замки преимущественно употреблялись шкоцкие (шотландские). Составными частями пищали были: деревянный *станок* с *прикладом* и железный *ствол*, прикрепленный к станку *обоймицами* или *щурупами*. Станок — это то же, что ложа; место прикрепления ствола к станку называлось *лохалище*; отверстие, куда всыпалось *зелье* (порох), называлось *устьем*; часть ствола у устья именовалась *дулом*, противоположная часть — *казной*, а расположенная между ними — *срединой*. Заряд пищали воспламенялся посредством пальника или фитиля. Огниво с фитилем приводилось в движение посредством *спуска*; впрочем, уже в начале XVII в., при Михаиле Феодоровиче, появились замки с коловоротом или с колесом ("замок колесной"). Были пищали винтованные, преимущественно польского

дела. Пищаль с замком и огнивом называлась *самопалом*. Охотники вооружались также карабинами солистрами и пистолями солистрами с колесными замками датского и курляндского дела. Пищали, карабины и пистолы заключались в особые чехлы, называвшиеся *ольстрами*. Царское оружие изготовлялось в Оружейной палате, или, точнее, здесь производилась сборка частей, частью выписанных из-за моря (Шотландии), частью сделанных дома, в России. Оно отличалось высоким достоинством материала, богатством и роскошью украшений. Станки были из кипарисового дерева или яблоневые и кленовые, с вызолоченной оправой из железа или серебра. Стволы были или гладкие, или винтованные на 4, 6, 7 и 8 винтовок; они украшались богатыми инкрустациями из золота и серебра с финифтью. *Ольстры* для царского оружия шились или из красного бархата с золотыми галунами, или из сукна с золотыми и серебряными галунами. *Царский протозан* был резной с позолотою; копье калмыцкое из красного железа, по местам золоченое. *Царский лук* был расписан одним золотом по красному фону или золотом и серебром; к луку присоединялось несколько гнезд томаров и срезней. Кроме того, к царскому оружию принадлежали ножевые ставики, на 6 ножей каждый, и большой рог⁶⁷. Из принадлежностей зверовой охоты царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича упоминаются *своры*, *ошейники собак*, *трещотки* и *фурмы*. *Парадные своры* были роскошны: они делались из шелка, плетеного с золотыми или серебряными нитями; кисти к ним также были из золотых или серебряных нитей; "ворворки", или подвижные шарики над кистями, обшивались золотой и серебряной канителью и украшались иногда

жемчугом. Ошейники употреблялись "гзовые яринные" (т. е. из козловой кожи) и делались в Оружейной палате; "плащи" для них, по четыре на каждый ошейник, выковывались или из литой зеленой меди и золотились, или из серебра. Употребление *трещоток* было то же, что и ныне; но для чего служили *фурмы* – сказать трудно, потому что нет для этого никаких указаний, а самое название, обозначающее "пустой внутри железный конус", не оставляет места даже для догадок⁶⁸.

К числу охотничьих принадлежностей должно отнести также уборы охотничьих лошадей. Царские охотники в парадных случаях выезжали на богато убранных конях. Еще большею роскошью и богатством, конечно, отличались уборы коней государевых. Охотничья сбруя царских коней хранилась конными псарями. Деревянный седельный прибор назывался арчаком. Седла были обыкновенно высокие, с короткими стременами, нередко окованные золотом и серебром и украшенные драгоценными камнями. Сохранилось описание одного такого царского седла: оно было расшито волоченым золотом, подпруги – пряченым золотом и серебром, стремена железные высеребренные, войлок опушен по краям бархатом, а по всей поверхности обшит дорогим алым сукном с плетеными кружевами. У седла привешивался особый кусок кожи четырехугольного вида, называвшийся *табенек* и служивший для защиты ноги от трения о стременную ремень. Седла покрывались барсовыми шкурами и различными покрывцами, которые шились из самых дорогих материй: бархата, атласа и "объяри" (шелковой узорчатой ткани с золотыми и серебряными струями), обшивались золотыми и серебряными галунами и

бахромой, подбивались красной тафтой и украшались иногда серебряным кружевом двухвершковой ширины или золотым. Парадные узды были серебряные и вызолоченные медные. Поверх узды на лошадиную голову клался особый прибор, ее закрывавший, называвшийся *ухватом* и делавшийся обыкновенно из шелка с кистями и ворворками. На парадных уборах повода заменялись изящными цепями. Кольца этих цепей состояли из серебряных пластинок шириною более 2 дюймов и в толщину не более спинки ножа и были так велики, что в них свободно можно было продеть руку; при малейшем движении эти богатые цепи издавали громкий звук. Цепи из серебра разделялись на поводные и гремлячие. Первые висели от удили до передней седельной луки в виде поводьев, а вторые, сделанные из дутых погремушек, прикреплялись у той же луки и висели иногда ниже живота лошади. Под шеей лошади, на шнурке или цепочке, привешивалась одна или несколько кистей, называвшихся *наузами* и изготовлявшихся из шелка, пряженого золота и серебра, с ворворками шелковыми, золотыми и жемчужными. Спина, бока и грудь лошади закрывались *чалдырем* из металлических блях, набранных на бархате. У копыт прикреплялись особые украшения, *остроги*, в виде шпор с бубенчиками; словом, убор царского коня был чудом роскоши, отличаясь замечательным богатством, блестя и переливаясь драгоценными камнями: жемчугом, яхонтами, изумрудами и бирюзой⁶⁹.

Переходя к вопросу о способах тогдашней зверовой охоты, мы испытываем большое затруднение вследствие скудости сохранившихся на этот счет сведений. С положительностью, впрочем, можно утверждать, что основным способом охоты на зверя в

XVII в. была травля его собаками разных пород. Она, однако, не устранила собою и других способов вроде ловли тенетами и разными снарядами, а также и охоты с огнестрельным оружием. "Главное удовольствие русских состоит в охоте, – говорит один современный иностранец, – зверей следят в лесах по тропе и травят выученными собаками; впрочем, иногда стреляют и из самопалов"⁷⁰. Зверовая охота велась главным образом на медведей, волков, лисиц и лосей.

Медведей отыскивали по лесам, окладывали в осоку, а затем ловили их тенетами или травили собаками, преимущественно бульдогами. Царские охоты на медведей, известные по современным документам, производились в окрестностях дорог Звенигородской, Можайской и Боровской, близ Саввина Сторожевского монастыря, в окрестностях сел Пушкина, Крылатского, Мытищей, Сукова и Озарецкого⁷¹.

Волков обьезжали, сочили или окладывали, устраивали на них облавы и травили собаками, иногда устраивали привады, прикармливали, для чего покупалось мясо. Олеарий, а еще раньше Герберштейн и за ними Рейтенфельс и Стрёйс рассказывают, что в юго-восточной полосе России, близ Самары и Астрахани, волков ловили при посредстве особого плода, до которого они большие будто бы охотники: плод этот, называемый иностранцами boranez, редкий вид дыни или скорее тыквы, формою в виде ягненка и покрытый как бы шерстью вроде мерлушки. Известные царские охоты на волков происходили в окрестностях дорог Звенигородской, Можайской и Боровской, близ сел Хорошева, Рождественского, Острова, Белого, Дмитровского, Павловского, по реке Выхонке и в Домодедовской волости⁷².

Лисиц окладывали в осоки; известны лисьи осоки царей под селами Коломенским и Голенищевым⁷³. Охота за лосями, которую особенно жаловал Михаил Феодорович, состояла в том, что их выслеживали, осочили, травили особыми лосиными собаками, или ловили живьем, или стреляли, вероятно вдогонку, когда лосям удавалось прорваться сквозь цепь охотников. Охота на лосей производилась в Домодедовской волости, но также и в других местах, в документах не поименованных; имелись особые заповедные леса (напр. в Шацком уезде), где с особенною строгостью запрещалось бить лосей⁷⁴.

Кроме указанных местностей, царские псовые охоты – на какого зверя неизвестно – производились в Братеевском осоке, близ села Семеновского и в Кунцевской местности, в пустошах села Хвили: Бетино, Щевелево, Шульгино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корелкино, Петройково, и в заповедной Сокольничьей роще⁷⁵.

Самая организация зверовых охот в XVII в. и их церемониальная сторона остаются для нас неизвестными. Но, без сомнения, существовал какой-либо определенный порядок для выезда псовых охот в поле, для размещения их по местности и для их действий во время самой охоты: иначе была бы невозможна сколько-нибудь порядочная охота. Это темное место до некоторой степени освещается лишь одним любопытным документом, не так давно найденным в частном семейном архиве графа Панина. Документ этот называется "Регул (устав), принадлежащий до псовой охоты"; составлен был в 1635 г. стольником, рижским немцем, Христианом Ольгердовичем Фонлессиним на немецком языке; в царствование Алексея Михайловича был переведен на

русский язык (крайне дурно даже для того времени) смоленским шляхтичем Аркадием Михайловичем Станкевичем и, как значится в переводе, был поднесен Фонлессиным царю Алексею Михайловичу. Точно ли он был поднесен царю и, если это так, то был ли принят в руководство для царских охот – решить это весьма трудно за отсутствием документальных данных. "Регул" состоит из посвящения Алексею Михайловичу и 40 глав текста. Поднося свой труд государю, Фонлессин говорит, что всю свою мысль он устремил на то, чтобы начертать "совершенные порядки" для псовых охот на основании многолетних наблюдений над псовыми охотами во многих государствах. "Ваше Величество! живу в свете 63 года, а веселости ни в каких забавах не нахожу, кроме псов", – прибавляет он, выражая надежду, что его замечания относительно охот "полюбятся" и государю, и всему обществу. Повод и цель составления "Регула" более определенно выясняются им в гл. XI, носящей заглавие "О древнем пересмешнике".

Здесь Фонлессин прямо указывает, что "в псовых охотах в России им усмотрены *бездельные порядки*", которые он и хотел бы устранить, при помощи своего "Регула", дабы псовая охота "возобновилась к веселости и в забаву Российскому дворянству". Страсть к охоте он считает страстью благородною и защищает охотников от нареканий "древнего Епикура или пересмешника глупого", который будто бы сравнивал их с "разбойниками, рыщущими по лесам и степям", – защищает, однако, крайне своеобразно, но энергично: "не рассудил он о себе, что есть еллинский болван" – вот его ответ Епикуру. Отсылая читателя для ближайшего ознакомления к самому тексту "Регула", укажем здесь только общее содержание его. Первые шесть глав "Регула" трактуют о ловчем и необходимых для него качествах и знаниях; первое условие для ловчего – врожденная страсть к охоте, затем, он должен быть грамотен, "остропамятен", проворен, расторопен и крайне наблюдателен в отношении собак и зверей; строг в отношении команды и, главное, должен твердо знать порядки и время охоты. Седьмая глава посвящена названиям статей борзых и гончих собак на охотничьем жаргоне. Восьмая глава касается самого владельца охоты и рекомендует ему "в поле быть не строгим, как ловчего, так и охотников, ни гневом, ни побоями не наказывать", а в случае их вины поступать с ними по "Регулу". Две следующие главы устанавливают порядок ответственности и наказания как простых охотников, так и самого ловчего: за нарушение охотниками правил "Регула" во время охоты полагается выговор ловчему, как за недосмотр; при троекратном нарушении правил провинившийся охотник должен быть приведен на лобное место, где кормят собак, и здесь получить "25 ударов палкой в позитуре", что, впрочем, охотничьей

чести его не лишало; ловчий за троекратную досаду господину должен быть наказан "в два арапника" перед всей охотничьей командой; в случае кражи запасов, намеренной порчи охотничьих принадлежностей или отчуждения хозяйских собак провинившийся псарь или наварщик в первый раз подвергался "духовному увещанию" ловчего наедине, и если признавался и возвращал краденое, то не считался за вора, а только за "малосмысленного" человека; во второй раз – заключался на сутки "в рогатки" и по выпуске получал 25 ударов палкой, но все-таки оставался в составе охотничьей команды; в третий раз – виноватого в присутствии самого господина и всей команды полагалось пороть в два арапника, сколько рассудит господин, затем сажали на месяц в домовую тюрьму и исключали из числа охотников. Семь глав, с XII по XIX, отведены в "Регуле" собакам разных пород и назначений и умению распознавать их достоинства, а последние двадцать глав "Регула" исключительно относятся к собаководству, собачьей педагогике и ветеринарии. В отношении ухода за собаками и воспитания охотничьих щенков замечания Фонлессина, вероятно, и для современных охот не потеряли еще своего значения, но зато многие его рецепты способны привести в ужас современного ветеринара. Заканчивая речь об этом интересном "Регуле", отметим, каким представляется автору его идеальный охотник: "похвальный охотник – кобель резов, сам на коне бодр, арапник на руке, нож на бедре, едет – не робеет" на любого зверя⁷⁶.

О царской соколиной охоте в XVII в. мы можем говорить с гораздо большею основательностью и подробностью, чем об охоте зверовой. Так как соколиная охота ныне почти забыта и о ней знают

только по "преданьям старины глубокой", то представляется столько же интересным, сколько и необходимым восстановить с возможной полнотой картину старинной "красной и славной птичьей потехи".

Почти все без исключения ловчие птицы соколиной охоты царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича принадлежали к породе благородных соколов, которым Брем отводит первое место между всеми хищными птицами. "Умственные способности их развиты совершенно параллельно с физическими. По характеру своему они принадлежат к самым страшным хищникам, но человек прощает вред, причиняемый ими, ради того удивления, которое внушает ему вся жизнь этих птиц. Сила, ловкость, отвага, жажда охоты, благородный вид, почти, можно сказать, благородство мыслей – вот постоянные свойства их, очевидные для каждого... Все благородные соколы способны к быстрому движению, их полет замечателен: он быстр, продолжителен и в высшей степени ловок. Сокол необыкновенно скоро пролетает огромные пространства и при нападении низвергается с высоты, иногда очень значительной, так быстро, что глаз не в состоянии различить его фигуры...

Виды соколов характеризуются различным полетом. У настоящих благородных соколов он отличается быстро следующими один за другим ударами крыльев, которые нередко прерываются кратковременным парением; другие же летают медленнее, чаще парят и долгое время держатся на одном месте вследствие особых движений, похожих на дрожание, – трепещутся, как говорят орнитологи. Держатся обыкновенно благородные соколы на высоте от двухсот до четырехсот фут... Благороднейших

членов семейства благородных соколов представляют кречеты (Hierofalco), живущие в самых северных странах земного шара. Они отличаются очень значительной величиной, большой силой, сравнительно сильным загнутым дугою клювом, плюснами, покрытыми до двух третей перьями, и хвостом, длина которого сравнительно с крыльями весьма значительна"⁷⁷. Кречет достигает в величину до двух футов, и он очень красив, особенно потому, что чудесные черные соколы глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев⁷⁸. Вполне понятно, что именно кречеты занимали первое место в царской соколиной охоте и из них – лучшие экземпляры лучших видов. Коллинс говорит, что на царской кречатне Алексея Михайловича были лучшие в свете кречеты, привозившиеся из Сибири⁷⁹. Там во множестве были и дикомыты, и молодики. Дикомыты – это кречеты, помытившиеся, или перелинявшие, еще на воле, в диком состоянии; они трудно вынашивались, и потому им предпочитались молодики, которые в свою очередь делились на две категории: гнездарей, т. е. взятых еще детенышами прямо из гнезда, и слетков ("перелетных"), т. е. пойманных в том уже периоде, когда они покинули гнезда и свободно летали вместе со старыми. Царские кречеты отличались ярким оперением: были кречеты красные, подкрасные, крапленые и цветные. Красные кречеты были самыми лучшими ловчими птицами и самыми дорогими, в особенности самки. Вообще самки ловчих птиц ценились дороже самцов, потому что они крупнее и сильнее самцов, называвшихся челигами, но зато последние, уступая самкам в силе, превосходят их в резвости полета. Кроме кречетов, в соколиной охоте Алексея Михайловича были еще дермлиги, кобчики,

ястребы и, как кажется, орлы.

"Дермлиги", нужно думать, представляли собою одну из многих разновидностей соколиной породы. Известный русский охотник и писатель, покойный С. Т. Аксаков, отождествлял "дермлигов" с известными старинным охотникам "дербниками" или "дробниками". По словам старых охотников, дербник бывает очень мал, не более кобчика, и соединяет в себе свойства ястреба и сокола, т. е. бьет птицу сверху и ловит в угон; на травлю в старину пускали всегда двух дербников за раз и травили ими мелкую птицу, и самая веселая охота была напускать их на жаворонка, когда жаворонок сам поднимается высоко от земли: один дербник бьет его сверху вниз, а другой, не допуская садиться, подбивает снизу вверх — зрелище для охотника восхитительное, и, вероятно, к нему именно относится выражение "Урядника": "Угодительна и потешна дермлигова *перелазка* и добыча". "Кобцы", или кобчики, также разновидность сокола, птица небольшая, но очень красивая, с быстрым, ловким и легким полетом. Кобчик бьет сверху, черкает, как сокол, и процесс его охоты за пташками хорош, изящен и увлекателен, или — по выражению "Урядника" — "добровиден". Кобчик загадочная птица: на воле ловит чудесно, пойманный, скоро делается ручным, но ручной ничего не ловит; однако охотники царя Алексея Михайловича знали секрет, как заставить ручного кобчика ловить не хуже дикого. Какие виды ястребов имелись в царской соколиной охоте, точно не известно; были, между прочим, ястребы белые. Что же касается орлов, то их лишь предположительно можно включать в число ловчих птиц царской кречатни на том основании, что в документах наряду с прочими птичьими нарядами упоминаются "орловые

клубочки"⁸⁰.

Птичий состав царской кречатни возобновлялся и пополнялся ежегодно новыми экземплярами кречетов и челигов. Ловля и доставка их по-прежнему лежали на обязанности профессиональных помытчиков, и особые права последних остаются почти те же, что и раньше, хотя в отношении повинностей они теперь пользовались меньшими сравнительно льготами, чем в прежние царствования. Кроме этих постоянных помытчиков, ловлю птиц для царской кречатни занимались также и частные лица, называвшиеся "охочими помытчиками". Так, с севера птиц иногда доставляли самоеды; с Кольского острова – расквартированные на нем стрельцы; из внутренних местностей – простые крестьяне, которым посчастливилось поймать сокола или кречета; из Сибири – татары и различные служилые люди. Помимо этого, по временам из Москвы посылались во внутренние области для ловли соколов и кречетов опытные царские сокольники: в царствование Алексея Михайловича такие поручения не раз с успехом выполнял сокольник Аникей Сидоров⁸¹. Прекрасным составом ловчих птиц царская кречатня обязана была, конечно, не этим случайным "охочим помытчикам", но постоянным, которые систематически вели из года в год ловлю кречетов и соколов по способам, завещанным дедами и отцами.

Организованная ловля этих птиц по-прежнему производилась двинскими помытчиками по морскому берегу и по рекам, по Тиунскому берегу, Терской стороне и на Канином Носу. В XVII в. вследствие исключительного значения соколиной охоты при дворе Алексея Михайловича одни двинские помытчики уже не могли сполна снабжать царскую кречатню нужным

количеством птиц, и потому была организована на началах оброка ловля соколов в далекой Сибири, исстари славившейся лучшими породами ловчих птиц. В роли, по-видимому, постоянных помытчиков в XVII в. упоминаются еще помытчики ростовские, Ярославской губернии, но, за скудостью известий о них, они остаются как бы в тени, и можно думать, что по количеству и качеству доставляемых ими птиц они оставались далеко позади своих двинских или сибирских собратьев по промыслу.

Двинские помытчики производили ловлю соколов и кречетов артелями, человек по сорок и более, причем в состав артели входили как оброчные общинники, так и сторонние общине люди, ею нанятые и называвшиеся "кормленщиками". Этим наймитам оброчные помытчики давали корм и платили деньгами, что обходилось общине свыше 700 рублей ежегодно.

Между тем экономическое положение двинских помытчиков к XVII в. значительно изменилось к худшему, так как они почти наравне с тяглыми, городскими и посадскими людьми были обременены податями и повинностями. По челобитной 1635 года их материальное положение представляется в таком виде. Община номинально состояла из 8 сох (тягол, наделов), но из этих восьми сох к 1635 г. 1 1/2 сохи успели "запустеть", и таким образом податное бремя каждой отдельной сохи сильно увеличилось, так как наличные 6 1/2 сох несли повинности и платили подать за восемь номинальных сох, записанных в писцовые книги. С общины взимались в казну всякие денежные сборы и подати: данные, оброчные, подымные, пятинные и солдатские деньги, и она исполняла разные натуральные повинности вроде посошной, даточной и воинской службы. Кроме того, благодаря близости к

северному порту община помытчиков ежегодно несла крупные расходы по исполнению следующих повинностей: на наем людей для доставки хлебных запасов, вина и стрельцов в Кольский острог (крепость) – свыше 1500 р.; на снаряжение мелких судов, назначавшихся для потребностей корабельных лоцманов и для перевозки стрельцов в Мезень, Кевролу, Пустоозеро и Кандалажский монастырь – свыше 500 р.; на устройство и снаряжение сторожевых судов для корабельной пристани – 400 р., на снаряжение судов для перевозки казенного отпускного товара – свыше 6000 р.; прибавляя сюда 700 р., ежегодно затрачивавшихся помытчиками на организацию ловли кречетов, мы получим 9100 р. – ежегодный денежный расход помытчиков помимо общих податей и повинностей, причем на каждую соху (из наличных 6 1/2) приходится 1400 р. В 1634 г., сверх всех этих ординарных расходов, помытчикам пришлось экстренно затратить 685 р. на перевозку в амбары пушек и ядер, привезенных на кораблях из Голландии⁸². При таком обилии повинностей и податей трудно было общине помытчиков быть исправной во всех отношениях, и без сомнения здесь нужно искать причин, которыми объяснялась некоторая неурядица в ловле кречетов к концу царствования Михаила Феодоровича. В начале этого царствования количество кречетов и соколов, доставлявшихся двинскими помытчиками, достигало ста и более экземпляров, к концу же царствования доставка уменьшилась наполовину, да и это количество помытчики доставляли лишь после грозных, понудительных царских грамот. Отчасти сократился самый улов птиц, потому что помытчики предпочитали ему другие промыслы, менее трудные, но более верные;

с другой стороны, из пойманных соколов они воровски лучших и дорогих отбывали на сторону за деньги или за подарки, и соколы вместо царской кречатни направлялись "за море в иные земли". Вследствие этого на царской кречатне сказывался большой недостаток в лучших видах кречетов – красных, подкрасных и крапленых, – не с чем было ездить государю на потехи в "проезжее поле", и нечего было посылать в поминках с послами в Царьград, Кизилбаш, Крым и другие государства. Поэтому еще в 1632 г. строгою царскою грамотою помытчикам приказывалось под страхом денежных взысканий ("доправок") по-прежнему доставлять на кречатню каждый год по 100–105–106 кречетов красных, подкрасных, крапленых и серых больших кречетов, при этом ставилось им на вид, что если они "учнут воровати нашим делом, птичьим промыслом промыслять оплошно или лучшими птицами корыстоваться, и про то их воровство сыщется", то быть им "в великой опале и казни".

В Сибири ловля кречетов и соколов была организована при Алексее Михайловиче, приблизительно около 1652 г. Ловля производилась в местностях, лежащих близ Тобольска и Тюмени, и расположенных в волостях, заселенных преимущественно инородцами – татарами. И первое время помытчиками были почти исключительно татары, которым велено было добывать взамен ясака кречетов и соколов на великих государей. Впоследствии состав сибирских помытчиков стал крайне разнообразным: ловлею птиц, кроме татар, занимались пешие и конные казаки, казаческие дети, посадские люди, пашенные и оброчные люди, охочие русские люди и, наконец, "гулящие" люди. Весь этот разнообразный люд записывался – "верстался" – в

помытчики, разумеется, из желания воспользоваться льготами, какие давал этот промысел, и потому неудивительно, что среди сибирских помытчиков было довольно людей, для прямого дела лишних и ненужных; их впоследствии предписано было обращать "в прежние чины", если они были русские, а татар вновь привлекать к ясачному платежу. Позже, около 70-х годов XVII столетия, уже вполне выяснилась пригодность одних и непригодность других лиц из указанных категорий, и по каждой волости был составлен список людей, полезных для промысла, с точным указанием числа помытчиков из казачьих детей, служилых и посадских людей, татар, крестьян и гулящих людей. Для устройства кречатей ловли в Сибири в 1653 г. были посланы из Москвы лучшие царские сокольники Михей Тоболин и Игнатий Келыш с товарищами. Количество птиц, доставлявшихся из сибирских городов, вначале было незначительно: сибирские города, где организована была кречатья ловля, обязывались ежегодно доставлять по 10 серых кречетов да по 15 кречатых челигов, а "кречетов красных что даст Бог уловлено будет"; к концу царствования Алексея Михайловича норма доставки сильно повысилась, так как серых кречетов и кречатых челигов от сибирских городов требовалось уже по 30 штук, а относительно кречетов красных и вообще цветных осталась в силе та же оговорка "что даст Бог уловлено будет"⁸³.

Ловля соколов сопряжена была с большою трудностью и великими опасностями и потому требовала от ловцов большой опытности и сноровки. Молодых соколов старались доставать прямо из гнезда, пока они еще не покинули его окончательно; но сокольи гнезда обыкновенно ютятся на вершинах

неприступных скал, и, кроме того, смельчаку угрожает здесь опасность от самки, которая защищает детенышей с неимоверной яростью. Молодиков, уже отлетевших от гнезда, ловили при помощи различных снастей и живой приманки, обыкновенно голубя. У Брема мы находим описание современного способа ловли соколов, но он едва ли многим отличается от старинного. Обыкновенно "сокольник садится, спрятавшись, на открытом поле и держит шнурок, длина которого около 100 шагов, а к другому концу шнурка привязывается живой голубь, который, впрочем, может совершенно свободно двигаться по земле. На расстоянии сорока шагов от сокольника шнурок проходит через кольцо, подле которого лежит подъемная сетка, и от нее другой шнурок идет тоже к сокольнику. Лишь приблизится сокол – шнур ослабляют, вследствие чего голубь взлетает, и сокол его схватывает. В этот момент сокольник медленно начинает притягивать к себе голубя, а вместе с тем и вцепившегося в него сокола – к кольцу, где их обоих мгновенно покрывает сеткой. Очень важно при этой охоте знать, когда сокол появится в местности, и для этой цели охотник берет себе усердного и зоркого помощника, а именно серого сорокопута, который открывает сокола на очень большом расстоянии. Сорокопута привязывают недалеко от голубя, и при появлении сокола он начинает издавать сильный, далеко раздающийся крик. Подле того места, где привязана эта птица, выкапывается яма, в которую сорокопут может в случае надобности спрятаться". В XVII в. соколов также ловили, по свидетельству Катошихина, при помощи сетей и голубей, а равно и других снастей. Принадлежности этой ловли состояли из *помчей, поножей, гвоздей с силками, опрометов,*

кутней *простых* и *четыреугольных*, *тайников голубиных* – *больших*, *средних* и *малых* – и *тайников воробьиных*. *Помчи* – это ловушки или западни; *поножи* – силки и пленки, в которых птица запутывалась ногами; *гвозди с сильями* вбивались, вероятно, в деревья, на которые, по наблюдениям, с особою охотою присаживались ловчие птицы, или вблизи гнезд этих птиц; *кутни* представляли собою сеть на обруче и под нею клетка с пташкой, сеть снабжалась сторожком; *тайники* – тоже сети, на двух шестиках, иногда о двух полотнах, накладываемых навстречу друг другу; что же касается *опрометов*, то можно думать, что это – снасть, по устройству весьма близкая к той, о которой Брем говорит в вышеприведенном описании ловли соколов. Все перечисленные снасти для ловли соколов отличаются простотою, но ловец полагался не на них, а на свою сметливость, терпение и знание мест, особо удобных для ловли соколов.

Пойманные соколы и кречеты до отправки их в Москву оставались на руках и попечении помытчиков, причем деньги на корм их отпускались из казны чрез местных воевод и других служилых людей. Помытчики обязывались беречь пойманных птиц и докладывать воеводам в положенные сроки о здоровье государевых кречетов и соколов. Иногда помытчики же и вынашивали соколов и отправляли их на Москву уже готовыми к охоте, но это случалось редко, в тех случаях, когда по каким-либо причинам перевозка пойманных птиц в Москву очень замедлялась. Обыкновенно же доставка птиц производилась по зимнему первопутку, который устанавливался в промежуток времени от праздника Покрова до Введения; если же санный путь по причине оттепелей к

этому времени не устанавливался, перевозка оттягивалась иногда до самого Рождества. Чтобы птицы в дороге не поломали перьев, не побились и вообще не захворали, их везли с большими предосторожностями, в возках или в особых прикрепленных к саням ящиках, которые внутри обивались войлоками и рогожами. Помытчикам, сопровождавшим птиц, внушалось под угрозой нещадного наказания смотреть за птицами "неоплошно", кормить их вовремя, не позволять ямщикам ехать скоро, небрежно осматривать ящики и без осторожности поднимать и опускать сани. Сами помытчики во время пути должны были воздерживаться от пьянства и других соблазнов. Зимой, в декабре 1662 г., направлялся из Сибири на Москву транспорт с кречетами для царской охоты, и вот какого рода наказ был дан стоявшему во главе транспорта боярскому сыну Елизару Гаврилову: "А едучи ему Елизару дорогою, самому беречись от пьянства накрепко и служилым людям и помытчикам пьяного питья и табаку пить и зернью играть и никаким воровством воровать отнюдь не давать, от всякого пьяного питья и от табаку и от зерни и от всякого воровства и от блядни унимать болшим твердым подкреплением, чтоб их служилых людей и помытчиков нерадением и пьянством и от нечистых и скаредных людей над птицами великого государя, над кречетами, какое дурно не учинилось, и от пьяных и нечистых людей кречаты б не померли". Чтобы предупредить случаи подмены лучших птиц на худших, а также и возможное отчуждение царских соколов, приказывалось при отправке их снабжать помытчиков особою "отпискою", в которой точно обозначалось, сколько и каких кречетов и с кем именно

отправленных препровождается на Москву. Кроме того, помытчикам вручалась проезжая царская грамота за государевыми красными печатями, по которой с помытчиков, везших птиц, на внутренних таможах не взимали никаких налогов, а птицам отпускался корм и давались подводы воеводами и населением тех местностей, где караван делал остановки. Казалось бы, этим вполне обеспечивалась беспрепятственная и немедленная доставка государевых птиц в Москву, но на деле, однако, случались задержки и возникали большие недоразумения. Так, в царствование Алексея Михайловича при проезде двинских помытчиков с кречетами через Важский уезд важские "земские судейки и сотские и волостные крестьяне...

птицам корму и подвод через Важской уезд до Вологды не дали и Потапу Петрову, царскому сокольнику, заведовавшему перевозкой птиц в этот раз, оказали невежливо и говорили, что им и впредь подорожных... не слушать и никому по подорожным подвод не давать и его Потапа били и... держаного кречета с руки сбили... и Великого Государя проезжей грамоты что за красными печатями не послушали, во всем отказали". Вероятно, дело здесь заключалось не в одном своеволии и озорстве важских крестьян, но и проезжавшие помытчики были не без греха, особенно если принять во внимание, что во время длинного пути они не всегда вели себя чинно, предавались разгулу и, вероятно, наносили обиды местному населению, вследствие чего и возникали ссоры и побоища. Случаи, подобные отмеченному, бывали и на сибирских дорогах при перевозке сибирских соколов, и это послужило поводом для окружной грамоты сибирским воеводам, отправленной в 1662 г. В ней строго приказывалось сибирским воеводам и приказным

людям городов "от Москвы по дорогам до сибирских городов, до Верхотурья и до Тобольска" – "помытчикам под птицы давать подводы, сколько надобно, и отпускать их к Москве тотчас без задержания; а будет воеводы... и приказные люди учнут им кречатым помытчикам со птицы чинить задержание, и оттого птицам учинится какая поруха, и тем от... Великого Государя за то быть в великой опале и в наказанье, и поместья их и вотчины отписаны будут на... Великого Государя"⁸⁴. Доставленных в Москву соколов и кречетов помытчики объявляли при отписке: двинские – в Новгородской чети, а сибирские – в Сибирском приказе, после чего птицы поступали на кречатню.

Государевых кречатен было две, и обе они помещались на потешных дворах: одна в с. Семеновском, другая в с. Коломенском. Коломенская кречатня устроена была позже Семеновской, по всей вероятности в 1650 г., когда Алексей Михайлович письмом от 11 июня из Калязина монастыря приказывал Матюшкину купить "сушило", такое же как и в Семеновском, и поставить его в Коломенском, перенести сюда же чуланы и перевезти из Семеновского половину всяких запасов. "Сушило", как догадываются исследователи, представляло собою место, разделенное на чуланчики, где на особых колодках сидели ловчие птицы. Помещения кречатни отапливались. Вход на царские кречатни посторонним лицам не дозволялся, и вообще кречатни представляли из себя как бы особый мирок, для простых смертных недоступный и зорко охранявшийся людьми, его составлявшими. В 1657 г., в ожидании "дурной болезни" (чумы), Алексей Михайлович, беспокоясь за целостность птиц и здоровье сокольников, приказал заблаговременно П. С. Хомякову "запасов всяких

наготовить из здоровых мест... а для опасенья приискать место или два в лесу, где б близко воды, и те места осечь"; в случае, если на потешном дворе на людях объявится "дурная болезнь", больных приказывалось оставить на потешном дворе и при них для ухода двух здоровых, а остальных здоровых сокольников с птицами перевести на приисканное место, где они во время эпидемии должны были "жить с великим береженьем", оградив себя крепкими заставами, чтобы ни от них, ни к ним никто отнюдь и ни за каким делом не ездил и не ходил. Впрочем, и в благополучное время кречатня была вполне изолирована от остального мира и жила своею жизнью, своеобразной и не лишенной для посторонних некоторой таинственности: здесь царили свои порядки, обычаи, нравы и был свой язык.

На царских кречатнях господствовала суровая дисциплина, и всякий недосмотр и упущения наказывались весьма строго, как можно судить по следующему любопытному случаю. Однажды сокольник Иван Ярышкин, находясь на кречатне, был позван другим сокольником, Алешкой Камчатовым, к окну, причем последний обратился к нему с просьбою передать ему его, Алешкины, штаны. Ярышкин просимые штаны нашел, но поленился выйти в дверь, передал штаны через окно и по рассеянности забыл запереть оконную раму. Рама вскоре свалилась и сильно зашибла находившегося у окна сибирского кречета Мальца. Об увечье кречета было доложено Матюшкину, который, узнав, что кречет был зашиблен рамой, стал допытываться, "кто тое окончину оторвал внутри". "Видоки" – свидетели случая – указали на Ярышкина, но он было в том заперся, однако, уличенный свидетелями, сознался в своей вине, и по

приказанию Матюшкина его "били батогами, чтоб вставлял окончину крепко и кречатов государевых берег". По докладе об этом случае государю Ярышкина снова били батогами и "били больно, чтоб и иным впредь птиц бить неповадно было". Вообще бережение царских птиц требовалось, да и на деле было, самое тщательное; постороннему человеку немислимо было проникнуть за ограду кречатни или осведомиться относительно царских птиц. Эта таинственность сильно интриговала иностранцев, и один из товарищей австрийского посла, барона Майерберга, в течение целого полугода тщетно добивался возможности увидеть хоть одного царского кречета и срисовать его; только благодаря крайней любезности самого государя Алексея Михайловича посольству предоставлена была возможность полюбоваться царскими кречетами и дано было позволение срисовать их. Майерберг подробно и весьма любопытно рассказывает об этом случае. После долгих и всегда тщетных попыток добиться разрешения видеть царских кречетов, когда уже это желание успело поостыть и почти изгладиться, "вдруг, — говорит он, — в самое воскресенье на Масленой неделе совершенно неожиданно представилось нам зрелище ряженных. Мы сидели еще за обедом с собеседниками, когда наш благородный пристав, приняв на себя важную осанку, будто хочет заняться с нами делом великой важности, просил нас войти во внутренний покой и выслушать, что он нам скажет. Когда мы вошли туда, там главный начальник охоты великого князя (это был, без сомнения, Матюшкин) и шесть сокольников, одетые в дорогие кафтаны из великокняжеской казны, держали каждый по кречету в правой руке, на которой надеты были рукавицы с новою золотою бахромою. Кречеты были в новых

колпачках из великолепной ткани и с длинными золотыми веревочками на левых берцах, а у самого лучшего из них, белого цвета с крапинами, как у аиста, правое берцо облегалo золотое кольцо с рубинами значительной величины. Тогда пристав, сняв шапку и вынув из-за пазухи свиток, объяснил повод этого посольства, между тем как мы слушали его стоя: "Великий князь и царь Алексей Михайлович (по обыкновению он пересказал в подробности весь титул царя), узнав о вашем желании видеть которую-нибудь из его птиц, прислал посмотреть вам шесть кречетов из расположения к своему любезному брату, цезарю римскому, Леопольду". Такая потраченная попусту торжественность и пышность обстановки располагала к смеху, и дух, затронутый забавною картиною этого пустого чванства, разразился бы хохотом, если бы, сдерживаясь уважением лица, показывавшего это зрелище, к высокому званию пославшего его, мы не подавили в себе возбужденного расположения к смеху. Итак, обратившись с важным видом к приставу, мы очень расхваливали птиц в напыщенных выражениях и, будто увлекшись удивлением к большому росту их, осведомились, в каких краях они водятся. – "В областях Великого Государя", – отвечал он сухо, положив себе на уста перст Гарпократa, чтобы не выболтать государевой тайны. Поблагодарив за то, что великий князь удостоил нас такого особого почета, мы изъявили одобрение действующим лицам этой комедии самым приятным для них образом, т. е. сделали им подарки и отпустили их". Иронический тон этого рассказа, с оттенком плохо скрытого раздражения, показывает, что австрийское посольство было задето и досадовало на столь нескорое удовлетворение его просьбы; смешного же в обстановке этой церемонии не было ничего, в

особенности для послов, привычных к условностям тогдашнего этикета. Думается даже, что усилия, употреблявшиеся посольством на получение права посмотреть царских птиц, делались ими не столько ради самого желания видеть ловчих птиц, сколько в виде дипломатического способа определить степень расположения русского царя к Леопольду. Птиц с царской кречатни послы легко могли бы посмотреть у некоторых важных бояр.

Хотя вообще ловчие птицы составляли "государеву заповедь"⁸⁵ и продавать их частным лицам воспрещалось весьма строго, однако бояре нередко имели собственную соколиную охоту, и случалось, что государь жаловал бояр, находившихся в особой милости, лучшими кречетами со своей кречатни.

Лет за шесть до описанного случая, бывшего в 1662 году, князю Никите Ивановичу Одоевскому были пожалованы Алексеем Михайловичем с собственной кречатни четыре кречета. У этого князя, подобно боярину Морозову, была, по-видимому, собственная соколиная охота в его имении Вешнякове, в шести верстах от Москвы⁸⁶.

Уход за ловчими птицами заключался в кормлении их, в лечении заболевавших, но главным образом – в "вынашивании", т. е. систематическом приучении диких птиц к охоте.

В отношении корма ловчие птицы требовали особенной заботливости. Кормили их в "уреченное время", т. е. в определенные часы, и непременно самым доброкачественным, т. е. свежим и здоровым мясом – говяжьим, бараньим, но преимущественно голубиным. Для этой цели при кречатне имелся особый голубиный двор, на котором содержались свыше ста тысяч пар

голубей. Голуби собирались сюда со всего государства от крестьян, несших голубиную повинность; но этого бесплатно поставляемого количества голубей не хватало, и приходилось, сверх того, прикупать за деньги, как и другое мясо на корм птицам. В документах того времени попадаются случайные отметки о денежных выдачах на покупку мяса для птиц: так, в 1665 г. в два раза было выдано 30 р., в 1666 г. также в два раза 250 р., в 1668 г. одна выдача на сумму 20 р. и в 1669 г. три выдачи на сумму 222 рубля, 17 алтын и 2 деньги. Эти цифры, взятые сами по себе, ничего не могут разъяснить нам относительно среднего годового расхода на содержание птиц. Только отчасти вопрос освещается следующими данными. Птицам, остававшимся временно до отправки в Москву на руках у двинских (кречатников) помытчиков, как равно и во время следования их в Москву, отпускалось на корм по две деньги в сутки на каждую птицу; но трудно решить, отпускался ли перевозимым птицам усиленный паек или одинаковый с тем, какой полагался для птиц, содержащихся на кречатне. Если верно последнее, то содержание каждой птицы на кречатне должно было обходиться в год 730 денег, что на наши деньги составило бы сумму 20–25 рублей; а как, по свидетельству Катошихина, на кречатнях бывало до трех тысяч ловчих птиц, то, следовательно, ежегодный расход только на один корм птицам мог достигать крупной суммы 75,000 рублей и едва ли бы был под силу тогдашнему бюджету, если бы не существовало голубиной повинности, т. е. бесплатной поставки голубей крестьянами⁸⁷. Так, напр., имеется документ, что в 1660 году сокольник Фома Дорофеев привез 200 гнезд голубей из Данкова (Госуд. арх., No 173, разр. XXVII).

Заболевания ловчих птиц доставляли сокольникам много хлопот и беспокойства, связанного с опасением, что болезнь птицы будет объяснена недосмотром или небрежностью со стороны сокольника, которому поручен уход за нею. А заболевали кречеты и соколы нередко. Болезни их зависели и от несвойственного их природе московского умеренного климата, и от состояния неволи, с которой они, вольные птицы, свывались нелегко. Наиболее частые формы заболеваний были: страдания печени, расстройство пищеварительных органов, болезнь пупа и глазные болезни, кончавшиеся иногда полной слепотой⁸⁸. Лечили птиц домашними способами, и, очевидно, среди сокольников были своего рода знахари.

Чем и как лечили, сказать трудно, но, всего вероятнее, разными целебными травами, о сборе которых Алексей Михайлович часто делает распоряжения в переписке с Матюшкиным.

В случае смерти любимых царских кречетов всем служащим при кречатне угрожал царский гнев и великая немилость, а сокольников за это нещадно пороли кнутом⁸⁹.

Мы уже говорили в I выпуске "Истории охоты", что "вынашивание" ловчих птиц составляло труд крайне серьёзный и крайне беспокойный. Когда вынашивались птицы, всем на кречатне, начиная с рядовых сокольников и кончая сокольничим, приходилось увеличивать свою бдительность до крайней степени напряжения, приходилось жертвовать не только отдыхом, но даже сном. Вынашивание птиц начиналось "держаньем". "Держать" сокола или кречета значило не давать птице в течение некоторого времени спать, и этот промежуток времени колебался от трех до четырех суток. Утомленный продолжительной бессонницей, сокол впадает в состояние беспамятства и из дикой и непокорной птицы становится ручной и повинуетя уже воле "державшего" его сокольника. Если во время "держанья" дать птице заснуть хоть на короткий срок, то этим можно испортить все дело, и предшествующий труд "держанья" становится потраченным попусту. Поэтому "держанье" обыкновенно поручалось самым надежным сокольникам, уже испытанным ранее со стороны их серьёзного отношения к делу. За сокольниками, занятыми "держаньем" кречетов, бдительно наблюдали начальные сокольники, а за теми и другими вместе зорко следил неусыпный глаз Матюшкина или, в его отсутствие, подсокольничий Петр Семенович Хомяков. Иногда "держанье" соколов поручалось даже стольникам государевым, на которых царь мог положиться более, чем на простых сокольников. Когда дикая птица была укрощена и приведена в полную

покорность человеку, приступали к дальнейшим приемам вынашивания. Эти приемы почти не отличаются от ныне практикуемых. Мы опишем их, руководствуясь рассказом Брема и сопоставляя его рассказ с данными, заключающимися в переписке царя Алексея Михайловича с Матюшкиным, Голохвастовым и Хомяковым.

По Брему, обучение сокола, вернее сказать "держанье", начинается с того, что голову птицы покрывают колпачком ("клобучком", по терминологии XVII в.), на ноги надевают кожаные путы ("обносцы") и оставляют без пищи и сна 24 часа, после чего сажают на кулак, снимают колпачок и кормят какой-нибудь птицей. В XVII в. это называлось "клобучечить" сокола. Но как теперь, так и тогда не все ловчие птицы скоро приручались под гнетом "клобучка"; о птицах, долго или совсем не уступавших "клобучеченью", говорили, что они "к клобучку жестоки"; напротив, о тех, вероятно молодых, птицах, которые скоро поддавались действию "клобучка", употреблялось выражение: "к клобучку смирны". Упрямые экземпляры соколов после первого опыта клобучеченья отказывались даже от корма, но в отношении их клобучеченье повторялось без всякого милосердия вновь и на вторые, и на третьи сутки. Лишь немногие соколы стойко выдерживали эту пытку, истощая всякое терпение сокольников. Таких непокорных птиц приходилось приручать, долго вынашивая на руках без колпачка. Как только птица была "исклобучечена", ее начинали "вабить". "Вабить" на старинном языке вообще значило звать; в применении к соколиной охоте "вабить" означало приманивать птицу к корму, заставляя ее пролетать известное расстояние. Сокола сажали на спинку стула, а в нескольких саженях от стула становился сокольник

с "вабилом" в руках. "Вабило" – это или кусок мяса, или убитая птица, или птица живая, но со связанными крыльями. Приманивая сокола "вабилом", сокольник постепенно увеличивал расстояние от спинки стула до своего кулака, на который должен был сесть сокол, чтобы заслужить себе корм⁹⁰. Когда сокол привыкал по воле охотника пролетать до "вабила" с тридцать и более сажень, обучение его из кречатни переносилось в поле, но, чтобы сокол не улетел, в поле на первых порах его "вабили с вервью", т. е. держа его на длинном шнурке, привязанном к путам, или "обношам". При упражнениях на открытом месте, в поле или на лугу, сокольник становится так, чтобы соколу приходилось летать против ветра, потому что по ветру сокол летает неохотно. Каждый раз после таких упражнений птице дают пищу на кулаке, а затем носят до вечера и целую ночь качают ее в кольце, не давая заснуть; на четвертые сутки соколу дают немного отдохнуть в течение ночи, а на следующее утро приступают к новым упражнениям: его свободно сажают на землю без шнурка, но зато в длинных путах, и он вновь должен взлетать на кулак сокольника для получения корма; если он пролетит мимо, за ним ходят и приманивают его "вабилом", пока он не сядет на кулаке. Потом сокола "вабили к лошади", т. е. приучали его взлетать на кулак сокольника, сидящего на лошади. В результате всех этих предварительных упражнений получалось то, что сокол совершенно переставал бояться людей, лошадей и собак. Вслед за этим начинались уже иные упражнения, подготовлявшие сокола к охоте за птицами. Для этого подбрасывали в воздухе мертвую птицу и пускали привязанного на длинном шнурке сокола, позволяя ему на первый раз клюнуть мертвую птицу, но впоследствии вабило

быстро отнималось, и сокол получал птицу на кулаке. Затем вабилом служили живые птицы с обрезанными или связанными крыльями: голуби, грачи, вороны и осорьи или болотные коршуны⁹¹. При ваблении на живую птицу соколу позволяли только "загрызть" ее, т. е. убить, а пищу опять-таки давали с кулака. Дальше в порядке упражнений следовал "выпуск" или "напуск": пред соколом пускали живую несвязанную птицу и, освободив его от клобучка, позволяли лететь за ней. Если сокол, не рассчитав удара, промахнется и не убьет пущенной птицы, его приманивают назад живую птицей со связанными или укороченными крыльями. "Выпуск" соколов на живых птиц, пущенных свободно, был решительным моментом в деле приучения соколов к охоте; совершался "выпуск" с большою осмотрительностью и не иначе, как по личным указаниям самого царя Алексея Михайловича. Так, в письме своем из Калязина монастыря от 11 июня 1650 г. царь, между прочим, пишет Матюшкину: "и вперед живое класть в вабило... а пускать без нашего указа не смеете" (письмо VI). За "выпуск" ловчих птиц без его ведома виновные наказывались жестоко: в 1656 г. посланный из Смоленска в Москву с кречатым челигом Алешка Багач дорогою вздумал напускать челига на птиц и "потерял" его; государь приказал, чрез Хомякова, Алешку "бить кнутом, привязав к кольцу, да посадить его на шесть недель на цепь за то, почему он без государева указа, дорогою едучи, челига напускал на птиц, чтоб на то смотря дуровать иным было неповадно". Одновременно с "выпуском" соколов приучали возвращаться к охотнику с пойманною добычею, что на языке XVII в. называлось "ворочать" сокола. Подготовка соколов к охоте заканчивалась приучением их к борьбе с сильными и хищными

птицами: цаплями, осорьями, коршаками, орлаками и сарычами. При кречатне всегда содержалось большое количество этих птиц, которых частью покупали, а частью ловили сокольники или солдаты во время походов. И в этих упражнениях соблюдалась строгая постепенность, тем более нужная, что борьба с этими хищниками труднее и мудренее, нежели с любой другою птицею. Для того, чтобы облегчить кречету первую борьбу с коршаком, последнего ослепляли; слепой коршак не мог увернуться от удара кречета, и борьба решалась с одной ставки. Следующие упражнения велись уже с коршаком, так сказать, на равных условиях для обеих борющихся птиц; при этом сокольники старались довести число ставок до пяти-шести, но не более, так как приучение сокола к большому числу ставок велось, по-видимому, под непосредственным надзором и руководством самого царя. В отсутствие Алексея Михайловича упражнения с хищниками совершались на молодых и не особенно сильных и резвых экземплярах, а лучшие из этих птиц приберегались для "выпусков", лично производившихся царем⁹². При упражнениях с цаплями и журавлями клюв этих птиц, опасный по своей остроте, обыкновенно вставляется в особый футляр, а шея птицы обертывается мягкой кожей, для того чтобы сокол не мог задушить птицы сразу; при выпуске на цаплю сокол поднимается как можно выше, чтобы сделать удар сильнее, но цапля также поднимается все выше и выше и с необыкновенной быстротой направляет против сокола свой клюв в расчете, что сокол на него наткнется, и если клюв не заключен в футляр, то шансы победы не всегда на стороне сокола. Как приучали сокола в охоте Алексея Михайловича к борьбе с цаплями и какие для этого

делались приспособления, не знаем. При напуске соколов на диких птиц наблюдалось, чтобы соколы не "взыгрывали" и далеко не отлетали; излишнюю резвость и непослушание соколов умеряли диетой и "держаньем"; государь строго приказывал – соколам и кречетам "разметоватца не давать, а доходить сквернами (падаль) да водяниною (сильно вымоченное в воде мясо) да держаньем": от плохого питания птица худела и теряла часть силы и резвости, а от держанья вновь становилась послушней и "вежливей". Выношенных соколов, чтобы они "не засиделись и не забыли добычу", старались упражнять в охоте возможно чаще. В особенности это нужно было для соколов молодых, легко "забывающих добычу"⁹³; Алексей Михайлович наказывал сокольникам почаще "челигов напускать на дикое, чтобы молодежь (т. е. молодые птицы) не остербла", т. е. не переросла, потому что только в молодом возрасте самцы (челиги) легко поддаются вынашиванию. Для вящего успеха при вынашивании молодых соколов и при охоте с ними к ним присоединяли иногда выношенного старого кречета, опытного в охоте, мастера своего дела, чтобы молодёжь могла перенять от него лучшие приемы охоты⁹⁴.

Когда таким образом кречеты были выношены и вполне подготовлены, их брали на настоящую охоту, и часто сам царь "пробовал" вновь выношенных кречетов, наблюдая за их первыми подвигами, отмечая число их ставок и восторгаясь теми из них, которые оказывались подающими большие надежды. Удадь кречетов познавалась ставками. Ставкой называется взлет сокола на высоту, откуда он стремглав кидается на свою добычу, и если не попадет, то взлетает в другой и в третий раз, пока, ринувшись с высоты, не

"заразит" (поразит) птицу. Лучшие кречеты как бы играют со своей добычей, не бьют ее со второй или третьей ставки, а делают их целыми десятками. Чем крутей ставки, чем выше верх, на который вздымается сокол, чем стремительней удар его, тем больше прелесть соколиной охоты. Сокол необыкновенно красив, когда он с поразительной, почти неуловимой для глаз быстротой "падает" на добычу. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тут дело идет не о добыче, не о числе затравленных гусей или уток, тут охотники наслаждаются резвостью и красотой соколиного полета, силой удара и "верхами", до которых всходит сокол. У каждого сокола есть свой "верх", своя обычная высота, на которую он обязательно всходит, прежде чем броситься на добычу. Соколы с "великим верхом" поднимаются в поднебесье так высоко, что для простого глаза кажутся едва приметной точкой, и, чтобы не упустить его из глаз, нужно напрягать зрение до крайней степени. Алексей Михайлович особенно любил и ценил таких кречетов и с наслаждением истинного знатока любовался ими, когда, едва развернув крылья, легкими и изящными взмахами соколы взбирались все выше и выше, купаясь и как бы утопая в воздухе.

При охоте с соколами на "чернь" (галок, ворон и грачей) и на других птиц, соколам позволяли бить птицу "в угон" и "в подлет", т. е. не делая ставок и не достигая верхов. На диких уток соколиная охота производилась "на водах" и обыкновенно в следующем порядке:

Когда царская охота приближалась к водам, где предполагались дикие утки, сокольники с ловчими птицами отправлялись на другую, противоположную от царя, сторону и с таким расчетом, чтобы стать против

ветра и лицом к воде. Место для царя, "где пристойно ему у воды стоять", конечно, заранее намечалось распорядителем охоты. Сокольники спускали одного из соколов – "откидывали" его, а сами садились на лошадей.

Тогда царь подходил к воде ближе, "чтобы мочно было видеть". Как только сокол "стал в лету", т. е. достиг своего верха, к царю приезжал сокольник и докладывал, что "сокол стал в лету и ждет убою", и спрашивал государя, не будет ли приказано "гнать", т. е. так или иначе спугивать дичь с воды и заставить ее лететь. Дичь спугивали с места или при помощи *тулумбаса* – бубна, по которому ударяли *вощагой* – короткой палкой с прикрепленным к ней на толстом ремне деревянным шаром, или же при помощи особых манков и дудочек. Как только дичь была на виду, пускали сокола, и государь подвигался к воде еще ближе, чтобы "видеть было гораздо" все подробности красной охоты. Когда утка была поймана, сокольник докладывал царю, жива ли она, и спрашивал, не следует ли ее отдать соколу "потешиться", или нужно отнять ее у сокола. Если на воде еще оставались утки, то спускали второго сокола, потом третьего, а если утки поднимались и улетали сразу все, то или прекращали охоту, или переходили к другим местам. По окончании охоты ловчих птиц кормили тут же, на поле или у воды, "мало чтобы сыты были"; затем царю подносили особо отличившегося сокола вместе с добычей, и государь любовался удальцом-соколом и ласкал его. При травле гусей сокольники настораживали все свое внимание, так как эта охота не безопасна для сокола: когда сокол вышибет одного гуся из стаи и опустится на него или свалится с ним на землю, то вся стая гусей бросается к погибающему товарищу, и если сокольник не подоспеет, то гуси крыльями и носами не только изуродуют, но даже забьют сокола до смерти. Во время охоты с соколами случались иногда досадные для охотника приключения: бывало так, что кречет, добыв птицу, "учнет валяться с ней на земле" и, сильно

насытившись, станет уже неспособным на этот день к дальнейшей охоте; другой, своенравный и отбойчивый, взмоет и "утечет", и искать его приходилось далеко от места охоты, рассылая во все стороны конных сокольников и гонцов; но еще обиднее было для охотничьего сердца, когда сокол "не слезал", т. е. был не в силах сделать сильный удар сверху. В предупреждение этих досадных случайностей соколов накануне охоты тщательно к ней подготавливали; осматривали их и убеждались, здоровы ли они и "сметали ли", т. е. скинули ли погадку, и тех, которые погадки не скинули, на охоту, как недостаточно здоровых, не брали. Сильных и резвых кречетов кормили вполсыта, чтоб они не взыграли, а утомленных вынашиванием или от природы не сильных кормили досыта, а иначе они могли бы осрамиться – "не слезть". Пред большими и торжественными царскими охотами в течение нескольких дней устраивались пробные охоты с соколами, причем участвовала вся соколиная охота в полном составе⁹⁵.

Большие и торжественные соколиные охоты отличались особенным блеском и роскошью, потому что как охотники, так и ловчие птицы наряжались в парадные одежды и уборы. Для ловчих птиц имелся свой наряд: для обыкновенных охот употреблялся наряд "полевой", из хороших, но простых материй и без особых украшений; напротив, наряд парадный изготовлялся из дорогих материй, шелка и бархата, а украшения к нему были из золота, серебра, жемчуга и других драгоценных камней. Кроме случаев больших царских охот, ловчие птицы убирались в парадный наряд при посылке их в подарок иноземным властелинам и в отдельных случаях вроде описанного

Майербергом предъявления кречетов иностранцам для обозрения.

Составными частями наряда царских ловчих птиц описываемой эпохи были следующие принадлежности: *клобучок*, *нагрудник*, *нахвостник*, *обножи* (иначе называвшиеся обносцами, ногавками, опутами или опутинами), *сильца*, *должик* и *колокольцы*.

Назначение *клобучка* — закрывать птице глаза. Это был колпачок, надевавшийся через голову и затягивавшийся сзади ремешком, причем для клюва птицы оставлялось отверстие. Собственно глаза закрывались у ловчей птицы тою специальною подвижною частью *клобучка*, которая именовалась *совкою*. Клобучки изготовлялись из бархата червчатого, низанного жемчугом; иногда между жемчугом "процвечивалось" шелками зеленым и лазоревым; делались *клобучки* и из атласа; были также *клобучки* "гзовые", т. е. сафьянные, шитые золотом и серебром. Атлас и бархат на *клобучки* шел дорогой венецейский, персидский и турецкий, золотного цвета, иногда совершенно белый или же алый; на бархатном поле вышивались тканью из золота и серебра различные травы и репы, причем иногда репы вышивались серебром, а травы цветным шелком. На подкладку к *клобучкам* шла камка червчатая и червчатая тафта или иногда мелкотравчатая камка. Для стачки *клобучков* употреблялось пряденое золото и серебро и различные шелка. "Отыкались" *клобучки* цевками (моточками) золота. Непременною принадлежностью *клобучка* являлись "задережки" — завязки *клобучка*; задережки были золотные, в виде шнурка, тканного из золота и серебра с шелками; в полевых *клобучках* задережки делались простые ременные.

Нагрудники и *нахвостники*, как показывают самые названия, были наряды, покрывавшие грудь и хвост ловчих птиц. Для охот эти части наряда не имели никакого значения, но они служили для украшения птиц и, подобно клобучкам, делались из дорогого бархата, низанного жемчугом "в перье", т. е. перистообразным узором; на подкладку их шла также червчатая камка.

Обносцы, о значении которых было говорено уже, представляли собою онучки шириною в большой палец, которыми обертывались просторно, воднурядь, ноги ловчей птицы. Полевые онучки делались кожаные или суконные и подшивались тонким и легким суконцем, а парадные приготавливались из дорогого бархата ярких цветов или из шелка и атласа; по яркому желтому, рудо-желтому или голубому фону вышивались золотом и серебром и низались жемчугом; сафьянные обножи имели шитье из волоченого золота; подкладка обносцев, по большей части, делалась бархатная или из червчатой тафты.

"*Сильце*", по всей вероятности, было шнурочек или тесемочка, повязывавшиеся поверх обножей; оно служило для прикрепления кольца, через которое продевался должик. *Должик* же – это тонкий ремень или шнурок длиною в полсажени и более, наглухо одним концом пришитый к охотничьей рукавице; другой его конец продевался через колечко у обножей и держался в руках сокольником: когда нужно было птицу спускать с руки, "откидывать", сокольник выпускал из рук свободный конец должика и птица освобождалась сама, как бы сдергиваясь с должика. Чтобы удобнее было продевать должик через колечко, он снабжался металлическими наконечниками. Должики изготовлялись из шелков и пряденого золота

и плелись в виде шнура; конец, которым должик прикреплялся к рукавице сокольника, снабжался *кляпышкой*, т. е. запонкой или застежкой, а на свободном конце наконечник делался из кованого золота или серебра.

зоркѣ хвѣрѣ ровнѣ
 зорѣ вркѣ лартѣ хвѣрѣ
 лартѣ зркѣ рорѣмѣ ено
 зоркѣ та нѣсѣ неврѣмѣнѣ зрѣ
 рорѣ вркѣ рорѣмѣ хзѣ мѣ
 хрѣ зркѣ зркѣ мѣ есѣ — на мѣ
 та зѣ хзѣ рѣ тѣнѣ тѣ рѣнѣ мѣ
 зркѣ за зѣ хзѣ лѣ хзѣ хтѣ рѣнѣ
 тѣнѣ крѣ нѣ хзѣ лѣ онѣ рѣнѣ вркѣ
 мѣнѣ нзѣ рѣнѣ вркѣ на мѣ тѣнѣ
 лѣнѣ охѣ мѣнѣ лѣнѣ рѣнѣ
 лѣнѣ тѣнѣ зѣнѣ

Собственноручное тарабарское письмо Царя Алексея Михайловича къ столыпику и ласковскому ловчему А. П. Матюшкину.

Сильца также плелись из золота пряденого и шелков, а колечки их были или чистого серебра, или чистого золота, или серебряные вызолоченные. Колокольцы делались или из серебра, или из меди. Колокольцы привязывались к хвосту птицы, именно к среднему перу хвоста, или же прикреплялись у обножей. По звуку колокольца, имевшего вид бубенчика, охотник мог слышать, куда отлетела птица или где, спустившись, она запропала. Колокольцы при охоте с соколами были положительно необходимы, особенно в тех случаях, когда кречет, нападая с высоты на дичь, делает удар не перпендикулярный, а наклонный; в таком случае он сваливается с добычей за полверсты от охотника и более, и колоколец помогает охотнику скоро найти сокола, даже если он упадет с дичью в густую и высокую траву.

Клобучок, обносцы и нагрудник украшались, сверх того, кистями, крученными из пряденого золота или серебра и разноцветных шелков; головки кистей, называвшиеся "*вотолками*", низались жемчугом по червчатому атласу, точно так же как и "*ворворки*" кисти, или подвижные шарики на шнурке над вотолкою кисти. Должик, обножи, нагрудник и нахвостник снабжались кляпышками, которые употреблялись вместо пуговиц или запон. Кляпышки обнизывались очень мелким жемчугом, а обшивались пряченым золотом или серебром.

Все указанные наряды ловчих птиц изготовлялись специальными мастерами в Государевой Мастерской палате; ценность наряда согласовалась с достоинством птицы, для которой он предназначался, и обыкновенно кречеты — царские любимцы — блистали золотом, серебром и драгоценными камнями и переливали всеми цветами радуги. Относительно колокольцев

следует сказать, что, в Москве, по-видимому, их не делали, а выписывали из чужих краев. В 1658 году виленскому воеводе кн. Шаховскому приказано было купить в Вильне 2000 медных колокольцев и выслать в Москву "не замотчав", а если готовых в продаже не окажется, приказать сделать по образцам, присланным из Москвы. Воевода созвал в съезжую избу виленских купцов, показал им образцы и спросил их, есть ли у них такие колокольцы и есть ли в Вильне мастера, умеющие их делать? Купцы отвечали, что ни колокольцев нет у них, ни мастеров в Вильне таких нет, "а привозили де преж сего такие колокольцы из Королевца (ныне Кенигсберг) и то небольшое". Воевода тотчас же отправил человека в Королевец, и тот закупил там 1818 разных колокольцев, применяясь к присланным образцам; купленные колокольцы немедленно были препровождены в Москву.

Заканчивая речь о птичьих нарядах, интересно отметить то обстоятельство, что ястребьи наряды почему-то никогда не украшались жемчугом, который столь щедро низался по нарядам других птиц ловчих⁹⁶.

Ценность парадных птичьих нарядов, в особенности когда они украшались драгоценными камнями, была, вероятно, очень высока. Если прибавить к этому, что сами птицы и их содержание стоили дорого, что много расходов требовал штат служащих при соколиной охоте, что на это удовольствие приходилось затрачивать массу напряженного труда, хлопот и беспокойства, то станет вполне понятным, почему после Алексея Михайловича соколиная охота пришла в упадок и в полное почти забвение. Нужна была исключительная страсть к соколиной охоте, чтобы поставить и обставить ее с такою роскошью, блеском и великолепием, с таким

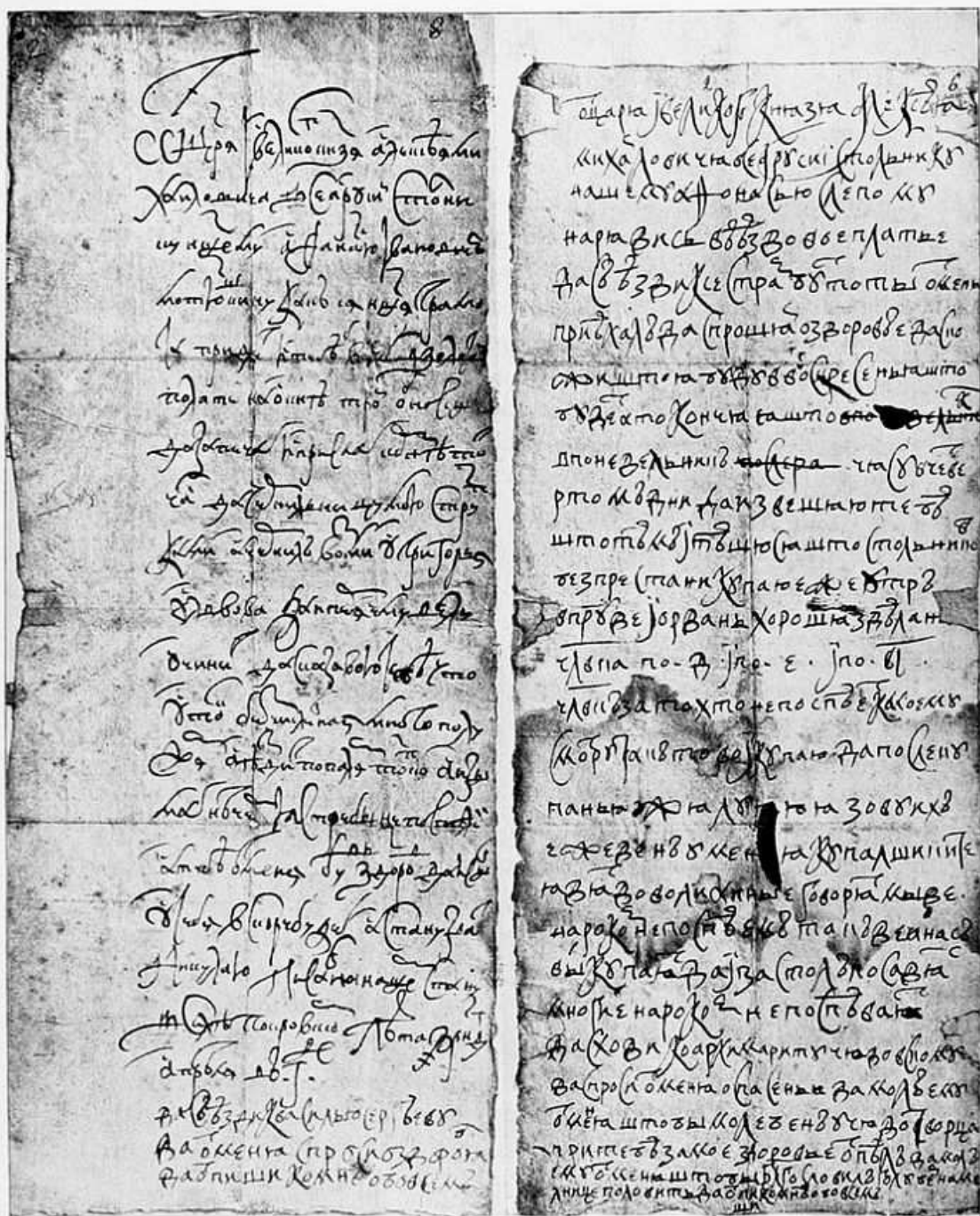
удивительным знанием всех подробностей, как это было при Алексее Михайловиче, но такой страсти у преемников его не было, и время "славной и красной птичьей потехи" прошло и кануло в вечность с кончиной "тишайшего" царя, великого охотника⁹⁷.

С кончиной Алексея Михайловича наряду с соколиной охотой постепенно приходят в упадок и царские зверовые потехи. Это было время их последнего расцвета. Восстановленные Михаилом Феодоровичем в 1619 году, когда по его указу отбирались, как мы знаем, медведи у частных лиц в северной "медвежьей" стороне, медвежьи потехи за весь рассматриваемый период устраивались весьма часто, то как самостоятельное развлечение, то в виде прибавления к охоте, для которой они иногда служили как бы заключением. Характер и формы зверовых потех остаются те же, что и в предшествовавшие века. На двух потешных дворах, находившихся в с. Коломенском и в с. Семеновском, а равно и в Измайловском зверинце, содержалось большое число медведей "дворных", т. е. прирученных и выдрессированных, гонных и диких; кроме того, для потех, но главным образом для травли и боев, медведи поставлялись прямо из леса. Медвежьи увеселения устраивались обыкновенно в Кремле "на дворце", т. е. где-либо на нижнем, под горою, или на заднем государевом дворе близ палат патриарха. Иногда государи тешились на псарном дворе, где удобно было травить медведей собаками. По временам медвежьи потехи справлялись в загородных дворцах, а во время царских походов — довольно часто в селах: Покровском-Рубцове, в Хорошеве и в Тонинском.

В документах этого времени мы не находим прямых указаний на то, устраивалась ли для царей

медвежья "потеха" в собственном смысле, т. е. представление, дававшееся поводчиками с учеными медведями и сопровождавшееся шутками, прибаутками и притчами, по большей части нескромного, а иногда и прямо непристойного содержания. Быть может, к этому времени вкус к подобным представлениям успел пройти и исчезнуть, по крайней мере, у самих государей. Зато другие виды медвежьей потехи – борьба, бой с дикими медведями и травля их собаками – были очень любимы обоими первыми царями из дома Романовых. Борьба устраивалась обыкновенно с медведями "дворными"; устраивалась с ними и иная потеха: их "дразнили", бегая пред их глазами и беспокоя их барабанным боем; раздраженный медведь старался настигнуть и, так сказать, поучить тревожащего его охотника, а тот ловко от него увертывался. Впрочем, исход борьбы и указанной потехи часто был не в пользу охотников побороться с медведем; медведи частенько драли смельчакам зипуны, кафтаны и штаны; нередко изъян был и еще существенней: медведи "ломали" и "мяли" смельчаков, "изъедали" им руки и головы, "выламывали зубы", портили губы и глаза, словом, наносили им нешуточные повреждения; но нужно сказать, что в документах этого времени мы не встречаем ни одного случая медвежьей потехи со смертельным исходом борьбы для участвовавших в ней лиц. Еще опаснее были по возможным последствиям бои с медведями. Они устраивались почти исключительно с дикими медведями, или с мало обжившимися на потешных дворах, или же со взятыми прямо из леса. Бойцы выступали против медведей с одними вилами, как и прежде, и нужно было много иметь силы, самообладания и ловкости, чтобы, не упустив лучшего

момента, посадить зверя на вилы. Это была борьба прямо-таки страшная, это было зрелище, которое могли выносить только надежные нервы людей XVII века.

Письма Царя Алексея Михайловича кь стольнику А. П. Матюшкину.

Травили диких медведей собаками крупных пород – волкодавами и "британами", т. е. бульдогами. Каждый год на Масленой неделе устраивалась травля и медвежья потеха для всенародного увеселения на Москве-реке, на льду⁹⁸. Впрочем, в этом случае травили и других зверей: волков и лисиц. Рейтенфельс, сам видевший это зрелище, отзывается о нем как об очень забавном: собаки и медведи не могли крепко держаться на ногах, скользили и падали на лед, к большому удовольствию глазевшей толпы народа.

Сколько можно судить по документам – постоянных, так сказать, штатных бойцов и борцов с медведями при потешных дворах государевых не было. Боролись и бились с ними добровольцы, большею частью, правда, принадлежавшие к чинам охоты. Кто чувствовал в себе силу, удаль и задор, тот и шел померяться с медведем, снискать себе царское внимание и лестную молву в народе. Одних манило на борьбу корыстное желание получить обычную награду, других влекло к ней желание славы и успеха, а третьих – просто богатырская сила и молодецкая удаль, не ведающая страха, не боящаяся смерти, потому что на миру – на глазах царя и народа – иному смельчаку и смерть красна. Вот почему в ряду бойцов и борцов мы встречаем в этот период людей различного положения. Бились и боролись с медведями: князя (Гундуrow), боярские сыны, жильцы; чины охот царских – зверовщики, псовники, пешие и конные псари, охотники Ловчего пути, птичьи стрелки; царская прислуга – конюхи, постельные истопники и сторожа, подключники; выходили на бой стрельцы; частные и, может быть, случайно попавшие в Москву люди – какие-то нижегородец и черкашенин (малоросс); люди боярские: Морозова, кн. Черкасского и ловчего

Леонтьева, причем среди этих борцов один был слепой – человек кн. Черкасского, по имени Андрей; наконец, в ряду борцов и бойцов упоминается также один заезжий самоед с Канина Носа⁹⁹.

Бойцы и борцы с медведями получали из казны обычную награду в виде английских сукон и других материй на платье. Размер и ценность этих наград оставались прежние и колебались от 2 до 3 рублей, и лишь в редких случаях стоимость подарков достигала 8–11 рублей. Если смельчаков не устрашала опасность и не смущала ничтожность награды, то нужно согласиться, что эти дикие по нашим понятиям забавы были во вкусе своего времени и отвечали уровню умственного и эстетического развития тогдашнего общества. За это говорит и тот факт, что существовала особая профессия медвежьих поводчиков, ходивших по городам и забавлявших простой народ медвежьей выучкой и прибаутками, без сомнения скабрёзного содержания, так как от 1657 г. дошла до нас грамота ростовского митрополита Ионы, в которой он под страхом отлучения от церкви запрещает своей пастве принимать в свои дома поводчиков с медведями¹⁰⁰.

Помимо медвежьей потехи, для государей устраивалась также потеха львиная. Львы, как мы знаем из I т., впервые появились при дворе русских государей при Феодоре Иоанновиче, и, вероятно, тогда же был устроен для них особый львиный двор, находившийся, как говорит Забелин, у Китайгородской стены, где теперь губернские присутственные места. Известны за этот период два случая львиной потехи: в 1618 г. тешил государя Михаила Феодоровича дрессированным львом, вывезенным из Кизильбаш (т. е. Персии), рязанец Гришка Иванов, а в 1648 г., при Алексее Михайловиче, со львом выходил на медвежьей

потехе зверовщик Сила Зерцалов¹⁰¹.

При Михаиле Феодоровиче появилась и другая редкая потеха: приведены были слоны, которыми и тешил государя в 1625 и 1626 гг. арап Тчан Ивраимов. Дальнейшая судьба этих слонов неизвестна¹⁰².

Кроме того, иногда устраивались для царского удовольствия бега северных оленей, на которых ездили самоеды, пригонявшие их в Москву, как кажется, в виде обычной дани царю от самоедского населения. Бега происходили на царском дворе, там же, где и медвежьи потехи¹⁰³.

Глава III

Внутреннее устройство царских охот в XVII веке

По внутреннему устройству царская охота при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче распадалась, как и прежде, на два больших отдела, сохранивших за собой старинное название путей – сокольничьего и ловчего. Несмотря на огромную важность, какую охота имела в обиходе тогдашней жизни, для исключительного заведования делами царских охот не существовало специального органа или особого учреждения. При Михаиле Феодоровиче вся царская охота состояла при Конюшенном приказе, а дела, касавшиеся личного состава царских охот, ведались Приказом Большого дворца. При Алексее Михайловиче, с учреждением Приказа тайных дел, заведование делами охоты распределилось между несколькими приказами. Любимая государева летняя потеха, т. е. соколиная охота, вся целиком перешла в ведение Приказа тайных дел, где сосредоточены были и разбирались под личным руководством самого царя государственные дела первой важности и дела, касавшиеся лично особы государя. Зимняя потеха, т. е. зверовая охота, ведалась по-прежнему Конюшенным приказом. Охота промысловая, связанная с ясаком, состояла в заведовании двух приказов: Сибирского и Казанского дворца¹⁰⁴.

Непосредственное заведование царскими охотами в административном и техническом отношениях, исключая хозяйственного, возлагалось на особых лиц, избиравшихся лично государями из среды людей, к ним приближенных и пользовавшихся полным царским

доверием. Приблизительно до 1620–1621 гг. каждый из двух отделов царской охоты имел своего отдельного начальника и руководителя: птичьей охотой заведовал сокольничий с помощником, называвшимся подсокольничим, а зверовой охотой распоряжался ловчий Московского пути. После 1620 г. обе эти должности замещаются одним лицом – ловчим Московского пути, и звание сокольничего упраздняется, хотя должность и звание подсокольничего продолжают существовать и после этих перемен. Мы знаем, что и в прежние времена относительно двоеначалия в области охот существовало колебание и должности сокольничего и ловчего то разъединялись, то вновь сливались, что, должно полагать, вносило некоторый беспорядок в управление охотами, лишая распоряжения по охоте должного единства и согласованности, и, вероятно, порождало обычные по тем временам раздоры и споры местничества. Ближайшие поводы к упразднению должности сокольничего остаются, впрочем, неизвестными. Пока в области управления царской охотой существовало двоеначалие, соколиною охотой с 1615 до 1621 г. заведовал думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин¹⁰⁵, а зверовой – Григорий Григорьевич Маматов. В современных документах Маматов неизменно называется "тверским ловчим", но уже с 1618 г. фактически заведует царскими зверовыми охотами в Московском пути, устраивает их и сопровождает царя Михаила Феодоровича в его охотничьих поездках и богомольных "походах", словом, действует, как настоящий московский ловчий. Нам думается, что, устраивая свою охоту по старине, как прежде водилось, Михаил Феодорович имел намерение восстановить и должности провинциальных ловчих и в

этих видах назначил Маматова ловчим Тверского пути. Но до Смутного времени у провинциальных ловчих было и прямое дело, и действительные права: они заведовали промысловую охоту на царских угодьях в том или другом "пути", устраивали зимнюю потеху для царей, когда последние приезжали в их "путь", и за это получали во владение слободы, деревни и пустоши. К началу XVII в. промысловые царские охоты приходят в упадок сначала от внутренних, естественных причин, а затем Смутное время еще сильнее расстроило их и свело на нет, как это и обнаружилось при назначении Маматова в тверские ловчие. В 1618 г., вскоре после своего назначения в ловчие Тверского пути, Маматов бил государю челом, "что тверская псарская слободка от ли .... (литовского) .... разоренья и от пожару .... (вконец) .... запустела, а деревни в раздаче, а пустоши заросли лесом", почему он и просил государя пожаловать ему вместо пустошей и деревень, которыми владели прежние тверские ловчие, кашинскую псарскую слободку. Челобитье его было уважено¹⁰⁶; однако, сохраняя за собой звание тверского ловчего, Маматов на самом деле остался ловчим Московского пути. Факт этот указывает, что в XVII в. уже не было действительной нужды в местных органах и учреждениях по заведованию царскими охотами в провинции; да и в документах нет указаний на существование подобных учреждений. Весьма вероятно, что дела, касавшиеся царских охот в провинции, вошли постепенно в круг общих дел, подведомственных местным административным властям.

В качестве московского ловчего Маматов действовал приблизительно до 1621–1622 гг. После этого времени, до 1635 г. включительно, должность

ловчего оставалась, по-видимому, незамещенной, а царскими охотами заведовал один из чинов Ловчего пути, Тимофей Иванович Усов; какую он занимал должность в охотничьей иерархии, мы не знаем, но во всяком случае это был не рядовой охотник, а по меньшей мере начальник¹⁰⁷. В 1635 г. в московские ловчие "сказан" Иван Феодорович Леонтьев¹⁰⁸; в 1649 г. преемником ему был назначен Афанасий Сафонтьевич Заболоцкий, ходивший в ловчих до 1655 г.¹⁰⁹. С 1655 г. и до конца рассматриваемого периода должность ловчего с честью занимал достопамятный в истории охоты стольник и друг царя, боярин Афанасий Иванович Матюшкин¹¹⁰. Ближайшими помощниками Матюшкина, как уже говорено, были: Петр Семенович Хомяков, занимавший должность подсокольничего, и стольник Василий Яковлевич Голохвастов. Занимал ли Голохвастов какое-либо официальное положение при охоте, сказать с уверенностью не беремся, хотя можно предполагать, что он был начальником Семеновского потешного двора; во всяком случае роль и влияние Голохвастова в области царской охоты были почти так же значительны, как и боярина Матюшкина: ему самим царем сообщались сделанные Матюшкину царские распоряжения по охоте¹¹¹.

В непосредственном распоряжении ловчего и в полном ему подчинении состоял многочисленный служебный персонал зверовой и птичьей охот и прочие лица, по занятиям связанные с охотой. По отделу зверовых охот упоминаются следующие чины: *охотники Ловчего пути, псовники, псары конные и пешие, "выжлятники, приказчики борзых собак (приказчики псарные), корытные приказчики, наварщики, зверовые охотники, зверовщики, медведчики и слоновщики"*. По отделу птичьей охоты:

"сокольники ловчие, кречетники, сокольники, ястребники, помытчики, птичьи стрелки", наконец, "состоящие при кречатне" и клобучечные мастера при кречатне.

Кроме указанных чинов, к составу служивших при царской охоте принадлежали *охотничьи сторожа* и *конюхи* разных наименований, как то: *стремянные*, на обязанности которых лежало подводить царю и принимать из-под него коня, *задворные*, заведовавшие провиантом лошадей, и *стряпчие*, на которых лежал уход за лошадьми, каретами, санями и сбруей. Затем, к составу администрации царских охот принадлежали также *подьячий* и *лекарь потешного двора*; последний с окладом содержания по 5 руб. в месяц. В числе чинов Ловчего пути имелись *трубники* и *сурначи* и *накрачеи*, прямое свидетельство о которых относится к 1630 г. (Дворц. раз., т. II, стр. 135, 137 и 200).

Нет сомнения, что в административном и техническом отношениях царская охота XVII в. была организована прочно и целесообразно; но восстановить все подробности этой организации, по отрывочности и скудости данных, нет возможности. Разбираясь в тех данных, которые сохранились относительно организации охот в различных документах, можно усмотреть две главные черты, характеризующие старинную организацию охот. Во-первых, как и всякое сложное дело, она возникла не вдруг, но развивалась постепенно, и по мере нужды, в видах разделения труда и успешности всего охотничьего дела, в составе царских охот восстанавливались старые и образовывались новые должности; для примера отметим, что псарные и корытные приказчики появляются не ранее 1620 г., наварщики – с 1644, а

выжлятники и еще позднее – с 1663 года. Во-вторых, в тогдашней организации охот, в особенности с тех пор, когда во главе ее стоял и властвовал единолично ловчий, строго было проведено начало иерархического подчинения: служившие делились на начальных и рядовых; последние подчинены были и действовали по указанию первых, а первые руководились непосредственными распоряжениями ловчего; сообразно с этим распределялась и служебная ответственность, и при упущениях сильнее платился тот, кто выше был поставлен, у кого больше было власти и прав. При многочисленности личного состава охот и при довольно сложном разделении занятий в охотничьем обиходе такой порядок был и естественен, и целесообразен.

Все лица, состоявшие при царской охоте, как бы ни было незначительно их положение, считались на действительной царской службе. Их занятия были не вольным заработком, но именно царской ответственной службой. Их принимали на службу по присяге – "крестоцелованью", – а в отпуск увольняли по очереди. (Письмо Матюшкина к царю Алексею Михайловичу от 1650 года, читаем: "...А сокольник новой, Мишка Семенов, креста... не целовал" ("Чт. в Общ. истор. и древн. росс.", год 3, No 5, стр. 139). Приводились к присяге даже конюха, и вот что гласит "припись к крестоцеловальной записи конюхом стремянным": "а что пожаловал Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Росии, велел мне, имрак (имя рек), быти на своей государевой конюшне и в стремянных конюхах, и мне Государева, Царева и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Росии здоровья во всем оберегати, и зелья и коренья лихого в их государские седла, и в узды, и в войлоки, и в

рукавки, и в наузы, и в кутазы, и в возки, и в сани, и в полсть санную, и в ковер, и в попонку, и во всякой их Государской конюшенной наряд, и в гриву и в хвост у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, самому не положить и мимо себя никому положить не велети"¹¹². Через известные промежутки времени, посвященного службе, чины охоты пользовались правом отпуска, который характерно назывался тогда "пущением в гулящую". Дабы не было ущерба делу, отпуском пользовались по заранее установленной очереди, и, как кажется, на срок не свыше одного месяца¹¹³. Персонал царских охот представлял собою довольно замкнутую среду и пополнялся новыми членами из среды молодёжи, принадлежавшей к семьям служащих охотников; в те времена, впрочем, почти всякое занятие было наследственным, и сыновья обычно продолжали занятия своих отцов, и вот почему на протяжении всего рассматриваемого периода в списке царских охотников много встречается лиц с одним и тем же прозвищем или фамилией. В исключительных случаях в состав царских охот принимались охотники, ранее служившие в частных боярских охотах: в 1666 г. приняты были на службу три конных псаря и один пеший, бывшие до того времени в составе охоты князя Черкасского, и, вероятно, то были мастера своего дела, потому что их не только приняли, но даже наградили за приход¹¹⁴. Что касается обязанностей, лежавших на отдельных чинах охоты, то они явствуют уже из самых названий. В этом отношении по отделу зверовой охоты сведений и подробностей имеется гораздо меньше, чем относительно охоты соколиной. Из второстепенных чинов зверовой охоты первое место, без сомнения, принадлежало *псовнику*. В деле устройства зверовых

охот — были ли то "лосиные осоки", или "оклад волков", или охота за медведями — псовник был главным помощником ловчего; псовник заранее исследовал места предполагаемой охоты, сыскивал зверя и все подготовлял для вящего успеха охоты. Должность эта, как кажется, замещалась людьми не простого происхождения, но дворянского, так как в документах они именуются с отчеством: Василий Федорович Усов, Степан Прокофьевич Ябедин. За устройство зверовых охот и личное участие в них псовники награждались шелковыми материями или английскими сукнами, от 4 1/2 до 5 аршин, причем цена шелковых материй доходила до 26 алтын с лишним, сукон — свыше рубля¹¹⁵.

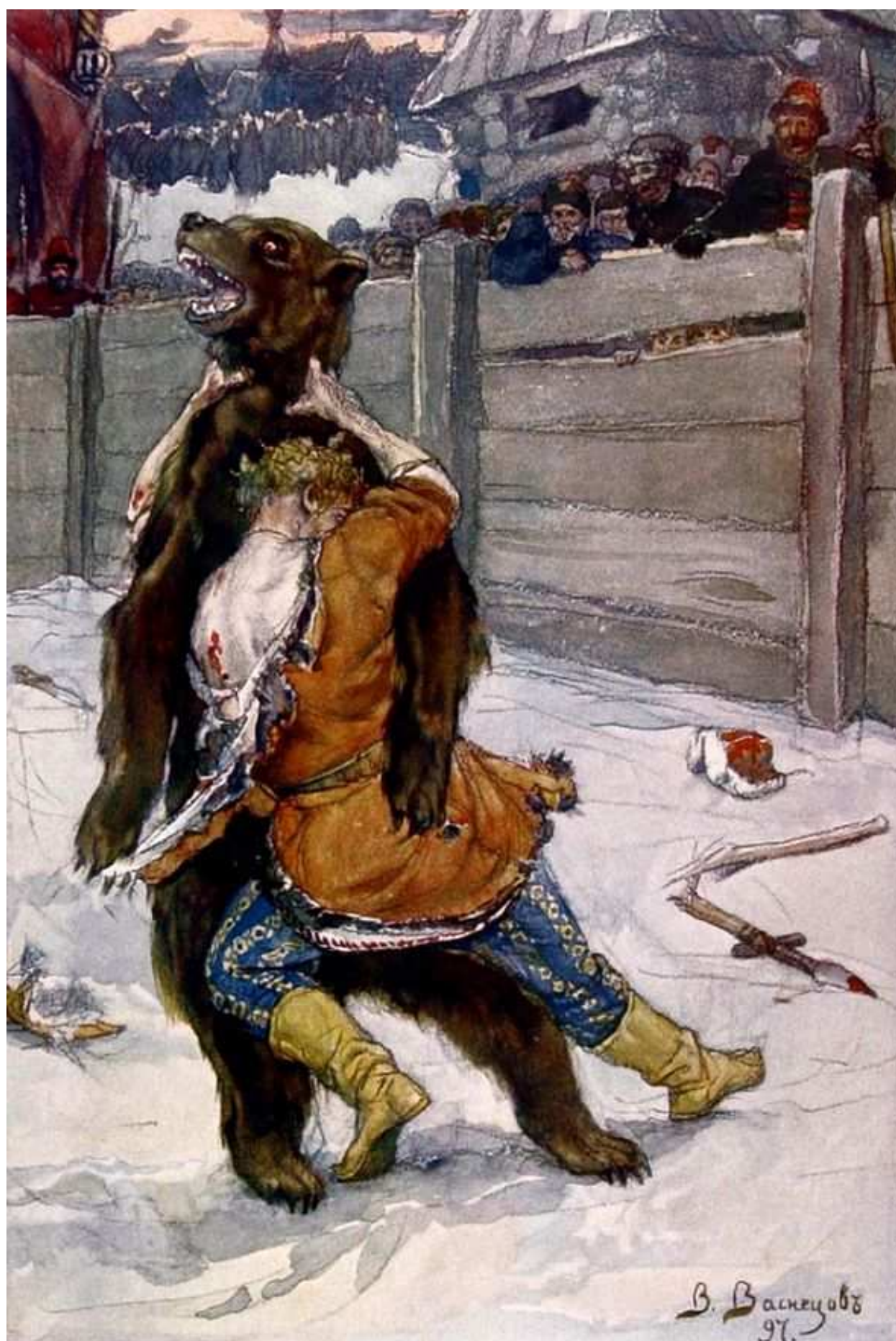
За псовником стояли *охотники Ловчего пути*. Обязанности их, сколько можно судить, были существенно те же, что и нынешних вабельщиков. Они окладывали зверя в осок, производили зверовые облавы и принимали самое деятельное участие в ловле лосей и медведей. По-видимому, существовал определенный штат для этих чинов охоты, потому что число их с постоянством колеблется от 14 до 20 человек. В награду охотники Ловчего пути получали или английские сукна или сукна настрафилевые, по доброте уступавшие английским. Во всяком случае стоимость награды охотникам Ловчего пути почти приближалась к стоимости наград, выдававшихся псовникам¹¹⁶.

Псаря конные и пешие составляли самую многочисленную группу в составе чинов царской охоты; число конных псарей доходило до 70, пеших до 30. Для ухода за собаками и натаскивания их из среды псарей назначались особые *выжлятники*, заведовавшие гончими собаками; борзыми собаками

заведовали *приказчики борзых собак*; *корытные приказчики* ведали корм собак; наконец, *наварищики* порыскали в лесу во время самых охот. Судя по числу псарей, можно думать, что в XVII в. царская псарня была чрезвычайно богата собаками. Конные и пешие псари получали награду не за каждый отдельный охотничий поход государей, но однажды за целый ряд охот, происходивших в течение года. Им выдавалось по портищу (кусок) сукна, от 4 до 5 аршин, среднего достоинства, ценою от 1 р. 20 алтын до 2 руб. с полтиной¹¹⁷.

Зверовщики, медведчики, зверовые охотники и конные и пешие псари, помимо настоящих охот, принимали самое деятельное участие в медвежьих потехах, травлях и боях, и некоторые из них на этом поприще составили себе имя и славу. При царе Михаиле особенно знаменит был пеший псарь Кондратий Корчмин. В 1616 году, в ноябре, на большой потехе на дворце вместе с семьёю товарищами, такими же псарями, Корчмин бился с медведями, и они на нем зипун изодрали; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1618 г. в январе, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году, сентября 11-го, вместе с товарищем, тоже псарем, тешил государя на старом Цареве-Борисовском дворе дворными медведями-гонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его — голову. В январе 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами-псарями; все они бились с дикими медведями вилами. В феврале того же года, на мясной неделе в среду, как государь тешился гончими и дикими медведями, был на потехе и Корчмин вдевятером с товарищами; медведи драли на

них кафтаны. В 1622 году, февраля 28-го, на Масленой неделе в четверг, Корчмин опять с братом Иваном и тремя товарищами-псарями был на потехе, бился с медведями вилами. В июне 1625 г. он тешил царя тою же потехою в селе Рубцове. В ноябре 1628 года бился с диким медведем вилами и медведя вилами поставил, да он же в селе Рубцове пред государем на потехе убил медведя рогатиною, за что и получил награду с прибавкою: 5 аршин тафты и 4 аршина сукна.

Таким образом Корчмин увеселял государя, т. е. ходил на медведя, в течение десяти лет, а может быть и больше, так как не сохранилось полных погодных записок об этой потехе.

Другой герой этой потехи, конный псарь Алексей Меркульев, ходил на медведя в течение двадцати лет с лишком, с 1630 г. до 1651 г. Третий псарь, Петр Молчанов, стаивал на потехе более тридцати лет, с 1620 по 1651 г.; четвертый – Осип Молчанов – около 25 лет. Многие другие конные и пешие псари также не по разу, а много раз тешили государей медвежьими боями. Подвиг медвежьего поля становился иногда достоянием целого рода: таковы были указанные выше псари царя Михаила, Петр и Осип Молчановы, может быть, отец и сын или братья; при царе Алексее отличались на медвежьих боях сыновья Осипа Молчанова: Матвей и Иван, а также их родственники: Михаил, Любим и Фаддей Молчановы. Славна была также и семья Озорных: отец Богдан Озорной потешал царя Михаила, а сыновья его, Никифор и Яков, – царя Алексея Михайловича¹¹⁸.

Внутреннее устройство соколиной охоты в царствование Алексея Михайловича представляется в следующем виде: все ловчие птицы, находившиеся на царских кречатнях, распределены были по "статьям". Сколько было таких "статей", или отделов, и сколько птиц приходилось на каждую статью, об этом судить невозможно за отсутствием в документах указаний. Во главе "статьи" стоял "*начальный*" сокольник, в непосредственном ведении которого находилось известное число "*рядовых*" сокольников, кречетников и ястребников. Начальному сокольнику, таким образом, вверялись здоровье и целостность государевых птиц, поэтому должность начального сокольника была

и почетна, и ответственна; поставление сокольников в "начальные" сопровождалось торжественной церемонией, установленной "урядником сокольничья пути".

"Урядник Сокольничья пути" написан если не самим царем Алексеем Михайловичем, то по его, без сомнения, мысли и под его редакцией кем-либо из стоявших во главе соколиной охоты; составлен он по случаю пожалования в начальные сокольники рядового сокольника Ивана Ярыжкина, но впоследствии, как установившийся обряд, применялся при каждом новом назначении из рядовых в начальные сокольники. Заимствуя изложение "чина" у Забелина, опишем подробно порядок этой любопытной церемонии.

Прежде всего наряжали, т. е. убирали, переднюю избу Сокольничья пути, т. е. сокольничего потешного дворца, в которой на первом месте, в переднем углу, вероятно на лавке, устраивали место для государя: постилали на лавке ковер, на котором клали сголовье, подушку из пуха диких уток, для царского седалища. Против царского места среди избы устраивали место для посвящения в начальные сокольники. Оно называлось *поляново*; подразумевали под этим словом поле — главное поприще деятельности возводимого в начальные сокольники. Поле это устраивалось таким образом: клали на пол сена и накрывали попоною; по углам ставили четыре стула для птиц. На стулья сажали двух кречетов, самку и самца, и двух соколов, также самку и самца. Позади "полянова уряжали стол", на котором раскладывали наряд птичий: клобучки, колокольцы, обножцы и долгики, — и наряд сокольника: шапку горностайную, рукавицу с притчами, перевязь (чрез плечо) с небольшою бархатною сумкою, шитою золотом, в виде

райской птицы гамаюна, в которой хранилось письмо, а в нем писано "уставление, укрепление, обещание нововыборного", наконец, вабило, вацагу, рог и полотенце. Около стола стояли чинно рядовые сокольники и держали птиц; другие стояли без птиц подле лавок; все были одеты в лучшие платья. Урядив и устроив все по чину, одевали нововыборного в новый цветной кафтан, жалованный государем по случаю торжества, и в желтые сапоги. В этом первоначальном наряде он выходил до времени в другую избу. Когда все было готово, государь входил в избу и садился на своем государевом месте.

Мало повременя, подсокольничий бережно подступал к государю и докладывал следующими словами: *"Время ли, государь, образцу и чину быть?"* – *"Время. Объявляй образец и чин"*, – отвечивал государь. Подсокольничий приказывал поднести к себе челига и, *"мало поноворя"*, объявлял начальным сокольникам: *"Начальные! время наряду и час красоте"*. Тогда сокольники церемониально наряжали птицу, клали на нее обножцы и должик, колокольцы и клобучок, а затем наряжали в большой наряд по чину и остальных птиц, которые отдавались в ведение нового начального сокольника. Снова подсокольничий чинно подступал к государю и докладывал: *"Время ли, государь, принимать и по нововыборного посылать и украшение уставлять?"* – *"Время"*, – отвечивал государь, – *"примай и посылай и уставляй"*. Возвратясь на свое место, подсокольничий требовал рукавицу, *"вздевал ее тихо и стройно"*. Потом, *"поправляясь и поучинясь и перекрестя лицо свое"*, поднимал челига премудровато и образцовато; подступал к государю благочинно, смирно, урядно; становился поодаль человечно, тихо, бережно, весело и

кречета держал честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно к ведению человеческому и ко красоте кречатей". Постояв мало, он посылал по нововыборного первого рядового сокольника, молвив: *"по государеву указу зови нововыборного к государственной милости; се время чести и части его быти, и час приблизился его веселию, чтоб шел не мешкав"*. Посланный отправлялся в другую избу, где ожидал нововыборный, и передавал ему "честные речи" подсокольничего, на которые поставляемый отвечал: *"Готов идти к государственной милости, и не по моей мере такая его государственная милость ко мне убогому, холопу его государеву: и иду за тобою тотчас"*. Посланный шел вперед один и докладывал, что нововыборный идет тотчас. Мало поноворя, нововыборный подходил к дверям передней избы, здесь останавливался и посылал своего поддатня сказать подсокольничему, что он, нововыборный, пришел. По приказу подсокольничего нововыборный входил в избу по чину, в сопровождении двух старых рядовых сокольников; войдя и став рядом, они молились и затем ожидали речи подьячего. Соколиный подьячий по чину докладывал, что нововыборный великому государю челом бьет. И нововыборный с товарищами кланялся государю до земли. Затем два старых сокольника по возгласу подсокольничего брали нововыборного под руки и ставили на поляново среди четырех птиц; взяв от него шапку, кушак и рукавицы, они отступали в сторону и становились по бокам стола с нарядами.

Тогда начальные сокольники брали со стола наряд: один — шапку горностайную, другой — рукавицу с притчами, третий — перевязь с сумкой, четвертый — тесьму золотую, а остальной наряд брали на руки

поддатни нововыборного: один держал вабило, другой – ващагу, третий – рог и четвертый – полотенце. Вслед за этим, мало подождав, подсокольничий докладывал: *"Время ли, государь, мере и чести и укреплению быть"* – *"Время, укрепляй"*. – Отходя на прежнее место, подсокольничий возглашал: *"Начальные! время мере и чести и удивлению быть"*. Сокольники подступали к нововыборному и обряжали его. Один, начиная с младшего, опоясывал тесьмою, другой надевал перевязь, третий рукавицу с притчами, а старший, стоя у наряда, держал шапку до указа. Потом подступали подначальные нововыборного и обряжали его в остальной наряд: к левому боку прицепляли за кольцо вабило, на правый – также за кольцо – ващагу и серебряный рог и наконец привешивали полотенце.

После небольшой паузы подсокольничий кликал подьячего, который, подступя к нововыборному и вынув из сумки-гамаюна письмо, читал его громогласно и торжественно. В этом письме излагались обстоятельства пожалования, обозначались даруемые нововыборному награды, и в заключение в виде наказа объяснялось, какими добрыми качествами должен обладать пожалованный начальный сокольник и как должен исполнять свои новые обязанности. Здесь изображался идеал премудрого, доброхвального, достоверного охотника, и выражалось обещание и послушание его доброе. Вслед за сим представлялась и отрицательная сторона, всякое дурно, к которому мог уклониться он и которое необходимо влекло за собой неумолимый суд и казнь, точно так же как первое вело к царской милости и жалованью. Но, чтобы нововыборный мог нагляднее себе представить и тверже запечатлеть в памяти, что добро и что зло, и то, и другое изображено было притчами на рукавице, на

которую в конце речи предлагалось ему смотреть. Притча – это символический рисунок; на рукавице такие притчи могли быть вышиты шелками или золотом или же расписаны красками по материи. Нетрудно догадаться, какого рода и какого содержания были притчи на этой рукавице. Без сомнения, здесь были изображены в лицах не только более существенные обряды пожалования, но и самые предметы награды. Это было явное, в лицах изображенное добро, которое мог получить новоизбранный за честную и верную службу.

Точно так же были изображены путы железные, и в лицах – тюрьма, ссылка и казнь беспощадная – зло, которого должен ожидать сокольник за дурное поведение и за дурные качества. Смотря на эти изображения, сокольник сильнее чувствовал и глубже проникался содержанием речи, излагавшей его обязанности в следующем виде: *"И тебе бы, видя нашу государеву такую премногую и прецедрую к себе милость, во всем добра хотеть от всея души своея, и служить и работать верою и правдою, и тешить нас, великого государя, от всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всем нашем государеве повелении быть готову с радостью, и во всякой правде быть постоянну и твердо и однословну, и от всякого дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилежно и бескучно, с радостью и охотою, и подначальных своих сокольников любить как себя, и ото всякой дурости унимать их без всякия хитрости, и им не потакать, и во всяком их плутовстве и неистовом деле не покрывать, и быть к ним любительну и грозну, и во всяком непослушании их себе извещать на них подсокольничему. И будет по сему нашему государеву указу вся сия исправиши с радостью, и ты от нас,*

великого государя, наипаче пожалован будешь. А будет учнешь быти не охоч, и не радетен, и во всяком нашем государеве деле непослушлив, ленив, пьян, дурен, безобразен, и к подсокольничему и ко всей братье к начальным сокольникам непокорен, злословен, злоязычен, клеветлив, нанослив, переговорчив, и всякого дурна исполнен, и тебе не токмо связану быть путы железными или подписану за третью вину, безо всякия пощады, быть сослану на Лену. И будет хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу, и там явного всякого добра и зла насмотришься, и радоватися начнешь и сумневатися (обдумывать свои поступки) станешь. И тебе бы, видя нашу государеву милость к себе, нам великому государю работать без всякого збойства (не уклоняясь от того, что должно) и лукавства: а милость наша государева с тобою да умножится". После этой речи, поклонившись государю до земли, новопожалованный сокольник говорил в ответ свою речь такого содержания: "Готов тебе, великому государю, служить верою и правдою, и обещаюся во всякой правде постоянен и однословен быть, и тебя, великого государя, тешить, и ездить, и радеть и ходить за твоея государевою охотою до кончины живота своего, кроме всякия хитрости". Исправя эту речь, новопожалованный кланялся государю до земли дважды, а подьячий, свертев письмо, клал его в сумку-гамаюн.

Теперь наступал самый торжественный момент обряда, на что указывает уже одно употребление условного, таинственного языка. Подсокольничий докладывал государю: "Врели горь сотьло", т. е., с пропуском некоторых слогов в словах, говорил: "Вре(мя) ли, го(суда)рь, со(верш)ть (де)ло?" – "Сшай дар", отвечал государь: "С(овер)шай дар".

Подсокольничий подходил к новопожалованному весело и дерзостно и провозглашал: *"Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, указал тебе свою государеву охоту отдать челига кречатья и иныя птицы; и тебе бы ходить за его государевою охотою прилежно, с радостью от всего сердца своего, и хранить его государеву охоту, яко зеницу ока, безо всякия лености, со всяким опасением, и его государя тешить до кончины живота своею безо всякия хитрости"*. С последними словами подсокольничий отдавал новопожалованному кречета. Тот принимал кречета "образцовато, красовато, бережно; держал его честно, смело, весело, подправительно, подъявительно к видению человеческого и к красоте кречатьей; стоял урядно, радостно, уповательно, удивительно"; и, приняв кречета, не кланялся, доколе не положат шапку, потому что шапкою венчалось все дело. Мало погодя, подсокольничий снова возглашал, обращаясь к старшему начальному сокольнику: *"Первый начальный (такой-то)! Закреплай государеву милость"*. И начальный сокольник возлагал на пожалованного горностайную шапку, которую тот сейчас же и снимал, потому что начальный, надевая на него шапку, провозглашал следующую речь: *"Бей челом государю на его государской премногой милости, и памятуй его государеву такую неизреченную и премногую милость до кончины живота своего, и обещания не позабывай, и послушания своего не отбывай (не оставляй), и нашего совета не отменяй"*. Выслушав эту речь, новопожалованный трижды кланялся государю до земли. Потом ему подносили по очереди трех остальных птиц, которых он, мало подержав на руке, возвращал своим

поддатням. Когда церемония приема птиц оканчивалась, новопожалованный снова бил челом государю. Тогда старший из начальных сокольников брал его за руку и ставил на начальном месте, т. е. ставил на первое место в ряду сокольников статьи, вручаемой новопожалованному. Здесь новопожалованному здоровствовали, поздравляли его в государственной милости, подсокольничий и все начальные и рядовые сокольники. После этого подьячий по государеву указу приглашал всех участников торжества к столу – "наслаждаться по его государственной милости". Этим чин поставления в начальные и заканчивался; государь шел в свои хоромы, провожаемый до ворот сокольниками, которые на прощанье снова били ему челом. Затем начиналось уже пиршество, но опять по чину и обряду. Перед обедом сокольники снимали с птиц большие наряды и клали на них наряды меньшие, переменяли сами платье и затем кормили соколов живым мясом. Стол накрывался в той же избе, где происходил чин. На столе, между прочим, клали меньший кречатий наряд, четыре (червонца) золотых, восемь ефимков и три "идороги", значение которых определить довольно трудно, может быть, это были три полотнища тканой материи. Вещи эти полагались на стол для чина, как особый вид царского жалованья: государь повелевал положить их на стол, жалуючи нововыборного. Неизвестно также, с какою целью стояли у стола поддатни новопожалованного, один с "древом", другой с "лясками и с путами золотыми". Третий поддатень становился возле новопожалованного и служил ему. За стол шли и садились с известными церемониями, причем новопожалованный садился на второе место, по левую руку подсокольничего. "Кречет-честник" также

присутствовал за обедом; его держали против новопожалованного, в начале обеда на нем переменяли наряд также по чину, по статьям, причем одевал кречета уже сам новопожалованный, а поддатни только подавали части кречатьего наряда.

Переменив на кречете наряд, новопожалованный возглашал, обращаясь к поддатню: "*Дрыганса*", т. е., вероятно, "*д(ай) (к)ры(ло) з(олуби)на(го) (мя)са*", потому что поддатень вслед за тем подавал крыло голубя, которым новопожалованный кормил челига-честника. Потом начинался пир, прерываемый речами по чину. Но подробности о пире, речах и церемониях во время пира до нас, к сожалению, не дошли¹¹⁹. Такова была церемония поставления в начальные. Самый чин, составленный, без сомнения, под сильным влиянием некоторых церковных обрядов, казалось, был рассчитан на то, чтобы произвести на всех присутствующих неизгладимое впечатление, что верная служба царю не пропадает, а награждается воочию всех и самым торжественным образом. Здесь заключалось громадное воспитательное значение церемонии, для нас не столь уже понятной и ясной.

Кроме начальных и рядовых сокольников, в составе соколиной охоты были еще "*сокольники ловчие*". Ловчий сокольник привозил ловчих птиц из разных краев государства и наблюдал и руководил помытчиков при ловле ими соколов. Мы знаем, что птиц, ловившихся на севере, отвозили на Москву не всех сразу, оставляя часть улова в Холмогорах. За оставленными здесь соколами обыкновенно "смотрели и всякое бережение делали" посылавшиеся из Москвы ловчие сокольники. Среди этой группы сокольников при Алексее Михайловиче пользовался известностью, как энергичный ловчий сокольник, туленин (туляк) Алексей Сидоров, которому приходилось промышлять соколами в Центральной России и на Украине¹²⁰. На обязанности *птичьих стрелков*, принадлежавших также к соколиной охоте, лежало "добывати про государев обиход всякие птицы, которые ему,

государю, подаются в столовое кушанье". Так как в дичи иногда встречалась экстренная надобность, то лучшие стрелки в таких случаях командировались "для птичьего промысла наскоро". Во время ближних походов государей птичьи стрелки тешили их птичьей стрельбою. Для надобностей птичьей стрельбы им от времени до времени отпускалось из Ружейного приказа по одному фунту пороху и по два свинцу на каждого стрелка¹²¹.

"Состоявшие при кречатне" не входили в постоянный состав царской охоты и назначались вообще "для береженья и кормки кречетов и чегликов кречатых". Нужно думать, что с этим званием соединялись какие-нибудь права, хотя бы в будущем, и, быть может, при освобождающихся вакансиях штатных чинов соколиной охоты таковые замещались "состоящими при кречатне"¹²².

При кречатне, наконец, состоял собственный клобучечный мастер. Он, по всей вероятности, делал лишь обыкновенные полевые клобучки, употреблявшиеся при охотах и вынашивании птиц; клобучки же парадные изготовлялись в Государевой Мастерской палате¹²³.

Таков был состав соколиной охоты, и таковы были его прямые обязанности. Помимо ухода за птицами и охоты, сокольникам приходилось иногда исполнять и другие работы и поручения, или связанные с их обязанностями, или совершенно побочные. Они разыскивали отлетавших и пропадавших царских соколов и кречетов, они же ездили по селам и деревням для сбора голубей на корм ловчим птицам. Так как царь Алексей Михайлович прекрасно знал всех своих сокольников, то он давал иногда своим сокольникам

особенные поручения, требовавшие для их выполнения людей толковых и надежных. В январе 1666 г. царь, с особенною любовью занимавшийся в то время устройством фруктового сада в селе Измайловском, отправил одного сокольника в Киев, а другого в Симбирск за черенками тутового дерева, деревцами венгерских дуль и слив и за виноградными кустами. В декабре 1668 г. сокольник Епенет Похвиснев был командирован во Владимирский уезд "для поимки беглого солдата Нефедка Ушакова"; полагать должно, что сокольник Похвиснев отличался особенною расторопностью и распорядительностью, раз ему поручено было такое дело. Сокольники же отправляли иногда обязанности теперешних фельдъегерей и курьеров и отвозили к государю и от государя бумаги и деньги¹²⁴. Особенным доверием государя при различных поручениях пользовался сокольник Зот Полозов; однако он не сумел сохранить его до конца и в чем-то, как тогда говорилось, "проворовался", замешавшись в какое-то темное дело "ведомой ворихи девки Феньки Слепой и ворожеи", проживавшей у князя Федора Куракина, и по царскому приказу был подвергнут строгому домашнему аресту. В военное время сокольники принимали участие в военных действиях в рядах прочей рати, а в мирное время во время въезда иностранных послов составляли лучшее украшение бывавших при этом парадов и церемоний¹²⁵. Точных сведений о количестве и размерах содержания, выдававшегося чинам соколиной охоты, не имеется [по отношению размера содержания чинов царской охоты мы нашли только прямое указание, что лекарь Семеновского потешного двора Кириан Кутешев получал в шестидесятих годах XVII ст. по 5 рублей в месяц (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 10771,

лист 29-й) и что кlobучечному мастеру Государева потешного двора Ивану Киприянову отпускалось в 1662 году "поденного корму" по одной гривне на день (там же, столб. 407-й 7170 года)], но из сочинения Катошихина видно, что чины соколиной охоты получали ежегодное денежное жалованье и, кроме того, поместья, т. е. известное количество земли. Если из царских земель дать было нечего, то чины соколиной охоты дожидались выморочных поместий. В отдельных случаях они "били челом" государю и выпрашивали себе во владение леса, необработанные девственные участки земли, рыбные ловли и другие статьи. Денежные оклады, на нашу мерку, были весьма незначительны, но не нужно забывать, что тогда деньги были очень дороги, зато все предметы жизненных потребностей – крайне дешевы. Денежные оклады начинались от 6 руб. в год и повышались в такой последовательности 6, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 руб., сообразно с заслугами и положением чина в составе соколиной охоты. Поместья по размерам различались количеством "четвертей". "Четверть" – старинная поземельная единица меры, заключавшая в себе около 1 1/2 десятины. В старой Руси все поземельные владения для раскладки податей и повинностей были разбиты на большие доли, или единицы, называвшиеся "сохами" и заключавшие в себе от 400 до 1200 четвертей, так что "соха" в переводе на десятину составляла от 600 до 1800 десятин. Из документа, относящегося к 1632 году, мы узнаем о количестве земли, отводившейся чинам охоты. Наивысший размер поместья для кречетника составлял 520 четвертей, для ястребника 480 и для сокольника 400 четвертей; наименьший же размер для кречетника 195, для сокольника 180 и ястребника 170 четвертей;

денежные оклады, однако, по этому документу не превышают 30 руб. вместе с надбавками. В других документах встречаются указания на суммы, разновременно выдававшиеся в жалованье сокольникам, но за отсутствием сведений о количестве служащих и о размере содержания, каждому из них присвоенного, указания эти особого значения не имеют¹²⁶. Так как в старину не существовало единства государственной кассы, то жалованье сокольникам и другим чинам соколиной охоты выдавалось из разных учреждений: то из Приказа тайных дел, то из Конюшенного, то из Приказа Большого дворца, то из Приказа Новой четверти, смотря по тому, где в известное время имелась свободная денежная наличность. Помимо жалованья, чины соколиной охоты получали еще единовременные пособия. Когда их отправляли с соколами в чужие края, то было в обычае давать им "подмогу", большею частию в виде сукон. Выдавались денежные пособия также по поводу разных событий в семейной жизни чинов охоты: на приданое невестам, на погребение умерших и т. п.¹²⁷. За участие в охотах, подобно другим чинам охоты, сокольники награждались обыкновенно сукнами аглицкими, куском до 4 аршин и более, а ценою до 19 алтын за аршин; впрочем, иногда выдавались и денежные награды: в октябре 1667 г. была пожалована крупная по тому времени награда в 5 рублей одному сокольнику "за гарканье", т. е. за охотницкий крик. Царь Алексей Михайлович разборчиво относился к представлениям о наградах сольников и, случалось, делал изменения в списках наград, так как знал сольников очень хорошо и помнил заслуги и услуги каждого из них. Особенно щедро вознаграждались сокольники, отличавшиеся перед царем "держаньем"

соколов; так как дело вынашивания требовало упорного труда и особого искусства, то и награды за него размером и стоимостью были выше всяких других. В этих случаях давались и деньги, до 5 рублей, и сукна, ценою до рубля и свыше за аршин.¹²⁸

Особой формы одеяния чины царских охот, псовой и соколиной, не имели. Вообще профессиональные одежды в старой Руси не имели еще места и входят в обычай лишь со времен Петра Великого. Подобно прочим обывателям, царские охотники носили общий национальный русский костюм, современный данной эпохе. Материал на одежды охотники получали ежегодно из царской казны. Отпускалось на каждого ежегодно по портищу сукна, камки или атласа, смотря по положению охотника в составе царской охоты, на шапки выдавались бархатные верхи и на опушку соболи, на сапоги кожа и сафьян. Составные части костюма: *зипун*, *ферезя*, *кафтан*, *однорядка*, *шапка* и *сапоги*; сюда же нужно отнести и части вооружения: *лядунка* и *сабля*. *Зипун* – узкий и короткий домашний полукафтан, надевавшийся поверх белья; *ферезя* – комнатное одеяние, доходившее в длину до лодыжек, без перехвата и воротника, с длинными, суживающимися к кисти руки, рукавами; ферези делались холодные и подбитые мехом. Поверх зипуна или ферези надевались *кафтаны*, доходившие до пят, с пуговицами или петлицами спереди. По назначению кафтаны разделялись на *столовые*, *ездовые*, *дождевые* и т. п. *Однорядка* – верхняя широкая одежда такой же длины, как и кафтаны, но зад однорядки делался выше переда. Все эти одежды шились из различного материала, но преимущественно из сукон аглицких и "шкоцких". *Сапоги* у охотников псовой охоты из простой кожи, у сокольников

парадные из красного и желтого сафьяна или из тонко обделанной красной телячьей кожи; по форме они были с кривыми носками.

Вооружение сокольников – *лядунки* и *сабли*, а равно *пищали* и *протозаны* – выдавались из Оружейной палаты. Повседневная одежда чинов охоты делалась из сукон темных, немарких цветов; но парадная непременно была цветная и из ярких материй. При встречах послов сокольники надевали яркие одежды, к которым, при помощи поясных ремней, – особые *крылья*, разукрашенные шелковыми разноцветными лентами, что, без сомнения, придавало зрелищу особый эффект¹²⁹.

Глава IV

Посылки ловчих птиц в чужие государства

"Красная и славная птичья потеха" и вообще царская охота времен Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича служила не для одной только царской утехы; за ней должно признать крупное историческое значение, так как из нижеследующего видно, что она не раз за это время оказывалась весьма полезной для упорядочения внешних отношений. Время первых царей Романовых, после смут и нестроений предшествующей эпохи, особенно нуждалось в добрых и мирных отношениях России к политическим соседям. Это прекрасно сознавалось и Михаилом Феодоровичем, и Алексеем Михайловичем, и оба они, миролюбцы по натуре, употребляли все усилия жить в мире и согласии с соседними государствами. Обычным средством для поддержания добрых отношений и символом их служили царские дары, отправлявшиеся главам иностранных государств. За этот период дары почти исключительно состояли из ловчих птиц, мехов, охотничьих собак, живых медведей и иногда лошадей и весьма редко из других предметов. Нужно ли было заявить о неизменно добрых отношениях царя к чужому властелину, приходилось ли загладить какой-либо политический промах, представлялась ли нужда просить у кого-либо денежной помощи или услуги, имелось ли в виду обласкать и расположить мелких владетельных пограничных князьков — цари неизменно слали кречетов и ястребов и почти всегда достигали этим путем того, что было им нужно. За рассматриваемый период посылка ловчих птиц, мехов

и других предметов охоты производилась ежегодно или единовременно в следующие государства и владения: в Турцию¹³⁰, Персию¹³¹, Крым¹³², Англию¹³³, Данию¹³⁴, Польшу¹³⁵; к князьям грузинскому¹³⁶, имеретинскому¹³⁷; к киргизскому¹³⁸ и калмыцкому¹³⁹ царькам и в Бухару¹⁴⁰. Смотря по месту назначения, подарки носили различные наименования. Так, в Крым, Турцию и Персию посылались "*номинки*" – род обязательных даров, недалеко отстоящих от дани, тем более что посылались они каждый год¹⁴¹; в Грузию, Имеретию и к степным князьям отправлялось "*государево жалованье*", так сказать, поощрительный подарок более сильного владельца; в Англию, Польшу и Данию – "*дары*", т. е. любезный подарок равносильного соседа. В таком же отношении колебалась и ценность посылаемых подарков. По свидетельству Катошихина, турецкому султану посылалось подарков тысяч на пять и более; персидскому шаху от 50 до 100 тысяч рублей ловчими птицами, битыми и живыми зверями, так как шах легко откликался на всякую просьбу о помощи и, с своей стороны, посылал на Москву щедрые дары в виде "*узорочья*" и разных товаров; к крымским ханам отправлялось, кроме ловчих птиц, множество мехов собольих, лисьих, куньих, песцовых и заячьих и разное платье.

Наряд отправки даров производился Посольским приказом, который давал об этом знать Приказу Большого дворца, куда своевременно препровождались из Мастерской палаты дорогие птичьи наряды. Отсюда наряды эти вместе с почетными рукавицами, передававшимися во время подношения птиц иноземному государю, выдавались послам, отвозившим птиц. Передача же самых птиц

производилась домашним порядком из учреждений царской охоты.

Во главе посольств, отвозивших подарки, находились бояре, состоявшие при Посольском приказе, и при них ехало известное число кречетников и сокольников, смотря по количеству птиц в караване. Дело доставки птиц в чужие края было столько же почетное, сколько и трудное. Послам и кречетникам, с ними бывшим, часто приходилось терпеть невзгоды и нужду во время пути, выносить нападения и грабежи беспокойных казаков, живших на пути в Турцию, Крым и Персию; нередко в чужих странах им делали обиды и неприятности; наконец, им всегда угрожали опала и наказание, если не умели они угодить иноземным властелинам, и в этом случае их постигала неминуемая царская кара, хотя бы они и были правы, поступив не в угоду иноземным государям¹⁴².

Турецкому султану обыкновенно посылалось 20 кречетов и 5 ястребов ежегодно, с полными на них нарядами. Важность прочных отношений с Турцией была особенно велика вследствие того, что крымские ханы были вассалами турецких султанов; поэтому у султанов приходилось искать содействия против крымских набегов на южную окраину Руси; кроме того, во время борьбы с Польшей турецкие султаны представлялись наиболее выгодными союзниками. Ввиду этого наши цари исправно посылали султанам большие и дорогие "поминки", несмотря на то, что русских послов в Царьграде не часто принимали с подобающею честью. Вообще путешествие с "поминками" в Турцию для послов было самое тяжелое и опасное. Так, посольство 1622 г. претерпело всевозможные неудачи: долго оно не могло попасть в Царьград благодаря вражде казаков с азовцами и

наконец попало туда – в самое неудобное время; в Константинополе была в то время смута: янычары убили султана Османа и на его место возвели дядю его Мустафу; паши прямо объявили нашим послам, что им теперь не до них; послы подверглись всевозможным бесчестиям и уехали ни с чем. На обратном пути, в Кафе и Керчи, их подвергали заточению и хотели даже убить. Кое-как выбравшись отсюда, послы попали в руки к запорожцам, которые потребовали выкупа в 2000 золотых. Выпущенные отсюда, они на дальнейшем пути потерпели поражение от ногайцев, а добравшись в Азов, едва не погибли благодаря буйству казаков. Посольство 1627 г., отправленное для приветствия и подношения даров новому султану Мурату, вначале было принято хорошо, но отпустили их чрезвычайно сухо, так как к этому времени вновь казаки разодрались с азовцами. Посольство 1633 г., во главе которого находились посол Яков Дашков и дьяк Сомов, имело важное поручение – обжаловать крымцев за их набеги на наши окраины и просить султана о смене крымского хана; не успели еще возвратиться эти послы, как весной 1634 г. было отправлено другое посольство и новые подарки, с целью заручиться содействием Турции против Польши. К концу того же года было снаряжено третье посольство с дарами, но ему уже не пришлось путешествовать в Царьград, так как заключенный вскоре после того вечный мир с Польшей отнял в глазах московского правительства важность дружественных отношений с Турцией и вследствие этого в течение нескольких лет турецким султанам поминки не посылались. По-видимому, возобновились посылки ловчих птиц султану с 1642 г., благодаря тому обстоятельству, что около этого времени донские казаки взяли Азов и отношения с

Турцией вновь испортились. Последняя посылка птиц в Турцию относится к 1645 г., когда было отправлено султану Ибрагиму 26 кречетов с послом Телепневым¹⁴³. Крымским ханам поминки посылались ежегодно в течение всего рассматриваемого периода, начиная с 1615 г. и до 1670 г. [Так, между прочим, в 1623 г. ловчие птицы были отправлены в Крым с посланником Яковом Дашковым. Птиц этих повезли кречетники, сокольники и ястребники, Петр Савелов с товарищами, получившими в январе этого года "подмоги" по портищу настрафиля лазаревского (Общ. арх. Мин. Двор., стол. 94-й 7131 г.)]. Для хана обыкновенно назначалось 5 лучших кречетов и 2 ястреба; главному ханскому сановнику, калге, подносили ежегодно 2 кречетов и 1 ястреба; ханше, ханским наложницам, ханским детям, пашам, мурзам, князьям и ближним людям – меха и платье. Говоря о поминках, посылавшихся крымским ханам, Катошихин прибавляет: "которые им (хану и его приближенным) дары не полюбятся, и они (послы) переменяют, или к тому прибавляют, а чего кому неостанет по росписи, и они тех посланников мучат и бьют и в тюрьме держат; а посылают к ним те поминки для того, чтоб они на украинные города войною не ходили и городов и мест не разоряли; однако, они такие дары беручи на то не смотрят, чинят, что хотят; а будет тех поминков на год болши 20.000 рублей". Крымские татары, бесспорно, были самыми неудобными и беспокойными соседями, и вот почему поминки посылались им даже и тогда, когда к турецким султанам посылка ловчих птиц уже прекратилась.

Подарки ловчими птицами имели особенную цену в глазах персидских шахов и ценились ими "за великие дары". Соколиная охота в Персии практиковалась с

самой глубокой древности и процветала там так пышно, как нигде. Персидские шахи любили и умели охотиться с соколами, и, быть может, кое-что по части охоты соколиной, в особенности в отношении роскоши и парада ее обстановки, заимствовано Алексеем Михайловичем именно от шахов персидских. По свидетельству иностранцев, посещавших Персию в XVII в., у шаха персидского было около 800 соколов, из которых одни были выдрессированы для охоты на птиц, а другие для охоты на зверей: кабанов, диких ослов, антилоп и лисиц; говорят, будто у шахов имелись соколы, особо выдрессированные для того, чтобы нападать на людей и выклевывать им глаза. Адам Олеарий во время своего посещения Персии в 1633, 1636 и 1639 гг. имел случай видеть и принимать участие в соколиной охоте шаха и оставил в своем сочинении любопытные о ней заметки, которые считаем не лишним привести здесь в выдержках.

"17 октября, рано утром, на Посольский двор привели верховых лошадей для поездки на охоту. Мегесмандарь провел нас на широкую площадь перед городом, на которую тотчас же прибыл и шах с своими ханами и знатными вельможами, ехавшими на нескольких богато убранных сотнях лошадей; сам шах был в одежде из серебряной парчи, и на чалме у него воткнуто было несколько журавлиных перьев. Кроме лошадей со всадниками, в этот поезд ввели еще множество лошадей без всадников, покрытых попонами из золотой парчи, унизанной дорогими камнями и снаряженных такою же золотой сбруей. В поезде ханов, вельмож и слуг, следовавших за шахом, не соблюдалось никакого порядка, но все ехали перемешанные, как попало, друг с другом и в куче. Во время пути шах несколько раз переменил лошадь, а

однажды и одежду свою. Так делал он ежедневно в продолжение всего времени охоты. Охота и забава в этот день заключались только в спуске соколов на цапель, журавлей, уток и ворон, частью попадавшихся в поле, частью выпускаемых для того самими охотниками. К полудню мы достигли до назначенного селения, где было раскинуто множество палаток всевозможных цветов, что представляло довольно приятное зрелище. Здесь шах сделал привал и угощал послов обедом, при чем употреблялись золотые сервизы.

"18 числа, рано утром, еще до восхода солнца, шах приказал объявить нам, что он отправляется на ловлю журавлей только с немногими лицами, причем посланники могут прибыть только сам-третей, чтобы большим шумом не распугать птиц. Посланники поехали верхами одни; но когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народ на место ловли. На месте этом устроен был в земле крытый ход и в конце его птицеловный ток, усыпанный зерном, на который налетало множество журавлей, и из них поймано было до 80 штук. Шах воткнул в свою чалму несколько перьев из этих пойманных журавлей и каждому посланнику дал по два пера, чтобы они их также воткнули в свои шляпы. Вечером шах пригласил посланников с шестью из их спутников на охоту за утками и дикими гусями. Когда прибыли на назначенное место, шах и остальной народ сошли с лошадей и прошли расстояние в два выстрела из лука к длинной землянке, набросанной из земли, позади которой, на берегу небольшой речки, разложены были скрытно тенета; на этой речке слеталось обыкновенно множество разной пернатой дичи. Все присутствовавшие приглашены были в землянку к

шаху, где, усевшись по стенам вокруг, распили с ним несколько фляг вина. Просидев здесь до позднего вечера, шах не дождался ни одной птицы.

"На следующий день шах назначил звериную охоту и приказал взять множество соколов, три ученых леопарда и несколько собак. Проездивши довольно порядочное время и не встретив в поле ничего, шах повел нас в огромный зверинец, имевший в окружности добрую милю, обведенный каменными стенами и разделенный на три части: в первой содержались олени, зайцы и лисицы, во второй козули и в третьей дикие ослы. Прежде всего шах велел спустить леопардов, и три из этих козуль были пойманы. Когда мы пришли в отделение диких ослов и увидели одного из них, спокойно стоявшего на одном месте, шах предложил нашему товарищу выстрелить в него из пистолета. Выстрел этот оказался неудачным; тогда шах с улыбкой взял лук свой и стрелу, пустил в бежавшего на всем скаку осла и попал ему прямо в брюхо. Другого затем он убил, попавши ему стрелой в середину лба, и после того он положил еще несколько ослов. Видно было, что шах отлично стрелял из лука и рубил саблей. Он ни разу не стрелял иначе, как сидя на лошади, и когда дикий зверь и лошадь скакали во всю прыть, и при всем том ни одного выстрела не было сделано мимо. Увидевши одного осла, совершенно смирного, ходившего спокойно и не бегавшего от лошадей и людей, шах сошел с лошади, нанес ему удар саблей по спине и рассек этим ударом животное до половины брюха; другой удар он сделал по шее этого осла и немного только не отрубил шею от туловища. Затем мы поехали к малому зверинцу, в котором было обнесенное каменной стеной пространство, или театр, где шах и расположился теперь с нами. Затем сюда

пригнали 32 диких осла, по которым шах сделал несколько выстрелов из лука и ружья, а после него стреляли и остальные, всякий, кто хотел. Это было поразительное зрелище: некоторые ослы бегали, имея в своем теле по десяти и более вонзенных стрел, прошедших у некоторых из них насквозь, и когда они теснились в кучу между собой и кололи этими стрелами других, не раненных, здоровых ослов, те начинали биться и грызться друг с другом. Когда эти 32 осла были все перебиты, пригнаны были козули, и из них также было убито до 30 голов. После легкого отдыха шах отправился на соколиную охоту.

"Шах взял с собою 9 человек из своей свиты и посланников сам-шест с свитой и повел нас в длинную и низкую, со сводами, галерею. За этой галереей, опять около реки, устроена была приманка для диких уток и гусей; мы уселись в галерее, и вдруг шаху пришла охота выпить, и он приказал всех нас потчевать вином и до того развеселился с нами, что совершенно забыл об удовольствии ловить птиц; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присела на приманку. На следующее утро после завтрака поехали мы верхом в одно селение, и на дороге один из спущенных соколов поймал белую цаплю.

"21 числа, раненько утром, шах пригласил нас на голубиную охоту. Он повел нас на одну круглую высокую башню, которая внутри кругом вся была усеяна выложенными из камня норами для голубей, гнездившихся там более тысячи штук. Каждому из присутствовавших дано было в руки по палке в виде вил, и с такими палками шах и все мы стали вокруг башни, у оконных отверстий. Расположившись таким образом, приказали трубачам трубить погромче в трубы, отчего спугнутые голуби, массою в несколько

сотен, полетели вон из башни, где и были перебиты большею частью шахом и нами. Этим избиением голубей охота была закончена, и мы отправились обратно в город.

"Через несколько дней шах снова отправился на охоту с своим сералем. За несколько часов перед этим шахов глашатай (suartzi) делал громогласное о том извещение по тем улицам, по которым должен был проехать поезд, для того чтобы люди сидели по домам и не показывались на улицу, пока не проедет сераль шаха. Когда шах едет куда-нибудь с своим сералем, то по улицам или на расстоянии ружейного выстрела не должно быть никого видно; иначе всякого стреляют, как собаку, несмотря на то, что всех жен возят на верблюдах в таких ящиках, что ни одной из шаховых жен увидеть нельзя. Шах обыкновенно выезжает с придворными за полчаса вперед, а потом уже едут его жены с евнухами. Выехав в поле, жены садятся на лошадей, забавляются луком, стрелами и соколами так же, как и мужчины, но при этом все вельможи и слуги не должны показываться на целую четверть мили от них. Мужчины в это время потешаются отдельной охотой и ждут, пока не попрячут царских жен, которых сзывает шах через одного из евнухов, прислуживающих здесь во множестве".

Приведенные заметки Адама Олеария показывают, что шах персидский был любитель и знаток соколиной охоты; поэтому в отношении шаха более, чем в отношении других современных властелинов, подарки ловчими птицами имели самое действительное значение и почти всегда оправдывали ожидаемые результаты посольства. По количеству посылавшихся шаху птиц эти подарки были самые крупные и значительные. Обыкновенно шаху отправляли 28

кречетов и 2 ястребов с полными на них нарядами, причем на почетного кречета, представителя всей партии птиц, отправлявшихся в поминках, изготовлялись самые роскошные одежды, низанные жемчугом и драгоценными камнями. Кроме того, вместе с птицами иногда посылались лучшие меха.

Планъ Солови Сторожескаго монастыря и окружающей его мѣстности, Царя Алексѣя Михайловича.

Посылки птиц шахам непрерывно продолжаются на протяжении всего этого периода. Это вполне объясняется теми выгодами, какие цари наши извлекали из дружественных отношений к шаху. Шахова казна часто бывала полезна для наших государей, нередко испытывавших за это время финансовые затруднения по отсутствию денежных знаков или ценных металлов; хотя Россия и за это время не была бедна товарами и преимущественно мехами, но к этому времени меха стали терять значение менового средства, и нужда в деньгах многа чувствовалась очень острая, в особенности в те моменты, когда России приходилось вступать в войну с соседними государствами, Польшей и Швецией. Вскоре после вступления на престол, именно в 1616 году, Михаил Феодорович отправил посла Леонтьева с подарками к шаху Аббасу, прося у него денег в помощь против литовских людей; и посольство не осталось безрезультатным: шах прислал в конце 1617 года серебро в слитках на сумму около 7000 руб. Весною следующего 1618 года царь отправляет к шаху другое посольство, во главе с князем Михаилом Петровичем Барятинским, с которым было послано шаху 12 кречетов, 8 кречатых челигов со всем птичьим нарядом, соболи, лисицы, рыбий зуб, вино и слюда. Кречетникам предписано было довести и отдать кречетов шаху, но если бы шах потребовал их участия в его охотах, то послам приказано было – по первому требованию отказаться и отговариваться тем, что на это государем не было дано приказа и что из боязни царской опалы они никак не смеют исполнить шахово желание; при дальнейших настойчивых требованиях шаха послы должны были послать кречетника, "который бы был досуж и навычен"; этому кречетнику

только после новых требований шаха указано было "приводить (на охоте) птиц по обычю, как государевы кречетники на то извычны"; если бы шаху пришлось по душе искусство государева кречетника и он стал бы просить послов оставить ему на время одного или двух царских кречетников, послы сначала должны были отказать в этой просьбе шаху и могли согласиться на это только тогда, когда шах "заупрямится и учнет говорить о том накрепко"; воспользовавшись этим удобным психологическим моментом, послы должны были, соглашаясь на просьбу шаха, поставить ему два условия: первое, что шах "во всем за государем похочет быть в дружбе и любви, ко всякому будет добру подвижен и на помощь казны послати похочет"; второе, что он обещает отослать оставленного кречетника с первой же оказией, какая будет с Москвы в Кизильбаши или из Кизильбаш в Москву. Посольство Барятинского имело двоякую цель: благодарить шаха за присланное в 1617 году серебро и просить вновь "прислать еще денег ратным людям на жалованье" по поводу войны с Польшей. Результаты этого посольства были весьма для послов плачевны. Они были встречены сухо; шах велел призвать младшего из них, дьяка Тюхина, и тот должен был выслушать сильную выходку против обычного в Москве обращения с иностранными послами, обращения, против которого тщетно до сих пор протестовали европейские правительства. Шах говорил Тюхину с сердцем: "Приказываю с тобою словесно к великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утай, чтоб оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошение и хотенье исполню и казною денежною ссужу, но досада мне на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то их в Москве и в

городах Казани и Астрахани запирали по дворам, как скотину, с дворов не выпускали ни одного человека, купить ничего не давали, у ворот стояли стрельцы. Я и над вами велю такую же крепость учинить, вас засажу так, что птице через вас не дам пролететь, не только вам птицы не видать, но и пера птичьего не увидите. Да и в том государь ваш оказывает мне нелюбовь: воеводы его в Астрахани и Казани и в других городах моим торговым людям убытки чинят, пошлины с них берут вдвое и втрое против прежнего и не только с моих торговых людей, но и с моих собственных товаров, и для меня товары покупать запрещают. Грошовое дело – птица ястреб; купил мне мой торговый человек в Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купил, сажали в тюрьму, зачем продавал заповедный товар. Вы привезли мне от государя своего птиц в подарок, а я из них велю только вырвать по перу да и пущу всех – пускай летят куда хотят. А если в моих землях мои приказные люди вашего торгового человека изубыточат, то я им тотчас велю брюхо распороть".

После этого послов не отпускали долго. Князь Барятинский и умер в Персии, а Тюхин с товарищами возвратился в 1620 г. и дорого поплатился за то, что ездил к шаху один и выслушивал его выходки. Бояре обвинили Тюхина в измене, и ему было дано 70 ударов, две встряски, жгли спину горячими клещами и наконец сослали в Сибирь, где он был заточен в тюрьме одного из сибирских пригородов¹⁴⁴. Совсем иной прием, чем князю Барятинскому, устроен был посольству, отправленному в 1621 г. во главе с Коробьиным. Шах осыпал их любезностями и, воздевая руки и глаза к небу, говорил прочувствованно: "Государство мое, и люди мои, и казна моя – все не

мое, все Божие и государя царя Михаила Феодоровича, во всем волен Бог да великий Государь".

Первая посылка шаху ловчих птиц от Алексея Михайловича состоялась в апреле 1646 г.: с послами Семеном Волынским и Сергеем Матвеевым послано было обычное количество птиц да сверх собольих мехов разного достоинства на сумму около 6 тысяч рублей и разных сукон на тысячу рублей. Из последующих посольств в Персию чрезвычайно интересно в бытовом отношении посольство 1652 г. На этот раз, отправляя шаху Аббасу (но уже не тому Аббасу, с которым были сношения при Михаиле Феодоровиче, а новому шаху) обычное число кречетов и ястребов, Алексей Михайлович просил шаха чрез посла, князя Ивана Лобанова-Ростовского, усмирить шемахинского хана Хозрева, грозившего войною Астрахани и Тереку. На отпуске шах позвал послов вечером к себе в сад прохладиться. Их угощали сахаром и овощами; потом принесли и поставили перед шахом сосуд золотой с камнями, а в нем виноградное вино чихирь. Шах пил за государево здоровье и спрашивал послов: "У брата моего и великого государя вашего такое виноградное питье есть ли?" – "У царского величества, – отвечали послы, – питей всяких много и из винограду есть питья: романея, ренское и другие, только не тем именем". Перед шахом в золотых вазах стояли разные цветы; приподняв их, шах спрашивал: "В Московском государстве такие цветы есть ли?" – "У великого государя, – говорили послы, – цветы, этим подобные, есть: пианея кудрявая и других многих всяких различных цветов много". Указывая на музыкантов, игравших на домрах, гусях и скрипках, шах опять спрашивал послов: "Брат мой, великий государь ваш, чем тешится, и в государстве его такие игры есть ли?" – "У великого государя нашего, – отвечали послы, – всяких игр и умеющих людей, кому

в те игры играть, много.

Преподнесение почетной ризаницы, съ ориг. рисунка Шварца. (Въ изд. Третьяковыхъ въ г. Москвѣ).

Но царское величество теми играми не тешится; тешится духовными органы, поют при нем, воздая Богу хвалу многогласным пением, и сам он наукам премудрым философским многим и храброму учению навывчен и к воинскому ратному рыцарскому строю хотенье держит большое по своему государскому чину и достоянью; выезжая на поле, сам тешится и велит себя тешить ближним людям служилым строем; играют пред ним древками, стреляют из луков и пищалей". Вся эта сцена дышит величавой простотой и сильно подкупает умелыми, полными достоинства и почтительности ответами наших послов.

Кроме ловчих птиц, персидскому шаху посылались, как кажется, еще и охотничьи собаки. Для посольства 1652 года приказано было заготовить 7 псовых драгоценных свор; свору в золоте с серебром, с ошейником, тканым в кружке, и с ворворкой, низанной жемчугом; три своры из золота, тканного с шемахинским шелком, с золотыми кистями и ворворкой, обшитой канителью, две из серебра с такими же кистями и, наконец, одна из золота, тканного с серебром и шелком. Что посылались не одни своры, но и собаки, на это указывает тот факт, что в составе посольства два конных псаря.

При посылке ловчих птиц в Персию послам и кречетникам, с ними ехавшим, давался подробный и весьма сложный церемониал вручения шаху царских подарков¹⁴⁵. В нем было точно определено: в каком порядке идти к шаху, каким кречетникам и каких кречетов нести, кому и как нести почетные рукавицы, низанные жемчугом и камнями, в каком порядке послу подносить шаху птиц и в каком распорядке следовать сокольникам и кречетникам, "будет шахово величество пожалует позовет к руке"; кроме того,

посольству вручалась "роспись как тешить шахово величество" во время соколиной охоты; порядок охоты по этой росписи указан тот же самый, какого держались при соколиной охоте Алексея Михайловича, о чем подробно мы имели уже случай говорить в своем месте¹⁴⁶.

Посольствам, отправлявшимся в Персию, и в особенности сокольникам и кречетникам, приходилось испытывать в пути и в Кизильбаше не меньшие затруднения и неприятности, чем их собратьям, ездившим в Крым и Турцию¹⁴⁷. Вследствие разницы в климате приходилось и самим болеть и особенно опасаться за здоровье царских птиц; в Кизильбаше к посольству не всегда были внимательны и ласковы, и посольству доводилось испытывать нужду и голод, покупать хлеб и всякий харч дорогой ценой и благодаря этому "проедаться донага": случалось, что в Кизильбаше посольству "корм даван был не сполна, через день и через два"¹⁴⁸. Правда, по возвращении в Москву кречетникам по их челобитной большею частью возмещали их издержки и расходы; но нужно сказать и ту правду, что, возвращаясь на родину, чины посольства не всегда могли быть уверены, что их ожидает: царское ли жалованье и награда, или казнь. Посольству 1624 года, во главе с князем Тюфякиным, пришлось, например, возвратясь на Москву, расплачиваться за вины, в которых оно не было виновато. В точности следуя данному наказу, князь Тюфякин не захотел представляться шаху вместе с другими, не русскими, послами, что могло бы умалить достоинство пославшего его государя; по тем же мотивам не поехал по зову шаха на охоту и, наконец, представляясь шаху, не надел платья, пожалованного ему шахом, что, вероятно, также не согласовалось с

принятым этикетом русских посольств. Казалось бы, что такая стойкость в поддержании престижа своего государя могла вызвать у царя только одобрение и награду; однако по жалобе шаха, что послы этим прогневали его, государь Михаил Феодорович велел положить на них великое наказание. Тюфякин был обвинен в том, что за тостом во здравие шаха не допил до дна, будто бы, своей чаши, и за такую вину следовало бы казнить смертью, сказано в приговоре, но государь-де для сына своего, царевича Алексея, и по просьбе отца своего, патриарха Филарета Никитича, велел только посадить князя Тюфякина и других чинов посольства в тюрьму да отобрать от них вотчины и поместья; а действительные вины князя были совсем иные: в Абердиле он украл татарчонка и продал его в кумыцкой земле, в кумыцкой же земле велел украсть девку и вывез ее тайком, положивши ее в сундук¹⁴⁹.

Познакомившись с посылками птиц в Турцию, Крым и Персию, носившими постоянный характер дани, или "поминок", отметим теперь случайные, вызванные исключительными обстоятельствами посылки кречетов и соколов мелким владетелям Востока и главам некоторых европейских государств.

Бухарскому хану птицы посылались дважды: в 1622 г.¹⁵⁰ и в 1675 г.; к сожалению, ни количество птиц, ни цель и мотивы этих посылок нам не известны.

Точно так же остается неизвестным повод посылки в 1641 г. одного кречета с нарядом киргизскому царевичу Авгону, с тем чтобы он передал этого кречета брату своему Исфендиару, царю, резиденция которого находилась в Юргенче.

В 1660 г. отправлено было 3 кречета калмыцкому тайше (князю); посольство это имело целью заставить

тайшу повлиять на крымского хана в том отношении, чтобы последний отстал от Польши, и в противном случае тайшу просили объявить крымскому хану войну. Интересно, что калмыки остались подарками крайне недовольны, но просьбу русского царя все-таки исполнили.

Грузинскому царю Теймуразу птицы посылались в XVII в. пять раз: в 1637, 1641, 1647, 1654 и 1660 гг.; в первые три раза – по три кречета, в последний раз – десять. Посылка птиц в 1637 г. была вызвана заявленным желанием Теймураза перейти в подданство русского царя. В этих видах, чтобы привести Теймураза к крестному целованию, посланы были князь Волконский, дьяк Хватов и пятеро духовных лиц. В 1641 г. в Грузию отправлен был князь Мышецкий; он вез с собою отказ на просьбу Теймураза построить для него крепости против кумыков; чтобы смягчить горечь отказа, царь послал Теймуразу 20.000 ефимков, соболей и кречетов, трех – для него самого и двух, с полным убором – для его сына Давыда. В 1647 г. кречеты, вероятно, были посланы с послом Теймураза, приезжавшим хлопотать в Москве о браке сестры молодого царя Алексея Михайловича со старшим внуком Теймураза, Иосафом; предложение это было отклонено. Цель четвертой посылки нам неизвестна. Последняя посылка птиц в Грузию, скольких – неизвестно, состоялась в 1660 г.; птицы, вероятно, были отправлены с внуком Теймураза, Николаем Давыдовичем, ребенком 8 лет, приезжавшим в Москву вместе с матерью. В обратный путь царевича сопровождал русский посол Мякинин, имевший поручение к Теймуразу и к имеретинскому царю Александру; но им в этом году на Кавказ не удалось пробраться. Там в это время царила смута: Александра

"окормили", а Теймураз попал в плен к персам. До 1666 года все путники просидели в Тушинской земле и только тогда вернулись в Москву, откуда грузинский царевич попал на родину лишь в 1674 г.

В Имеретию, к царю Александру, кречеты в количестве трех были посланы в 1663 г. и отправлены были с приезжавшими от него на Москву послами: казначеем его Менигацием Джепарием и архимандритом, имя которого не сохранилось в документах.

Случайные и более редкие посылки ловчих птиц и других подарков в Англию, Польшу и Данию представляются совершенно ясными по мотивам и цели.

В Англию за это время было две посылки: в 1618 г. и в 1662 г. В первый раз сколько-то птиц было отправлено при посольстве дворянина Степана Волынского и дьяка Марка Поздеева, которым поручено было благодарить английского короля за участие в состоявшемся примирении с Швецией и просить у него помощи против Польши. В 1662 г. в Лондон были посланы князь Петр Прозоровский и дворянин Иван Желябужский, которые везли с собою 8 кречетов, 2 соколов и 6 ястребов с полным нарядом, много соболей и лисиц черных, мехов горностаевых, живых соболей, горностаев и куниц. По свидетельству Катошихина, "такие великие дары посланы были для подкрепления старой их государственной братской дружбы и любви"; поводом послужили восшествие на престол и брак короля Карла II. Действительная цель посольства заключалась в том, чтобы сделать у лондонских купцов денежный заем и ходатайствовать пред королем о продолжении вольной торговли английских купцов в

Архангельском порте на правах и основаниях, действовавших при прежних английских королях.

Посылка в Польшу состоялась зимою 1644 г., когда польскому королю было отправлено 5 или (по другим известиям) 6 кречетов с послами кн. Львовым, Пушкиным и Волошениным. Посольство это имело целью переговоры о титуле московского царя, по размежевании путивльских земель, а также исследование про "вора", именовавшегося Семеном Васильевичем Шуйским, сыном царя, у которого "на спине орел". Относительно последнего пункта польские паны успокоили послов, объявив им, что "вор" этот – человек неопасный, так как это был писарь, в шутку называвшийся царевичем; для полного успокоения паны обещали прислать его в Москву с особым от себя посольством.

Гораздо интереснее по обстоятельствам дела посылка птиц и подарков в Данию. В 1663 году к датскому королю, рассказывает Катошихин, "послано было всяких даров: соболей и лисиц черных, и мехов собольих и горностаевых, соболей и куниц и горностаев живых, и птиц кречетов и соколов и ястребов и иных, с 15.000 рублей; да от Архангельского города, в два пойма, хлеба по 5000 четвертей безденежно. А посланы такие великие дары для того: как у Московского царя учинилось с королевским величеством Свейским (Шведским) нелюбие и война, и в то время царь писал к Датскому королю, чтоб он против королевского величества помогал, стоял за ним, царем, за одно, и по оному его письму Датский король то и чинил; а когда Всемогущий Бог королевскому величеству допомог, над Датским королем учинился поиск, и тогда царь Московский Датскому королю не помогал и чинил в то время с королевским величеством

в Валиесаре о покое трактатство, и чрез такое его царское письмо Датский король стал обманут; и видя царь Московский свою неправду, для утешения, послал к нему такие подарки, чтоб он на него не имел злости, а все то, что ни было забыл". И самый факт, и передача его у Катошихина, бесспорно, крайне любопытны и неподражаемы по наивной простоте политических приемов; иное было время и иные нравы¹⁵¹.

В таких-то чертах представляется состояние царских охот на рубеже древней и новой России. Нет никакой нужды проводить в деталях сравнение охот рассмотренного периода с охотами предшествующих эпох: представленные в изобилии в настоящем исследовании факты говорят сами за себя и – без комментариев – достаточно освещают постепенное развитие царских охот при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче. Во всяком случае, новой России в отношении организации царских охот досталось недурное наследство. Как воспользовалась она им, что нового внесла она в эту область под сильным напором европейских влияний, это мы увидим в следующем выпуске нашего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Дворцовые разряды 1850 г., стр. 1154; см. Забелина "Быт царей", стр. 54.

2 Общ. Архив. Минист. Двора, столб. № 103–7127 г.; см. Забелина "Быт цариц", стр. 453.

Грамота 1619 года гласит:

"От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича
веса Росии в Галичь губному старосте Петру
Перелешину. По нашему указу посланы с Москвы в
Галичь и в Галецкие пригороды на Чухлому, в Судай, к
Солигалицкой, на Унжу, в Кологрив, в Парфеньев, и
тех городов в уезды ловчево пути охотники Богдан
Опочинин да Наум Усов, да конные псары Петр
Молчанов, Олфер Вараксин, Константин Олтуфьев в
Наши дворцовые села и в княжецкие, и в дворянские и
детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины
и в их волости которые ведают на обиход, Матери
Нашия Государыни Великия Старицы Инокини Марфы
Ивановны а велено им в Галиче и в Галицких на
Чухломе и у Солигалицкой в Парфеньеве, на Судае и в
Кологриве на посаде и в уезде и у всяких людей имать
на Нашу псарню собаки борзые и гончие и
меделянские и медведи, и как к вам ся Наша грамота
придет, а ловчего пути охотники Богдан Опочинин с
товарыщи в Галичь и в Галицкие пригороды приедут и
вы б им дали на ослушников стрельцов и пушкарей и
россыльщиков сколько человек пригож и корм тем
собакам и медведем и провожатых и под медведи и под
меделянские собаки подводы велели давати от города
до города и корм собакам и медведям велели давати
чем им мочно сытым быть, им городаж до Города, а

подводчиков за медведи где возьмут медведи велели давать до Москвы. Прочет сю Нашу Грамоту и списав с нее противу слово в слово оставливалиб у себя, а сю Нашу Грамоту отсылали есте в Галицкие пригороды к Приказным людям. Писана на Москве лета 7127 Марта в 14 день" (Рукоп. Общ. арх. Мин. Двора, столб. Но 103 – 7127 г., то же Забелина "Быт цариц", стр. 453).

3 Общ. Архив. Мин. Двора, кн. 276, л. 177; ср. Забелина "Кунцево и древний Сетунский стан". М., 1867, стр. 143.

4 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 104 – 7225 г., кн. 203, л. 228 и л. оборотн. 211, 213, 244 и 381; кн. 204, л. 552.

5 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 194 и 195 и л. оборотн. 195.

6 Дворц. разряды. СПб., 1850, т. I, стр. 435 и 436.

7 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. оборотн. 406, 407 и 413.

8 Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 209, л. 530 и 570; столбцы 16 и 41 – 7132 г.

9 Сведения об этих охотах Михаила Феодоровича почерпнуты из следующих источников:

а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462; кн. 282, л. 62 и 368; кн. 286, л. 49 и 53, л. оборотн. 49; кн. 287, л. оборотн. 55; кн. 290, л. 169, л. оборотн. 150, 180, 216 и 500; кн. 291, л. 37 и 132; кн. 292, л. оборотн. 62 и 294; кн. 296, л. 18; кн. 299, л. 22; столб. 161 – 7140 г.

б) Дворц. разряды. СПб., 1850, т. I, стр. 697–704, 857–860, 926, 927, 933, 1014–1022; т. II, стр. 169, 244–246, 403, 482–485, 488, 489, 525, 539, 580, 592, 818, 671, 711.

в) "Выходы Государей Царей и Великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича всея Руси самодержцев". Москва, 1844 г., стр. 50 и 69.

г) Забелин, "Быт цариц". Москва, 1862 г., стр. 459–463.

д) Олеарий, "Подробное описание путешествия голштинского посольства в Москву и Персию..." Пер. с нем. П. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 94.

10 Н. Костомаров, "Русск. история в жизнеописаниях", выш. IV, 1874 г., стр. 5.

11 31 мая 1625 года государь Михаил Феодорович отправился в поход на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру; 4 июня он был еще в селе Воздвиженском, 5 и 6 июня обедал у Троицы, а 9 июня находился на обратном пути из монастыря к Москве, причем останавливался в селе Тонинском и Покровском. Возвратный путь, весьма вероятно, сопровождался охотами, а в селе Покровском царь тешился медвежьей потехой и слонами (Дворц. разр., т. I, стр. 697–704; Забелин, "Быт цариц", стр. 463, Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462).

21 сентября 1626 года царь Михаил Феодорович снова направился в Троицкий поход, причем 24 числа обедал в селе Воздвиженском, 25 сентября, день святого Сергия Радонежского, провел в монастыре, а 29 числа на обратном пути обедал в селе Тонинском. Что обратный поход из лавры сопровождался охотами, мы можем сказать с убеждением, так как царь брал для этой цели с собою ловчего пути Тимофея Ивановича Усова, вероятно, в то время заведовавшего царскою зверовою охотою. Усов был в числе приглашенных к царскому столу как в селе Воздвиженском, так и в селе Тонинском. При остановке же в селе Покровском там

устраи́вались медве́жья и слоно́вая потехи (Дворц. разр., т. I, стр. 857–860; Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62; Общ. Арх. Мни. Двора, кн. 282, л. 62).

29 октября того же года царь Михаил Феодорович "ходил в свое государево село в Рубцово (Покровское) для освящения церкви Пречистыя Богородицы Покрова" и тешился затем там медвежьёю потехою (Дворц. разряды, т. I, стр. 861; Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

В двадцатых числах июня 1627 года, возвращаясь из Троицкого похода, "тешился Государь в селе Братошине; кречеты". На этой охоте отличился кречет, которого вынашивал кречетник Иван Петров сын Марков и который убил коршуна. Учителю героя охоты, кречета, был дан по тому времени ценный подарок – тафта стоимостью в 3 рубля 50 копеек (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; Дворц. разр., т. I, стр. 926 и 927).

1 августа того же 1627 года царь охотился в окрестностях Симонова монастыря. На царском обеде в этом монастыре участвовали ловчего пути Тимофей Васильевич Усов с 19 человеками охотников, значит, поездка эта, помимо богомолья, имела целью и охоту (Дворц. разр., т. I, стр. 933).

9 мая 1628 года был государь Михаил Феодорович "у Николы Чюдотворца на Угреше", при чем, нет сомнения, в окрестностях монастыря охотился, ибо приказал быть с ним в походе ловчего пути Тимофею Иванову сыну Усову (Этот Тимофей Усов именуется в Дворцовых разрядах то Ивановичем, то Васильевичем). (Дворц. разр., т. I, стр. 1014).

28 мая 1628 года отправился Михаил Феодорович в Троицкий поход, 31 числа был в селе Воздвиженском, 1 и 2 июня провел в Троицко-Сергиевской лавре и 7

июня был в селе Тонинском. Поход этот, несомненно, сопровождался соколиною охотою. У царского стола в селе Воздвиженском обедали сокольничья пути Истома Воейков с 27 человеками сокольников. Тот же Воейков приглашен был к царскому столу и в селе Тонинском (Там же, стр. 1014–1022).

Во время похода царя Михаила Феодоровича в 1630 году на праздник в Троицко-Сергиевскую лавру, состоявшегося в середине сентября месяца, государь и его приближенные, между прочим, упражнялись в стрельбе. На этой потехе были расстреляны шапки стольника князь Михайла княж Петрова сына Пронского, окольничего князя Александра Михайлова Львова и князя Никиты Ивановича Одоевского, за что лица эти получили соболей и бархату кармазину: первый – на 5 рублей 12 1/2 копеек, второй – на 10 рублей и третий – на 6 рублей 12 1/2 копеек (Дворц. разр., т. II, стр. 169; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 286, л. 49, л. оборотн. 49 и л. 53).

6 октября 1631 года государь Михаил Феодорович отправился в Троицкой поход, 10 числа был в селе Воздвиженском, 11 – в лавре и 16, на обратном пути – в селе Тонинском; заезжал он также и в село Покровское. В селах Покровском-Рубцове и в Тонинском царь тешился медвежьей потехою (Дворц. разр., т. II, стр. 244–246; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55; Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

Мы имеем прямое указание о том, что в течение лета 1632 года как царь Михаил Феодорович, так и царевич Алексей Михайлович хаживали на охоту с ловчими птицами весьма часто. В этом году дворянин Иван Семенович Лодыгин подал Михаилу Феодоровичу следующую интересную челобитную:

"Государю Царю и Великому Князю Михаилу

Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой, Ивашко Семенов сын Лодыгин, в нынешнем Государь во 140 году до Зимнего Николина дни, пожаловал ты Государь меня холопа своего, как я холоп твой тебя Государя тешил и Царевича князя Алексея Михайловича соколы кречеты Государь пожаловал мне холопу своему шубу и я холоп твой с тех мест и по сию пору ожидаючи твоего Государева жалованья... не бивал челом Милосердый Государь Царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси пожалуй меня холопа своего в то место к Светлому Воскресенью фerezцами да кафтаном. А дураки Государь теша тебя Государя изодрали на мне однорядочку да шапочку, а однорядочка у меня холопа твоего к Светлому Воскресенью с пугвицы серебряными твое Царское жалованье есть. Царь Государь смилуйся". Челобитная была уважена (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 161 – 7140 г.). 12 октября 1634 года государь Михаил Феодорович отправился на известное время в село Покровское (Дворц. разр., т. II, стр. 403). Во время своего пребывания в этом селе царь забавлялся охотою. Так, мы имеем сведения о выдаче задворному конюху Степану Карпову "на шапку вершок суконной вишневой 10 алтын, тулея лапы лисьи 6 алтын, на окол соболь полтора рубли, а пожаловал Государь его за то, как Государь был на селе Покровском и выезжал на поле тешиться и Государевы комнатные Государя тешили по его шапке стреляли из луков и из пистолей и шапку истреляли" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 180). Тогда же в селе Покровском устраивались и медвежьи потехи (там же, кн. 290, л. оборотн. 150 и 216), а также тешил Государя стрелец Петрушка Ивангородец тем, что "носил на зубах бревно" (Там же, кн. 290, л. 169).

"30-го мая 1635 года, – пишет Олеарий, – гофмейстер молодого князя, по желанию великого князя, устроил соколиную охоту и пригласил на нее важнейших из чинов послов наших. Он прислал за нами собственных лошадей своих и повез нас на прекрасный луг, в двух милях от Москвы, где после весьма знаменательной и веселой охоты угощал нас в палатке водкой, медом, пряниками, астраханским виноградом и маринованными вишнями" (Олеарий, стр. 94). Вероятно, и некоторые из чинов голштинского посольства, искусившиеся в том же деле, показывали свои охотничьи приемы обращения с ловчими птицами и притом показывали эти приемы уже в присутствии как царя Михаила Феодоровича, так и царевича Алексея Михайловича где-нибудь в окрестностях села Покровского. По крайней мере сохранился документ, свидетельствующий о выдаче наград 29 мая этого года немцам Ивану Семенову и Юрию Воину Бранту за то, что "тешили они Государя и Государя Царевича князя Алексея Михайловича в селе Рубцове". Первый получил камки на 9 рублей, а второй тафты на 3 рубля 60 копеек (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 500).

21 сентября 1635 года царь Михаил Феодорович отправился в Троицкий поход, 24 числа был в селе Воздвиженском, 25 – в лавре и 30 – в селе Рубцове-Покровском (Дворц. разр., т. II, стр. 482–485). Во время этого похода Михаил Феодорович охотился на медведя. По крайней мере 29 сентября этого года выдано было задворному конюху Петрушке Федотьеву сукно настрафиль в 2 рубля "за то, что ево в Троицком походе под селом Пушкиным медведь драл" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 37). Что это не была медвежья потеха, а была именно охота на медведя – видно из

текста документа. Во-первых, при наградах за медвежьи бои всегда в старых документах говорится "за то, что на государевой потехе", и т. д.; во-вторых, потехи медвежьи всегда устраивались при царских походах в селах, а не "под селом", то есть в окрестностях села; в-третьих, мы не имеем ни одного документа, где говорилось бы, что медвежья потеха устраивалась бы и в селе Пушкине. А между тем, эта потеха требовала устройства известной арены и вообще многих хлопот, приспособлений. Такая потеха была устроена в том же году в селе Покровском, где имелось все для этого необходимое, и куда государь Михаил Феодорович отправился 13 ноября (Дворц. разр., т. II, стр. 486 и Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 62).

Декабря 26 того же 1635 года "пошел Государь тешиться на лосьи поля" (Дворц. разр., т. II, стр. 489). Охота эта происходила, вероятно, в одном из имений боярина Федора Ивановича Шереметьева. По крайней мере, один из людей названного боярина 27 декабря этого года получил богатый подарок: сукно английское ценою в 6 рублей 90 копеек за то, что "тешил Государя в лосиную осоку и лоси осочил" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 132).

В декабре же месяце того же года государь Михаил Феодорович "пошел в село Суково, на медведя" (Дворц. разр., т. II, стр. 489).

В ноябре 1636 года "Государь ходил к Николе на Угрешу молится, а от Николы Государь ходил в Рубцово, а из Рубцова пришел в санях". Всего в этом походе Михаил Феодорович пробыл 17 дней и, вероятно, охотился, так как брал с собою московского ловчего Ивана Левонтьева и шатры для остановок в поле (Дворц. разр., т. II, стр. 525).

23 мая 1637 года государь Михаил Феодорович отправился в село Покровское (Дворц. разр., т. II, стр. 559), где пробыл до 1 июня ("Выходы Государей", стр. 50) и где была устраиваема медвежья потеха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 294).

В июне 1638 года, 25 числа, "пошел Государь в село Покровское, что было Рубцово", в окрестностях которого, очевидно, охотился, так как ему сопутствовали московский ловчий Иван Федорович Левонтьев и шатерничий Алексей Семенович Карбышев (Дворц. разр., т. II, стр. 580).

Те же лица участвовали в царских походах к Троице, в Александровскую слободу и в Переяславль-Залесский в начале октября 1638 года (Дворц. разр., т. II, стр. 592, и "Выходы Государей", стр. 69) и к Троице в сентябре 1639 года (Дворц. разр., т. II, стр. 618). 17 сентября 1640 года царь Михаил Феодорович справлял новоселье в новых хоромах села Коломенского (Дворц. разр., т. II, стр. 643), где по случаю празднества была устроена медвежья потеха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 296, л. 18).

19 сентября 1641 года царь Михаил Феодорович отправился в село Покровское-Рубцово, а оттуда к Троице, опять-таки сопровождаемый московским ловчим Левонтьевым (Дворц. разр., т. II, стр. 671).

10 сентября 1643 года "ходил Государь в село Покровское" (там же, стр. 711), где тешили соколами царевича Алексея Михайловича люди боярина Никиты Ивановича Романова – братья Борис и Иван Коноплевы, хорошо за это награжденные. Борис получил тафту да сукно на 8 рублей 64 копейки, а Иван – сукно на 4 рубля 20 копеек (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 299, л. 22).

12 Сохранился любопытный документ, относящийся к

1655 году, подтверждающий последнее обстоятельство и представляющий из себя нижеследующее обращение царя Алексея Михайловича к своим сокольникам: "От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии Самодержца, избранным нашим и верным соколником Леонтию Григорову, с товарыщи. От нас Великого Государя милостивое слово:

А КЪ ЛЮБИЛЪ ГОСУДАРЬ, ЦАКОВАКНИЙ
 АЛЕКСЕИ ГОСУДАРЬ — СВѢТЪ МИХАЙЛО-
 ВИЧЪ,
 КАКЪ ЛЮБИЛЪ ГОСУДАРЬ БОЛЬНО ЖАЛОВАЛЪ
 ТУ ПОТѢХУ СВОЮ ГОСУДАРСКУЮ, . . .

да по нашему Государеву указу товарищам вашим соколникам велено быть в сотне (смотри ниже о встрече иностранных послов), а каков голова и каково платье и лошади и какова людна сотня и прото вам отпишут товарищи ваши. А товарищ ваш Борис Бабин погнушался нашему государеву соколничему чину и стал считатьца с Михеем Тоболиным: что он по городу служил городовым чином и меры не поставил городу чести. И Мы велели его бить батоги нещадно и выкинуть из соколничья чину и он волочился с три недели. И для великого Чюдотворца Николы, пожаловали Мы Великий Государь: велели ему быть в стремянных конюхах у царевича Грузинского и вам бы ему Бориске и беспутной его дурости тому товарищу не поревновать и нам Великому Государю наипаче прежнего простираться и служить, а у нас Великого Государя служба ваша николе забвена не будет" (Государ. Арх., разр. XXVII, No 52, столб. No 11 – 7163 г.).

13 "Бояром нашим и околничим и кравчему с путем, и стряпчему с ключем, боярину Борису Ивановичю Морозову, боярину Никите Ивановичю Романову, боярину князю Якову Куденетовичю Черкасскому, боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичю Лвову, боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому, боярину князю Михаилу Михайловичю Темкину, боярину князю Федору Семеновичю Куракину, кравчему с путем Семену Лукояновичю Стрешневу, околничему Феодору Борисовичю Далматову-Карпову, околничему князю Андрею Феодоровичю Литвинову-Масальскому, околничему Никифору Сергеевичю Собакину, стряпчему с ключем Михаилу Алексеевичю Ртищеву, бьет челом и просит Государь Ваш царь и Великий князь Алексей Михайлович всеа

Русси с своими полчаны, с столники и с стряпчими и с дворяны, чтоб мне ехать в среду на Озерецкой медведь, а как Бог даст изыдем и мне б ехать с Вами в Озерецкое кушать и кушавши бы поехать того ж дня ночью и приехать бы в Козловскую княгини деревни в четверг поутру, и прося у Бога милости промыслять и как Бог даст промыслим и нам бы ехать в Павловское, а посоху собирать заранее, а будет так, Вы не изволите и мне с Вами ехать тое ж ночи в Павловское и приехавшиб в четверг мне кушать и кушавшиб мне с ступными медведьми тешитца старыми, а послать бы по них заране и на завтрее в пятницу на ночь ехать к Москве пожалуйста поступитеся, о чем я у Вас с своими полчаны прошю, а я всем Вам поступался кто о чем бил челом. Ты боярин Борис Иванович бил челом о Дмитрие... и я тотчас пожаловал, а ты боярин Никита Иванович бил челом о Протасе Неплюеве в воеводах, и я пожаловал, а Ты боярин князь Яков Куденетович бил челом об Иване Лешовове, чтоб его на службу не посылать, и я пожаловал, не велел посылать, а ты Боярин и Дворецкой князь Алексей Михайлович бил челом о Андрее Племянникове, чтоб я пожаловал велел отдать 100 рублей и я пожаловал, а ты боярин князь Алексей Никитичь бил челом, чтоб на засеке... стоят крестьянам твоим для твоей.....реной и я пожаловал не велел стоять, а ты боярин князь Михайло Михайлович бил челом о поместьи и я тем поместьем тебя пожаловал и тебе то поместье не полюбилось и я тебе слово свое милостивое сказал велел тебе приискивать да бить челом, а ты боярин князь Федор Семенович бивал челом по чясту, в деревню и я тебя всегда жаловал отпускал, а ты Кравчей с путем Семен Лукьянович бил челом о Миките Панине чтоб его Микиту отпустить на Олатырь и я пожаловал велел

отпустить, а ты околничей Федор Борисович бил челом о Смирнове сыне Демекове в стряпчие и я пожаловал, а ты околничей князь Андрей Федорович бил челом на Богдана Дубровского о рыбных ловлях и я тебя пожаловал, велел челобитную подписать, как служба минетца и в ту пору указ будет, а ты околничей Никифор Сергеевич бил челом об Тимофееве сыне в столники и я пожаловал, а ты стряпчей с ключем Михайла Алексеевич бил челом о лошади в цену и я тебя пожаловал без цены и Вы помятуйте все скорую мою милость к себе и поступитесь мне и полчаном моем о чем у Вас просим, а мы столники и стряпчие и дворяне руки приложили любо так быть как Ваш Государь и наш изволил всегда мирских речей слушают и околничей Никифор Сергеевич Собакин сказывал Государю – мужики де мне сказывали, что до Павловского 20 верст, а медведь лежит за Павловским 20 верст, и вссго 40 верст, и я Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, и Полчяне желаем всем Вам душевного спасения и телесного здравия во веки" (Государств. Арх., No 53, разряд XXVII).

14 Любил царь Алексей Михайлович, по-видимому, и рыбную ловлю. Так, в 1657 году в Иверский монастырь была отправлена весьма любопытная грамота патриарха, которою приказывалось: "рыбу велеть ловить, судоки и лещи и щуки и сомы и лини и всякую рыбу, и сажать ту рыбу живую в озеро, а озерко в которое ту рыбу сажать, приискать небольшое, чтоб было чисто, от монастыря хотя в верстах трех или четырех или пяти, только б рыба не поморить... да к Государеву и к нашему приходу приготовить четыре невода новых добрых" (Акт. Истор., т. IV, 109, стр. 253). Очевидно, патриарх хотел угостить царя знатной

рыбной ловлей.

15 Первые сведения об охотах царя Алексея Михайловича относятся к первым дням царствования молодого царя, к концу 1645 года.

25 декабря этого года, на первый день Рождества, были награждены люди дядьки и воспитатели царя, Бориса Ивановича Морозова – Иван Лунин с двумя товарищами за то, что "отыскивали диких медведей" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 38 – 7154 г.). вероятно, во время похода царя Алексея Михайловича "в Можайск, и в Боровск в Пафнутьев монастырь, и в Звенигород к Саве Сторожевскому чудотворцу", состоявшегося в начале декабря этого года (Дворц. разр., т. III, стр. 21).

В январе 1646 года молодой государь опять предпринимает охотничью лоездку в окрестности Саввина-Сторожевского монастыря. Во время этого "Звенигородского похода" он дважды заезжает в имение своего воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, в село Павловское, где оба раза устраиваются медвежьи потехи, второй раз 31 января (Общ. Арх. Мин. Дв., столбцы 62 и 84 – 7154 г.).

Весною того же года царь Алексей Михайлович снова предпринимает охотничью поездку по дворцовым подмосковным селам. Начало апреля он проводит в селе Покровском-Рубцове. Оттуда, 3 апреля, пишет он письмо стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину, приказывая "взять в Золотой Палате на окне трои обносцы да запечатать и прислать тотчас" к нему в село Покровское вместе с царскою "чернилицой с трубками", чернилами и перьями, взяв чернила от дьяка Григорья Львова и велев ему же очинить перья. При этом Алексей Михайлович уведомляет Матюшкина, что близ Покровского в то

время было "уток бесчисленно много по лужам" и горько жалуется на то, что "ездить по полям топко и изымать нечем", так как "ястребы не успели", то есть подготовка их к охоте еще не была закончена (Акты Археограф. экспед., т. IV, No 100 – VI, стр. 140).

9 апреля того же года из села же Покровского Алексей Михайлович пишет к Матюшкину второе письмо, приказывая, между прочим, прислать к нему с посланным голубей, вероятно, для корму взятых с собою ловчих птиц (Собр. писем Ал. Мих., No 11).

30 апреля этого года царь Алексей Михайлович уже находился в селе Коломенском, откуда послал Матюшкину приказ: "как к тебе ся наша грамота придет, и тебе-б ходить к сестрам (царевнам Ирине, Анне и Татьяне Михайловнам) и спрашивать от меня о здоровье, как приказано было преж сего" (Собр. писем Ал. Мих., No 111).

В сентябре месяце того же года государь Алексей Михайлович ходил в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 143).

11 октября того же года "ходил Государь в село Остров и в Острову было освящение церкви" (Дворц. разр., т. III, стр. 49). Вероятно, во время этого Островского похода царь Алексей Михайлович заходил и в село Покровское, где была устроена охота с ловчими птицами. На этой охоте случилось неприятное в охотничьем отношении приключение – "утек сокол". Однако, сокола удалось поймать человеку боярина Бориса Ивановича Морозова, Клементью Васильеву, за что последний и получил сукно английское в 4 рубля 40 копеек (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. 21).

В непродолжительном после этого времени были устроены лисьи осоки под селом Коломенским, причем осочили лишь конные псары Микифор Озорной да

Дмитрий Шевелев, удостоившиеся 11 ноября этого же года царского жалованья – сукон настрафиля двухрублевого достоинства (там же, кн. 302, л. 32). Последняя охота была устроена, вероятно, еще в октябре, может быть, также при Островском походе; по крайней мере, судя по данным Дворцовых разрядов, весь ноябрь месяц царь Алексей Михайлович провел в Москве (т. III, стр. 50).

Около этого же времени государь Алексей Михайлович ходил "в Хорошевский поход", охотясь по дороге на волков. В охоте этой принимали участие люди боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, постоянного спутника царя на звериных охотах. Люди эти, Яков Черкашенин да псарь Худячко Сидоров "объехали волка", за что получили: первый – сукно английское в 3 рубля 4 копейки, а второй – сукно настрафиль в 1 рубль 8 копеек (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 302, л. оборотн. 46).

В январе месяце 1647 года царь Алексей Михайлович охотился на волков и на медведя. Медвежья охота была устроена под селом Крылацким, и "осочили медведя" ловчего пути охотник Осип Молчанов и конный псарь Любим Молчанов (там же, кн. 302, л. 68). Охота на волков была, по-видимому, устроена в обширном размере или, лучше сказать, это был ряд волчьих осок, в которых принимали участие, как чины царской охоты, так и охотники боярина князя Якова Куденетовича Черкасского. До нас дошли документы, свидетельствующие нижеследующее: 20 января этого года людям боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, псарям Григорию Жуку да Боренку Иванову было выдано по сукну кострышу темно-синему, ценою по 1 рублю 80 копеек за кусок за то, что "они сочили в селе Ржественном волков" (там

же, кн. 302, л. оборотн. 71). 29 того же января люди того же боярина получили также "за волчьи осоки": Игнатий Цветков – сукно английское вишневое в 3 рубля 60 копеек, да псари Стенка Корташ и Смышляйка Сидоров – по сукну кострышу темно-синему, ценою по 1 рублю 92 копейки за сукно (там же, кн. 302 л. оборотн. 77). 5 февраля того же года "за волчьи же осоки" был награжден настрафилем лазоревым в 1 рубль 73 копейки ловчего пути конный псарь Павел Будаев (там же, кн. 302, л. 81).

В 1647 же году "февраля в 15 день, ходил Государь на медведя", но куда именно, неизвестно (Дворц. разр., т. III, стр. 56).

Меньше чем через неделю, 21 февраля, государь Алексей Михайлович снова охотился где-нибудь в имениях князей Волхонских на медведя же: 10 марта этого года людям окольного князя Петра Федоровича Волхонского, Митьке Васильеву да Замяшке Митрофанову, выдали по сукну кострышу, в 1 рубль 92 копейки сукно, за то, что "в нынешнем 155 году осочили они медведя Февраля в 21 день" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 98).

В марте того же года царь Алексей Михайлович, вероятно, охотился в окрестностях села Покровского, а в самом селе была устроена медвежья потеха (там же, кн. 302, л. оборотн. 98).

В августе 1647 года "тешили Государя соколы в селе Коломенском" люди боярина Никиты Ивановича Романова, сокольники Борис Коноплев да некий Терешка, за что и были награждены 12 числа этого месяца сукнами настрафилем лазоревым, по 1 рублю 92 копейки за сукно (там же, кн. 302, л. 21). Наконец, в декабре этого же года, 31 числа, люди боярина Никиты Ивановича (вероятно, как и в августе) Романова,

Андрюшка Прокофьев и Гришка Яковлев, получили такие же подарки "за звериные осоки" (там же, кн. 303, л. оборотн. 73).

В начале января 1648 года, во время Звенигородского, Можайского и Боровского похода царя Алексея Михайловича, снова были устроены охоты на волков, в которых принимали участие как царские охотники, так и охотники князей Якова Куденетовича Черкасского и Ивана Прозоровского. Так, 6 января этого года выдано было по доброму сукну четырем псарям боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, Стенке Карташу с товарищами, и псарю стольника князя Ивана Прозоровского, Акинфейку Григорьеву, "за волчьи осоки" (там же, столб. 77 – 7156 г.), а 12 числа того же января ловчего пути конные псари Иван Исаев, Микифор Озорной и Микита Шевелев за то, что "осочили шти волков" во время Звенигородского, Можайского и Боровского похода получили по сукну настрафилю лазоревому (там же, столб. 90 – 7156 г. и Столб. Оруж. Пал. АВ – 626).

Во время того же похода были устраиваемы медвежьи потехи в селах Покровском, Урюпине и Павловском (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. оборотн. 118 и 127 и столб. 90 – 7156 г.).

16 января 1648 года состоялась свадьба царя Алексея Михайловича, который "взял за себя Государя Ильину дочь Даниловича Милославского, Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью Ильиничну", причем во время торжества бракосочетания "в отцово месго" был поставлен боярин Борис Иванович Морозов (Дворц. разр., т. III, стр. 78). Через пять дней после свадьбы, 21 числа, государь отправился в Троицкий поход (там же, стр. 86) и охотился на медведя в одном

из имений своего посаженного отца, так как 30 января людям боярина Бориса Ивановича Морозова, Афанасью Игнатьеву, Потапу Кулакову и Никифору Афросимову, было уже выдано по доброму сукну "за медвижьи осоки" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 114 – 7158 г. и кн. 303 л. оборотн. 107).

В феврале месяце этого же года царь Алексей Михайлович ходил в Звенигородский, Можайский и Боровской поход, во время которого были снова устраиваемы медвежьи охоты, при участии в них различных охотников. Так, 20 февраля получили по настрафилю лазоревому ловчего пути охотник Алексей Меркурьев и конный псарь Давыд Данилов за то, что "они были в Звенигородском и в Можайском и в Боровском походе и за медвежьи осоки" (там же. кн. 303, л. оборотн. 118); 20 же февраля выдано человеку околничего князя Федора Федоровича Волконского, Божену Осипову, также сукно настрафиль лазоревый "за медвежий осок" (там же, кн. 305, л. оборотн. 119). Наконец 25 февраля награждены таким же сукном крестьяне Звенигородского уезда дворцового села Михайловского – Стенка Зетеркин да человек царского псовника Петра Жадовского, Савка Меркульев, за медвежий же осок (там же, кн. 303, л. оборотн. 119).

В мае месяце того же года царь Алексей Михайлович отправился в Троицкий поход, причем 20 числа этого месяца "приехал из Здвиженского села в монастырь к Живоначальной Троице" ("Выходы Государей", стр. 181).

В июле того же 1648 года "тешил Государя на поле соколы" сокольник Иван Данилов сын Гребенкин и тешил, вероятно, не раз, причем во время одной из охот "убил сокол цаплю, а он Иван тое цаплю принес ко Государю". За эти охоты Гребенкин был награжден два

раза, 30 июля и 5 августа, получив сукон на 4 рубля 18 копеек (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285).

В сентябре месяце того же года царь Алексей Михайлович ходил в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 190).

В октябре того же года Алексей Михайлович охотился на волков где-нибудь под селом Островом. 5 числа этого месяца ловчего пути псовник Петр Жадовский получил английское вишневое сукно, ценою в 4 рубля 72 копейки с деньгою, "за волчий осок, как он сочил волков в Государевом Островском походе" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 31).

В феврале 1649 г. царь Алексей Михайлович охотился на медведя, вероятно, в окрестностях села Тонинского. Мы имеем два документа, помеченные 15 февраля этого года, из которых один гласит о награждении конных псарей Павла Будаева с четырьмя товарищами английскими сукнами, по 2 рубля 76 копеек сукно, "за медвежьи осоки", а другой – о награждении участников медвежьей потехи, устроенной в селе Тонинском (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 136).

В мае месяце того же года царь Алексей Михайлович ходил в Троицкий поход, при чем 12 числа этого месяца пришел из села Воздвиженского к Троище ("Выходы Государей", стр. 208).

30 июля 1649 года тешил царя Алексея Михайловича челигом кречатым кречетник Иван Григорьев, за что и получил сукно доброе (Общ. Арх. Мин. Дворц. столб. 32 – 7158 года).

Где происходила эта охота, мы не знаем, но заметим только, что 28 июля государь был в Новодевичьем монастыре; когда Алексей Михайлович вернулся оттуда в свой Московский дворец – неизвестно (Дворц. разр., т. III, стр. 127).

В сентябре месяце этого года царь Алексей Михайлович ходил в Троицкий поход к празднику Святого Сергия ("Выходы Государей", стр. 217).

19 октября 1649 года царь Алексей Михайлович

отправился в село Коломенское, а оттуда 23 числа того же месяца в село Голенищево, сопровождаемый весьма многими боярами, окольными, стольниками и стряпчими, в числе которых находились и постоянные сотоварищи государя по охоте, бояре Борис Иванович Морозов и князь Яков Куденстович Черкасский (Дворц. разр., т. III, стр. 136). Вероятно, под селом Голенищевым, где-нибудь во владениях стольника Василия Ивановича Шереметева, 25 октября был устроен "лисий осок", причем окладывал лис человек названного стольника, Любим Посопов, получивший за свою охотничью службу "за сукно доброе деньгами" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 57 – 7158 года). Из-под села Голенищева царская охота двинулась, вероятно, под село Павловское или какое-либо другое поместье боярина Бориса Ивановича Морозова, где охотников ожидал обложенный медведь. Медведь был обложен человеком названного боярина, Трофимом Левашовым, и за этот "медвежий осок" окладчик получил английское темно-зеленое сукно в 2 рубля 84 копейки (там же, кн. 305, лист оборотн. 17).

9 ноября того же года, опять сопровождаемый массою приближенных, царь Алексей Михайлович направляется в село Покровское. Присутствие в числе спутников царя московского ловчего Афанасия Сафонтьевича Заболоцкого заставляет предполагать, что это путешествие имело специальною целью устройство охоты (Дворц. разр., т. III, стр. 137).

12 того же ноября царь Алексей Михайлович отправляется в Звенигородский поход, к преподобному Савве Сторожевскому (там же, стр. 138), а 17 числа того же месяца в село Хорошево (там же, стр. 139). Во время этого похода "тешили государя волками за речкою за Выхонкою" люди боярина князя Никиты

Ивановича Одоевского, конный псарь Костька Станин и Офонька Зыков, получившие за это по доброму сукну (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 73 – 7158 года).

30 того же ноября, сопровождаемый девятью боярами, четырьмя окольными, стряпчим с ключом, московским ловчим Афанасием Сафонтьевичем Заболоцким, шестьюдесятью четырьмя стольниками, десятью стряпчими и двумя дворянами, царь Алексей Михайлович направляется в Можайский поход, имея возницею стольника князь Алексея княж Иванова сына Буйносова Ростовского, ухабничим стряпчего Еуфима Максимовича Ладыженского и у саней Леонтия Леонтьевича Лопухина. Опять-таки присутствие ловчего указывает, что если не единственной, то, по крайней мере, одною из целей этого путешествия была охота (Дворц. разр., т. III, стр. 140–143).

5 февраля 1650 года царь Алексей Михайлович отправляется "в ближние походы" (там же, стр. 148), а 17 апреля того же года идет в село Хорошево, взяв с собою московского ловчего Заболоцкого (там же, стр. 159). В Хорошеве устраивается медвежья потеха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 305, лист 127).

25 мая 1650 года "пошел Государь к Троице в Сергиев монастырь. А от Троицы из Сергиева монастыря идти Государю и с Государынею Царицею в Кашин" (Дворц. разр., т. III, стр. 170). С государем в походе находился и московский ловчий Заболоцкий (там же, стр. 171). 23 мая царь Алексей Михайлович был в селе Росткине, откуда писал Матюшкину, чтобы последний выслал ему живых гусей и уток, вероятно, для потребностей царского стола (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – I, стр. 252), а не для "приучения ловчих птиц хватать добычу", как объясняет Бессонов (Примеч. Бессон., стр. 20). 25 мая царь Алексей

Михайлович был в деревне Тарасовке, откуда писал к Матюшкину, чтобы последний "записывал, в которой день и которого числа дождь будет" и отписал ему "о птицах, как их носят и как они летят", отдавая при этом и различные приказания, касавшиеся порядка вынашивания ловчих птиц. Сообщал в этом письме царь Алексей Михайлович Матюшкину и о приключении с одним из сокольников, Мишкою Семеновым. "Да на нашем стану, – писал царь, – в селе Тонинском новый сокольник Мишка Семенов сидел у огня да вздремав упал в огонь, и ево из огня вотошили, немного не сгорел; а как в огонь упал, и того не слышал" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – II, стр. 252). 2 июня государь был в Троицкой лавре (Дворц. разр., т. III, стр. 173), а 4 выступил оттуда к Кашину (там же, стр. 178). 1 июня, остановившись, не доходя до Кашина, в Колязине монастыре, царь Алексей Михайлович снова пишет Матюшкину длинное письмо, в котором ставит ряд вопросов и излагает серию советов относительно вынашивания его, государевых, ловчих птиц на государевой кречатне. Далее, Алексей Михайлович делится с Матюшкиным охотничьими впечатлениями. Восхваляя ловкость челига Паледа, который на всех охотах "добывает добре добро", Алексей Михайлович обращает внимание Матюшкина на то, что до Калязина монастыря в это путешествие хорошие охоты были лишь по дороге к Троицкой лавре и в окрестностях села Рогачева: "а птиц, что ни наехали под Троицу и за Троицу, за Рогачево десять верст, осорей и коршаков и гаю всякого, а от Рогачева и до Колязина монастыря на осмидесяти верстах никаких птиц, ни гнездъ, ни гаю не заезживали: лиса большие, глухие и в перелет птица ни какая не перелетит, и поля худы; а в Колязине птицы

всякие есть и добывать кречету и челигу и соколу лететь мошно и есть где; и уток много, поля нарочетые" (отличные, прекрасные – Примеч. Бессонова, стр. 42). (Собр. пис. Ал. Мих., No VI).

12 июня царь Алексей Михайлович прибыл в Кашин и остановился в шатрах, где и был устроен большой царский обед (Дворц. разр., т. III, стр. 178). Из Кашина царь отправился в Углич, в монастырь "Преподобного Паисия Углицкого чудотворца", откуда уже предпринял обратное путешествие в Москву (там же, стр. 179).

12 сентября 1650 года царь Алексей Михайлович ходил в Звенигородский поход (там же, стр. 185), 15 сентября был в селе Коломенском и с 15 по 21 число находился между Коломенским и Покровским селами, вероятно, занимаясь охотой (там же, стр. 187). 22 сентября государь пошел в Троицкий поход (там же, стр. 191) и прибыл к Троице 25 числа ("Выходы Государей", стр. 231); 1 октября Алексей Михайлович был уже в Москве (Дворц. разр., т. III, стр. 193).

Троицкий поход был повторен царем Алексеем Михайловичем 9 октября этого же года (там же, стр. 197). 29 октября Алексей Михайлович ходил в село Коломенское (там же, стр. 205), а в начале ноября в село Покровское (там же, стр. 207). 30 ноября "ходил Государь в Звенигород, в монастырь к Савве чудотворцу Сторожевскому" (там же, стр. 212), куда прибыл 3 декабря и откуда вышел в село Покровское 7 декабря (там же, стр. 215). Вернувшись вскоре в Москву, Алексей Михайлович 21 декабря снова идет в село Покровское и возвращается в Москву к празднику Рождества Христова (там же, стр. 218). 30 декабря государь опять выступает в поход в село Коломенское (там же, стр. 219).

9 марта 1651 года царь Алексей Михайлович пошел в Звенигородский поход (там же, стр. 222); 3 апреля в село Хорошево (там же, стр. 228); 16 апреля был в селе Покровском (там же, стр. 241); в этом же селе его застает и 5 мая – день, в который он отпраздновал именины сестры, царевны Ирины Михайловны (там же, стр. 250). 14 мая государь ходил в Троицкий поход (там же, стр. 254), куда прибыл 18 числа (там же, стр. 261). 27 июля Алексей Михайлович ходил в Новодевичий монастырь, где останавливался и обедал 28 числа в шатрах (там же, стр. 264). 16 августа государь отправился в село Коломенское и вернулся в Москву 18 числа того же месяца (там же, стр. 266). 21 августа Алексей Михайлович снова идет в село Коломенское (там же), а 21 сентября отправляется в Троицкий поход (там же, стр. 280), куда прибывает 25 числа ("Выходы Государей", стр. 249). 1 декабря царь идет в Звенигородский поход, где 3 числа проводит праздничный день чудотворца Саввы (Дворц. разр., т. III, стр. 286). В последний поход с царем Алексеем Михайловичем в числе других были отправлены птичьи стрелки Исаия Быковский и Игнатий Тороканов, которым было выдано "для птичьи добычи по фунту пороху и по два фунта свинцу человеку" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 74 – 7155 года).

15 января 1652 года Алексей Михайлович снова идет в Саввин Сторожевский монастырь (Дворц. разр., т. III, стр. 290), сопровождаемый московским ловчим Афанасием Сафонтьевичем Заболоцким (там же, стр. 291), где 20 января празднует "обретение мощей преподобного Саввы Сторожевского чюдотворца" (там же, стр. 297). 20 апреля государь идет в село Хорошево (там же, стр. 307); 8 мая – к Николе на Угрешу (там же, стр. 312); 17 мая – в Звенигородский поход (там же,

стр. 313); 2 июня – в Троицко-Сергиевскую лавру (там же, стр. 314); 6 июня переходит из лавры в село Воздвиженское, где ночует и откуда выступает утром в Москву, прибывая в последнюю вечером того же дня (там же, стр. 518 и 319). 27 июня идет Алексей Михайлович в Новодевичий монастырь (там же, стр. 323); 8 сентября, на другой день после крестин царевны Марфы Алексеевны, идет государь в село Покровское (там же, стр. 329), а 10 сентября в Звенигородский поход (там же, стр. 330). 22 сентября "поволил Государь идти" в Троицкий поход (там же, стр. 330), но вышел 23 числа и прибыл на место в лавру 24 сентября ("Выходы Государей", стр. 269), причем на возвратном пути заезжал в село Покровское, а в Москву вернулся 28 числа того же месяца (Дворц. разр., т. III, стр. 331). 2 октября идет государь снова в село Покровское, 5 октября – в село Коломенское, 25 октября – опять в село Коломенское и 1 ноября – в село Покровское (там же, стр. 332). 8 ноября также поход в село Покровское (там же, стр. 333); 27 ноября – в Андреевский монастырь (там же, стр. 334); 1 декабря – в Звенигородский Саввин монастырь (там же, стр. 335). 6 декабря Алексей Михайлович был в селе Хорошеве, а 13 числа того же месяца пошел в село Коломенское (там же, стр. 336). 27 декабря государь снова в Хорошеве (там же, стр. 337).

17 января 1653 года царь Алексей Михайлович отправляется в Звенигородский поход (там же, стр. 338); 26 апреля – в село Покровское, а 30 числа того же месяца в Андреевский монастырь (там же, стр. 349). 15 мая государь направляется в Звенигородский поход (там же, стр. 551); 26 мая – в село Покровское (там же, стр. 353) и 30 мая – опять в село Покровское (там же, стр. 354). 12 июля – в село Коломенское, где

праздновал 25 числа именины царевны Анны Михайловны; 27 июля государь ходил в Новодевичий монастырь (там же, стр. 359), где останавливался в шатрах ("Выходы Государей", стр. 292); 22 сентября государь ходил в Троицкий поход (Дворц. разр., т. III, стр. 368), причем останавливался в селе Воздвиженском ("Выходы Госуд.", стр. 293); 12 октября – в село Хорошево (Дворц. разр., т. III, стр. 376), 25 октября – в село Коломенское (там же, стр. 379); 19 ноября – в село Воробьево (там же, стр. 380); 30 ноября – в Звенигородский поход (там же, стр. 382), причем 3 декабря провел в Сторожевском монастыре ("Выходы Госуд.", стр. 302).

17 января 1654 года пошел царь Алексей Михайлович снова в Звенигородский поход, останавливаясь по дороге в селе Хорошеве (Дворц. разр., т. III, стр. 396; 18 апреля – в село Покровское (там же, стр. 407); 28 апреля – в Троицкий поход (там же, стр. 408); 3 мая – в Звенигородский поход (там же, стр. 409), а 18 мая, "положа упование на Бога и на пречистую его Богоматерь и на всех Святых пошел из Государевы отчины, из царствующего града Москвы, на недруга своего, на Польского и Литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и крестопреступление" (там же, стр. 413).

Хронологических данных этого военного похода царя Алексея Михайловича мы приводить не будем.

Вернулся Алексей Михайлович из последнего похода 10 февраля 1655 года (там же, стр. 456).

11 марта 1655 года "пошел Государь с Москвы в свою Государеву отчину, в Смоленск, для своего Государева и земского дела" (там же, стр. 461). В числе назначенных сопровождать царю Алексею Михайловичу значится и стольник и московский

ловчий Афанасий Иванович Матюшкин (там же, стр. 462), который, однако, вместе с царем, вероятно, не вышел, так как и 3 марта этого же года Алексей Михайлович писал ему в Москву из села Кубенского, сообщая, что в Кубенское он пришел ночью на другой день по выходе из Москвы и что из Кубенского он собирается выступить на другой день, то есть 14 марта, с тем, чтобы ночевать в 10 верстах за Можайском. Таким образом, несмотря на то, что "дорога такова худа" была, какой царь Алексей Михайлович, по его словам, "отроду не видал" (Письмо Ал. Мих., No VII), он сделал в один день 56 верст, так как "Кубенское от Москвы на Можайск в 57 верстах, а Можайск от Москвы в 103 верстах" (Прим. Бессонова, стр. 45). Этот переход ясно указывает, что царь Алексей Михайлович замечательно стойко переносил трудности походной жизни.

Вскоре, однако, Матюшкин присоединился к царю и вместе с ним пошел в новый военный поход на поляков 24 мая того же года (Дворц. разр., т. III, стр. 473).

26 июня 1655 года царь Алексей Михайлович был в Шклове (там же, стр. 482) и приказывал оттуда Матюшкину, вероятно, отставшему от государя, прислать к нему для какой-то надобности "конного псаря Терешку Фролова, тотчас, не мешкая, о дву конь" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – III, стр. 252).

Из Смоленского похода в Москву царь пошел обратно 25 ноября 1655 года (Дворц. разр., Дополн. к т. III, стр. 12), 9 декабря "пришел на подхожий стан в село Воробьево и вступил в Москву 10 декабря, окончив этим свой второй военный поход на поляков (там же, стр. 13).

17 января 1656 года царь Алексей Михайлович

отправился, по обыкновению, в Звенигородский поход (там же, стр. 22); 24 апреля был в селе Покровском и отправился оттуда в Троицкий поход (там же, стр. 33); 15 мая отправился снова в Смоленск (там же, стр. 41), сопровождаемый московским ловчим Афанасием Ивановичем Матюшкиным (там же, стр. 42), посетил по дороге Воробьево и Саввин Сторожевский монастырь (там же, стр. 44), 19 мая был в Можайске, 23 – в Вязьме и 31 – в Смоленске (там же, стр. 45). 20 июня начинается 3-й военный поход царя Алексея Михайловича, но уже на шведов под Ригу (там же, стр. 50). В Москву Алексей Михайлович вернулся в январе 1657 года (там же, стр. 87).

"16 Февраля 1657 года, в понедельник, ходил Государь в поход, в свое государево село, в Семеновское, на Потешный двор; с Москвы пошел в 8 часу дня, а к Москве пришел полчаса ночи ("часы в то время делились на денные, с восхождения солнца, и ночные, с заката. 18 февраля было 11 часов дня и 13 часов ночи; 6 апреля было 14 часов дня и 10 часов ночи; мая 9 было 16 часов дня и 8 часов ночи; 26 мая 17 часов дня и 7 часов ночи. За тем шло на убыль с 12 июня". Примечание Забелина). И в той день и в ночи был мороз" ("Охотничий дневник Алекс. Мих."). "Апреля во 2 день, в четверток, ходил Государь в село Измайлово, да в село Покровское и на Потешный двор в Семеновское; божественныя литургии слушал Государь в селе Измайлове; а столовое кушанье было в селе Покровском. А пошел Государь в село Измайлово в час дни, а пришел во 2 часу ночи. И в тот день было холодно и ветрено, а в ночи холодно ж" (там же).

"Апреля в 4 день, в субботу, ходил Государь после столового кушанья на потешный двор в Семеновское, а пришел в "..." часу ночи. А в тот день было холодно и

ветрено, а снег шел с перемешкою, а в ночи было то ж" (там же).

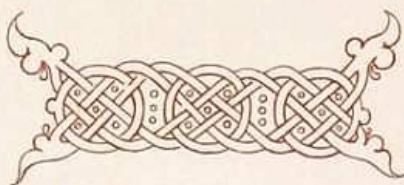
"Апреля в 7 День, на первом часу дни, ходил Государь в село Семеновское на потешный двор, а к Москве пришел в последнем часу дни. И тот день был ведрен, а в ночи было тепло" (там же).

"Апреля в 9 день, на первом часу дни, ходил Государь в село Покровское и в том селе тешился; а к Москве пришел в шестом часу дни, и столовое кушанье было на Москве.

а, любили Государь позабавиться
заблукить къ дубокъ сохатаго,

И. Мокш.

И в тот день до осмого часа дни было холодно и ветрено, а с того часа был дождь до одиннадцатого часа, а с одиннадцатого часа шел снег с дождем до вечера, а в ночи был мороз" (там же).

Забелин относит к 1657 году письмо царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину от 11 апреля, из села Покровского, в подлиннике которого года не обозначено ("Опыты изучения древностей", стр. 285). Указания "Охотничьего дневника" царя Алексея Михайловича за этот год, что 7 и 9 апреля государь после дневных походов возвращался к ночи в Москву, как будто бы несколько и расходятся с данными вышеупомянутого письма. Допуская, однако, что в Москву Алексей Михайлович возвращался лишь для ночевки, что во фразе этого государя "буду я к Москве" надо подразумевать предположение царя вернуться в Москву и провести там более или менее продолжительное время, то есть закончить этим данный охотничий поход, и оставляя затем определение года этого письма на ответственности уважаемого историка, приступаем к изложению самого письма, посвященного охотничьим впечатлениям царя, освещая это письмо данными "Охотничьего дневника".

Царь сообщает Матюшкину, что он писал к нему "наперед сево", что будет в Москве в понедельник, то есть 6 апреля 1657 года; однако писал это государь Алексей Михайлович "неспрошався с собою, потому что соколов не было, да и не ведал, что боярин Борис Иванович (Морозов) послал к себе по соколы". Узнав, значит, последнее, Алексей Михайлович не решился покинуть охотничьи поля и в Москву, как хотел раньше, не вернулся, а остался где-нибудь у села Покровского или в селе этом. Соколов привезли в четверг, 9 апреля, поутру – двух дикомытов держанья

сокольников боярина Бориса Ивановича Морозова, Ширяева и Модина. Приведенные птицы, однако, не были еще готовы для охоты с ними, так как сокольники у себя их лишь "вабили с вервью, а без верви отнудь у них не летавали ни поворачивали". Однако царь со своим компаньоном все-таки "поехали отведавать" птиц на Васильев пруд ("Неизвестно где", – Бессонов, стр. 72). "На первом дни, в которой их (соколов) привели", то есть 9 апреля, птицы "летели высоко гораздо, да не слазят к уткам, потому что еще не пора, – сам ты ведаешь, – говорит царь Алексей Михилович Матюшкину, – что Фомина нынчая неделя", то есть по времени года сокола и не могли еще быть хорошо подготовленными к охоте, их выноска не могла быть закончена. "На другой день в пятницу вчерась поутру", то есть 10 апреля, сокола хотя и "летели хорошо да не слазят". Тогда царь поехал к Суцову и между Напрудным ("бывшая слобода Троицкой лавры, где теперь митрополичье подворье. Там текла речка Напрудная, впадавшая в Неглинную. В тех местах и теперь есть пруды, влево от 3-й Мещанской" – Примеч. Бессонова, стр. 73) и Суцовым наехал на залитое водою место, длиною в шесть сажень и шириною в две сажени, весьма удобное для охоты тем, что уткам, которых на воде оказалось много, – свиязам, шилохвостам и чиркам – было "некогда утечь, – нет иных водиц близко". Сначала спустили сокола Мадина, которым полетел хорошо, но на добычу не пошел; пришлось его принимать на вабило, после чего сбросили другого сокола-дикомыта Семена Ширяева. О подвиге этого сокола мы уже говорили.

Об этой охоте царь Алексей Михайлович приказывал Матюшкину рассказать сестрам, Ирине, Анне, Татьяне Алексеевнам, только "покороче тово,

што написал" сам, извинившись вместе с тем перед нами за невозможность прислать охотничьей добычи, "потому што соколом скормили – первое утя убил, штоб не кручинились".

11 апреля, в субботу, Алексей Михайлович собирался ехать с соколами под село Тушино и не рассчитывал вернуться в Москву раньше пятницы, 17 апреля, так как приказал боярину Борису Ивановичу Морозову послать "по старых трех соколов" (Сборн. писем Ал. Мих., No XX и Акты Археограф. экспед. Ак. наук, т. IV, No 100 – V, стр. 141).

"12 и 13 апреля, – говорит Забелин, – в записках (Дневальных) выходов не обозначено; может быть, в эти дни государь был в Тушине. 14-го во вторник государь ходил на богомолье по монастырям, в Воздвиженский и другие, следовательно, из Тушина он возвратился не в пятницу, как предполагал, а гораздо раньше, во вторник" ("Опыты изучения древностей", стр. 296). В это же время Алексей Михайлович приглашал приехать к себе и самого Матюшкина: "да для Христа голубей пришли гнезд 3 двадцать, птицы у меня поспевают, а голуби все изошли а надо бить и в вабило и всюды; где нибудь дабудь, черных да пришли, да и сам приедь на день на другой, а от меня тебе: будь здоров во веки... Купи да пришли хороших на челига соколя колокольцов, а деньги из дворца" (Письмо Ал. Мих., No XX и Акты Археогр. экспед. Ак. наук, No 100 – V, стр. 141).

"Апреля в 14 день, во вторник... ходил Государь в село Покровское. С Москвы пошел в третьем часу дни, к Москве пришел на первом часу ночи. И тот день был пасмарен и тепл, а в ночи было тепло ж" ("Охотн. дневн. Алекс. Мих.").

"Апреля в 21 день, во вторник, ходил Государь в

поход в село Семеновское. И тот день был ведрен, а в ночи было тепло" (там же).

"Апреля в 25 день, в субботу, после раннего кушанья, ходил Государь в поход на Тверские поля ("Тверские поля, без сомнения, так называемая теперь Ходынка с окрестными местами по Тверской (Петербургской) дороге". – Примечание Забелина) тешитца, а к Москве пришел на последнем часу дни. И в тот день с утра было пасмарно, а с четвертого часу и до вечера шел дождь с перемешкою" (там же).

"Апреля в 27 день, ходил Государь в Семемовское и на поле тешился птицами. И в тот день до вечерен было ведрено, а после того был дождь, а в ночи шел дождь же".

"Апреля в 28 день, во вторник, на и часу дни, ходил Государь тешитца на поле, а пришел к Москве в отдачу часов денных. И в тот день с утра часу до пятого было ненасливо и накрапывал дождик, а с пятого часу было ведрено и тепло, а в ночи было тепло ж".

"Апреля в 30 день был день ведрен, а ввечеру шел дождик маленькой не много; и в тот день изволил Государь быть в походе в селе Голенищеве" ("Троицкое Голенищеве, за Воробьевыми горами, в 5 верстах от Дорогомиловской заставы". – Примечание Забелина).

"Маия в 3 день, в неделю, ходил Государь в село Семеновское. И в тот день было ведрено, а в ночи тепло".

"Маия в 8 день, в пяток, слушал Государь всенощного бдения и божественных литургии в церкви Преподобно-мученицы Евдокеи, что у него Государя на сенех; праздновали Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову; а после столового кушанья ходил Государь праздновать Чюдотворцу Николе в Угрешской

монастырь. И дорогою идучи на Коломенских полях тешился. В монастырь пришел в 15 часу дни, а стоял Государь за монастырем в своих царских шатрах, и слушал малые вечерни у себя Государя в шатрах. И в тот день после обеда и до вечера шел дождик невелик с перемешкою, а в ночи было холодно" ("Охотничий дневник Алекс. Мих." и Дополн. к III т. Дворц. разр., стр. 102).

"Мая в 9 день, в субботу, на праздник принесения мощей, иже во святых отца нашего Николы, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии в Угрешском монастыре в церкви Николы Чюдотворца; и на всенощном бдении облачался и служил божественную литургию Великий Государь Никон, Архиепископ царствующего великого града Москвы, всеа великия и малыя и белыя Росии Патриарх, с пестрыми и черными властями и со всем своим освященным собором. Того ж дни у Великого Государя, Его Царского Величества был стол в селе Острове ("20 верст от Москвы". – Примечание Забелина) по комнате, ел Великий Государь Никон Патриарх и власти; и были у стола бояре и околничие да голова стрелецкой Яков Соловцев. И в тот день до кушанья было ведрено, а после кушанья и до вечера было пасмарно и ветрено, а в ночи был мороз. Того ж дни после кушанья перед вечернею ходил Государь на Островские поля тешитца" ("Охотн. дневн.").

После этого путешествия "ходил Государь в поход в село Покровское" (Дополн. к III т. Дворц. разр., стр. 102), где, вероятно, поселился на продолжительное время, повременно совершая свои охотничьи и другие поездки уже из этого села, и где был еще 7 июня (там же, стр. 103).

"Маия в 12 день, во вторник, ходил Государь

тешитца на поле после столового кушанья. И в тот день до полден было ведрено и ветрено, а после полдень шел дождик с перемешкою часы с два или болши, а в ночи был мороз" ("Охотн. дневн.").

"Маия в 14 день, в четверток, ходил Государь тешитца на поле до кушанья и после столового кушанья. И в тот день было ведрено и ветрено, а в ночи с вечера гром и ветер и дождь, и было тепло" (Там же).

"Маия в 16 день, в субботу, до столового кушанья ходил Государь тешитца на Семеновские поля. Столовое кушанье было в селе Покровском-Рубцове. Малая вечерня слушал Государь у себя Государя в хоромех. И тот день был пасмарен и ветрен до обеда, а после обеда часа за 2 до вечера шел дождик невелик, а в ночи было тепло". "Маия в 21 день, в четверток, слушал Государь заутрени у себя Государя в хоромех, а божественныя литургии в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (в Покровском), а праздновали Богородице Стретения Владимирской иконы. А после столового кушанья ходил Государь тешитца на Покровские поля. И тот день был ведрен, а в ночи было тепло" (там же).

"Мая в 22 день, в пяток, ходил Государь тешитца ("зачеркнуто: в Тверския поля до столового кушанья, а после столового кушанья ходил Государь в рощу Собакину". – Примечание Забелина) до столового кушанья и после кушанья, и Государыня царица. А в тот день было ведрено, а в ночи было тепло" (там же).

"Мая в 23 день, в субботу, слушал Государь божественныя литургии в селе Введенском ("Местоположение этого села указывает урочище Введенские горы". – Примечание Забелина) в церкви (пробел). А после обедни до кушанья тешился Государь на поле птицами, а кушанье было в селе Покровском. И тот день до обеда был ведрен, а после обеда пасмарен,

а в ночи тепло" (там же).

"Маия в 24 день, в неделю, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии в соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, а всенощное пекли вспеваки, а литургию Государевм певчие дьяки. После столового кушанья тешился Государь на поле птицами. И тот день до кушанья был ведрен, а после кушанья до вечера был день пасмарен и шел дождик невелик, а с вечера и во всю ночь шел дождь велик" (там же).

"Маия в 25 день, в понедельник, слушал Государь божественныя литургии в церкви Покрова Пресвятей Богородицы (в Покровском), празновали обретению честныя Главы Иоанна Предтечи. Столовое кушанье было в селе Покровском, а после кушанья ходил Государь тешитца на поле. И в тот день с утра до 5 часу дня шел дождь, а с пятого часу и до вечера было ведрено и красно, а в ночи было тепло, а с полуночи накрапывал дождик невелик" (там же).

"Маия в 26 день, во вторник, ходил на поле тешитца. И в тот день с утра до 5 часу дни шел дождик невелик с перемешкою, а потом было и до вечера пасмарно и ветрено" (там же).

"Маия в 28 день, в четверток, ходил Государь тешитца в Тверские поля до столового кушанья. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло" (там же).

"Маия в 29 день, в пяток, слушал Государь божественныя (литургии) у Покрова Пресвятыя Богородицы, и после божественныя литургии ходил Государь тешитца в Тверские поля. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло". "Маия в 30 День, в субботу, слушал Государь божественныя литургии у Покрова Пресвятыя Богородицы; а до столового кушанья и после кушанья ходил Государь тешитца в

Тверские поля, а пришел за полчаса до вечера. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло" (там же).

"Маия в 31 День, в неделю, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. После столового кушанья ходил Государь в рощу, что зовомом Собакино. И тот день с утра был ведрен, а в кушанье гремел гром и молния блистала и шел дождь велик, а после того и до вечера было ведрено и ветрено, а в ночи было тепло" (там же).

"Июня в 1 день, в понедельник, ходил Государь тешитца в село Тонинское ("12 верст от Троицкой заставы". – Примечание Забелина). Столовое кушанье в селе Медведкове ("7 верст от Троицкой заставы") и после столового кушанья тешился же. И в тот день шел дождь часа с два, а в ночи было холодно" (там же).

К этому времени Забелин относит письмо царя Алексея Михайловича к Матюшкину, помеченное "в селе Покровском нынешнего дня" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – XII, стр. 255). а именно к 12 июня 1657 года ("Опыты изучения древностей", стр. 285).

Придерживаясь такого определения, оказывается:

"Июня в 4 день, в четверток был дождь часа за два до вечера и шел с полчаса. И в тот день ходил (Государь) в село Коломенское после столового кушанья. А в ночи было тепло".

В этот день "добыл красный кречет Гамаюн одного коршака без нас великого государя" (Указанное выше письмо).

В этот же день царь Алексей Михайлович писал к Матюшкину из села Покровского: "Жалуечи тебя объявляем: наши государские охоты Сибирский кречет молодец Свертяй, статьи Ивана Ярышкина, добывает коршака дикого в Тверских полях, и розбив

добыл славною кречатьею добычею в великом верху...

Да князь Юрьи Ромодановского кречат, Сибирский молодец, добыл в Тверских полях коршака дикого, истинно, верно, так". Кроме того, тем же письмом царь Алексей Михайлович ставил на вид Матюшкину, что "ведомо нам, великому государю, учинилось, что пропал у тебя челиг кречатей" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – V, стр. 253).

5 июня приезжал за чем-то к царю в Покровское Матюшкин и в тот же день вернулся обратно в постоянную свою резиденцию (письмо без числа). "Июня в 6-й день, в субботу, ходил Государь тешитца на поля в Семеновское. И в тот день было ведрено и ветрено, а в ночи было холодно. Того ж дни пришел в село Покровское святейший Никон Патриарх за три часа до вечера" ("Охотн. дневник Алекс. Мих.").

Про этот день царь Алексей Михайлович пишет:

"Ходили мы тешиться с челигами, а с кречеты посылали в Тверские поля сокольников, Парфения Тоболина с товарищи, и в Тверских полях Парфеньевы статьи кречет Нечай добыл коршака; а в вечеру того же дня субботы тешились мы великий государь старым челигом, добыл две совки в великом верху за Введенским; с одною совкою было с 15 ставок, а росшиб ее в верху так, что упала бесведома ("Мертвая". – Примечание Бессонова, стр. 85), а с другою с 20 ставок, и тое вырвал; а с кречетом Свертяем Ивановы статьи Ярышкина посылали мы под Красное село, и тот кречет добыл Коршака, а по утру тоеж субботы при нас великом государе добыл ворона красной кречет Гамаюн" (письмо без числа).

7 июня царь Алексей Михайлович был в селе Покровском, где занимался государственными делами. Между прочим, в этот день он послал из Покровского в Астрахань "в товарищи боярину и воеводе князь

Василию Григорьевичу Ромодановскому, воеводу Ивана Федорова сына Акинфова" (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 103).

8 июня царь Алексей Михайлович охотился под Красным Селом и пишет об этой охоте: "В понедельник нынешние недели при нас великом государе и при всем полку добыл красной кречет Гамаюн коршака ж под Красным селом, а ставок было 26, а седмой вырвал, а так розбил, что пятью или шестью даром слез, а то всего как есть ножами искроил и вбил его к земли, а вырвал сажени за две от земли; да того ж дня в вечер Леонтьевы статьи Григорова кречет Бумар добыл ворона, добре добро, ставок было с 20" (письмо без числа).

"Июня в 9 день был у Государя, в золотой палате (в Москве), Полского короля Яна Казимера посланник на отпуске. А Государь был при посланнике в фerezее. А рынды были, в белом платье, столники... Объявлял Государю посланника околничей Иван Офонасьевич Гавренев..." (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 103).

После отпуска посланника государь Алексей Михайлович охотился за Стретенскими воротами, под Москвой, и пишет об этой охоте: "На завтрее, во вторник нынешния ж недели, за Стретенскими вороты, при нас же великом государе Парфеньевы статьи кречет Бердяй добыл коршака, а ставок было с 15, и добывал добре добро, и хотно" (письмо без числа).

"Июня в 10 день, в среду, слушал Государь божественныя литургии в селе Красном и ходил в Измайлово а после столового кушанья ходил в Тверские поля. И в тот день было красно, а в 9 часов был гром велми велик и блистала молния и шел дождь велик с полчаса, и потом шел невелик, а в ночи было тепло" ("Охотн. дневн.").

"Июня в 11 день, в четверток, ходил Государь тешитца в Коломенские поля. Кушанье было в Тюхалях ("Тюфелева роща в двух верстах от Симонова монастыря". – Примечание Забелина), а вечернее кушанье было в селе Покровском, а пришел в село Покровское в 2 часу ночи. И в тот день с утра было пасмарно и тихо, а с 6 часу и до вечера шел дождь с перемешкою, а в ночи дождь был же с полуночи с час и было тепло" (там же).

12 июня государь Алексей Михайлович охотился у Сущевой рощи, близ Напруднова, и пишет об этой охоте:

"Да нынешней же недели в пятницу из утра в 3 часу, без нас великого государя, добыл красной кречет Гамаюн каршака промеж Сущова и рощи, что к Напрудному, при столнике нашем князь Юрье Ромодановском, а добывал в великом верху долгое время и сбил с верху, и каршак побежал на утек к роще и хотел увалитца ("скрыться, найти убежище". – Примеч. Бессонова, стр. 85) от славной Гамаюна кречета добычи, и не допуская до рощи добыл его с верхней ставки, а в добыче ставок было с 30; того ж дня из утра в 4 часу дни Ивановы статьи Ярышкина кречет Сибирской молодец Свертяй добыл каршака под Майковым болотом, а напустили ево среди самых Тверских полей, и добывал версты с полторы великим верхом и розбив добыл под Майковым при столнике ж нашем князь Юрье Ромодановском, а в добыче ставок было с 70, а добывал добро опасно ("с осторожностью". – Примечание Бессонова, стр. 86) и памятно ("с большим умом" – там же), и ставки были крутые" (письмо без числа).

Подводя итоги этому ряду охот, царь Алексей Михайлович пишет: "И всего у нас великого государя

кречеты 2 статья добыли каршаков: Парфеньевы статьи Красной 3, Бердьяй 2, оба при мне, один и при вас, Нечай, 1 Ивановы статьи Ярышкина Свертяй 3, у тебя Михеевы статьи Дурас добыл 1, да у князя Федора Ромодановского Терентьевы статьи Тулубьева, вчера, в четверг, Сибирской кречет Ширяй добыл каршака; и всего 7 кречетов добыли и каршаков, а старый челиг 7 совок, на день по две и по три добывал, а челиги все по силе своей добывают, как кто сможет" (письмо без числа).

Оканчивая письмо, государь Алексей Михайлович, между прочим, упрекает Матюшкина: "Да послали мы, великий государь, к тебе челига Хорьяка, изыман на Резани, привез во вторник к вечеру нынешняя недели сын боярской весь цел и здоров; вы теряете, а мы сыскиваем" (письмо без числа).

"Июня в 13 день, в субботу, слушал Государь божественныя литургии в селе Черкизове, от села Покровского 3 версты, и ходил на поле до кушанья и после кушанья. И тот день был красен и тих, а в полдни шел дождь не многое время, а в ночи было теплож" ("Охотн. дневник Алекс. Михаил.").

14 июня, будучи в селе Покровском, царь Алексей Михайлович приказывал Матюшкину: "как к тебе ся наша грамота придет, и ты б соколника Сергея Назарьева прислал к нам, великому государю, тотчас, и о том отписал, а отписку велел подать и ему Сергею явитца в Приказе наших Тайных дел" (Дополнение к Акт. истор., т. III, No 71 – VII, стр. 253).

"Июня в 15 день, в понедельник, был день ведрен. И в тот день до столового и после столового кушанья ходил Государь тешитца на поле; а в ночи было тепло" ("Охотн. дневник Алекс. Михаил.").

В этот день царь Алексей Михайлович был в селе

Покровском, откуда приказывал Матюшкину: "как к тебе ся наша грамота придет, а которые волости у тебя в Конюшенном Приказе ведомы, и ты б велел тех волостей крестьяном и бобылем на Рождество Иоанна Предтечи, Июня в 24 день, набрать цвету сераборинного ("Вероятно, зверобой". – Примечание Бессонова, стр. 52), да трав инпериковой (также зверобой – там же) и мятной, с цветом, и дягилю и дягилного коренья по пяти пуд" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – VII, стр. 254). "Июня в 16 день, во вторник, ходил Государь тешитца до столового кушанья и после столового кушанья в Тверских полях, а столовое кушанье было на Воробьеве. И тот день с утра был пасмарен, а после полден и до вечера шел дождь, а в ночи было тепло" ("Охотничий дневник Алекс. Михаил.").

"Июня в 20 день, в субботу, ходил Государь на поле тешитца до кушанья и после кушанья, и в тот день до кушанья был гром и шел дождь добре велик, а после кушанья шел дождь невелик, а в ночи было тепло" (там же).

21 июня царь Алексей Михайлович был в селе Покровском и сообщал оттуда Матюшкину: "Указали мы великий государь тебе с нашею государскою птичьею со всею охотою быти в деревне у себя июня до 24 числа, до среды, и с тою птичьею охотою ездить на поле во вся дни, а июня в 24 день, в среду, приехать с тою птичьею со всею охотою к нам великому государю в село Покровское; и ты б учинил о том по сему нашему великого государя указу" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – VIII, стр. 254).

"Июня в 22 день, в понедельник, тешился Государь на Покровских и на Коломенских полях; столовое кушанье было в Тюхалях, а вечернее кушанье в селе

Покровском. И тот день был пасмарен, а в ночи было тепло" ("Охотничий дневник Алекс. Михаил.").

"Июня в 25 день, в четверток, до кушанья и после кушанья ходил Государь тешитца. И тот день был ведрен, а в ночи было тепло" (там же).

"Июня в 26 день, в пяток, слушал Государь божественныя литургии в церкви Покрова Пречистыя Богородицы. И тот день был ведрен, а в ночи было холодно. Того ж дни ходил Государь на Покровский поля в рощу и ночевал Государь в селе Коломенском" (там же).

"Июня в 30 день, во вторник, ходил Государь до кушанья и после кушанья на поле тешитца. И в тот день с утра до 7 часу дни шел дождь с перемешкою, а с 7 часу было ведрено, а в ночи было тепло" (там же).

"Июля в 2 день, в четверток, до кушанья ходил Государь на поле тешитца. И тот день до обеда был ведрен и тих, а после обеда красен да ветрен" (там же).

3 июля царь Алексей Михайлович провел в селе Покровском, занимаясь государственными делами (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 103).

"Июля в 4 день, в субботу, до столового кушанья ходил Государь тешитца на поле, и после столового кушанья за два часа до ночи пошел государь в село Коломенское. И в тот день было ведрено, а в ночи тепло" ("Охотн. дневник Алекс. Михаил.").

"Июля в 6 день, в понедельник, ходил Государь до столового кушанья тешитца на поле. И в тот день было пасмарно и ветер велик, а в ночи тепло" (там же).

"Июля в 7 день, во вторник, до столового кушанья ходил Государь тешитца на поле, а столовое кушанье было в селе Покровском; и после столового кушанья пошел государь тешитца на поле, а Государыня Царица пошла из села Покровского к Москве за 3 часы до ночи.

А Государь пришел к Москве за час до ночи. И в тот день было ведрено и ветрено, а в ночи тепло" (там же). "Июля в 12 день, в неделю, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии в церкви Преподобномученицы Евдокеи, а с Москвы пошел Государь в село Коломенское в 13 часу дни. И в тот день шел дождь часу до девятого, а с девятого до одиннадцатого часу было пасмарно, а с одиннадцатого часу шел дождь невелик, а до вечера, и в ночи было тепло" (там же).

"Июля в 13 день, в понедельник, пошла Государыня Царица с Москвы в село Коломенское в 6 часу дня, в начале; а в Коломенское пришла в 11 часу дня. А до столового и после столового кушанья ходил Государь тешитца на поле... И в тот день было ведрено, а в ночи тепло" (там же).

"Июля в 14 день, во вторник, ходил Государь до столового кушанья тешитца на поле. И в тот день было ведрено и ветрено, а после полден шел дождь с час, а в ночи с вечера дождь шел и до света, с перемешкою" (там же).

"Июля в 16 день был день ведрен и ветрен. И в тот день ходил Государь тешитца до столового кушанья; а в ночи было тепло" (там же).

"Июля в 18 день, в субботу, был день ведрен, а в ночи было тепло. И в тот день после столового кушанья пришел Государь в село Коломенское и тешился в Коломенских полях" (там же).

"Июля в 20 день, в понедельник, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии у Вознесения Господня (в Коломенском), а праздновал Государь Пророку Илье. И в тот день было ведрено, а в вечеру был дождь невелик, а в ночи было тепло. И в тот день ходил Государь тешитца до столового кушанья

и после столового кушанья" (там же).

"Июля в 21 день, во вторник, до столового и после столового кушанья ходил Государь тешитца на поле. И в тот день было ведрено, а в ночи тепло" (там же).

"Июля в 22 день, в среду, слушал Государь божественныя литургии у Всемилоостивого Спаса в Симонове монастыре, а после литургии до кушанья и после кушанья ходил Государь тешитца на поле. И в тот день было ведрено, а с утра часу до 3 был туман, а в ночи было тепло" (там же).

"Июля в 23 день, в четверток, до столового кушанья и после кушанья ходил Государь тешитца на поле. И в тот день было ведрено, а с утра часу до 3-го был туман, а в ночи было тепло" (там же).

"Июля в 24 день, в пяток, ходил Государь тешитца в Островские поля, а к Москве Государь пришел в пятом часу ночи, а Государыня Царица пришла к Москве в тот же день в девятом часу дни. И в тот день было ведрено, а за час до вечера был дождь" (там же).

25 июля царь Алексей Михайлович был в Москве, где и праздновал именины своей сестры, царевны Анны Михайловны (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 104).

"Июля в 29 день, с утра часу в другом, ходил Государь тешитца в село Коломенское, а к Москве Государь пришел в другом часу ночи. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло" ("Охотн. дневник Алекс. Михаил.").

"Июля в 31 день, в пяток... после столового кушанья ходил Государь в поход в свое село Коломенское. И тот день был ведрен и красен, а в ночи было тепло" (там же).

"Августа в 9 день, в неделю, слушал Государь всенощного бдения в церкви Преподобномученицы

Евдокеи. И в тот день пошел Государь в поход в село Коломенское за полчаса до света, а пришел за час до вечера. И в тот день было ведрено, а в ночи был дождь невелик" (там же).

"Августа в 13 день, в четверг, был день ведрен, а в ночи было тепло. И в тот день пошел Государь в поход в село Коломенское за два часа до вечера" (там же).

"Августа в 20 день, в четверток, был день ведрен, а в ночи было ветрено. И в тот день ходил Государь тешитца в Коломенское" (там же).

"Августа в 22 день, в субботу, ходил Государь в Семеновское тешитца, а пошел за 3 часа до ночи. И в тот день было ведрено, а как Государь был на поле и в те поры шел дождь невелик с полчаса, а в ночи было холодно" (там же).

"Августа в 24 день, в понедельник, после столового кушанья ходил Государь на Девичье поле тешитца. И в тот день с утра было пасмарно, а после полдень ветрено, а в ночи холодно" (там же).

"Августа в 25 день, во вторник, ходил Государь тешитца по поле, а кушанье было в селе Коломенском. А с Москвы пошел Государь в 2 часу дни, а к Москве пришел часы в отдачу. И в тот день было ведрено и ветрено, а в ночи холодно" (там же).

"Августа в 27 день, в четверток, до кушанья, ходил Государь тешитца на поле, а к столовому кушанью пришел к Москве. И в тот день было ведрено и ветрено, а в ночи было холодно" (там же).

"Августа в 30 день, в неделю, слушал Государь всенощного бдения и божественныя литургии в церкви Преподобномученицы Евдокеи, что у него Государя на синех, а после столового кушанья ходил Государь тешитца на поле. И в тот день было ведрено, а в ночи было холодно" (там же).

"Августа в 31 день, в понедельник, был день ведрен и ветрен, а в ночи было тепло. Того дни ходил Государь за два часа до вечера на Девичьи поля тешитца" (там же).

ОТЪН БЫЛО КЪ ВЕСНѢ, О ЦА-
 -ЧЕВНИКѢ,
 Прѣѣзжалъ Посударь со
 БОДРАМИ
 ВЪ СЕЮ ОТУНѢ, - ГОРОДЪ
 ЗВЕНИГОРОДЪ
 ПОМОЛИТСЯ СВАТОМУ УГОДНИКУ;
 ВЪ КЕЛЮ СТАЛЪ КЪ САМОМУ НАС-
 -ТОЛТЕЛЮ ...

Н. А. Мокшанцев

22 сентября того же 1657 года царь Алексей Михайлович отправляется в Троицкий поход (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 107), 25 сентября он проводит в Троицко-Сергиевской лавре (там же, стр. 108), 26 сентября приходит в село Тонинское, откуда идет обратно в Москву и пишет Матюшкину: "Пришли мы великий государь от Живоначальныя Троицы и Сергиева монастыря в село Тонинское Сентября в 26 день в 9-м часу ночи, дал Бог, здорово, и идем в царствующий град Москву, и тебе б нас великого государя встретить где пригож" (письмо Алекс. Михаил., No XV).

16 октября государь Алексей Михайлович "ходил в Воскресенский монастырь, на Истру реку, от Москвы пятьдесят верст" (Дополн. к III т. Дворц. разр., стр. 3), а 1 декабря отправился в Звенигородский поход (там же, стр. 113).

До 11 мая 1658 года сведений о походах царя Алексея Михайловича по обычным местам его охотничьих экскурсий не имеется. В этот же день Алексей Михайлович отправляется в село Покровское (там же, стр. 133). 21 мая опять в то же село (там же, стр. 135); туда же идет 20 июня и остается в Покровском до 27 числа этого месяца включительно (там же, стр. 138). 21 сентября Алексей Михайлович идет в Троицкий поход (там же, стр. 149).

7 января 1659 года царь Алексей Михайлович идет снова в Троицкий поход (там же, стр. 165), также, как и 30 числа этого же месяца (там же, стр. 166). 3 февраля Алексей Михайлович отправился в село Хорошево (там же, стр. 172), а 26 апреля в село Покровское (там же, стр. 183).

В июне месяце того же 1659 года Алексей Михайлович охотился с соколами в одном из имений

князя Одоевского. По крайней мере, 15 числа этого месяца сокольникам боярина князя Никиты Ивановича Одоевского Митьке Семенову и Игнашке Минину выданы сукна, ценою по 88 копеек сукно, "за соколью потеху" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 313, лист оборотн. 360).

24 июня того же года царь Алексей Михайлович идет в село Покровское (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 191), 21 сентября – в Троицкий поход (там же, стр. 200), и декабря – в Звенигородский поход (там же, стр. 205). 4 декабря Алексей Михайлович был в Саввином Сторожевском монастыре, откуда, по всем данным, выступил на охоту, так как обедню слушал не в монастыре, а в Звенигородском уезде, в селе Иванкове стольника князя Ивана Алексеевича Воротынского, а обедал в селе боярина Бориса Ивановича Морозова – Павловском ("Выходы Государей", стр. 318). 6 декабря Алексей Михайлович был в селе Хорошеве (там же).

1660 года "Февраля в 20 день ходил Государь в поход в Семеновское на потешный" (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 216), после того как у руки царской были "Польская шляхта и Немцы" ("Выходы Государей", стр. 323). 24 марта Алексей Михайлович опять идет в село Семеновское (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 221); 14 мая идет в село Покровское, откуда возвращается в Москву 21 числа и в тот же день снова идет в село Покровское (там же, стр. 230). В Покровском застаёт государя и 31 мая ("Выходы Государей", стр. 332).

7 июля 1660 года царь Алексей Михайлович пишет Матюшкину из Москвы, вероятно, в село Семеновское или Коломенское, где в то время находился последний с царскою соколиною охотою:

"Не ходил на поле тешитца июня с 25 числа июля

по 5 число, и птичий промысел поизмешался. И тебе б нашими государевыми птицы промыслять и быть к Москве со птицы июля к 16 числу; а птицы добывали нарочито, Парфеньевы статьи двенадцать коршаков, Терентьев кречет добыл шесть коршаковы" (Дополн. к Акт. истор., т. III, No 71 – XVI, стр. 257).

20 августа того же года царь Алексей Михайлович ходил в село Коломенское (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 238); 22 сентября – в Троицкий поход (там же, стр. 243), останавливаясь по дороге на 24 число в селе Воздвиженском ("Выходы Государей", стр. 340) и возвратившись в Москву 27 сентября (там же, стр. 341). 5 и 6 декабря Алексей Михайлович провел в селе Хорошеве (там же, стр. 343).

13 февраля 1661 года царь Алексей Михайлович снова ходил в Троицкий поход (Дворц. разр., стр. 253); 19 февраля "ходил Государь в Семеновское на потешный двор" (там же, стр. 254), а в марте месяце этого года охотился на медведя у села Мытищ. По крайней мере, от 18 числа этого месяца дошел до нас документ, свидетельствующий о выдаче осотчикам села Мытищ, "которые сочили на Мытищах медведи", Петрушке Мамонову с товарищами, в числе 8 человек, по сукну на человека (Оружейн. палата, No 327 – 7169 г.). 20 апреля 1661 года ходил государь Алексей Михайлович в поход в село Семеновское (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 262); 2 мая ходил "к Николе на Угрешу" (там же); 26 августа ходил в село Коломенское (там же, стр. 286), где его застает и 1 сентября ("Выходы Государей", стр. 362). 19 сентября царь Алексей Михайлович ходил в село Покровское, в тот же день вернулся в Москву и на другой день, 20 числа, отправился в Троицкий поход (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 292), откуда прибыл обратно к Москве 26

сентября (там же, стр. 294). 28 сентября ходил Алексей Михайлович в село Братошино ("Выходы Государей", стр. 364). 17 октября, "в четверток, Великий Государь ходил в поход тешитца на поле; а кушанье столовое было в селе Хорошове; а тешился под селом Хвилями да в Кунцовских заразах. А с Москвы пошел в отдачу часов ночных (на рассвете в 7 часов утра), а к Москве пришел во 2 часу ночи (в 7 часов вечера, следовательно, охотился весь день). И в тот день было с утра до 3 часа пасмурно, а до вечера ведрено, а в ночи было холодно и был морозец" (Забелин, "Кунцово", стр. 167).

26 октября того же года царь Алексей Михайлович был в селе Коломенском ("Выходы Государей", стр. 365), а 27 декабря "ходил Государь тешиться в поход в село Хорошево" (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 302).

29 апреля 1662 года ходил царь Алексей Михайлович к Николе на Угрешу (там же, стр. 333), 16 июля государь ходил в село Коломенское (там же, стр. 342), откуда вернулся 20 июля (там же, стр. 343) и куда в тот же день отправился обратно (там же, стр. 344); 25 июля государь ходил к Новодевичьему монастырю, вернувшись в тот же день обратно в село Коломенское (там же, стр. 345). 7 августа Алексей Михайлович ходил на несколько часов в Москву и наконец вернулся в Москву из села Коломенского окончательно 10 августа (там же, стр. 346). 22 сентября ходил Алексей Михайлович в Троицкий поход (там же, стр. 354), останавливаясь в селе Воздвиженском на 24 число, причем ходил из села Воздвиженского на Кесовы пруды ("Выходы Государей", стр. 386).

18 января 1663 года царь Алексей Михайлович отправился в Звенигородский поход (там же, стр. 391)

и вернулся из этого похода к Савве Сторожевскому 21 января (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 366). 26 января государь идет в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 392), повторяя таковой же 9 октября этого года (там же, стр. 406). Сведений о походах царя Алексея Михайловича в 1664 году у нас очень мало; мы знаем, что государь 27 июля этого года ходил в село Покровское ("Выходы Государей", стр. 422), а 21 сентября – в Троицкий поход (там же, стр. 426). Но что на самом деле это было не так, что в течение этого года Алексей Михайлович занятия охотою не покидал, видно хотя бы уже из того, что 14 ноября 1664 года сокольник Анурий Ширков был "послан в Домодедовскую волость, а велено ему (было) прикармливать волков" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, лист 46), а 29 числа того же ноября сокольник Мина Теряев с пятью человеками товарищей были "посланы по Можайской и по Звенигородской дорогам для осоку медаедей" (там же, кн. 1072, лист 52).

26 января 1665 года в Домодедовскую волость были отправлены с государевой псарни лошьи собаки (там же, кн. 1072, лист оборотн. 82), где, вероятно, около этого времени была царская охота на лосей. 10 февраля того же года был послан из Москвы стадный конюх Гришка Яковлев "на Белую и во Ржеву с государевыми грамотами: на Белой велено осечь, а из Ржевы выслать посадского человека псового охотника" (там же, кн. 1072, лист оборотн. 89). Но когда состоялась эта охота, состоялась ли и если состоялась, то принимал ли в ней участие царь Алексей Михайлович, – мы не знаем.

20 июля того же 1665 года Алексей Михайлович ходил в село Измайлово ("Выходы Государей", стр. 443), а 27 числа того же месяца – в село Коломенское

(там же, стр. 444), куда ходил и 17 августа (Дворц. разр., т. III, стр. 590). 23 августа Алексей Михайлович ходил в село Воробьево (там же, стр. 591), а 28 августа – в село Коломенское (там же, стр. 592), откуда и сентября ходил в Москву "для действия" (смотреть театральное представление) и куда вернулся в 7 часу дня (там же, стр. 593). Сентября 7 государь Алексей Михайлович ходил в село Семеновское (там же, стр. 594), 21 сентября отправился в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 448), а 28 сентября – в село Тонинское (там же, стр. 449), причем, вероятно исключительно с охотничьей целью, был "в князь Яковлевской рощи" (там же). 30 октября Алексей Михайлович ходил в село Измайлово (Дворц. разр., т. III, стр. 598), 2 ноября – в село Хорошево, 9 ноября – в село Никольское (там же, стр. 599), 11 ноября – в село Семеновское (там же, стр. 601), 28 ноября – в село Измайлово (там же, стр. 602), 2 декабря – в село Хорошево; 5 декабря еще "до света" ходил Алексей Михайлович в село Семеновское, 11 декабря – туда же (там же, стр. 603); 14 декабря ходил государь в село Воробьево, а 29 декабря – в село Семеновское (там же, стр. 604). 4 января 1666 года отправился царь Алексей Михайлович в поход в село Хорошево, 11 января – в село Семеновское, 18 января – в Саввин Сторожевский монастырь (там же, стр. 605), 27 января – в село Семеновское, 30 января – "на речку на Тресины", 6 февраля – в село Семеновское, 9 февраля "за полчаса до света" ходил в село Хорошево, где ночевал и откуда вернулся 10 февраля "на последнем часу дни, на последней чети" (там же, стр. 606). 17 февраля ходил царь Алексей Михайлович в село Семеновское (там же, стр. 607), 23 февраля – туда же (там же, стр. 609), 15 марта – опять в село Семеновское (там же, стр. 610), 23

марта – в село Измайлово (там же, стр. 611), 6 апреля – опять в село Измайлово (там же, стр. 612), 25 апреля – в села Преображенское и Измайлово (там же, стр. 615), 11 мая – в село Измайлово (там же, стр. 618), 13 мая – в село Преображенское, 20 мая – туда же (там же, стр. 619). "Мая в 25 день, в четвертом часу дни, на последней чети того часа, Великий Государь... изволил идти в поход в монастырь к Спасу на Новое, слушать по боярине по Никите Ивановиче Романове понахиды, а из монастыря идти на Тюхонские воды" на охоту, вероятно с соколами на диких уток (там же, стр. 623). 18 июня ходил Алексей Михайлович в село Коломенское, откуда вернулся 19 июня "во втором часу ночи в последней чети" (там же, стр. 629). 25 июня государь снова ходил в село Коломенское, откуда вернулся 26 числа на другой день (там же, стр. 630). 8 июля царь Алексей Михайлович провел в селе Преображенском (там же, стр. 631); из Преображенского 11 июля приходил к Москве и вернулся обратно в село в тот же день (там же, стр. 632), и был в селе Преображенском как 26 июля ("Выходы Государей", стр. 464), так и 28 числа того же месяца (Дворц. разр., т. III, стр. 634). 31 июля пришел государь "из Преображенского похода" в Москву (там же, стр. 635). 7 августа Алексей Михайлович ходил в село Измайлово, откуда вернулся в тот же день и куда снова пошел 13 августа, вернувшись также в тот же день в Москву в 2 часа ночи (после заката солнца) (там же, стр. 637). 21 августа царь Алексей Михайлович ходил в село Коломенское (там же, стр. 639), 30 августа ходил туда же (там же, стр. 644).

В промежуток около года сведений о походах царя Алексея Михайловича не имеем. 10 сентября 1667 года ходил государь Алексей Михайлович в село

Коломенское, откуда и сентября отправился в село Всевидное (там же, стр. 663). Из Всевидного вернулся государь в Москву 18 сентября (там же, стр. 664). Того же года "Сентября в 21 день, Великий Государь ходил на поля тешиться" (там же, стр. 666), но на какие именно поля – не знаем. 22 сентября отправился Алексей Михайлович в поход в село Преображенское (там же), откуда отправился в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 468). 27 сентября был государь в селе Тонинском (там же, стр. 469), 30 сентября – в селе Измайлове (Дворц. разр., т. III, стр. 669). и октября выступил Алексей Михайлович в Троицкий поход (там же, стр. 670). 31 октября был государь в селе Измайлове (там же, стр. 683), 5 ноября ходил в поход в село Коломенское, так же как и 9 ноября (там же, стр. 686). "Ноября в 16 день, Великий Государь ходил на поля тешиться". Возницею у царя был "столник князь Василей княж Васильсв сын Голицын" (там же, стр. 695). "Ноября во 18 день, Великий Государь ходил на поля тешиться... А возница прежний". "Ноября во 19 день, Великий Государь ходил в поход в село Коломенское тешиться... А возница был прежний" (там же, стр. 696). 28 ноября ходил государь в поход в село Хорошево, а 3 декабря – в село Коломенское (там же, стр. 701). Вероятно, в это же время были устраиваемы царские охоты на волков в селах Дмитровском, Павловском и Рождественском, куда "для привады волков" 25 ноября этого же года были отправлены сокольники Шаблыка Шастов и Андрей Фролов, получившие "на покупку мяс" для этой цели 10 рублей (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 72). 7 декабря царь Алексей Михайлович ходил в поход в село Хорошево, а 9 декабря – в Саввин Сторожевский монастырь, в Звенигородский поход

(Дворц. разр., т. III, стр. 702). 27 декабря государь был в селе Измайлове, 28 декабря – в селе Коломенском, а 30 декабря – в селе Семеновском (там же, стр. 711).

2 января 1668 года ходил государь Алексей Михайлович в поход в село Семеновское, 3 января – туда же и 4 января – в село Домодедово (там же, стр. 712).

ИДУЕТЪ — ТАКЪ, О ПОЛУД-
 -НѢ, НА ТРЕТІЙ ДЕНЬ,
 МУЖИЧЕКЪ И ПРИХОДИТЪ КЪ КСЕИ-
 -НИКУ :
 « ОБОШЕЛЪ Я МЕДВЕДЬ ДЛѢ БАТЮШКИ,
 ДЛѢ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧУ,
 ТАМЪ И ТАМЪ: МАТЕРЮЮ ДА ПОРОДНИКЪЮ,
 ТОЛЬКО ЦАРСКОЙ РУКѢ И УГОДНИКЪЮ » .

В последнем селе, по всей вероятности, была устроена охота на лосей, так как Домодедовская волость вообще славилась в то время обилием этого зверя; там постоянно содержались лошади собаки и проживали охотники-сторожа, вооруженные огнестрельным оружием (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 82, л. 92, л. оборотн. 106 и др.). 7 января царь Алексей Михайлович был в селе Коломенском (Дворц. разр., т. III, стр. 713), 11 марта – в селе Измайлове (там же, стр. 726), 2 апреля – в селе Семеновском (там же, стр. 736), 9 апреля – в селе Измайлове (там же, стр. 737), 1 мая – там же (там же, стр. 740), 6 мая – в селе Коломенском, 8 мая – там же (там же, стр. 744), 27 мая – в селе Измайлове (там же, стр. 780), 4 июня – в селе Коломенском (там же, стр. 763), 10 июня – в селе Острове (там же, стр. 777). 11 июля царь Алексей Михайлович выступил из села Острова к Николе на Угрешу (там же, стр. 779), откуда вернулся в село Остров в тот же день (там же, стр. 789), из Острова пришел царь в Москву 12 июня (там же, стр. 790). 18 июля отправился государь Алексей Михайлович в поход в село Коломенское (там же, стр. 793), а 12 июля – в село Преображенское (там же, стр. 810), где был еще 23 числа этого месяца (там же, стр. 817) и откуда же приходил в Москву 26 июля лишь для того, чтобы отслужить благодарственный молебен за победу русского войска над крымцами в соборной церкви Успенья Богородицы (там же, стр. 818). 27 июля ходил царь Алексей Михайлович из села Преображенского на несколько часов в Новодевичий монастырь (там же, стр. 820), а вернулся в Москву из села Преображенского окончательно 31 июля (там же, стр. 823). 10 августа Алексей Михайлович ходил в поход в село Измайлово (там же, стр. 828), а 21

сентября – в Троицкий поход ("Выходы Государей", стр. 504).

Сведений о царских походах за конец 1668 года и за начало 1669 года мы не имеем.

25 июля 1669 года ходил государь Алексей Михайлович в поход в село Преображенское ("Выходы Государей", стр. 515), а из Преображенского – в село Покровское; 20 сентября ходил царь в Троицкий поход (там же, стр. 518), а 26 октября – в село Преображенское (там же, стр. 519).

Около 9 месяцев сведений о царских походах не имеем.

20 июля 1670 года отправился государь Алексей Михайлович в поход в село Преображенское ("Выходы Государей", стр. 528), 25 июля – в село Воробьево (там же, стр. 529). 22 сентября – в Троицкий поход (там же, стр. 533), при чем заходил в село Тонинское. 1 октября Алексей Михайлович был в селе Преображенском (там же, стр. 534). 25 октября государь отправился в село Семеновское на потешный двор "для смотру" (там же, стр. 534). 28 октября царь был в селе Преображенском (там же, стр. 535), 27 октября – в селе Семеновском на потешном дворе (там же), 28 октября – опять в селе Семеновском на потешном дворе, так же как и 29 числа, на другой день (там же, стр. 556). 7 ноября Алексей Михайлович еще раз повторяет свое путешествие в село Семеновское, а 2 декабря идет в село Павловское (там же, стр. 537); 3 декабря государь выступает в поход к Звенигороду, к Савве Сторожевскому, а 6 декабря проводит в селе Хорошеве (там же, стр. 538).

Сведений о походах царя Алексея Михайловича в течение первой половины 1671 года мы не имеем.

1 июня этого года Алексей Михайлович выступает в

Преображенский поход ("Выходы Государей", стр. 552); в этом же походе его застает 24 июня (там же, стр. 553), а затем и 8 июля (там же, стр. 554); 6 августа Алексей Михайлович приходит ненадолго в Москву и в тот же день снова возвращается в село Преображенское (там же, стр. 556). В течение этого лета, вероятно, под селом Преображенским не раз устраиваются царские охоты с ловчими птицами, в которых принимает участие наследник престола, царевич Феодор Алексеевич. Так, мы знаем, что 30 июля 1671 года целая серия сокольников получила различные награды "в приказ" за то, что сокольники эти "тешили птицами на поле" царевича Феодора Алексеевича (Государ. арх., разр. XXVII, No 52). 29 августа 1671 года государь Алексей Михайлович идет в поход в село Коломенское ("Выходы Государей", стр. 558), 21 сентября – в село Тонинское (там же, стр. 560), откуда в тот же день переходит в село Братошино. 22-го государь идет в поход в село Воздвиженское, откуда направляется в Троицко-Сергиевскую лавру (там же).

После этого в продолжение более годового срока мы не имеем сведений ни о походах царя Алексея Михайловича вообще, ни об его охотах в частности; но что и походы и охоты в это время не прекращались, мы не сомневаемся, чему подтверждением служит, например, то обстоятельство, что 15 января 1672 года ловчего пути некоему Емельке Богданову было выдано два сукна добрых за то, что "был он в Братеевском осоку со псовою охотою" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 325, л. оборотн. 50).

18 октября 1672 года ходил государь Алексей Михайлович в поход в село Воздвиженское ("Выходы Государей", стр. 562), 22 октября – в село Братошино, 23 октября – опять в село Братошино, 24 октября – в

село Тонинское, 25 октября – в село Алексеевское, 26 октября – в село Преображенское, откуда вернулся в Москву 29 октября, а 8 ноября был опять в селе Преображенском (там же, стр. 563). После этого в продолжении десяти месяцев сведений о походах Алексея Михайловича мы не имеем.

15 сентября 1675 года ходил государь Алексий Михайлович в поход в село Преображенское (Дворц. разр., т. III, стр. 901), 20 сентября ходил в село Остров, 1 октября – в село Покровское (там же, стр. 903); 5 октября выступил царь в Троицкий поход (там же, стр. 906), а 26 октября пришел в село Преображенское, где пробыл до 14 ноября (там же, стр. 908). К этому времени (31 октября 1673 года) относится свидетельство о выдаче ловчего пути псовнику Петру Ивановичу Теряеву пищали, "для того по указу Великого Государя велено ему Петру быть в новых Государевых осоках для сыску зверей" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 94 – 7182 г.). 14 ноября того же года ходил государь Алексей Михайлович в поход в село Коломенское (Дворц. разр., т. III, стр. 909), 30 ноября выступил в Звенигородский поход (там же, стр. 913).

По имеющимся сведениям следующий за последним поход царя Алексея Михайловича относится к 5 июня 1674 года, когда "за полчаса до ночи" пришел государь в Москву из села Воробьева (следовательно, должен был раньше этого отправиться туда) (там же, стр. 957). Снова вернулся царь в село Воробьево 7 июня (там же, стр. 958), был в Москве 23 июня (там же, стр. 959), с 24 числа по 26 июня находился в селе Воробьева, 26 числа посещал Москву, с 26 июня по 7 июля жил в Воробьева, а 7 июля был в Москве (там же, стр. 960). 8 начале сентября 1674 года "Государева

полку столникам, и стряпчим, и дворяном Московским и жилцом... и всяких чинов служилым людям" было объявлено, по указу царя Алексея Михайловича, что "Великому Государю походу своего с Москвы до весны не будет" (там же, стр. 933). Однако, несмотря на такое оповещение, царь Алексей Михайлович выступил в поход в село Коломенское, где был 11 сентября этого года (там же, стр. 1014). В том же сентябре месяце были "посланы, по указу Великого Государя, из приказу большого дворца, от боярина и оружничего Богдана Матвеевича да от думного дворянина от Александра Савостьяновича Хитрово да от думного дьяка Федора Михайлова с товарищи, дворовые люди, стряпчие да с ними сытники со всех дворцов, по станом Великого Государя и по селам: в село Алексеевское, да в село Тонинское, да в село Братошину да в село Воздвиженское ставки ставить и всякие обиходы готовить к его Великого Государя приходу. Того ж году, Сентября в " " день, посланы по указу Великого Государя, дворовые ж люди по Троетцкой дороге для Великого Государя походу мостов мостить, и где худы починивать и вежи ставить; а мосты делать и гати гатить дворцовыми, и боярскими и монастырскими крестьяны, которые селы и деревни по той дороги есть до Троетцкого Сергиева монастыря. Да, по указу же Великого Государя, посланы наперед по станом передовые, и столники и сторожи постелные и столовые" (там же, стр. 1029). 19 сентября 1674 года ходил государь в поход в село Измайлово (там же, стр. 1033) и в село Преображенское, сопровождаемый думным дворянином и ловчим Московского пути Афанасием Ивановичем Матюшкиным (там же, стр. 1035). 23 сентября отправился царь Алексей Михайлович в Троицкий поход (там же, стр. 1038),

останавливаясь в селах Тонинском, Братошине и Воздвиженском (там же, стр. 1043). 6 октября был государь в селе Соколове (там же, стр. 1065), 12 октября был в селе Коломенском (там же, стр. 1076), а 25 октября пошел в село Преображенское (там же, стр. 1089), взяв с собою, в числе других, московского ловчего Матюшкина (там же, стр. 1092). Из села Преображенского царь вернулся в Москву 31 октября (там же, стр. 1095), оставив, однако, в этом селе Матюшкина (там же, стр. 1097) и вернувшись лично в Преображенское на другой же день – 1 ноября (там же, стр. 1099). 10 ноября царь Алексей Михайлович приходил из Преображенского в Москву (там же, стр. 1105) и отбыл обратно в село на другой день – 11 ноября (там же, стр. 1108). 18 ноября у царя Алексея Михайловича в селе Преображенском было "сиденье с бояры о всяких делах" (там же, стр. 1109). 1 декабря ходил государь в Звенигородский поход (там же, стр. 1118). 5 декабря Алексей Михайлович снова был в селе Преображенском, откуда был послан "к Москве соколничей (ошибка, должно быть сокольник) нарочито" за потребовавшимся для какой-то надобности боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым (там же, стр. 1125).

"Того ж году, Декабря в 7 день, ходил Великий Государь из села Преображенского с Государынею Царицею и с Государи Царевичи и Государыни Царевны в село Измайлово тешиться и всякого строенья смотреть; и кушанье раннее было у Великого Государя в селе Измайлове" (там же, стр. 1128). "Того ж году, Декабря в 8 день, ходил Великий Государь из села Преображенского с Государынею Царицею и с Государи Царевичи и с Государыни Царевны тешиться в село Алексеевское; и кушанье было у Великого

Государя в селе Алексеевском раннее... Да с ним же Великим Государем были бояре, и окольные, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближние люди, и столники и стряпчие, которым указано быть, по его Великого Государя указу, за ним Великим Государем в походе" (там же, стр. 1130). Заметим вскользь, что во время описываемого пребывания царя Алексея Михайловича и селе Преображенском там устраивались различные новые на Руси увеселения. Так, тешили Великого Государя иноземцы, "как Алаферна царица царю голову отсекала", и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Те же люди представляли, "как Артаксеркс велел повесить Амана, по царицыны челобитью и по Мардахеину наученью". Те же люди "и в органы играли, и на флюгах, и в страменты и танцевали" и т. д. (Дворц. разр.). Для того чтобы посмотреть на эти невиданные раньше зрелища, были вытребованы из Москвы те бояре, окольные, думные дворяне и ближние люди, которые не были с государем в походе, причем посланы были за ними из села Преображенского тайных дел дьяком Иваном Левонтьевичем Полянским стреленные конюхи и сокольники (там же, стр. 1131). 9 декабря этого года ходил царь Алексей Михайлович с царевичем Феодором Алексеевичем и с московским ловчим Матюшкиным из села Преображенского в поход в село Остров (там же, стр. 1132). "Того ж году, Декабря в 13 день, ходил Великий государь из походу из села Преображенского в поход же в село Соколово тешится" сопровождаемый, по обыкновению, весьма многими придворными людьми (там же, стр. 1134), причем семейство свое отправил в Москву (там же, стр. 1135), поручив Афанасию Ивановичу Матюшкину проводить

царицу, а затем не откладывая прибыть к нему, государю, в село Соколово (там же, стр. 1137). "Того ж году, Декабря в 14 день, пришел Великий Государь из села Соколова в село Дьяконово ("следовало бы написать Дьяково: в этой стороне села Дьяконова нет и не было, Дьяково же и теперь существует". – Примечание составителей Дворц. разр.), а кушанье вечернее было в селе Дьяконове, и ночевал". Из Дьякова царь посылал в Москву осведомиться о здоровье царицы и детей своих, следовательно, этот охотничий поход был довольно продолжительный (там же, стр. 1138).

20 января 1675 года ходил царь Алексей Михайлович в поход в село Коломенское (там же, стр. 1207). 23 марта – "в село на Воробьеву гору" (там же, стр. 1289). 19 апреля государь, послав на Воробьевы горы стольника князя Троекурова "для его Великого Государя походу", приказав посланному "пересмотреть всякого строения на его государеве дворе, а где худо – построить все вновь к его государеву пришествию" (там же, стр. 1346). 27 апреля ходил Алексей Михайлович в поход в село Измайлово (там же, стр. 1356), а 13 мая отправился к Николе на Угрешу да в село Остров, сопровождаемый многочисленным придворным чином, в составе которого находились думный дворянин и ловчий Московского пути Афанасий Иванович Матюшкин со стремянными конюхами, сокольниками и охотниками (там же, стр. 1390). Вернулся государь из села Острова 19 числа того же месяца (там же, стр. 1393). 23 мая, по указу царя, была отправлена на Воробьеву гору боярыня Матрена Васильева Блохина с десятью постельницами и десятью детьми боярскими, "а велено ей досмотреть во всех хоромах Государыни Царицы, и Государынь Царевен и

Государей Царевичев, что все ли в хоромах сделано стройно и самой ей Матрене велено дожидаться приходу Великого Государя" (там же, стр. 1404). Сам царь с семейством отправился в село Воробьево 24 мая (там же, стр. 1406). 19 июня пошел государь "из походу с Воробьевой горы в поход в село Преображенское" (там же, стр. 1472). "Того ж году, Июня в 20 день ходил Всликий Государь к обедне в село Покровское" (там же, стр. 1473). "Того же числа, после кушанья, ходил Великий Государь тешиться с Государынею Царицею, и с Государи Царевичи и с Государыни Царевны из села Преображенского в село Измайлово. В первой карете шел Великий Государь, а с ним Государем сидели в карете Государь Царевич и Великий Князь Феодор Алексеевич да Государь Царевич и Великий Князь Петр Алексеевич. А за каретою ехал дядка околничей Иван Богданович Хитрово, да подле кареты шел полуголова столника и полковника и головы Московских стрельцов Юрьева приказу Петрова сына Лотухина Александро Тихонов сын Тонеев; а в карете было 6 возников темно-серых. А бояре, и околничие, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближние люди, и столники все ехали наперед Великого Государя и Государя Царевича столники. В другой карете ехала Государыня Царица с Государыни Царевнами меншими; а за каретою ехали столники и ближние люди; Иван Кирилов сын, да Иван Фомин сын да боярина ж Кириловы дети Полуехтовича Нарышкина меншие Федор, да Мартемьян да Лев; а в карете было 6 возников буланых. В третьей карете ехала Государыня Царевна и Великая Княжна Ирина Михайловна с сестрами да Государыня Царевна и Великая Княжна Евдокия Алексеевна с сестрами; а за каретою ехали столник и ближний человек Петр Иванов сын

Матюшкин да столник Борис Гаврилов сын Юшков; а в карете было 6 возников гнедых. Да за ними ж Государыни ехали в трех колымагах мамы; да за ними ж Государыни ехали в трех же колымагах боярони, да казначеи да кормилицы, а в колымагах было по 2 санника цветных; а за ними ехали дети боярские Государыни царицы, за всякою колымагою по 2 человека" (там же, стр. 1474). 26 июня царь Алексей Михайлович с семейством снова ходил из села Преображенского в село Измайлово (там же, стр. 1483).

29 июня государь пошел на Воробьеву гору (там же, стр. 1493), где обедал в шатрах (там же, стр. 1497). 1 июля "тешился Великий Государь под Девичьим монастырем, в лугах и на водах, с соколами и с кречетами и с ястребы, и с Государынею Царицею, и с Государем Царевичем и Великим князем Феодором Алексеевичем и с Государем Царевичем и Великим князем Петром Алексеевичем, в каретах" (там же, стр. 1501). 5 июля из похода на Воробьеву гору ходил царь Алексей Михайлович в Москву (там же, стр. 1510), вернувшись в Воробьево в тот же день (там же, стр. 1513); 6 июля ходил из Воробьева в село Коломенское (там же, стр. 1514), 9 июля был в Москве (там же, стр. 1523), 14 июля в селе Коломенском (там же, стр. 1536), сопровождаемый московским ловчим Матюшкиным (там же, стр. 1537). 23 июля Алексей Михайлович из села Коломенского ходил "в поход в село Соколово тешиться и с Государынею Царицею да с Государем Царевичем и Великим Князем Феодором Алексеевичем. А сидели с Великим Государем Государыня Царица и Государь Царевич в одной карете; а в карете было 6 возниковых гнedyх. Да с ними ж Великими Государи были: боярин Иван Богданович Милославской, да околничей князь Володимер Дмитриевич Долгоруков, да думный дьяк Дементей Башмаков, да столники, и ближние люди, да столники походные, которым указано быть за ним Великим Государем в походе, да столники Государя Царевича и Великого Князя Феодора Алексеевича; а ехали все столники наперед Великого Государя перед каретою. А за каретою ехали Великого Государя столники и ближние люди Иван да Офонасей Кириловы дети Нарышкины, да с сумою столник и ближней человек Алексей Семенов сын Шеин да столник Государя Царевича и Великого Князя Феодора

Алексеевича князь Михайло Яковлевич Черкасской. Да в Соколове ж жаловал Всликий Государь погребом (винами и другими напитками) столников походных, и сокольников, и слуг боярских и стрельцов" (там же, стр. 1553). 26 июля вернулся царь Алексей Михайлович из села Коломенского на Воробьеву гору (там же, стр. 1557). Посещая повременно Москву, государь пробыл "в походе на Воробьеву гору" до 16 августа. В этот день "ходил Великий Государь с Воробьевой горы тешиться в село Семеновское, а из села Семеновского ходили" в село Измайлово" (там же, стр. 1598), откуда опять-таки вернулся в село Воробьево (там же, стр. 1599), но до которого времени пробыл там, не знаем.

30 января 1676 года "в 4 часу нощи, с субботы на воскресение изволением всесильного Бога, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Миихайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, оставя земное царство, отъиде в вечное блаженство небесного царствия (там же, стр. 1635).

16 Данные для характеристики Алексея Михайловича, равно как и отдельные факты, касающиеся истории его охот, заимствованы из следующих источников:

а) Выходы Государей. М., 1844, стр.: 143, 181, 190, 208, 217, 231, 249, 269, 292, 298, 302, 318, 323, 332, 340, 341, 343, 362, 364, 365, 386, 391, 392, 406, 422, 426, 443, 444, 448, 449, 464, 468, 469, 504, 515, 518, 519, 528, 529, 533, 534, 538, 552-554, 556, 558, 560, 562, 563.

б) Дворцовые разряды. СПб., 1850 г., т. III, стр.: 21, 49, 50, 56, 78, 86, 127, 136- 143, 148, 159, 170, 171, 173, 178, 179, 185, 187, 191, 193, 197, 205, 207, 212, 215, 218, 219, 222, 228, 241, 250, 254, 261, 264, 266, 280, 286, 290, 291, 297, 307, 312-314, 315, 319, 323, 329, 330-338, 349, 351, 353, 354, 359, 368, 376, 379, 380,

382, 396, 407-409, 413, 456, 461, 462, 473, 482, 590, 593, 594, 598, 599, 602-612, 615, 618, 619, 623, 629-632, 634, 635, 637, 639, 644, 663, 664, 666, 669, 670, 683, 686, 695, 696, 701, 702, 711-713, 726, 736, 737, 740, 744, 760, 763, 777, 779, 789, 790, 793, 810, 817, 818, 820, 823, 828, 901, 906, 908, 909, 913, 957-960, 963, 1014, 1029, 1033, 1035, 1043, 1065, 1078, 1089, 1092, 1095, 1097, 1099, 1105, 1108, 1109, 1118, 1125, 1128, 1130-1132, 1134, 1135, 1137, 1138, 1207, 1289, 1346, 1356, 1390, 1393, 1404, 1406, 1472, 1473, 1474, 1483, 1493, 1497, 1501, 1510, 1513, 1514, 1523, 1536, 1537, 1553, 1557, 1598, 1599 и 1635. Дополн. к III т., стр.: 12, 13, 22, 33, 41, 42, 45, 50, 87, 102-104, 107, 108, 111, 113, 133, 135, 138, 147, 165, 166, 172, 183, 191, 200, 205-216, 221, 230, 238, 243, 253, 254, 262, 286, 292, 294, 302, 333, 342, 343-348, 354 и 366.

в) Общ. Архив. Мин. Двора, столбцы 62 и 84 - 7164 г., кн. 302, листы: 21, 32, 46 оборотн., 68, 71 оборотн., 77 оборотн., 81, 96 оборотн., 98 оборотн.; кн. 303, листы: 21, 73 оборотн.; столб. 77 - 7158 г., 90 - 7156 г.; листы: 118, 127, 107 оборотн.; столб. 114 - 7156 г.; листы: 118 оборотн., 119 оборотн., 284, 285 оборотн.; кн. 304, листы: 31 оборотн., 136; столб. 32 - 7158 г., 57 - 7158 г., кн. 305, лист 17 оборотн.; столб. 70 - 7158 г., лист 127; столб. 74 - 7159 г.; кн. 313, лист 360 оборотн.; кн. 325, лист 50 оборотн.; столб. 94 - 7182 г.; кн. 1072, листы: 48, 52, 82, 89 оборотн., 72, 82 оборотн., 92 и 106 оборотн.

г) Рукоп. Оруж. пал., N 327 - 7169 г.

д) Рукоп. Госуд. Арх., разр. XXVII, N 52.

е) Акты Археогр. эксп., N 100 - VI, стр. 140, N 100 - V, стр. 141.

ж) Дополн. к Акт. Истор., т. III, N 71 - I, II, III, стр. 252; N 71 - XII, стр. 255; N 71 - V, VI, стр. 253; N 71 -

VII, VIII, стр. 254; N 71 - XVI, стр. 257.

з) "Собрание писем царя Алексея Михайловича". Изд. Бартенева. М. 1856.

и) Труды И. Е. Забелина: "Опыты изучения русских древностей и истории". М. 1872; "Домашний быт царей и цариц в XVI и XVII в.". М. 1862; "Кунцово и древний сетунский стан". М. 1867.

и) Кн. Голицын, Н. С, "Саввин Сторожевский монастырь" в журн. "Странник", 1879 г., N 11.

к) История России С. Соловьева.

л) Н. Костомаров, "Русская история в жизнеописаниях". Вып. IV, 1874.

17 Сведения о местах охот царских заимствованы: а) у Забелина, из соч. "Опыты изучения древностей и истории", "Быт царей и цариц", "Кунцово"; б) Любецкого, "Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских". М. 1872; в) у Бессонова из примеч. к "Собр. писем царя Алексея Михайловича", и г) из документальных данных Общ. Арх. Мин. Двора; Дворц. Разр. и т. п.

18 В своих походах на охоты царь Алексей Михайлович пренебрегал неудобствами пути; с одной из своих охот он пишет Матюшкину: "а дорога та такова худа, какой мы отроду не видали, просовы великие и выбои такие великиеж, без пеших обережатых никоими мерами нельзя розно разбиться" (Акты Археограф. экспед. Ак. наук, No 100–1, стр. 139).

19 Под 1636 годом читаем: "Того же месяца декабря в 26 день пошел Государь тешитца на лосья поля. А на Москве оставил Государь и велел ведать Москву боярина Бориса Михайловича Салтыкова, околничего Михайла Михайловича Салтыкова, да думных дьяков:

посолского Федора Лихачева, поместного Михаила Данилова".

Под 1667 годом значится: "176 году, ноября в 16 день, Великий Государь ходил на поля тешитца. А на Москве оставил Государь: боярина князь Григорья Сунчелеевича Черкасского да околничего князь Ивана Дмитриевича Пожарского". Забелин, "Опыты изуч. древн.", стр. 491; ср. Дворц. разр., т. II, стр. 489 и т. III, стр. 695.

20 Дворц. разр., т. III, стр. 241.

21 Дворц. разр., т. III, стр. 1090.

22 "Выходы Государей", стр. 181 и 314.

23 Самуил Коллинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Перев. с англ. Киреевского. Москва, 1846, стр. 35 и 36.

24 Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 305, л. 150.

25 См. Дворц. Разр., т. III, стр. 1474, 1483, 1501, 1553.

26 Акты Археогр. эксп., т. III, No 256, стр. 393.

27 Первое Полн. Собр. Закон., т. I, стр. 214.

28 Краткое известие о русской торговле... в 1647 г., соч. И. фон Кильбургера. Пер. с нем. СПб., 1820, стр. 76.

29 См. *Олеарий*, "Подробн. описание путеш. Голштинского посольства в Москву и Персию", стр. 122 и 123 и мн. др.; "Путешествие в Московию барона *Авг. Майерберга*". Москва, 1874, стр. 120; "Сказание *Ад. Лизека* о посольстве от Римск. Императора Леопольда к Вел. Кн. Московскому Алексею Михайловичу 1675 г.". Перев. с лат. Тарнава-Баричевского. СПб., 1837 г., стр. 60 и друг.;

соч. С. Коллинса. "Нынешнее состояние России...". Перев. с англ. Киреевского. Москва, 1846, стр. 17 и др.

30 Олеарий, стр. 128–130.

31 Коллинс, стр. 26 и 27; Олеарий, стр. 453, 473, 474, 1008.

32 Олеарий, стр. 467.

33 Дополн. к Акт. истор., т. V, No 15, стр. 76.

34 Олеарий, стр. 12 и 73, Лизек, стр. 18; Забелин, "Кунцово", стр. 162.

35 Олеарий, стр. 71.

36 Олеарий, стр. 73.

37 Н. Костомаров, "Очерк. торговли Московск. государства". Современник, 1858 г., NoNo 6 и 7, стр. 72 и 78.

38 Акты истор., т. III, No 153, стр. 250; No 155, стр. 280; т. IV, No 21, стр. 53; No 31, стр. 69; No 245, стр. 522. Дополн. к Акт. ист., т. IV, No 30, стр. 74 и No 81, стр. 201.

39 Катошихин Григорий, "О России в царствование Алексея Михайловича". СПб., 1859, стр. 75 и 78.

40 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 309, л. 102.

41 Акты истор., т. III, No 126, стр. 195 и 196.

Как пример, приведем челобитную сотников Якшовитки Кулышева и Акилдейки Ондреева с товарищами, относящуюся к 1623 году. Челобитная была подана от имени всех сылванских и иренских ясачных татар, и в ней испрашивалось разрешение платить ясак в Соли Камской, а не в Верхотурье, как

было установлено раньше, так как "Верхотурские служилые люди имали с них посулы и поминки великие, и кормы на них правили, и всякое насилство чинили". Просили также татары не посылать к ним чердынских целовальников, ибо "те де целовалники судят их не по правде и емлют с них посулы и поминки великие, и подводы лишние, и ясак наш (Государев) емлют с них своим насилством не по правде и прежних Государей и наших жаловальных грамот не слушают". В рассуждении этих обстоятельств велено было чердынскому воеводе Веревкину "про то насилство сыскати всякими сыски накрепко: да будет целовалники ясачным Татаром какое насилство и обиды чинят... велети за то чинити наказанье, смотря по вине". Татарам же велено было платить ясак по-прежнему в Чердыне, "а будет учнут целовалники их ясачных Татар судить и ясак собирать не по правде, и посулы и поминки себе учнут имати и им быти от нас (Царя) за то в великой опале и в смертной казни" (Акты истор., т. III, No 126, стр. 195 и 196).

[42](#) Акты ист., т. III, No 170, стр. 313.

Так, в грамоте верхотурскому воеводе Федору Бояшеву, относящейся к 1632 году, между прочим, читаем: "а в прошлом 138 году до вашего на Верхотурье приезде, сошло из Аятцкой, и из Савинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменской да в Чердынской ясак 20 человек, а ясаку было с них взяти на прошлые годы, со 135 да по нынешней по 141 год 88 рублей 24 алтын и 1 1/2 денги..." Таких беглецов приказывалось водворять на прежних местах жительства и доправлять на них недоимку, по мере возможности сполна (Акт. истор., т. III, No 170, стр. 313).

43 Акты ист., т. III, No 113, стр. 166.

44 Дополн. к Акт. ист., т. III, No 57, стр. 214.

45 См. "Отчет о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море около 1646 г.", в Дополн. к Акт. истор., т. III, No 12, стр. 57.

А что такие края были еще в половине XVII столетия, мы видим хотя бы из следующей выдержки из "Отчета о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море", относящегося к 1646 году: "В той новой земле в Даурах... на великой реке Зие... живут люди многие сидячие (оседлые)... и добывают соболи также как и иные Сибирские и Ленские иноземцы, стреляют из луков, и много промыслу, как промышляют Русские люди, с обметы и с кулемником, соболем не добывают и того не знают" (т. III, No 12, стр. 57).

46 Катошихин Гр., стр. 78; Костомаров, "Очерки торг. Моск. госуд."; там же, стр. 72.

47 Дополн. к Акт. истор., т. II, No 161, стр. 161–164.

48 "Которые соболи добрые самые, – читаем у Катошихина, – а годятца они в царскую казну, купити воеводам и служилым и торговым людям и ис того государства (Сибири) вывозити и продавати не велено, и поставлены для того заставы: и у кого объявятся добрые соболи пара свыше 20 рублей, а сорок свыше трехсот рублей, по Московской цене, и у таких людей емлют те соболи на Царя безденежно. А кто такие соболи дорогие похочет вывести и переделает в платье им про себя вывозити волно; а кто хочет утаить и солгать, что будет болши указные цены, и у них то вынимают, и бывает за то середним людям наказание и пеня жестокая" (Катошихин, стр. 78).

49 Акт. истор., т. IV, No 209, стр. 445.

50 Акт. ист., т. IV, No 249, стр. 539.

51 Конечно, как всегда, без злоупотреблений не обходилось и здесь: еще в марте месяце 1621 года верхотурским воеводам, Пушкину и Зубову, была отправлена царская грамота, в которой говорилось, что в декабре 1620 года писал царю пустозерский воевода Кологривов, "что ездят из Сибирских городов с нашею (царскою) соболиною казною Сибирские служилые люди и провозят с собою торговых людей, а с ними многие неявленные товары, а называют те неявленные товары нашею казною, и голов и целовалников к судом не припускают, и десятины им у торговых людей имати не дают". Пушкину и Зубову предписывалось, когда "впредь учнете с Верхотурья посылати к нам к Москве Сибирских служилых людей с нашею соболиною казною, или с какою иною мягкою рухледью, которая будет к нам послана, и выб с теми Сибирскими служилыми людьми посылали той мягкой рухледи росписи, или в проезжих грамотах писали имянно, с кем имянем пошлете, и сколко нашия какия мягкия рухледи будет к посылке, для того, чтоб торговые люди, которые с ними будут, своих товаров за нашею казною не привозили и не таили, и служилые б люди торговых людей с товары за нашею казною не проводили, и мужичьих товаров нашею казною не называли, чтоб в том нашему денежному сбору истери не было" (Акты истор., т. III, No 98, стр. 137).

52 Так например, в мае 1668 года "Великий Государь дарил на отпуск святейшего кир Макария патриарха Божия града Антиохия и всего Востока 125 сороков соболей, ценою на 6.000 рублей" (Дворц. разр., т. III, стр. 760).

53 Приводя сведения о Сибирском приказе и о ежегодном доставлении из Сибири царской меховой казны, Катошихин говорит: "а сколько числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шти сот тысяч рублев."

И у той соболиной и у всякой мягкой казны, для оценки и приему и роздачи, бывают погодно голова гость (купец), а с ним товарищи, целовалники и сторожи, торговые выборные люди погодно; а выбирают их к той казне своя братья, гости и торговые люди, за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых, и иные мягкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, также кому велят тое казну продавать, или за службы и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрыми; а велено им цены ставить всяким зверям по прямой Московской цене, дешевле торгового малым чем, как про Царя, так и в роздачу и на продажу врознь. Также та казна посылается во окрестные государства к потентатом (правительствам, владельцам) в дарех, и платят Персицким и Греческим купчинам и купецким людям за товары, и кому что будет от Царя приказано дати. А когда бывает той казне умножение, а расход бывает малой, продают торговым и всякого чину людям и дают в долг поруками, по указной цене, а цену на них кладут они что чего стоит; а которой год лову и привозу тем зверям зачем бывает иных годов менши, и тогда соболей не продают и цену накладывают свыше прежнего, с царского повеления. Да что присылается в Казанский дворец мягкие рухляди, и то отдают в Сибирский же Приказ" (Катошихин, стр. 78).

54 Акты ист., т. III, No 135, стр. 221.

55 Олеарий, стр. 226; Костомаров, "Очерки торговли", стр. 75 и 76.

56 Кильбургер, стр. 23 и 24; Костомаров, "Очерки торг.", стр. 79–83.

57 "Русское государство в пол. XVII в.". Рукопись, изданная Бессоновым. Москва, 1859 г., стр. 35; Соловьев, "Ист. Росс.", т. IX, стр. 423.

58 Дополн. к Акт. ист., т. IV, No 5, стр. 9 и 10; No 7, стр. 91; No 45, стр. 99. В царской грамоте якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому, относящейся к 30 января 1658 года, между прочим, читаем: "Вы б велели у служилых и у всяких у охочих людей, которые учнут на Лене и на иных реках на взморье промыслять кость рыбей зуб, с того промысла имати на нас великого государя половину, а другую половину отделять им, да из той их половины имати на нас же десятую; а что за десятиною останется, и вы б велели у них кость имати на нас же в цену, а давати им из нашии казны за болшую кость по 15 и по 20 рублей, а за меншую кость по 12 рублей за пуд, да ту кость велели б есте в Якутцком остроге ценить торговым людям прямою торговою ценою". Дополн. к Акт. истор., No 45, стр. 99; Акт. ист., т. IV, стр. 99; Дополн. к Акт. ист., т. III, стр. 349; Кильбургер, стр. 63; Костомаров, "Очерки торговли Моск. госуд.", стр. 83.

59 Соловьев, "Ист. России", т. X, стр. 346; Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 1072, л. 82.

60 См. вообще Рукоп. Общ. Арх. Мин. Дв., для примера кн. 1072, лист. оборотн. 82; кн. 1075, столб. 176–7174 г.; Дворц. разр., т. III, стр. 1230; Лизек, стр. 17; Сказание *Рейтенфельса* о состоянии России при царе Алексее Михайловиче. Перев. с лат. Тарнава-Боричевского в "Журн. Мин. н. пр.", ч. XXIII, 1839, стр. 16.

61 Акт. истор., т. III, No 92, стр. 107.

62 Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 1072, л. 80; кн. 1075, л.

оборотн. 74 и 79; кн. 1076, л. оборотн. 249; кн. 1079, л. 50.

63 Костомаров, "Очерки торг.", стр. 78; Катошихин, стр. 76; Дворц. разряды, Доп. к III т., стр. 282 и 1570.

64 Костомаров, там же, стр. 86; Катошихин, стр. 76.

65 Акт. ист., т. III, No 134, стр. 215 и 216.

66 Дворц. разр., т. III, стр. 1296.

67 Для отдела об оружии сведения сгруппированы из след. источников:

а) Рукоп. Госуд. арх., No 487, разр. XXVII.

б) Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 539 – 7176 г. и столб. 299 – 7180 г.

в) Савваитов П. Описание царских утварей, одежды, оружия ратных доспехов и конских приборов (из Рукоп. арх. Оруж. палаты). С.-Петербург, 1865 г., стр. 213, 219, 237, 253, 257, 261 и 269.

г) Забелин, "Быт царей", стр. 511–513.

Как иллюстрацию современного оружия, приводим выписку из "рописи ружью, которое делано в Оружейной палате в нынешнем во 171 году, и великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу в подношении было о празднике Светлое недели апреля в 23-м числе: Пищали и карабины и пистолы и иное мелкое ружье".

"Пищаль винтовальная ствол о 6 винтах замок шкоцкой травчетые золочены сплошь, станок яблоневого с оправою серебряною золоченою. Карабин ствол о 7 винтах, по нем сечены травы, весь золочен. Замок шкоцкий по нем резаны травы ж, золочен. Станок яблоневого, покрыт раковинами оправа серебряная сканная золоченая с винифтом. Пищаль

винтованная ствол о 4 винтах замок шкотской травчатые, ствол по местам а замок весь золоченые. Станок чипрасовой, оправка железная прорезная золочена на белом серебре. Карабин ствол о 8 винтах, на нем сечены травы, золочен в 4-х местах. Замок шкоцкой резной весь золочен; станок чипрасовой оправка железная золочена. 2 карабина стволы гладкие по местам золочены, насечены травки, замки на французское дело, станки черные. Пищаль винтованная о 8 винтах с долами по местам золочен и серебрян. Станок яблоневого с костью. 3 пищали стволы длиною 2 аршин и болши. Станки кленовые. Пара пистолей стволы гладкие с доликами, замки барабарские с порезкою, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы полукруглые, замки шкоцкие, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы гладкие, замки шкоцкие, станки яблоневые. 5 пар олстр пистолетных и в том числе одна пара олстры покрыты бархатом красным, золотным голуном, отвороты низаны по зеленому бархату. 4 пары олстры покрыты сукном красным и малиновым, отвороты шиты волоченым золотом и серебром. Протазан резной золочен. Копье калмыцкое из красного железа по местам золочено. Саадак пистольный, шит золоченым серебром, подложен алым бархатом. Лук писан одним золотом по красной земле с тетивою. 2 лука писаны золотом и серебром по червчатому бокану, с тетивы. Да к ним 10 гнезд томаров, 6 гнезд срезней. 2 ставика ножевых, а в них по 6 ножики покрыты участком золотным с серебряным голуном. Рог большой в недоделке" (Забелин, "Быт царей", Материалы, No 491, стр. 511–513).

68 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 316, л. оборотн. 32; столб. 563 – 7181 г.; Моск. арх. Оруж. пал., столб. 310

– 7170 г.

69 О конских уборах см. Рукоп. Гос. арх., разр. XXVII, No 487; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 372. 11 сентября 1665 года приехавшему в Москву гетману малороссийскому Брюховецкому вывели за город "царскую лошадь, серую немецкую, в серебряном вызолоченном наряде с изумрудами и бирюзой, чепрак турецкий, шит золотом волоченным по серебряной земле, седло – бархат золотный" (Соловьев, "История", т. XI, стр. 199). 12 ноября 1675 года гречанин, царегородец Юрий Дмитриев привез царю Алексею Михайловичу "муштук с паперстью и с уздечкою серебряной с финифтью, с камнем с яхонты червчатыми и с изумруды". Интересно, что сам подносивший оценил свой подарок в 2150 рублей; спрошенные торговые люди, иноземцы, понизили эту оценку до 1943 рублей; наши же торговцы определили стоимость поднесенного всего от 450 до 500 рублей (Дополнение к Актам истор., т. VI, No 18, стр. 108). Дополн. к Акт. истор., т. VI, No 18, стр. 104 и 108; Савваитов, стр. 152, 221, 280, 283, 291; Соловьев, "Ист. Росс.", т. XI, стр. 199 и Росс. Вивлиофика Новикова. СПб., 1776, т. XIV, стр. 25; Олеарий, стр. 37 и 38; Лизек, стр. 26; Майерберг, стр. 59 прим.

70 Рейтенфельс, стр. 16; Катошихин, стр. 69 и 78; Коллинс, стр. 17 и др.

71 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 195; кн. 291, л. 37; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 118; столб. 104 – 7125 г.; столб. 308 – 7154 г.; Госуд. арх., разр. XXVII, No 53; Моск. арх. Мин. юстиц., столб. 327 – 7169 г.; Дворц. разр., т. II, 489; Рейтенфельс, стр. 16; кн. Голицын в "Страннике" 1879 г., No 11, стр. 212.

72 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 48, 71 и 77; кн. 304, л. оборотн. 31; кн. 1072, л. 48 и л. оборотн. 72 и 89; столб. 90 – 7158 г.; столб. 73 – 7158 г.; Моск. арх. Оруж. палат., столб. АВ – 626; Олеарий, стр. 120.

73 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. 32; Дворц. разр., т. III, стр. 136.

74 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 211, 244 и 361, кн. 1072, л. 46 и л. оборотн. 82 и 106; столб. 65 – 7177 г.

"Ведомо Великому Государю учинилось что в Шацком уезде в ево Великого Государя в заповедных лесах всяких чинов люди помещики и вотчинники и их люди и крестьяня побивают лосей а воевода того неостерегает и к Великому Государю о том не пишет. И ныне Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец указал в Шацком уезде в свои Государевы заповедные леса всяких чинов людем помещиком и вотчинником и их людем и крестьяном въезжать и лосей и иных никаких зверей побивать не велел и в Шацком же и по селам и по торшком по многие торговые дни кликать биричем и учинить о том заказ крепкой и к тем своим Государевым заповедным лесам выбрать сторожей из каких людей пригож, а буде кто (тут, вероятно, пропущено слово "мимо") сего Государева указу в заповедные леса учнет въезжать и лосей и иных зверей побивать и тем людем от Великого Государя быть в жестоком наказании и о том послать в Шацкой к воеводе свою Государеву грамоту из розряду" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 65 - 7177 г.).

75 Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 325, л. оборотн. 50; кн. 1072, л. оборотн. 78; Забелин, "Кунцово", стр. 143, 161, 162 и 167; Любецкий, стр. 239.

76 Список этого "Регула", сделанный с подлинника в 1780 г. и найденный в архиве гр. Панина, напечатан в 1886 г. в журн. "Природа и охота".

Кроме приведенных уже выше сведений, сохранились некоторые пометки о повременных расходах на различные учреждения царской зверовой охоты XVII века, на учреждения, нами уже поименованные.

Так, в 1664 году отпущено было на Семеновский потешный двор 141 рубль на покупку табунных лошадей для охотников (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 17) и 6 рублей на приобретение лекарства (там же, кн. 1072, л. 38).

В 1666 году отпущено туда же 100 рублей "на сенную покупку" (там же, кн. 1073, л. оборотн. 66) и 200 рублей на различные расходы (там же, кн. 1073, л. оборотн. 75).

В 1667 году, опять-таки на Семеновский потешный двор, дано 50 рублей "на всякие расходы" (там же, кн. 1075, л. 61).

В том же году "на прикормки волков" дано на волчьи дворы Измайловский, Хорошевский и Чертановский 20 рублей (там же, кн. 1075, л. оборотн. 74) и на Осеевский 1 рубль (там же, кн. 1075, л. оборотн. 79).

Наконец, 7 января 1668 года сокольнику Шаблыке Шастову было выдано "на овес и сено государовым лошадям на корм которые в селе (Семеновском) у соколников и охотников" - 5 рублей (там же, кн. 1075, л. оборотн. 80).

77 Брем, "Иллюстр. жизнь животных". СПб., 1868, т. III, стр. 433" 434 и 441.

78 Аделунг, соч. "Бар. Майерберг и путешествие его по

России". СПб., 1827, стр. 218; С. Аксаков в ст. "Пояснительн. заметка к Уряднику" в "Собр. писем царя Алексея Михайловича", стр. 140.

79 Коллинс, стр. 17 и др.

80 Сведения о видах ловчих птиц царской кречатни извлечены из:

а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 42 - 7131 г.; столб. 111 - 7140 г. и др.; кн. 199, л. 382 и др.; кн. 205, л. оборотн. 101 и др.; кн. 209, л. 224 и др.; кн. 284, л. 256 и др.; кн. 288, л. оборотн. 375 и др.; кн. 291, л. 93 и др.

б) Рук. Госуд. Арх., разр. XXVII, N 52.

в) "Собр. писем царя Ал. Михайл." и "Урядник".

81 Об "охочих" и вообще случайных помытчиках см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 204; кн. 288, л. 214 и л. оборотн. 375; кн. 291, л. 93; кн. 320, л. оборотн. 164; кн. 321, л. 141; столб. 77 - 7173 г. и Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, свиток 30, N 11.

82 "От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Росии на Двину воеводе нашему Григорью Ондреевичу Плещееву, да дьяку нашему Тимофею Пчелину. Били нам челом Двинские посыльщики Васка Вепрев, Сенка Клементьев и во всяких Колмогорских посадских и уездных людей место, а сказали: платят деи они наши денежные всякие доходы, данные и оброчные деньги и московским стрельцом на наше жалованье за хлеб, как на все города тот хлеб, и новоприбылые наши всякие доходы для служб солдатские и подымные и пятинные деньги и посошных людей с лошадьми и с телегами и даточных людей наймуют с иными города ровно, да они же де промышляют на нас кречеты и промыслы за море на Тиунский берег и на Терскую сторону и в Канин нос по

вся годы в морских судах человек по сороку и больше и те кречаты привозят они к нам к Москве и за теми кречетами нанимают кормленщиков человек по двадцати и больше и тем кречатым промышленником в наем и в кречаты кормы выходит по семисот рублей на год и больше и на то на них наложено перед всеми городами в лишке, да они же нанимают под наши хлебные запасы и под вино и под стрельцов, которые посылают в Колской острог по четырнадцати людей и больше на год, а ставится деи им тот отпуск в полторы тысячи рублей, да они же отпускают мелких судов в Кевролу и на Мезень и в Пустоозеро и в Соловки и в Кондалажской монастырь и на устья под караулы под сотников стрелецких и под стрельцов и под корабельных вожей и вверх по Двине к Осиновскому яму каюков и корбас по сту и больше, и те де отпуска ставятся им в пятьсот рублей и больше, да они же де на Березовое устье к Ильину острову на заставу для сторожи корабельного приходу отпускают барок по двенадцати и больше с якоры и с конаты, а ставится тот отпуск в четыреста рублей и больше, да они же де отпускают от Архангельского города с Колмогор до Осиновского яму досщаников по сороку и больше с нашими узорочными товары и со всякою нашею казною и под иноземцы, а ставятся де те отпуска по шти тысячь рублей на год и больше, а на Двине де на посаде и в уезде всего восемь сох и из того де числа после писцов запустело у них полторы сохи и больше. Да в прошлом де во 142 году по нашему указу послана к вам наша грамота а велено вам от Архангельского города наши пушки с ядра, которые привезл на кораблях голанец Томас Романов отпустить, и наем велено дать из нашии казны и ты де Григорей да диаки Микифор не дождався нашего указу под те пушки и

ядра доправил на них посадских и уездных людей
восемь досщаников и больше и с судов снасть с
носовщиики и с кормщиики, да триста двадцать человек
тяглых людей вверх до Осиновского яму, а иные де
пушки и ядра у Архангельского города выставили из
кораблей в амбары.

Вотъ поднималъ онъ корыгѣ изъ подъ снѣга,
 И ударилъ корыгой по хворостѣ.
 И медвѣдь зъ арѣбѣлъ, — такъ что дерево
 Надъ берлогой его закачалось, —
 Показалъ онъ башку желтоглазую,
 Былъ онъ изъ берлоги съ огладкою,
 А быкомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
 А полѣзъ — угодилъ на рогатину.

7. Ламокишъ.

И тех пушек и ядер продить (вероятно, "проводить") им не можно потому посадские и уездные люди разбрелись врознь и судов взять не на ком, а тот де им отпуск и что наряд выставили из кораблей в амбары ставится в шестьсот в восемьдесят пять рублей. Да в нынешнем во 143 году была у них с моря буря ветер велик на островах многие волости водою потопило, хлеб и сено водою разносило, людей и скота много погибло, у Архангельского города и на Колмогорах многие люди и дощаники и всякие суды бурею розбило и посадские и уездные людишко в конец погибли, а верстальные стоят на правеже в податех, а искупиться никоими обычаи не мочно и нам бы их двинян пожаловати велети тех пушек и ядер судовые отпуска и роботных людей наймы, что выставливали у Архангельского города с кораблей в амбары шестьсот восемьдесят пять рублей зачесть в данное и в оброчные деньги нынешнего 143 году, чтоб им оттого и достальным врознь не разбрестись и наших служб не отбыть. И мы двинян посадских и уездных людей пожаловали вперед что из-за моря к Архангельскому городу на нас лушки и пушечные всякие запасы и зелье и свинец велели отпускать на наемных судах, а наем велели есмя давать из нашии казны, а с двинян с посадских и уездных людей под наши пушечные и всякие запасы подвод и судов и людей без нашего указу имати есмя не велели. И как к вам ся наша грамота придет и вы б тотчас велели выписать из расходных книг с трех годов подлинно порознь с тех мест, как начали двиняне посадские и уездные люди наши пушечные всякие запасы возити своими наемными людьми и в своих судах сколько у них на те расходы в котором году вышло, а выписав о том к нам отписали подлинно и роспись прислали ты

Тимофей за своею приписью а отписку велели отдать в Новгородской чети печатнику нашему и думному дьяку Ивану Тарасьвичу Грамотину с товарищи, а вперед бы есте наши пушки и пушечные всякие запасы и зелье и свинец, что привезут из-за моря к Архангельскому городу на нас и которые ныне привезены у города, вслели бы есте отпустить с Двины по нашему указу наймом из нашия казны, а наймовали есте под те наши пушечные и всякие запасы вправду, как бы нашей казне было прибытнее, а лишнего наемщиком найму давати не велели, а без нашего указу с Двины с посадских и уездных людей иод наши пушечные всякие запасы подвод и судов и людей имати не велели" (Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, N 65, свиток 68 - 743 года).

83 Так, по свидетельству Аделунга, "кречеты были в особом уважении у якутов, которые называли их Урун Кири, т. е. белый сокол. По причине их быстрого полета они уподобляли этих птиц молнии и считали их вестниками небесной воли. Ежели случалось, что кречет попадет в сети, поставленные для других птиц, они, опасаясь прикоснуться к нему голыми руками, освобождают его из сетей палочками или другим способом" (Аделунг, стр. 217).

84 Сохранилось весьма много свидетельств о награждении помытчиков за привоз на государеву кречатню ловчих птиц. Награды эти обыкновенно состояли из сукон разного достоинства и ценностей: за лучших кречетов жаловались сукна английские, а за других птиц – более дешевые. Что награды состояли в большинстве случаев именно из сукон, явствует хотя бы из следующей челобитной двинских кречатых помытчиков, относящейся к 1660 г.:

"Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу быют челом сироты твои Двинские кречатьи помощники Алешка Жилин с товарищи десяти человек в нынешнем государь во 165 году приволоклися мы сироты твои к тебе Великому Государю к Москве с твоею Великого Государя с кречатною казною и с кречатами Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец пожалуй нас сирот своих вели Государь дати своего Великого Государя жалованья противу твоих Великого Государя прежних кречатых помощников сукнами Царь Государь смилуйся пожалуй" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 162 - 7169 г.).

Нет никакой возможности определить, существовала ли какая-либо норма размера вознаграждения за те или другие виды привозимых помытчиками ловчих птиц; скорее, судя по имеющимся документам, можно сказать, что таковой нормы не было. Приводить все известные нам случаи жалования помытчикам наград считаем излишним; приведем только первую и последнюю выдачу таких наград в период царствования каждого из царей описываемой эпохи. По сохранившимся документам первый случай награждения помытчиков при царе Михаиле Феодоровиче относится к 1614 году, когда 30 марта холмогорские помытчики, Тренка Гостев с товарищами, получили за подкрасного кречета 3 $\frac{3}{4}$ аршина английского лазоревого сукна, ценою в 1 р. 19 алтын, да за два подкрасных же и за 5 серых кречетов - 5 портищ рославского червчатого сукна, по 27 алтын 4 деньги портище (там же, кн. 199, л. 382). Последний случай при царе Михаиле Феодоровиче относится к

1642 году, ноябрю 30, когда переяславль-залесский соколий помытчик Трофимка Фомин получил 4 аршина сукна настрафия лазоревого, ценою в два рубля, за подкрасного кречета (там же, кн. 298, л. 41). При Алексее Михайловиче в первый раз было выдано, судя по дошедшим до нас документам, 31 мая 1655 года сибирским кречатым помытчикам Кучюсу Маметю Итееву, Кочюгаю Кизилбаеву, Беметю Кадаулову и Тенею Итееву за привоз птиц по 4 аршина сукна анбурского, ценою по 16 алтын аршин (там же, кн. 309, л. оборотн. 102).

В последний же раз в 1670 году, сентября в 4 день, получил за то же сукно доброе сибирский Тобольского уезда, Тарханского острожка помытчик, татарин Тлешко Кильдисанов (там же, столб. 431 – 7179 г.).

В более редких случаях выдавались помытчикам за привоз ловчих птиц и деньги. Так, в 1614 году холмогорскому помытчику Тренке Гостеву с товарищами выдали 80 алтын денег за два челига кречатых (там же, кн. 199, л. 382).

Однако следует заметить, что награждение за провоз ловчих птиц производилось обыкновенно только в тех случаях, когда количество привозимых экземпляров превышало количество положенное, составлявшее, так сказать, известную подать, налог государственный за те льготы, которыми пользовались помытчики. Говорим это на основании того, что во многих документах, трактующих о подобных награждениях, встречается фраза: "за переплатные сверх окладу птицы" (там же, кн. 295, л. оборотн. 101, кн. 298, л. 41 и др.). Также подтверждением сказанного служит то обстоятельство, что когда в 1666 году ростовские сокольи помытчики Костька Плешивов с товарищами били царю Алексею Михайловичу челом о

выдаче им государева жалованья по-прежнему, то по справкам оказалось, что тем ростовским помытчикам это жалованье было выдано в 1661 и 1663 годах, а в 1664 и 1665 годах выдано не было (там же, столб. 626 – 7174 г.).

Награды собственно за факт привоза ловчих птиц на государеву кречатню выдавались только сибирским помытчикам, вероятно, вследствие трудности переезда с далеких окраин в столицу государства. В документах о жаловании сибирских помытчиков постоянно встречаем один и тот же мотив: "за сибирский приезд" (там же, кн. 309, л. оборотн. 102, кн. 317, л. оборотн. 127 и др.). "За сибирский же приезд" жаловались и лица, прибывавшие в Москву во главе партии помытчиков и не состоявшие на службе в учреждении царской охоты. Так, 11 января 1668 года было дано 4 аршина полукармазина-сукна, ценою по 1 рублю за аршин, тюменскому сыну боярскому Сергею Ушакову (там же, кн. 322, л. 107), 10 февраля того же года верхотурскому стрелецкому десятнику Булакину – 4 аршина сукна анбурского, ценою по 16 алтын 4 деньги аршин (там же, кн. 322, л. 126). 7 марта 1670 г. тобольскому сыну боярскому Василию Черкасову – сукно доброе (там же, столб. 227 – 7178 г.) и т. д.

За привоз ловчих птиц в государеву охоту выдавались в описываемую эпоху нередко награды и лицам, не причастным сокольничьему пути и привозившим ловчих птиц по своей охоте. Так, 17 февраля 1623 года канинский самоедин Семейка Войтеков получил 5 аршин сукна лядчины лазоревой, ценою в 8 алтын 2 деньги за аршин, за поднесение царю кречетов и рыбьего зуба (там же, кн. 208, л. оборотн. 204). 11 марта 1627 года Вытяговского погоста Новгородского уезда крестьянин Иевка

Маковеев получил 4 аршина сукна лядчины лазоревой, ценою по 6 алтын 4 деньги за аршин, за поднесение царю Михаилу Феодоровичу серого кречета (там же, кн. 282, л. 214). 27 февраля 1629 года канинским самоедам, Сенке Вотееву и Андрюшке Еншину выдали по 4 аршина сукна настрафиля червленого, ценою в два с четвертью рубля портище, за поднесение царю 5 кречетов, а 3 апреля того же года мезенцу Сазонку Ванюкову дали два портища такого же сукна за двух кречетов и одного челига кречатья крапленых да за пять кречетов и двух челигов кречатых серых (там же, кн. 284, л. 256). 11 апреля 1633 года уже упомянутому выше Иевке Маковееву, именуемому в касающемся этого документе охочим кречатым помытчиком, выдана за кречета крапленого 5 аршин, а за кречета серого – 3 аршина лядчины лазоревой (там же, книга 288, л.оборотн. 375). 9 мая 1660 года татарину Овесбаху Кулмаметову дано 4 аршина сукна английского, по 22 алтына 4 деньги аршин, да 4 аршина тафты зеленой, в ту же цену, всего на сумму в 5 рублей 44 копейки "за приезд, что он едучи из Тобольска к Москве берег кречетов и чегликов кречатых и кормил, а пожаловал Государь его в приказ, а не в оклад" (там же, кн. 314, л. 320) и пр. и пр.

Награды выдавались не за одних только ловчих птиц, составлявших соколиную охоту царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. 28 мая 1657 года человеку князя Юрия Ивановича Ромодановского было выдано 4 аршина сукна темно-зеленого полукармазину, ценою по 30 алтын аршин, за поимку орла (там же, кн. 311, л. оборотн. 237), а 6 августа следующего 1658 года сокольнику Карпу Григорьеву дано доброе английское сукно "за чаплю" (там же,

столб. 172 – 7166 г.). О помытчиках и доставке птиц см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 111 – 7140 г. и столб. 53 – 7165 г.; б) Арх. Мин. ин. дел, Дела приказные, № 65, свиток 68 – 7143 г.; в) Акт. ист., т. IV, стр. 180, № 64 и стр. 314 и 315, № 164; Дополн. к Акт. ист., т. IV, стр. 312 и 313, № 127; т. V, стр. 435, № 101; т. VI, стр. 369–373, № 124, III.

Приведем в хронологическом порядке грамоты помытчикам: от 1632 года, февраля 7 дня, до нас дошли сведения о принятии птиц на Государеву кречатню, причем в сведениях этих указывалось, между прочим, на нерадивость двинских помытчиков. Документ этот гласит, что "велено взять на Государеву кречатню у Двинских кречатых помощников у Михайла Лукьянова с товарищи кречатов и чегликов на нынешний на 140 год кречет цветной большой молодик, два кречета подкрасные большие молодики, чеглик кречатей подкрасный дикомыт, пять кречетов кропленных больших дикомыты, три чеглика кречаты кропленные дикомыты осмнадцать кречетов серых больших молодиков, двадцать чегликов кречатых серых, всего всех пятьдесят птиц и по Государеву указу взято на Государеву кречатню у Двинских кречатых помощников у Михайла Лукьянова с товарищи оброчных кречатов и чегликов на нынешней на 140 год два кречета подкрасные девять кречетов и чегликов кропленных дикомыты осмнадцать кречетов больших серых молодиков шестнадцать чегликов серых молодиков, да у тех же помощников взято пять птиц, перье которые птицы дорогою от дальнево пути побились а преж сего в прежних годах приваживали Двинские кречаты помощники на Государеву кречатню кречатов и чегликов и ястребов белых, птиц по сту и по сту по пяти, и по сту по шести и больши, а

ныне Двинские кречатьи помощники своим воровством птиц привозят все мелкие, а лутчих птиц красных и подкрасных и кропленных лутчих кречатов привозят не по многу воровством и о Государеве о кречатьи помчи не радеют а ходят за иными своими промыслами или будет и кречатов добывают много и из тех кречетов лутчие птицы выбирая продают или отдают кому тайно в подарках за море в иные земли на подаркиж и за их воровством на Государеве кречатне птиц ныне кречатов красных и кропленных и больших кречатов лутчих и серых мало в Государеву проезжему полю к потехам лутчих птиц нету и во Царьгород, и в Кизылбаши и в Крым и в иные во многие Государства от Государя в поминках с послы посылати нечего и по Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Росии указу дьяком Боиму Болтину, да Дементью Образцову велети послать Государева грамота на Двину к стольнику и воиводе ко князю Василью Ахамашукову Черкасскому и к дьяку чтоб вперед Двинские помощники привозили на Государеву кречатню кречетов красных и подкрасных и кропленных и серых больших добрых против прежнего по сту и по сту по пяти, и по сту по шти птиц и велети послать для кречатей помочи помотников лутчих за Государевым за крестным целованием и для надсмотру велети за ними на кречатьи промыслы кого будет пригоже чтоб мощно кому было верить за крестным же целованием и велети к Москве привозити птицы помощником и целовальником по годом чья очередь дойдет в котором году а не одним всегда, а то привозят к Москве по вся годы одни помощники без перемены. А будет учнут впредь двинские кречатьи помощники привозити на Государеву кречатню не против прежних больших привозов и Государь велит на них птицы доправить

против Большого привозу".

Соответственно этому была составлена царская грамота на Двину, причем присовокуплялось, что "будет кречатьи помочники учнут воровати нашим (Государевым) делом птичьим промыслом промыслять оплошно или лутчими птицами корыстоватца а прото их воровство сыщетца и от нас тем помочником за то их воровство быти в великой опале и в казни а одноличноб вам (воеводам) о том птичьим помочником заказ ученить с великим укреплением" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. Но 111 – 7140 г.).

В 1634 году, декабря 17, вновь была послана на Двину царская грамота приблизительно о том же. Упомянув о содержании грамоты предшествовавшей, царский указ гласит, что "в нынешнем во 143 году кречат и чегликов декабря по 17-е число нисколько не присылавали, а на нашей кречатне кречетов и чегликов мало и в иные государства кречетов и чегликов послано че.... И как к вам ся наша грамота придет и выб тотчас кречатьим помочником (вероятно, пропущено слово "сказали") что они на нашу кречатню кречетов и чегликов по морскому берегу и по рекам добыли, велели привести к себе, а как они к вам наши кречаты привезут, и выб тотчас те кречаты и чеглики прислали к нам к Москве с кречатьи помочники и с целовальники, а с кем именем те кречаты к нам пошлете и выб им приказали накрепко, чтоб они ехали на спех Двиною, кречаты и чеглики везли бережно, чтоб те птицы дорогою не побились, и до Москвы довести здорово и на дороге их птиц не переменили и никому не отдавали, и с кем именем те птицы пошлете, и вы б о том к нам отписали и отписку велели отдати и птицы объявити и кречатьим помочником и целовальником явиться в новгородской чети печатнику,

нашему и думному дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину с товарищи. А одноличноб есте кречаты и чеглики, что добывали кречаты помочники на нашу кречатню прислали с кречаты помочники и с целовальники тотчас не мешкая ни сколько" (Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, Но 65, свиток 68 – 7143 г.).

От времен царя Алексея Михайловича сохранилась челобитная царю Ивана Милославского об обидах, нанесенных сокольникам, посланным с птицами, со стороны крестьян Важского уезда:

"Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу холоп твой Ивашка Милославский челом бьет, нынешнем Государь году в твоей великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца грамоте из приказу твоих Великого Государя Тайных дел прислана ко мне холопу твоему Ивашку, по твоему Великого Государя указу посланы с Москвы на Двину для твоего Великого Государя птичьего промыслу сокольники Семен Отдавлетов да Потап Петров, а о чем Государь они учнут мне холопу твоему говорить и мне им говорить и о тех твоих Великого Государя делах радети, против прежнего Твоего Великого Государя указу, а как они поедут со птицами с Колмогор к Тебе Великому Государю к Москве и им велено дать подводы и отпустить к Тебе Великому Государю безо всякого задержанья. И в нынешнем Государь году с ноября по 14 число кречатьи помочники Осташко-Коркавцев с товарищи привезли с Терской стороны твоих Государевых 104 птицы кречетов и челигов, да дву птиц перья да три сокола и сокольники Семен Отдавлетов да Потап Петров нам холопом твоим говорили, чтоб им по Твоему Великого Государя указу под те птицы да в подводы и птицам корм, с Колмогор отпустить его Потапа с теми птицами и с помочники к Тебе Великому Государю к Москве по прежним Твоим Великого Государя указам..... до Вологды и по твоему Великого Государя указу и по проезжей грамоте, какова прислана на Двину в прошлом... с Твоего Великого Государя со стану деревни Малые Кржыни, за твоими Великого Государя красными печатми, за приписью дьяка Дементья Башмакова, по городам к воеводам и к диаком под те

твои Великого Государя птицы соколнику Потапу Петрову да с ним помочником Осташку Коркавцеву с товарищи, да в подводы с Колмогор и корм птицам до Важеского уезду отпустили к тебе Великому Государю к Москве до Вологды через Важеский уезд против прошлых лет, как наперед сего птицы отпускали. А приказывали мы холопы твои ему Потапу и помочником его накрепко, чтоб они те Великого Государя птицы дорогою везли бережно и ямщикиб ящиков со птицами осматривали б с великим береженьем, чтобы Государь оттого твоим Великого Государя птицам, ни какие порухи не было.

Ямщику учнут..... осматривать небрежно или где к тому учнут им со птицами задержание какое чинить и он бы Потап и помочники на тех извещали и по тому их извету велено сыскав чинить тем людям наказание безо всякие пощады. А ту твою Великого Государя проезжую грамоту за красными печатми отдали для проезда ему же Потапу, и ноября Государь в 19 день писал к нам холопом твоим из Важского уезду из Березниковской волости соколник Потап Петров, что ему Важскому уезду земские судейки и сотские и волостные крестьяне Ивашко Резанов с товарищи в волости на Березнике птицам корму и подвод через Важской уезд до Вологды не дали и оказали ему невежливо и говорили что им и впред наших холопей Твоих подорожных не слушать и никому по подорожным подвод не давать и его Потапа били и Твою Великого Государя птицу держанного кречета с руки сбили и та де твоя Великого Государя птица ныне... Артюшка Гаврилов который привез от него Потапа к нам ко холопам твоим записку сказал что де Государь та твоя Великого Государя птица кречат держаной, от побоев Важеских крестьян перед поездом

свалился и твоей Великого Государя проезжей грамоты что за красными печатми не послушали во всем отказали, подвод и корму птицам через Важеской уезд до Вологды не дали и Ивашко Резанов меня холопа твоего Ивашко бранил и мы холопи твои посылали с Колмогор в Шенкурское пристава, и о том к Шенкурским судейком писали, чтоб они по твоему Великого Государя указу, под те твои Великого Государя птицы подводы и корм птицам, соколнику Потапу Петрову дали и отпустилиб его с теми твоими Великого Государя со птицами к тебе Великому Государю..... давать и учнут задерживать и о том что ты Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержец нам холопам своим укажешь" (Госуд. арх., разр. XXVII, No 52).

К сожалению, царская по этой челобитной резолюция нам неизвестна.

От 1653 года, марта 20 дня, сохранилась нижеследующая царская грамота в Сибирь, на Верхотурье, воеводе Измайлову по поводу отправки в Сибирь сокольников и помытчиков из Москвы:

"От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси, в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Льву Тимофеевичу Измайлову да подьячему Михайлу Посникову. Писали есте к нам, что по нашему указу посланы от нас, с Москвы, в Сибирь, в Тоболеск, для кречатьей ловли, наши сокольники и помочники Михей Тоболин, Игнатий Кельин с товарищи, и те де наши сокольники и помочники Михей Тоболин с товарищи проехали из Казани в Сибирь, в Тоболеск, степью через Верхотурской уезд, не занимая Верхотурья верст с чотыреста через новую Верх-Чусовскую слободу, а нашу де грамоту привез к вам из Туринского острогу

Казанский стрелец Юшка Тяпкин, который послан был с ними сокольники и с помочники с Михеем Тоболиным с товарищи из Казани в Сибирь, для проезду, в толмачех; и тот де Казанский стрелец Юшка Тяпкин сказывал вам: как де ехали наши сокольники и помочники Михей Тоболин с товарищи из Казани, не займужа Верхотурья, степью, и в Верхотурском де уезде, в Невьянской слободе, приказчик Ларион Одинцов подвод им не дал, и они де из Невьянской слободы до Туринского острогу подводы наняли, дали сорок алтын. И мы указали того Невьянского приказщика Лариона Одинцова за то, что он нашим сокольником и помочником Михею Тоболину с товарищи подвод не дал, а наняли они от Невьянского острогу до Туринского подводы собою, на Верхотурье бить кнутом и от приказу его отставить, а на его место послать иного, кого пригоже. И как к вам ся наша грамота придет, и выб Невьянскому приказчику Лариону Одинцову, что он нашим сокольником и помочником подвод не дал, и они подводы наймовали собою, велели на Верхотурье учинить наказанье, бить его кнутом и из приказчиков отставить, и на его место велели бы есте в Невьянской слободе быть в приказщиках кому пригоже, до нашего указу; а как вы Лариону Одинцову, по нашему указу наказанье учените и кому имянем в Невьянской слободе, на его место, в приказчиках быть велите, и выб о том отписали к нам, к Москве, а отписку велели подать в Сибирском Приказе, боярину нашему князю Алексею Никитичу Трубецкому, да дьяком нашим, Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву" (Акты историч., т. IV, стр. 180, No 64).

Окружная царская грамота воеводам и приказным о провозе ловчих птиц, отправляемых из Сибири в

Москву, относящаяся к 1662 году, февраля 24, гласит:

"От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, от Москвы по дорогам до Сибирских городов, до Верхотурья и до Тоболска, по городом воеводам нашим и приказным людям. По нашему Великому Государю указу велено Сибирским кречатым помытчиком с нашими птицы из Сибири ездить к Москве, по вся годы, зимним путем: и на которые города Сибирские кречатьи помытчики с нашими птицы учнут ездить к Москве, и воеводам нашим и приказным людям тем помытчиком под наши птицы велеть давать подводы, сколько надобно, и отпускать их к Москве тотчас без задержания; а будет воеводы наши и приказные люди учнут им кречатым помытчиком со птицы чинить задержание, и от того нашим птицам учинится какая поруха, и тем от нас Великому Государю за то быть в великой опале и в наказанье, и поместья их и вотчины отписаны будут на нас Великому Государю. Да ведомо нам Великому Государю от помытчиков: как они с нашими птицами ездят к Москве, и в городех и по дороге на ямах ямщики тех наших птиц осматривают, и сани поднимают и опускают не бережно, и дорогою ездят скоро и от того птицы помирают, и воеводам нашим и приказным людям кречетым помытчиком и ямщиком приказывать накрепко, чтоб они наши птицы дорогою возили бережно, и сани осматривали с великим бережением, и везли тех наших птиц к Москве не скоро, чтоб от того нашим птицам порухи никакия не было; а будут ямщики учнут сани осматривать не бережно и дорогою ездить скоро, и помытчиком про то извещать в городех воеводам и приказным людям, и по-таму их извету сыскивать: да будет от того небереженья нашим птицам учинится поруха, и по

сыску ямщиком за то учинить наказанье, бить кнутом, чтоб им вперед нашему Великому Государю указу быть противным не повадно было, да в нынешнем же во 170 году из Сибири присланы к нам к Великому Государю к Москве, наши птицы с Сибирским Татаринном с Азбакеем Килмаметевым (в рукописях Общ. Арх. Мин. Двора – "Овесбах Кулмаметов") и с помытчики, и те птицы у них приняты, а они отпущены назад, в Сибирь: и воеводам нашим и приказным людям того Татарина и помытчиков велеть пропускать без задержания-ж и налог никаких им не чинить, а как тот Татарин учнет со птицы к Москве ездить вперед, и о пропуске его к Москве и в Сибирь чинити по сему ж нашему Великому Государю указу. А прочитая сю нашу Великому Государю Грамоту, в городех и на ямах оставливать списки для иных наших воевод и приказных людей, которые в тех городех будут вперед, и сю нашу Великому Государю грамоту отдавать ему Азбакею" (Акты историч., т. IV, No 164, стр. 314 и 315).

Приводим также наказ сыну боярскому Елизару Гаврилову и служилым людям, отправлявшимся в 1662 году, в декабре месяце, из Сибири в Москву с кречетами для царской охоты:

"Лета 7171, декабря в.....день, по государеву царева и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии, и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии, указу, память Тюменскому сыну боярскому Елизару Гаврилову. По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и

Малыя и Белыя Росии самодержца, его великого государя счастием, добыли в Тюменском уезде помытчики птиц шесть кречатов, и те птицы кречаты, по указу великого государя, посланы с Тюмени к нему великому государю к Москве: и ему Елизару с теми кречатами ехать с Тюмени к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, к Москве, и за теми кречатами посланы с Тюмени помытчики, которые тех кречетов добыли; а ехать им Елизару с товарищи с Тюмени по дороге на Туринской острог, на Верхотурье, на Соль Камскую, на Кай город, на Соль Вычегодскую, на Устюг великий, на Тотму, на Вологду, на Ярославль, на Переславль Залеской и до Москвы. И едучи дорогою смотреть тех великого государя кречатов и беречь накрепко, чтоб те великого государя кречаты довести до Москвы здорово, во всем в целости, и некоторые бы птицы своим небрежением без призрения не истеряти и с голоду не поморити, и дурна никакого над государевыми кречатами не учинит; и смотри им Елизару и служилым людям того и беречь накрепко над помытчики, которые с теми кречатами с Тюмени посланы, чтоб они помытчики тех великого государя кречатов смотрели ж и берегли, с великим раденьем, неоплошно, и кормили во уреченное время, в кое время кормить их доведетца. А едучи ему Елизару дорогою, самому беречись от пьянства накрепко и служилым людям и помытчиком пьяного питья и табаку пить и зернью играть, и никаким воровством воровать отнюдь не давать, от всякого пьяного питья и от табаку и от зерни и от всякого воровства и от блядни унимать большим твердым подкреплением, чтоб их служилых людей и помытчиков нерадением и пьянством и от не чистых и

скаредных людей над птицами великого государя, над кречатами, какое дурно не учинилось, и от пьяных и от нечистых людей кречаты б не померли. А приехав им Елизару с товарищи к Москве, подать записки о тех кречатах, и самим с теми Великого Государя кречатами явитца в Сибирском приказе, боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому да дьяком Григорью Протопопову да Миките Юдину, и о том привезсти с Москвы на Тюмень великого государя грамота. А буде Елизаровым, и служилых людей, и помытчиков нераденьем и небреженьем без призрения птицы великого государя кречата истеряютца или с голода помрут, или птицам на корм кречатам учнут покупать худые и мяса не чистые, или кормить станут не во время, или от их пьянства и отнечистых и скаредных людей и от всякого их небреженья над птицами великого государя, над кречатами, учинитца какое дурно, или кречаты умрут, или перья поломают, или что у которые птицы попортитца: и ему Елизару и служилым людям, и помытчиком за то быти от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в великой опале, что о том великий государь укажет. Да емуж Елизару бить челом на Москве великим государем, чтоб войлоки которые обиваны на кречат к Москве, прислать назад на Тюмень потому что в Сибири на Тюмени войлоки из казны великих государей покупают дорогою ценою, да и дабывать не мочно; да и о возках побить челом, буде мочно свезть" (Дополнение к Актам историческ., т. IV, стр. 312 и 313, No 127). От 1667 года, марта 20, сохранилась следующая царская грамота в Ростов воеводе Лугвенову о присылке в Москву спешно помытчиков, с принадлежностями для ловли хищных

птиц.

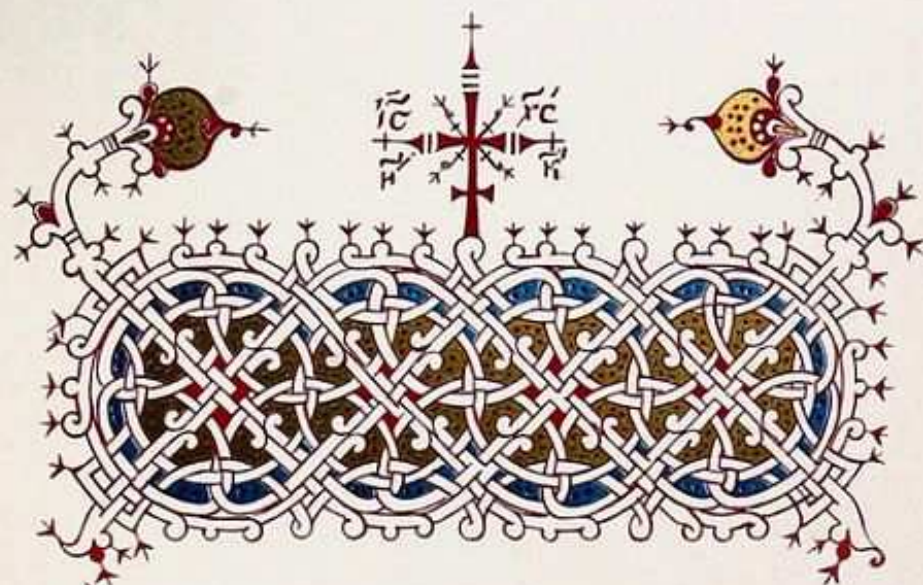
"От Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца в Ростов воеводе нашему Григорью Федоровичу Лугвенову. По нашему Великому Государю указу послан из Оружейного Приказу самопальной Федор Степанов, а велено ему из Ростова взять к нам Великому Государю к Москве в оружейной Приказ Ростовских сокольных помочников Костянтина Плешивого с товарищем со птичьи помчи и поножи тотчас и как к тебе ся наша грамота придет а самопальной Федор в Ростов приедет и ты б Ростовских сокольных помочников Костянтина Плешивова с товарищем сыскав и выслав к нам Великому Государю к Москве совсеми птичьи помчи и поножи... тотчас немотчав ничего недожидаясь о том к себе иново нашего указу да о том отписать, а отписку велеть подать и им Константину с товарищем явиться в Оружейном Приказе к окольничему нашему и оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрово да дьяку нашему Ивану Степанову" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 53 – 7165 г.).

Отписка вологодского воеводы Константина Нащокина об отпуске в Москву привезенных из Холмогор в Вологду кречатов для царской охоты, относящаяся к 1669 году (до 3 декабря) гласит:

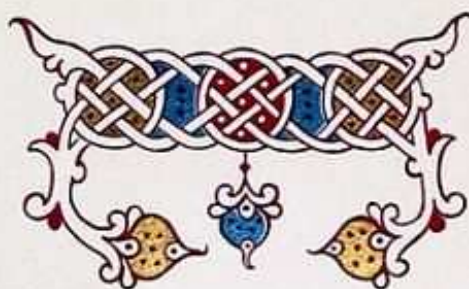
"Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои Костка Нащекин, Сидка Скворцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 178 году, октября в 24 день, по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу, пришло с Холмогор на Вологду водяным путем, твоих

великого государя семьдесят семь кречатов с Колмогорским сотником стрелецким с Степаном Холоповым да с кречатьи помытчики с Ивашкой Капустиным да с Трофимком Ивановым с товарищи, да ноября, государь, в 11 день, в другом отпуску, пришло на Вологду ж с Колмогор твоих же великого государя птиц двадцать два кречата, с кречатьи ж помытчики с Осташкою Коркавцовым с товарищи; а с Вологды государь, тех птиц осенним временем к тебе великому государю к Москве до зимнего пути отпустить было нелзе, потому что грязи были и воды болшие, и чтоб дорогою от болших грязей и от осенней груды тем птицам порухи не учинить; а корм, государь, тем птицам, по твоему великого государя указу и по Колмогорским подорожным, мы холопи твои, на Вологду и в дорогу до Ярославля, кречатым помытчиком Ивашку Капустину с товарищи, велели дать против прежнего по две денги на сутки на птицу, из твоих великого государя четвертных доходов, по чему на Вологде ж на птицу давана корму в прошлых годах: и под те птицы велели построить сани с яшики и с покрывками и обшив рогозами и войлоки, чтоб те птицы довести к тебе великому государю к Москве в целости, с Вологды отпустили с ними ж с Колмогорским сотником стрелецким с Степаном Холоповым и с кречатьи помытчики ноября в 26 день. А на корм, государь, тем кречатым помотчиком Ивашку Капустину с товарищи, на те твои великого государя птицы, да в дорогу до Ярославля на пять дней, тридцать рублей один алтын, да ноября с 11 числа по 26 ж число двадцати двум кречатом на сутки по две ж денги ж на птицу, и того четыре рубли двадцать алтын четыре денги; да под теж, государь, птицы от дела от саней им же кречатым помотчиком

Ивашку Капустину да Осташку Коркавцеву с товарищи от двадцати семи саней тринадцать рублей с полтиною; да к тем же, государь, санем на лес, и на рогозы и на веревки, и на гвоздь на покупку вышло пять рублей шесть алтын четыре денги; и всего, государь, тем птицам, из твоих великого государя четвертных доходов.

ДРУГЪ СКОЛЪЗНУЛА СЪ ПЛЕЧА ЕГО ЦАРСКАГО
 СТОПУДОВАА ЛАПА МЕДѢЖАА;
 РАЗОГНУЛИСЯ КОГТИ И ЗАМЕРАЛИ,
 И МЕДѢДЬ ЗАХРИПѢЛЪ, КАКЪ —
 — УДАВЛЕННЫЙ
 И СБАЛНАСА ОНЪ НА БОКЪ КОЛОДОЮ.

Н. Я. Мокиш...

Мы холопи твои на корм и от саней и от дела и на лес и на рогозы и на веревки и на гвоздье дали пятьдесят три рубли одиннадцать алтын четыре денги. И в тех денгах у кречатых помотчиков взяв росписку за их руками, под сею отпискою за моею холопа твоего Сидкиною рукою послали мы, холопи твои, к тебе великому государю к Москве; а отписку, государь, и росписку велели подать и птице объявит в Приказе Новгородские чети, твоему великого государя боярину Афонасию Лаврентевичу Ардину Нащокину да твоим великого государя думным дьяком Гарасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову с товарищи" (Дополнение к Актам историческим, т. V, стр. 435" No 101).

Сохранилась царская грамота, от 3 марта 1675 года, в Тобольск боярину и воеводе Петру Михайловичу Салтыкову о добавочной присылке ловчих птиц:

"От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, в Сибирь, в Тоболеск, боярину нашему и воеводам Петру Михайловичу Салтыкову да столнику Ивану Федоровичу Пушкину, да дьякам нашим Федору Протопопову, да Григорью Михайлову. В прошлом во 180 году, июня в 7 день, послана наша великого государя грамота в Тоболеск, к боярину нашему и воеводам ко князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищи, велено из Сибири из Тоболска и из иных Сибирских городов присылати к нам великому государю к Москве птиц кречатов красных, что даст Бог уловлено будет, да серых по десяти кречатов, да по пятнадцати челигов кречатых на год. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б прислали к нам великому государю, сверх прежнего нашего великого государя указу, пятнадцать кречатов да пятнадцать челигов кречатых, опричь красных и

цветных и что ныне к Москве отпущено. А будет столко ныне в улове кречатов и челигов кречатых ныне, и вы б велели в Тоболску и в иных Сибирских городех кречеты и челиги кречатыи промыслять с великим раденьем и присылать к нам великому государю наспех; а впредь велеть кречатов и челигов кречатых красных и подкрасных и цветных и кропленных ловить по сколку Бог даст и присылать к нам великому Государю к Москве, а серых по тридцати кречатов и тридцати же чегликов кречатых на год; а в Сибирские города, в которых ловят кречаты, велел ты боярин наш и воевода Петр Михайлович от себя о том отписать тотчас" (Дополнение к Актам историческим, т. VI, No 124–1).

Наконец, весьма интересна нижеследующая справка о сибирских кречатых помытчиках 1668–1676 годов.

"В прошлых годех были в Тоболску в кречатных помощниках всяких чинов люди и велено им быть по государевым грамотам, а иные верстаны в Тоболску, да во 176 году: Литва: Гришка Измайлов, Васка Изотьев, Петрушка Гагин, Микитка Мелников; рейторы: Григорий Крушинской; конные казаки: Исачко Котин, Якимко Крушинской, Микитка Мелников; стрелец Мишка Ярков, Савинко Ворогушин; пешие казаки: Офонка Полуянов, Шумилка Палкин, Нефедка Павлов; служилые Татара: Ешко Кутабердеев, Алмеметько Алмеметев, Тоненко Итиев; пашенные оброчные крестьяна: Стенка Ярков, Кирилка Полуянов, а оброку на них четь ржи, и те служилые люди и крестьяне промысляли на великих государей кречатов по розным местам, а в которое время служилые люди своею братею никаких служеб не служат, и караулов не караулят, изделий никаких не делают, а крестьяне

оброчного хлеба в казну великих государей не платят, изделий не делают. Да Тоболского уезду в Ашлыцкой и Тарханской волостях ясашных людей кречатников 31 человек, а ясаку на них по окладу на 96 рублей на 24 алтына с человека, против 3 рублей 4 алтын, а у них во 174 году по переписке детей и братьей 21 человек. В Капнинской волости ясашных Татар помощников 4 человека, а ясаку на них на 12 рублей на 23 алтына на 2 денги с человека, против 3 рублей 3 алтын 2 денег с пол 1 денги, а у них по переписки 174 году детей и братьей 7 человек. А в прошлых во 162 и во 165 годах в дву великого государя грамотах писано в Тоболек к столникам и воеводам ко князю Василью Хилкову да ко князю Алексею Буйносову Ростовскому с товарищи, по челобитью тех трех кречатных волостей ясашных Татар, которые ясак платили, и им велено добывать на великих государей кречатов за весь полной ясак; и в котором году кто на кречатей ловле будет, и на тот год ясаку с них имать не велено; а в котором году кто или все на кречатей ловле не будут, и на тот год ясак велено имать с них по окладам их сполна против прежнего. Да в прошлом же во 167 году, в грамоте великого государя писано в Тоболек к боярину и воеводам ко князю Ивану Андреевичу Хилкову с товарищи, по челобитью Тарханской волости кречатных помочников ясашных Татар, а велено их кречатных помочников из Тоболска к великим государем к Москве с кречеты отпускать для кормли и береженья самих, кто в котором году сколько птиц помкнет, а без них кречатов велено промышлять братье и детем их или товарищем, которые за тем у них останутца, и кому такое дело за обычай, чтоб без них кречатья ловля не стала. И в прошлом во 176 году, по приговору столника и воеводы Петра Годунова с

товарыщи, служилые Русские люди и служилые же и ясашные Татаровя крестьяне от кречатьей ловли были отставлены, и служилые русские люди и Татара служили государеву службу по прежнему, а пашенные крестьяне пахали оброчной хлеб; а в те их места в кречатьи помочники прибраны были вновь из охотников всяких чинов русских людей 28 человек, а оклады им вновь учинены по 5 рублей человеку, и те кречатьи... со 177 по 179 год промысляли на великих государей кречетов по разным местам. И в прошлом во 179 году, февраля 17 день да в 23 числах, в дву великого государя грамотах писано в Тоболеск к боярину и воеводам ко князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи, по челобитью оставленных кречатых помочников Ашлыцкие, Тарханской, Капканинской да Кречатьи волостей, и Агицких и Ваганских ясашных Татар, а велено тем Татаром кречатым помочником, которые в прошлых годах ловили на великих государей кречетов до приезде в Тоболеск столника и воеводы Петра Годунова, ловить им кречаты по прежнему, а новых кречатых помочников, что построил Петр Годунов, от кречатьи ловли отставить, и с Татарских земель их свести и быть им в тех же службах, где кто был. И в прошлом же во 179 году апреля.... 4 день, по приговору боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Репнина с товарыщи, велено ясашным татаром, по государеве грамоте, кречетов промыслять по прежнему, а ясаку с них, которые будут для промыслу на кречатьей ловле, не имать, для того в грамотах великого государя в прошлом во 162 и во 165 годах писано в Тоболеск: с кречатых помочников, в котором году будут на кречатье ловле, и с них ясаку имать не велено; а которые на кречатье ловле не будут и которые и будут, а в поиске (поймке?) у них птиц не будет, и с

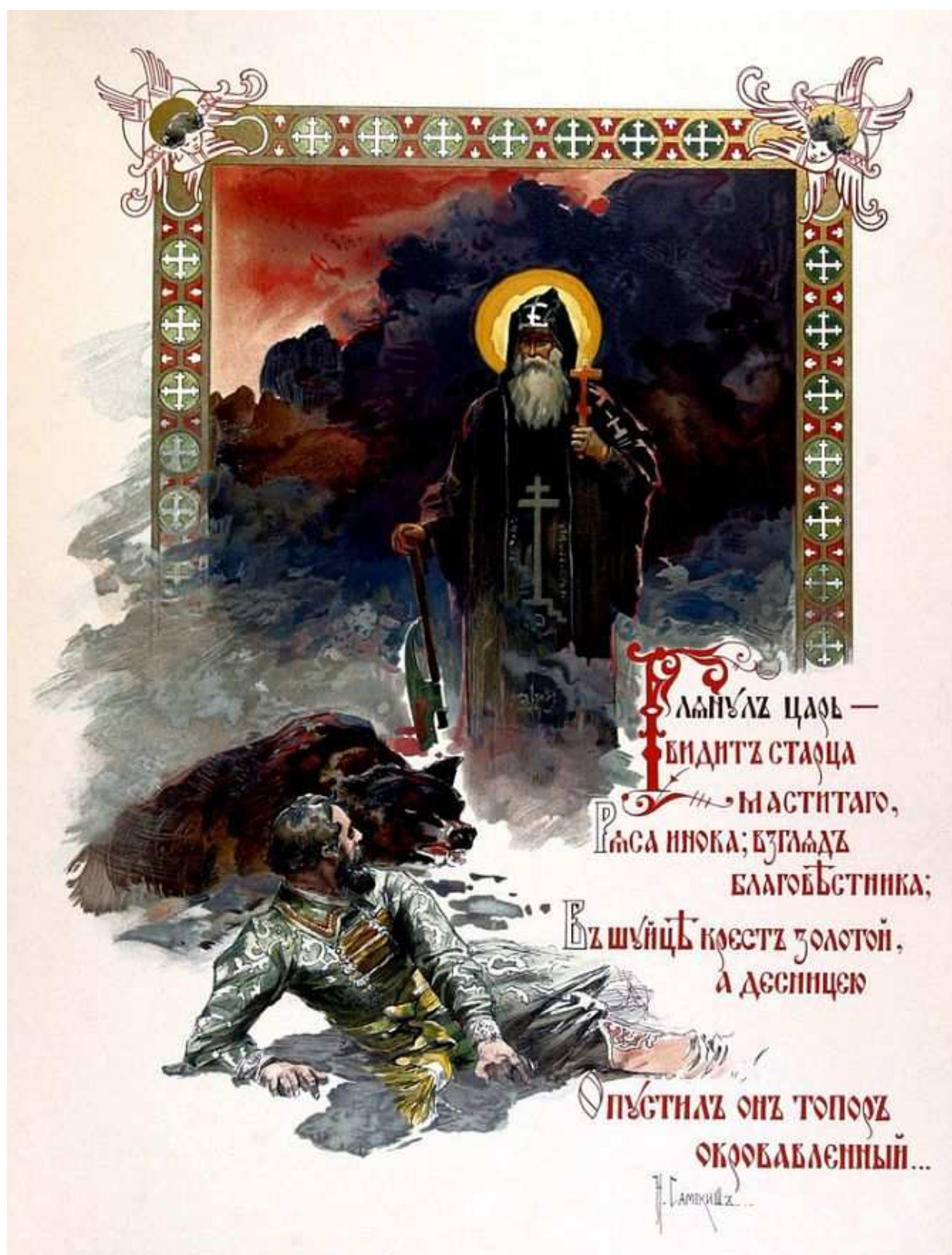
них ясак имать-ли о том писано о указе к великим государем к Москве. Да Тоболского розряду в городех и в слободах кречатых помочников; на Тюмени 3 человека конных козаков, 20 человек козачьих детей, 3 человека посацких людей, оброку они платили по 30 алтын на год, и человек захребетной Татарин, 8 человек пашенных и оброчных крестьян, а оброку на них было 59 четьи с третником ржи, овса тож, и человек пашенной крестьянин, а десятинной пашни на нем было полдесятины с получетью и полполчети в поле, а в дву по томуж; да в Тобольского уезду в слободах: в Исецком остроге 12 человек, а верстаны они в помочники во 168 году, 1 человек приказчиков сын, 10 человек драгунских и беломестных козаков дети, 1 человек пашенной крестьянин, а десятинной пашни отец его пахал десятину в поле, а в дву потомуж; в Беляковской слободе 8 человек, а верстаны они в помочники во 176 году, 6 человек из беломестных козаков, и человек ямщик, и человек беломестного казака сын; в Куярской слободе 5 человек, а верстаны они в помощники во 176 году, 3 человека крестьянских детей, а десятинные пашни пахали с отцами своими и с братьями полдесятины без получети в поле, а в дву потомуж, 2 человека из гулящих людей; в Ялutorовской слободе 7 человек, а верстаны они в помочники во 172 и во 176 годах, 4 человека драгунских беломестных козаков дети, 3 человека из гулящих людей; в Нижней Ницынской слободе 8 человек, а верстаны в помочники во 176 году, и человек из драгун, 7 человек из пашенных крестьян, а десятинной пашни пахали 2 десятины в поле, а в дву потомуж; в Терсюцкой слободе 2 человека, а верстаны они в помочники в 177 году, беломестных козаков дети; в Бешкильской слободе 2 человека, верстаны они

во 179 году из слободчиковых детей; всего в Тоболске на Тюмени и в слободах кречатых помочников Руских людей и служилых татар ясашных 124 человека; а служили те все кречатые помочники в слободах без денежного и без хлебного соляного жалованья с пашен, а пашни они пахали по две десятины с полдесятиною в поле, а в дву потомуж, а с лишних пашен во 176 году, по переписным книгам детей боярских, иман у них выделной хлеб, а со 176 по 181 год с тех помочников с лишних с тех пашен выделу не имано, потому что земли у них не переписываны. А в прошлом во 181 году сентября в 16 день, в грамоте великого государя писано в Тоболск к боярину и к воеводам ко князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи, а велено из Тоболска и изо всех Сибирских городов присылать к великим государем к Москве птиц кречатов красных, что даст Бог уловлено будет, а серых по 10 кречатов да по 15 челигов кречатых на год, а кречатых помочников устроить кем бы сколько птиц добыть мочно и выбрать в кречатые помочники тех людей..... их будет; а которые кречатные помотчики Руские люди и Татара за тем будут в лишки, и Руских людей написать в прежние чины, кто из какого чину взят был, а Татар в ясашный платеж и в Сибирские города, в которых ловят кречаты, о том писать. И в прошлом же во 181 году против той великого государя грамоты, по приговору боярина и воевод князя Ивана Борисовича Репнина, да столника Федора Хрущова, да дьяков Михаила Чярикова да Юрья Блудова, велено быть в кречатых помочниках из кречатых же помочников, которые верстаны из казачьих и из драгунских детей и из гулящих людей, и из захребетных Татар, да ясашным Татаром тем, которым кречатые ловля за обычай и по вся годы кречатов ловят; а служилых

людей и пашенных и оброчных крестьян; которые были в кречатых помочниках и досталных ясашных Татар от кречатя лову отставить и быть служилым человеком в службе, а пашенным и оброчным крестьяном в пашне, а ясашным ясак платить по прежнему, и о том к великим государем к Москве писано. И против приговору писано из Тоболска на Тюмень и в слободы и кречатых помочниках, а велено быть: на Тюмени 20 человеком казачьим детем, и человеком захребетному Татарину, 4 человеком посадким человеком, буде они с своею братьею службы служат, а буде никаких служб не служат и им быть в посаде; в Исецком остроге и человеку приказчикову сыну, и человек беломестных и драгунских детей; в Беяковской слободе 4 человеком казачьим детям; в Куярской слободе 2 человеком гулящим человеком; в Ялutorовской слободе 4 человеком драгунским и беломестных козаков детем да 3 человеком гулящим; в Нижней Ницынской слободе одному человеку драгуну; в Терсюцком остроге 2 человеком беломестных козаков детем; в Бешкильской слободе 2 человеком слободчиковым детем; всего на Тюмени и в слободах велено быть в кречатых помочниках 20 человеком казачьим детям, и человеку прикащикову сыну, 17 человеком драгунским и беломестных козаков детем, 2 человеком слободчаниновым детям, 9 человеком гулящим человеком, 3 человеком посадким, и человеку захребетному Татарину, и всего 54 человека. А кречатником от кречатей ловли отставленным быть в прежних чиних: 8 человек служилых русских людей 3 человека служилых Татар, 6 человек беломестных козаков, 1 человека ямщика, 23 человек пашенных и оброчных крестьян, всего 41 человек. Да во 181 году при боярине и воеводах при князе Иване Борисовиче Репнине с

товарыщи, которым кречатыми помочниками ясашным Татаром быть розбору не было; а во 182 году, по приговору боярина и воевод Петра Михайловича Салтыкова с товарыщи, велено..... ясашным Татарам в кречатых помочниках тем, которые в прошлых годах со 158 да по 181 год помыкали болши дву птиц, а которые помыкали с тех годов птицы по две и по птице и тем велено быть ясачном платеже. И против того приговору.... (здесь в подлинной памяти идут имена кречетых помытчиков, указанные у нас в алфавитном списке чинов охоты под 1674 годом).... Да в прошлом во 183 году, марта в 27-й день, в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в грамоте писана в Тоболеск к боярину и воеводам к Петру Михайловичю Салтыкову с товарыщи, а велено в Тоболску и в иных Сибирских городех промыслять с великим радением кречатов и челигов кречатых, красных и подкрасных и цветных и кропленных, ловить посколку Бог даст и присылать к великому государю к Москве, а серых по 30 кречатов, да по 30 челигов кречатых на год, и в Сибирские города, в которых ловят кречаты велено писать. А в прошлых годах в грамотах великого государя писано в Тоболеск к бояром и воеводам, а велено посылать из Тоболска в волости для посылки на кречатью ловлю и досмотру над кречаты помочники Тоболских детей боярских добрых, кому б кречатья ловля за обычай. И ныне против государевы грамоты, какова прислана во 183 году, кречатов и челигов кречатых, красных и подкрасных, цветных и кропленных и серых, в Тоболску и Тоболского розряду городех и в слободах и в волостях указным и отставным помочником Руских всяких чинов людем и Татаром помыкать-ли и кому быть для высылки и

досмотру над кречатьи помочники в волостях
Тоболским детем боярским и служилым людем о том
что великого государя указ?

184, Октября в 12 день, боярин и воеводы Петр Михайлович Салтыков с товарищи сей выписки слушав, велели по государеву указу кречатов и челигов кречатых, красных и подкрасных и цветных и кропленных и серых, помыкать всем и о том в город отписать и в слободы памяти послать, чтоб все кречатники помыкали с великим радением" (Дополнение к Актам историч., т. VI, No 124–111, стр. 369, 373).

О способах ловли см. Госуд. арх., No 52, разр. XXVII; Катошихин, стр. 70; Аделунг, стр. 220 и др.; Брем, стр. 437.

85 Еще от 1629 года сохранился подтверждающий высказанное документ, по особому интересу которого цитируем его дословно:

"Привод станичного служилого татарина Миткина крестьянин Исенчюрина Васки Иванова с ястребом в посольский приказ и сказка оного крестьянина".

"137-го года Марта в 18 день в посольской приказ к диаком к думному Ефиму Телепневу, да к Максиму Матюшкину привели с купчинина двора, где стоят кизылбашские купчины стрельцы Микитина приказу Бестужева Осташко Васильев, да Иванова приказу Головленкова Ивашко Ильин посольского приказу станичного служилого татарина Миткина крестьянина Исенчюрина Васку Иванова с ястребом, а сказали, что пришел де тот крестьянин к купчинам на двор, а принес ястреб серой и учал продавать Кизылбашеном, а прошал за него двадцать алтын с гривною, и ему де толмачи велели с двора сайти, а как с двора сошли, и они велели его взять и отослать в посольской приказ".

"А крестьянин Васка в роспросе сказал, что он того ястреба поймал в деревне тому ныне третей день и приехал к Москве для того чтоб ему тот ястреб продать,

и шол де он мимо купчинина двора, и его де взяли стрельцы и повели в посолской приказ, а государевы де заповеди, что птиц таких продавать не велено, не ведает" (Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, свиток 30, No 11).

86 Относительно царских кречатен и их порядков см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 8 – 7156 г., ст. 211 – 7160 г., ст. 149 – 7161 г.; б) Арх. Мин. Иностр. Дел, Дела приказные, свиток 30, No 11; в) Письма царя Алексея Михайловича: к Матюшкину (VI), к П. С. Хомякову (III и V); г) Письма Матюшкина к царю (I и II), Голохвастова (II и III); д) Аделунг, стр. 211; е) Майерберг, стр. 159.

87 См. Катошихин, стр. 71; Госуд. арх. No 173, разр. XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1073, л. 53, л. оборотн. 63 и 66, л. 76; кн. 1076, л. оборотн. 242, 254 и 273; кн. 1077, л. оборотн. 58; Доп. к Акт. истор., т. IV, No 127, стр. 312 и 313.

Так, он пишет Матюшкину: "Да сходи к архимандриту Чюдовскому... да молви ему от меня, штобы благословил голубьи на мельнице половить" (там же, No 100–11, стр. 140). Очевидно, мельница эта и голуби составляли монастырскую собственность.

88 На болезни ловчих птиц указывают и следующие выписки:

"И грехом, Государь, моим, твои, Государевы, пьтицы занемогли, Боярин да Беляй..... пуп, Государь, у них мало не весь заволокло" (там же).

"Да послали к вам Севского слепова сокола и вам бы у него глаза велеть лечить" (Письмо Алекс. Михаил. к Матюшкину, No VI).

Весьма интересно то обстоятельство, что в описываемое время не только человек приносил

облегчение соколу при различных его болезнях, но и сокол помогал человеку во время недугов последнего. Так, в "выходах" государей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича под 8 маем 1661 года читаем: "Великий Государь легчился – бил у правой руки жилу сокол" ("Выходы Государей", стр. 355). Тем же лечением пользовался царь Алексей Михайлович также 25 мая 1663 года (там же, стр. 400) и 3 июня 1664 года (там же, стр. 420).

В заключение отдела о вынашивании ловчих птиц упомянем, что птиц этих вынашивали не одни сокольники и другие чины царской соколиной охоты. Так, в письме Голохвастова (No 1), между прочим, читаем: "сокол дикомыт, что носит князь Се.....; Львов".

89 См. письма царя Алексея Михайловича к Матюшкину – VI. Письма к царю: Матюшкина I, II, III и IV, Голохвастова I–IV.

90 "А кречет Колмаюр летит сажень с пять" (Письмо Матюшкина к Алексею Михайловичу, No 1).

"А Колмаюр, Государь, кречет на вабило летит сажень с пя....." (То же, No 11).

"А Нечай, Государь,..... летит добро" (То же, No III).

"А сокол, Государь, Беляй летит к.... сажень с тридцать" (II).

"А кречет Сибирской Колмогор сажень с пять летит на вабило" (Письмо Голохвастова к Алексею Михайловичу, No II).

91 "Нечай, – доносит Голохвастов царю Алексею Михайловичу, – к вабилу добре добро летит, а живое давать им как ты, Государь, укажешь" (Письмо Голохвастова, No II). "А кречету Булату в вабиле живое давали" (там же).

"А чеглику, Государь,..... (да)вали грачика в вабиле

и он загрыз хорошо" (Письмо Матюшкина, No II).

"А Булату, Государь, кречету давали осорью в вабиле и он загрыз" (там же).

92 "По твоему Государеву указу велено кречетам пущеное пущать коршаков" (Письмо Голохвастова, No III).

"Кречет Нечай дал Бог здоров, а пускали ему коршака, и он добыл добре добро, охотно гораздо" (там же).

Любопытно следующее приказание царя Алексея Михайловича:

"Всякому кречету пустить по четыре осорьи опричь тех осорей с которыми на земли валятца станут (то есть "которых поймают на лету и с которыми пустятся на землю для терзанья и еды". – Примеч. Бессонова, стр. 37) да коршака по дважды всякому кречету первослепа, а в другой ряд чтоб ставок пять шесть зделал, да болши того до меня не пускать" (письмо VI).

93 "А будет вам помнитца, – пишет царь Матюшкину, – что засидятца или позабудут добычу; и вам бы Адару и иным, которые поспели и поспевают кречеты, пускать в субботу в вечеру по одинову коршака; а будет вам и то помыслитца, что запускать будет так, что от субботы в субботу пускать, и тебеб подумать с Васильем и с Петром Хомяковым, а что вздумаете да приговорите, так изделайте: пускать ли до меня или не пускать, а мне вам указать для того нельзя, лебо ("ибо, пожалуй, может случиться" – Бессонов, стр. 38) долго к вам не буду из походу: я теперь кладуся на вас во всем, как лутче, дак и делайте" (письмо No VI).

94 О вынашивании см.: а) Письма Алексея Михайловича: к Матюшкину VI, XX и др.; к Хомякову – II; б) Письма к царю: Матюшкина, в особенности

I–IV; Голохвастова, в особенности I–III; г) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 172 – 7166 г., и д) сравн. Брем, т. III, стр. 435 и 439.

95 См. Госуд. арх., No 52, разряд XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; кн. 302, л. 21; кн. 303, л. оборотн. 285; кн. 1075, л. оборотн. 65; Письма царя Алексея Михайловича, в особенности VII, X, XII и XX; Катошихин, стр. 70; Забелин, "Опыты изучения древн.", стр. 225; Савваитов, стр. 287; "Москвитянин", 1854 г., стр. 78; Галлер, "Очерки соколиной охоты" в "Природе и охоте", 1886 г., No IX; ст. С. Т. Аксакова в приложении к "Собран. писем царя Алексея Михайловича".

96 О птичьих нарядах см. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 223 – 7140 г.; столб. 24 – 7143 г.; столб. 28 – 7143 г.; столб. 77 – 7145 г.; столб. 17 – 7149 г.; столб. 87 и 97 – 7150 г.; столб. 177 – 7169 г.; столб. 100 – 7139 г.; Госуд. арх., No 52, разр. XXVII; Акты истор., т. IV, No 124; Дополн. к Акт. ист., т. IV, No 124 – II; "Собран. писем царя Алексея Михайловича" и примеч. к ним Бессонова; Галлер, "Очерки сокол. охоты"; Савваитов, стр. 163 и 197.

97 В описываемое время на пернатую дичь охотились не только с соколами, ее стреляли не только из ружей ("птичьи стрелки"), или луков – дичь эту добывали и при помощи различных ловушек и манков, о которых мы уже имели случай говорить. Вследствие того, что как те, так и другие предметы встречаются в описях принадлежностей царской птичьей потехи государя Алексея Михайловича, можно предположить, что ловля пернатой дичи силками, тайниками и проч. производилась и чинами сокольничья пути. А то, что ею занимались в то время люди частные, устраивавшие

для этого специальные птичьи привады, явствует из следующих узаконений, интересных для нас и потому, что из них усматривается взгляд законодателя-царя на право собственности в области охоты. В X Уложении царя Алексея Михайловича, между прочим, читаем:

"А кто сделает в своем угодые птичью приваду и у той привады птиц прикормит, а иной кто по недружбе ту птичью приваду испортит и птиц от той привады отгонит или у той привады учнет птицы ловити насильством или учнет стреляти, а тот, чья привада, учнет на него бити челом Государю и с суда сыщется про то его насильство допряма: и на нем велети истцов иск доправити по сыску и отдати истцу" (Первое Полное Собрание Законов, стр. 51, т. I, ст. 216).

"А будет кто такую птичью чужую приваду испортит, измажет дегтем или чесноком или иным чем нибудь и тем птиц от тоя привады отгонит или кто тетеревиный шатер или куропатную сетку украдет и в том на него будут челобитчики и с суда про то сыщется допряма и на нем за то доправити истцу за шатер тетеревиный 3 рубли, а за куропатную сеть рубль; а за то что он ту птичью приваду испортил, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно, чтобы ему и иным таким неповадно было впредь так делать" (Первое Полное Собр. Законов, стр. 51, т. I, ст. 217).

98 Так, 13 февраля 1675 года думному дворянину и ловчему Московского пути было указано "со всею потехою быти готову, против прежнего, на Москве реке с медведи, с гонцами, и которых колоть рогатинами и с вилами ходить охотником и псарям; и с волки и с лисицы и с собаки борзыми и с медеянскими; а указано ему быть готову после раннего кушанья совсем и ждать его великого государя указу". Потехи, однако же, в этот день по каким-то обстоятельствам не было

(Дворц. разр., т. III, стр. 1230).

В сказании Рейтенфельса, между прочим, читаем, что в одну из "суббот на масляной, на Москве реке на льду была травля белых самоедских медведей британцами и другими собаками страшных пород. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медведи и собаки не могли крепко держаться на ногах и скользили по льду" (Сказание Рейтенфельса, стр. 16).

99 Приводим в хронологическом порядке все известные

нам потехи с указанием особо отличившихся в них действующих лиц:

Первая по времени медвежья потеха в царствование царя Михаила Феодоровича, судя по дошедшим до нас документам, относится к 30 января 1614 года. Героем этой потехи является конный псарь Степан Айгустов, бившийся с медведем (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 199, л. оборотн. 275).

В декабре месяце того же года "царя потешали трое стрельцов, в том числе Семыка Федоров; у них на потехе медведь разодрал кафтаны" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

7 февраля 1615 года за бой с медведем была выдана награда конному псарю Константину Иевлеву (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 277, л. 167).

13 февраля 1616 года такую же награду получил конный псарь Яков Яковлев (там же, кн. 278, л. 128).

17 октября того же года пеший псарь Жданко Иванов был награжден за то, что "был он на его Государеве потехе дразнил гончего медведя" (там же, кн. 279, л. 46).

16 ноября того же года награждено 7 человек пеших псарей за то, что "медведи изодрали на них зипуны" (там же, кн. 279, л. оборотн. 59).

Наконец, 31 декабря того же года награжден пеший псарь Кондрашка Корчмин за то, что на государевой потехе его "медведь измял и платье на нем ободрал" (там же, кн. 279, л. 114).

"Через год, в генваре 1618 года он же (Корчмин) опять потешал царя медведьим боем" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–82).

13 февраля 1618 года была выдана награда ловчего пути охотнику Ивану Теряеву "за то, что медведи его драли" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232).

24 марта того же года награжден задворный конюх Иван Столешников "за то, что на Государевой потехе ево драл медведь" (там же, кн. 203, л. 319). 9 января 1619 года – награда конному псарю Петрушке Горностаю за то, "что была на Дворце у Государя потеха и он Петруша на той потехе тешил Государя бился с диким медведем и медведя убил" (там же, кн. 204, л. 237).

14 февраля 1619 года тот же Петруша Горностай получил новую награду "за то в нынешнем во 127 году Генваря в 29 день тешился Государь дикими и дворными медведи и на той потехе ево Петрушу ел дикой медведь" (там же, кн. 204, л. 355).

21 июня того же 1619 года – награда Ловчего пути охотнику Ивану Теряеву "за то, что у него медведь изъел левую руку" (там же, кн. 204, л. 717).

В феврале 1620 года бился на потехе с медведем пеший псарь Кондрат Корчмин (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

5 ноября 1620 года – награды псарям: конному Кондратью Корчмину да пешему Сеньке Омелянову за то, "что тешился Государь Сентября в 11 число на старом Цареве Борисове дворе дворными медведи

гонцами и у Кондрашка медведь изъел руку, а у Сеньке изъел голову" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 86).

12 января 1621 года конным псарям Озорному, Санину, Дмитриеву, Корчмину и Кузьмину – награды за борьбу с дикими медведями (там же, кн. 206, л. 229).

За то ж получили награды 9 февраля того же года конный псарь Нехороший (там же, кн. 206, л. оборотн. 267) и 13 февраля конные псари Слотов и Молчанов (там же, кн. 206, л. оборотн. 270).

Того же 13 февраля – награды пешему псарю Кондрашке Корчмину с товарищами, 10 человекам, за то, что во время государевой потехи в среду на Масленой неделе изодрали на них медведи кафтаны (там же, кн. 206, л. 271).

15 февраля этого же года – награды конным псарям Спире Черному и Тарасу Федорову за борьбу с дикими медведями при оружии – вилах на потехе, происходившей "в мясное заговенье" (там же, кн. 206, л. 272), а 19 числа того же февраля – награда псовнику Ловчего пути Степану Ябедину за то, что "заколол он дикого медведя в пятницу на масляной неделе" (там же, кн. 206, л. 282).

3 января 1622 года – награда, портище сукна настрафиля лазоревого, ценою в 2 рубля 50 копеек, постельному сторожу Петрушке Мекотину за то, что "тешился Государь на дворце дворными и дикими медведи генваря во 2 числе и он Петруша перед Государем дворных медведей дражнил и с диким медведем бился вилами и его дикой медведь ел" (там же, кн. 207, л. оборотн. 174). 23 марта того же года пеший псарь Кондрат Корчмин с братом Иваном и тремя товарищами получили награду за то, что бились вилами с дикими медведями 28 февраля, в четверг на Масленой неделе (там же, кн. 207, л. оборотн. 285, и

Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

18 ноября того же года – награда пешим псарям Ивану Дрожжину с товарищами, в числе 13 человек, "за то, что на потехе дворные гончие медведи ободрали и них платье" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 56).

оди́лся Пѣсѣдарь — нѣту́ инока —
 Какъ во снѣ приходилъ — и ни кѣмъ никого
 На полѣнкѣ и между́ деревьми ,
 Только зѣбрь околѣлый балаетъ ,
 И еашка ѹ него всѣ раскроена . —
 Посто́мъ лъ Пѣсѣдарь , — погла́дѣлъ кру́гомъ
 И пошелъ въ монастырь , приза́думавшись...

2 декабря того же года – награда псовнику Василию Федорову сыну Усову за изодранное платье на потехе с гончими медведями 1 декабря (там же, столб. 7 – 7131 года).

31 декабря того же 1622 года – награда также за изодранное медведями платье на потехе во дворце 31 же декабря псовнику Степану Ябедину (там же, кн. 208, л. оборотн. 131).

25 февраля 1623 года канинский самоедин Семейка получил 3 $\frac{3}{4}$ аршина сукна кострышу червчатого, по 23 алтына 2 деньги за аршин, за то, что на Масленой неделе 18 февраля, во вторник бился он с диким медведем (там же, кн. 208, л. оборотн. 210).

5 марта того же года – награды конным псарям Орефейку Микифорову, Семейке Толстову и Кирилку Иванову и постельному сторожу Петрушке Григорьеву за бой вилами с дикими медведями на прошедшей к тому времени Масленой неделе (там же, кн. 208, л. оборотн. 267 и 268).

20 июня 1625 года – награда за бой с диким медведем на потехе в селе Рубцове конному псарю Кондрату Корчмину (там же, кн. 280, л. оборотн. 462).

17 января 1626 года – награда псарю Сеньке Омельянову и 20 января того же года – награды псарям Ивану Санину и Стенке Васильеву за борьбу с дикими медведями вилами (там же, кн. 281, л. оборотн. 198 и 200).

31 января того же года – награда Ловчего пути охотнику Алексею Титову за то, что на дворцовой потехе "дикий медведь ел его заголову и зубы выломал" (там же, кн. 281, л. оборотн. 215).

В октябре того же года "бился с дикими медведями вилами постельный истопник Панка Гачишкин в селе Покровском" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

"В Ноябре 1626 года пеший псарь Кондрат Корчмин бился с диким медведем вилами и медведя поставил, да он же в селе Рубцове перед государем на потехе медведя убил рогатиною" (там же).

16 февраля 1627 года – награда пешему псарю Марку Юрьеву за бой с диким медведем вилами в среду на Масленой неделе, а 4 марта того же года – награда за то же в понедельник на Масленой неделе постельному сторожу Петрушке Григорьеву (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 181 и л. оборотн. 211).

В ноябре того же года в Тонинском селе на потехе медведь драл истопника Илью Севрюкова (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–52).

7 февраля 1628 года – награда конному поместному псарю Осипу Молчанову за то, что "тешил Государя бился с медведем диким вилами добро" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 283, л. 175).

За добрый же бой с диким медведем на Масленой неделе этого же года, в субботу, получил награду 23 февраля конный псарь Степан Васильев (там же, кн. 283, л. 184), а бившийся тогда же с диким медведем князь Иван Гундуков получил 9 аршин камки адамашки, всего на 2 рубля 75 копеек (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

25 октября 1631 года получил портище настрафия лазоревого, ценою в 2 рубля 25 копеек, подключник Тимофей Федоров "за то что его в Покровском селе на потехе гончей медведь драл" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55), и тогда же боярина князя И. Б. Черкасского человек Андрей Слепой получил за то же сукно и камку, всего на 8 рублей. Эта относительно весьма высокая награда заставляет Забелина предположить, что Андрей Слепой "не прозвищем только, а на самом деле был слепой; тогда потеха

конечно представляла еще больше занимательного" ("Быт цариц", стр. 459–82).

"В том же Октябре месяце стряпчий конюх Степан Карпов тешил Государя в селе Тонинском, бил в барабан и медведя дразнил и медведь его драл" (там же).

7 ноября того же года – награда конному псарю Алексею Меркульеву за то, что "ево медведь драл" на государевой потехе, вероятно, на дворце (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 75).

14 и 15 февраля 1632 года – награды конным псарям Ивану Исаеву, Спиридону Муромцеву, Петру Молчанову и Алексею Меркульеву за борьбу с дикими медведями вилами на Масленой неделе во вторник, 9 февраля (там же, кн. 287, л. 193).

"В Феврале же 1632 года на потехе медведь драл сына боярского Галиченина Федора Сытина, который получил за потеху сукно на однорядку, дороги гилянские на ферези, да на кафтан и на приклады к платью деньгами 5 рублей с полтиною, всего весь наряд 14 рублей. В том же году на Масленой неделе медведь драл на потехе жилца Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 рублей" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62). 23 февраля 1634 года – награда пешему псарю Герасимку Степанову за то, что "на масляной неделе в субботу Государь Царевич князь Алексей Михайлович тешился дворными медведями и на той потехе на нем Герасимке медведи кафтан изодрали" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 289, л. 426).

11 ноября того же года – награда птичьему стрелку Исаю Быковскому за то, что "как Государь тешился медведем гонцом и медведь изломал и платье на нем изодрал" (там же, кн. 290, л. 146).

14 тоже ноября – награда псарям Алексею

Меркульеву, Андрею Курбатову, Игнатию Левонтьеву и Якову Семенову за борьбу с дикими медведями в селе Рубцове (там же, кн. 290, л. оборотн. 150).

20 декабря того же года человек боярина князя Ивана Борисовича Черкасского Гаврила Жуков получил 5 рубля за борьбу в селе Рубцове с диким медведем вилами (там же, кн. 290, л. 216).

"В 1635 году, в Ноябре, конный псарь Алексей Меркульев сам-четверт с товарищами бился с дикими медведями добро в селе Рубцове" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

"В Генваре 1636 года на дворце бился с медведем стрелец Гаврила Савельев, и медведь его драл и кафтан изодрал и голову испробил" (там же).

10 марта того же года – награды за борьбу с дикими медведями вилами на Масленой неделе, 28 февраля, конным псарям Алексею Меркульеву и Григорью Иванову и пешим псарям Елистратку Афонасьеву да Ивашку Яковлеву "прозвище Путивлцу" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. оборотн. 230 и л. 231).

6 ноября того же года – награда черкашенину (малороссу) Лукашу Григорьеву, настрафилъ лазоревый в 2 рубля, за то, что "в селе Покровском-Рубцове на потехе медведь гонец изодрал на нем зиптун да помял руку" (там же, кн. 292, л. оборотн. 62).

"В Декабре 1636 года в селе Рубцове медведь гонец изломал псовника Василия Усова и платье на нем ободрал" (Забелин, "Быт цариц", стр. 459–62).

26 мая 1637 года дано жильцу Алексею Зевену 4 аршина вишневого английского сукна, ценою по 1 рублю за аршин, да 2 рубля на шапку за то, что "тешил он Государя в селе Покровском в Рубцове боролся с дворным медведем" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л.

оборотн. 244).

После этого в течение более трех лет сведений о медвежьих дворцовых потехах у нас не имеется. 28 сентября 1640 года – награда задворному конюху Степану Карпову сукнами, всего на 4 рубля 57 1/2 копеек за то, что "тешился Государь в селе Коломенском медведи гонцы, а он Степан перед теми медведи бегал и платье на нем однорятку и штаны медведи изодрали" (там же, кн. 296, л. 18).

После этой потехи опять в промежуток около четырех лет мы не встретили указаний о дворцовых потехах.

В 1644 году такая потеха была, но которого числа мы не знаем. От этого года сохранилась нижеследующая челобитная конного псаря Микиты Шевелева: "Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа русии бьет челом холоп твой ловчево пути конной псарь Микитка Шевелев тешил я холопт твой тебя Государя дразнил медведя, и меня холопа твоего медведь ламал и глаз у меня испортил Милосердый Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа русии пожалуй меня холопа своего на рану а чем тебе праведному Государю Господь Бог известит. Царь Государь смилуйся" (там же, столб. 24–7152 года).

Первая медвежья потеха в царствование царя Алексея Михайловича, судя по имеющимся данным, относится к началу 1646 года. 27 января этого года была выдана награда конному псарю Алексею Меркульеву "для того в нынешнем во 154 году и Государеве походе в Звенигородском уезде в селе Павловском тешил он Государя бился с диким медведем с вилами" (там же, столб. 62 – 744 г.).

16 февраля того же года боярина Бориса Ивановича

Морозова люди Кондратий Лунин и Трофим Левашев получили: первый – сукно лундыш, а второй – настрафиль, за то, что "имались они с медведем как Государь был в селе Павловском в нынешнем 154 году Генваря в 31 день" (там же, столб. 84 – 7154 года). За то же люди того же боярина, Иван Брылкин и сын его Потап, получили 16 же февраля: первый – сукно лундыш, а второй – английское (там же, столб. 85 – 7154 г.).

14 марта 1647 года человек московского ловчего Ивана Леонтьева, Потап Иванов, татарин, получил сукно кострыш в 2 рубля за то, что "бился с медведем в государеве дворцовом селе Покровском" (там же, кн. 302, л. оборотн. 98), а 16 того же марта – награды конным псарям, Матвею Молчанову с товарищами, в числе 7 человек, и пешим псарям, Федке Сторожеву с товарищами, в числе 6 человек, за то, что "в нынешнем во 155 году Февраля в 22 день тешили они Государя дикими медведи на псарне" (там же, кн. 302, л. оборотн. 100). В 1648 году, января 8, выданы были награды людям боярина Бориса Ивановича Морозова: Ивану Брылкину – сукно полукармазин вишневый в 3 рубля 60 колеек "да Оверки Степанова сыну его Офоньке" – настрафиль лазоревый в 1 рубль 94 копейки за то, что "бились они с медведем" (там же, кн. 303, л. 80).

12 января и 20 февраля того же года – награды охотникам Ловчего пути Ивану Ябедину и Осипу Аристову и конным псарям Ивану Исаеву, Микифору Озорному, Миките Шевелеву и Любиму Молчанову за то, что "они в Звенигородском и в Можайском и в Боровском походе были и в селе Покровском, и в селе Урюпине дворцовою потехою" (там же, кн. 303, л. оборотн. 18 и столб. 90 – 7156 г.).

25 февраля того же года выданы были награды охотникам Ловчего пути: Алексею Меркульеву, Семену Головцыну и Еремею Теряеву, да псарям: Ивану Ябедину, Макару Сафонову, Матвею да Ивану Осиповым, детям Молчановым, Давыду Данилову, Семену Терентьеву, Федору Иванову, Евдокиму Матвееву, Григорью Трофимову, Игнатью Онисимову, Игнатью Гордееву и Якову Озорному за то, что "как государь тешился на своем псаренном дворе на сырной неделе, а они с дикими медведями билися вилами добро" (там же, кн. 303, л. 123 и 124).

29-го того же февраля человеку боярина Бориса Ивановича Морозова, Левке Афанасьеву, дано сукно настрафиль лазоревый в 1 рубль 96 копеек за то, что "тешил он Государя в нынешнем в Звенигородском и в Можайском и в Боровском походе в селе Павловском медвежьею потехою" (там же, кн. 303, л. оборотн. 127).

14 марта того же года получил настрафиль лазоревый в 1 рубль 85 копеек нижегородец Федор Васильев сын Теряев за то, что "в нынешнем во 156 году Февраля в 10 день тешился Государь на своей государевой псарне ступными (?) – спускными медведи, и на той потехи медведь на нем однорядку изодрал" (там же, кн. 303, л. оборотн. 146).

18 января 1649 года – награда охотнику Ловчего пути Тимофею Неверову за то, что "во 156 году (кажется, ошибка в списке; должно быть "во 157 году") Генваря в 4-й день на царя борисовском дворе ступной (?) медведь изодрал на нем однорядку да кафтан" (там же, кн. 304, л. 114). Тот же охотник получил новую награду 24 февраля того же года "как тешился государь на цареборисовском дворе в нынешнем во 157 году февраля в 3-й день дикими медведи и у него Тимофея на той потехи дикие медведи кафтан и однорядку с

ферезми" (вероятно, пропущено слово "изодрали") (там же, кн. 304, л. 140).

15 февраля того же года – награда конному псарю Павлу Будаеву: "в нынешнем во 157 году в государеве походе в селе Тонинском бился он с диким медведем и его медведь ел и губу испортил и кафтан изодрал" (там же, кн. 304, л. 136).

20 ноября того же года – награды охотникам ловчего пути: Алексею Усову, Ивану Перхурову и Михаилу Молчанову: "тешился Государь в селе Покровском ноября в 10-й день диким медведем, а они с медведем бились" (там же, кн. 305, л. 28).

23 апреля 1650 года – награда охотнику Ловчего пути Еремею Теряеву: "тешился государь на сырной неделе во вторник в селе Хорошове дикими медведи, и на нем Еремее дикой медведь однорядку изодрал" (там же, кн. 305, л. 127).

26 февраля 1651 года указал государь выдать конному псарю Никифору Озорному с 8 человеками товарищей по сукну за то, что "билися они на Государеве потехе, на Его Государевой псарне с дикими и ходили с вилами" (там же, столб. 41 – 7159 г.). Однако награда эта не была выдана псарям сразу. Сохранилась следующая челобитная, относящаяся к этому году: "Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Руси бьют челом холопи твои Ловчева пути конные псари Микифорка Озорной сам девят с товарищи как был ты праведный Государь на своей Государевой псарни на Ваганькове и мы холопи твои тешили тебя Государя бились с дикими медведи и за то пожаловал ты Государь нас холопей своих, своим Царьским жалованьем сукнами, и нам холопом твоим на казенном Дворе сукон недали у нас скать сукон нет и мы холопи твои били челом тебе

праведному Государю и твое Царьское жаловавье подписная челобитная сошла нам холопом твоим велено дать сукна а будет нет сукон Ино дать деньги и по подписной челобитной нам холопом твоим на казенном дворе отказали нет де у нас ни сукна ни денег Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Руси пожалуй нас холопей своих вели Государь нам дать свое Царьское жалованье сукна или деньги за сукна Царь Государь смилуйся пожалуй" (там же, столб. 62 – 7159 г.).

В том феврале месяце выдана была награда конному псарю Якову Озорному за то, что "бился с диким медведем на Государеве потехе на Царя Борисовском дворе в нынешнем во 159 году на масленице" (там же, столб. 41 – 7159 г.).

После этого не имеется сведений о медвежьих потехах за период времени, превосходящий 10 лет.

Далее, 3 апреля 1661 года – награда "псовые охоты корытному приказчику" Терентью Фролову за медвежий бой (там же, кн. 317, л. оборотн. 321) и, наконец, последняя известная нам медвежья потеха была при царе Алексее Михайловиче в марте месяце 1663 года, когда 31 числа, выдана была награда тому же Фролову (там же, столб. 249 – 7171 г.). Однако можем сказать с полною уверенностью, что эта потеха в действительности последнею не была, чему наиболее положительным указанием служит то обстоятельство, что даже в 1675 году существовала, как мы видели в начале настоящей главы, вся организация медвежьей потехи, а самая потеха была назначена на 13 февраля и отменена, по-видимому, лишь по какой-то случайности.

100 См.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232 и л. 319; кн. 204, л. 237, 303, 331, 355, 717, кн. 206, л. 82, л. оборотн. 229, л. оборотн. 267, л. оборотн. 270,

л. 271, 272 и 282; кн. 207, л. оборотн. 174, л. оборотн. 285; кн. 208, л. оборотн. 36, л. 131, л. оборотн. 131, л. оборотн. 210, 267 и 268; кн. 277, л. 167; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 46, л. оборотн. 59, л. 114, л. 177; кн. 280, л.

А прише́лъ, все сказа́лъ насто́ятелю
и ве́лъ възвести́ ѹестныхъ иноко́въ
Передъ оуи свои́ государевы :
Всѣ пришли, а его́ изъяснителя
Между ѹестными́ старцами́ не было
Царь и крѣпче́ того́ призадумался ;
« Помо́щь съви́ше, десница́ Господняа!... »
Моли́лъ онъ и поше́лъ въ церковьъ Божію.

оборотн. 462; кн. 281, л. оборотн. 198, 200 и 215; кн. 282, л. 11, л. оборотн. 211, л. 62; кн. 283, л. 175 и 184; кн. 287, л. оборотн. 55 и 75 и л. 173; кн. 289, л. 426; кн. 290, л. 146, л. оборотн. 150 и 216; кн. 291, л. оборотн. 230 и 231; кн. 292, л. оборотн. 62 и 244; кн. 296, л. 18; кн. 302, л. оборотн. 98 и 100; кн. 303, л. 80, л. оборотн. 118, л. 123–125, л. оборотн. 127 и 146; кн. 304, л. 136 и 140; кн. 305, л. 28 и 127; кн. 317, л. оборотн. 321; столбцы: 7 – 7131 г.; 24 – 7152 г.; 62, 84 и 88 – 7154 г.; 90 – 7156 г.; 41 и 82 – 7159 г., и 249 – 7171 г.; б) Дворц. разряды, т. II, 27; т. III, 1230; в) Акт. Арх. эксп., т. IV, No 98, стр. 138–139; г) Рейтенфельс, 16; д) Забелин, "Быт цариц", стр. 452–463.

Грамотой от 23 октября 1657 года Иона, митрополит Ростовский и Ярославский, указывал, чтобы в Устюжском и Сольвычегодском уездах "отнюдь... медвежих поводчиков не было... а буди такие люди предь объявятся и указу сего святителского не послушают, поводчики с медведи учнут ходити... или мирские люди тех... медвежих поводчиков с медведи в дома своя пускати, а ему всликому святителю про то ведомо учинится, и тем людем... и медвежим поводчиком быть от него святителя в великом смирении и наказании без пошады и во отлучении от церкви Божия" (Акты Археографической экспедиции Академии наук, т. IV, No 98, стр. 138–9).

101 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 125; Забелин, "Быт цар.", стр. 463.

102 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 62; Забелин, там же.

103 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 279, л. 177 и кн. 299, л. оборотн. 132; Забелин, там же.

104 [Общ. Арх. Мин. Двора, ст. 1 – 7126 г.; Рук. Арх. Мин. ин. дел, Дела приказные, Но 27, свиток 12; Катошихин, стр. 69, 70, 71 и 75.](#)

При царе Михаиле Феодоровиче по-прежнему вся царская охота состояла при Конюшенном приказе, и дела, касавшиеся общих, так сказать, общегражданских прав личного состава царской охоты ведались Приказом Большого дворца (Рукоп. Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, Но 27, свиток 12. Рукописи Арх. Мин. Двора, столбец 1 – 7126 г. и др.). При Алексее же Михайловиче часть царской охоты, а именно охота соколиная, ведалась Приказом тайных дел.

"Да в том же Приказе (Конюшенном), – говорит современник царя Алексея Михайловича, Катошихин, – ведомо царская зимняя и летняя потеха на звери: лосиная, оленье, медвежья, волчья, заечья, тянеты, и псами; и устроены для той потехи под Москвою лесные рощи, а в них дворы, от Москвы по 7 и по 10 и по 15 и по 20 верст и больши. А для ловли тех зверей и для потехи, устроены потешники и ловцы, псари, со 100 человек, да псов с 100 ж. А ловят тех зверей тенеты, ночью порою, и от Москвы верст по 30 на все стороны никому в своих лесах и угодьях таких зверей ловити и бити не велено, и заказано под жестоким наказанием и пенею; а будет кто в тех заповедных лесах про свой обиход сечь лес, и такому поймав бывает жестокое ж наказание и пеня" (Катошихин, стр. 69).

Далее, читаем у Катошихина же: "Да в том же Приказе (в Приказе тайных дел) ведомо царская летняя потеха, птицы кречеты, соколы, ястребы, челиги и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли и на иные птицы, и на зайцы, и учинен для тое потехи и для учения учинены

соколники со 100 человек и на том дворе летом и зимою бывают у птиц беспрестанно, и днюют и ночуют, по переменам, человек по 20, а честию те соколники против жилцов (жильцы – "для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши, и посылают их во всякие посылки; дети они дворянские, и дьячи, и подьяческие. И с того чину бывают в стряпчих, и в столниках, и в думных людех, да они ж бывают в начальных людех у конницы и у пехоты, и в рейторах и в солдатах", Катошихин, стр. 21) и стремянных конюхов, люди жалованные денежным жалованьем и платьем, погодно, и поместьями и вотчинами, и будучи у тех птиц и пьют и едят царское; а будет у Царя всяких потешных птиц болши 3000, и корм, мясо говяжье и боранье, идет тем птицам с Царского двора; да для ловли и для учения тех же птиц, на Москве и в городех и в Сибири, учинены кречетники и помощники, болши 100 человек, люди жалованные ж; а ловят тех птиц под Москвою и в городех и в Сибири, над озерами и над большими реками на берегах по пескам, голубми и сетми, и наловя тех птиц привозят к Москве болши 200 на год; и посылаются те птицы в Персию с послы и куда случится и Персидский шах те птицы от Царя принимает за великие подарки, и ставит ценою те птицы рублей по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и болши, смотря по птице; да на корм тем птицам и для ловли емлют они кречетники и помощники голуби, во всем Московском государстве, у кого б ни были, и имав привозят к Москве, а на Москве тем голубям устроен двор, и будет тех голубей болши 100.000 гнезд, а корм ржаные и пшеничные высебки идут с Житного двора" (Катошихин, стр. 70 и 71).

Говоря о заведовании царской охотою приказами

Конюшенным и Тайных дел, считаем необходимым привести некоторые сведения об этих учреждениях вообще со слов современника.

"Конюшенный двор, – говорит тот же Катошихин, – а в нем Приказ; при прежних царях сидели и ведали тот приказ и двор конюшей боярин, а с ним товарищи, яселничей, да дворянин, да два дьяка. А кто бывает Конюшим, и тот первый боярин чином и честью; и когда у царя после его смерти не остается наследия, кому быть царем, кроме того Конюшего иному царем быти некому, учинили б его царем и без обирания (избрания). А при царе Василии Ивановиче (Шуйском) и при царе Михаиле Феодоровиче Конюших не было, и при нынешнем нет, по тому, как о том написано выше сего, что преж сего Конюшей Борис Годунов, что был царем, умыслил себе достать царство чрез убиение царевича Дмитрия и ныне в такой чин допускати опасаются (те же сведения имеются у Олеария, 11 посольство, стр. 286, и у Севастиана Главинича, стр. 10). И ведают ныне Конюшенной приказ, и двор, и казну всякую, яселничей, да дворянин, да дьяки, и тот яселничей честью выше думных дворян, и в думе сидит с царем и 3 бояры вместе" (Катошихин, стр. 67). "Приказ Тайных дел, – читаем у Катошихина, – а в нем сидит диак, да подъячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того приказу подъячие с послами в государства, и на посолские съезды, и в войну с воеводами, для того что послы в своих посолствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах... а воеводы в полках много неправды чинят над ратными людьми, и те подъячие над послы и над воеводами

подсматривают и царю приехав сказывают; и которые послы или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подъячих дарят и почитают выше их меры, чтобы они будучи при царе их послов выславляли, а худым не поносили. А устроен тот приказ при нынешнем царе, для того, чтоб его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали" (Катошихин, стр. 70).

Приказом тайных дел никто из бояр не заведовал – говорит Соловьев: "Этот приказ устроил себе царь Алексей Михайлович для переписки, о которой он не хотел, чтобы все знали, но в этом приказе ведались также дела, которые особенно занимали царя: ведалось гранатное дело и мастера этого дела, ведалась любимая царская потеха – птицы, кречеты, ястребы. На корм этим птицам шли голуби... И эти невинные птицы также ведались Приказом тайных дел, который, по имени, долго считали чем-то страшным, в котором думали видеть что-то вроде тайной канцелярии" (Соловьев, "Ист. Росс.", том XIII, стр. 94).

105 Со званием сокольничего, по документам, дошедшим до нас, описываемой эпохи, впервые мы встречаемся в 1613 году, когда сентября 21 числа "послал Государь в Вязму Сокольничего и думного дворянина Гаврила Григорьевича Пушкина" в качестве воеводы (Дворц. разряды, т. I, стр. 115). В 1618 году в числе лиц, которым было предложено оставаться в Москве во время осады последней польским королевичем Владиславом, опять упоминается сокольничий и думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин (там же, стр. 357). В 1619 году тот же Гаврила Григорьевич Пушкин ведал Разбойным приказом вместе с боярином Борисом Михайловичем Лыковым

(там же, стр. 386). Звание сокольничего за ним оставалось, так как звание это упоминается с его именем в Дворцовых разрядах в 1620 году. 21 декабря этого года на обеде у патриарха Филарета Никитича Московского участвовал "Сокольничий и думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин" (там же, стр. 434). Однако позднее этого ни имени Гаврила Григорьевича Пушкина, ни вообще звания сокольничего мы не встречаем, и надо полагать, что должность эта была упразднена именно около 1620 года.

106 В сентябре месяце 1618 года "бил челом Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа России Ловчей Григорий Григорьевич Маматов, а сказал по Государеву указу велено ему быть Ловчего пути в Тверских Ловчих и что де было Тверского Ловчего пути в городех преж сего слобод и деревень и пустошей чей прежние тверские ловчие владели и Тверская де псарская слободка от ли... (литовского)... разоренья и от пожару... (вконец)... запустела а деревни в роздаче, а пустоши заросли лесом и Государь бы его пожаловал велел бы ему дати в тех Тверских роздаточных деревень и запустелых пустошей место в Кашине псарскую слободку, а та де слободка к Государевым дворцовым селам и к черным волостям неприписана и в поместья и в вотчины никому неотдана". В дошедшей до нас переписке по этому поводу читаем: "По Государеву указу про тое слободку в Приказе Большого Дворца сыскивано писцовыми старыми книгами и в Приказе Большого Дворца, Кашинских старых писцовых книг после Московского разоренья несыскано потому что Кашин посад до Московского разоренья всем ведали в Галицкой чети и Писцовые старые Кашинские книги были в четвертиж

и из Приказу Большого Дворца в Галицкую четь к дьяку Семену Головину послана память, а велено писати в Приказ Большого Дворца к боярину Борису Михайловичу Салтыкову да к дьякам к Ивану Болотникову с товарищи в Кашине на посаде ловчего пути Псарская слободка бывала-ли и будет бывала, и сколь давно бывала и ныне она естли, и будет есть и что с нее каких Государевых доходов и в Приказ Большого Дворца в памяти за Семеновою приписью (подписью) написано в Галицкой чети Кашину посаду и слободам прежних писцовых и дозорных книг после Московского разоренья неосталось а вновь дозировать непосылованнож и сыскать... про то нечем и в прошлом же во 125 году апреля в 19 день бил челом Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Росии он же Григорей чтобы Государь его пожаловал велел про тое кашинскую псарскую слободку на Москве в Галицкой чети дворяны и детьми боярскими и всякими людьми сыскивано (в документе просьба и исполнение по ней, как видно, слились благодаря пропуску нескольких строк; впрочем, смысл от этого не потерян) да тот сыск прислан в Приказ Большого Дворца за Семеновою приписью и в сыску Московских и розных городов дворян и детей боярских сказали, что в Кашине на посаде псарская слободка в Ловчем пути при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Росии и при царе Федоре Ивановиче всеа Росии из стари была и Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Росии Ловчего Григорья Маматова пожаловал тое псарскую слободку что в Кашине на посаде велел ему дати в ловчего пути в прежних ловчего пути в Тверских пустошей место которые ныне в роздаче и Государева жалованья грамота ему на ту Кашинскую псарскую слободку из Приказу Большого

Дворца дана почему ему тою слободкою владети и доходы свои с жильцов которые в той слободке живут имати, и воиводам ни с чем с слободки жильцов ведать невелено, а велено тое слободку ведати в сем одном Приказе Большого Дворца". Об этом повелении царя была послана послушная грамота к кашинскому воеводе (Рукоп. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 1 – 7126 г.).

107 В 1626 году, 24 сентября, встречаем мы в числе дворян, приглашенных к царскому столу в селе Воздвиженском "Ловчего пути Тимофея Усова" (Дворц. разр., т. I, стр. 859). Он же, Тимофей Васильев сын Усов, с 19 человеками Ловчего пути обедали у царя 1 августа 1627 года в Симоновом монастыре (там же, стр. 923). Он же был приглашен к царскому столу на первый день Рождества 1627 года (там же, стр. 971). Он же был на обеде у царя Михаила Феодоровича 9 мая 1628 года "У Николы Чюдотворца на Угреше" (там же, стр. 1014); затем, 31 мая – в селе Воздвиженском (там же, стр. 1019) и 7 июня – также на царском обеде в селе Тонинском. На последнем обеде участвовал также и "Сокольничья пути Истома Воейков" (там же, стр. 1022).

108 7 августа 1635 года "пожаловал Государь в ловчие с путем Ивана Федоровича Левонтьева, а сказал ему в ловчие разрядный думный дьяк Иван Гавренев" (Дворц. разряды, т. II, стр. 475).

Леонтьев участвовал в царском походе к Николе на Угрешу, а оттуда в село Рубцово в ноябре 1636 года (там же, стр. 525); он же был с царем в селе Покровском, "что было Рубцово", в июне 1638 года (там же, стр. 580), в Александровской слободе и Переяславле-Залесском в октябре того же года (там же,

стр. 592), У Троицы в сентябре 1639 года (там же, стр. 618), в селе Рубцове-Покровском в сентябре 1641 года (там же, стр. 671). Как московский ловчий Иван Леонтьев упоминается в документах, относящихся к 1647 году, и звание это передается другому лицу в период от 1647 года по 1649 год (Рукописи Арх. общ. дел Мин. Двора).

109 9 ноября 1649 года новый царь Алексей Михайлович имел в своей свите при походе в село Покровское "Московского Ловчего Офонасия Сафонтьева сына Заболоцкого" (Дворц. разр., т. III, стр. 137). (В рукописях Общего архива Министерства Двора Заболоцкий именуется Афанасием Богдановичем, между тем как в Дворцовых разрядах всюду – Афанасием Сафонтьевичем; придерживаемся последнего имени).

Заболоцкий участвовал в царском походе в Можайск 30 ноября 1649 года (там же, стр. 141), в село Хорошево 17 апреля 1650 года (там же, стр. 159), в Звенигород 15 января 1652 года (там же, стр. 290). Срок оставления им должности – 1652–1655 г.

110 11 марта 1655 года "пошел Государь с Москвы, в свою Государеву отчину, в Смоленск, для своего государева и земского дела", а с ним, в числе прочих чинов, и "Московский Ловчей Офонасий Иванов сын Матюшкин" (Дворц. разр., т. III, стр. 462).

В мае 1656 года царь Алексей Михайлович отправился в поход для своего "Государевого и земского дела", подобно предшествовавшему году, в Смоленск, откуда в июне месяце того же года пошел на "недруга своего, на Свейского (Шведского) короля под город под Ригу". Матюшкина и в этот военный поход он взял с собою (Дворц. разр., Дополн. к III т., стр. 42 и 50). В 1658 году "Сентября в 17 день, на именина Государыни Царицы и Великой Княжны Софии Алексеевны, был стол у Государя по передней избе"... "у стола ж пожаловал Государь велел быть столнику и Московскому Ловчему Офонасию Ивановичу Матюшкину"... "А после стола жаловал Государь столника и Московского Ловчего Офонасия

Матюшкина за его службу, что он был с ним Государем в Литовских походах шубами и кубками". Матюшкину было даровано: "шуба отлас золотной, да кубок, да к прежнему окладу придачи 50 рублей" (там же, стр. 147).

30 мая 1672 года "пожаловал Государь в думные дворяне Московского Ловчего Офонасия Ивановича Матюшкина" (Дворц. разр., т. III, стр. 889).

4 октября 1674 года, в день крестин царевны Феодоры Алексеевны, государь угощал водкой, в числе других, и Матюшкина Афанасия (там же, стр. 1063).

Афанасий Иванович Матюшкин получал от царя и поручения, не относившиеся непосредственно к кругу его прямых обязанностей, но требовавшие назначения доверенного лица. Так, в 1674 году "бил челом Великому Государю стряпчей Иван Матвеев сын Хрущов на стряпчего на Александра Петрова, сына Протасьева, что он Александр на его Великого Государя дворе прошиб у него Ивана Хрущова кирпичем голову. И Великий Государь приказал сыскать думному дворянину и Московского пути Ловчему Офонасию Ивановичу Матюшкину". По сыску виновный был бит батогами, и на нем было доправлено бесчестье вчетверо в пользу потерпевшего (там же, стр. 1079).

В 1675 году "указал Великий Государь хоромы строить, для своего Великого Государева приходу, в селе Покровском думному дворянину и Ловчему Московского пути Офонасию Ивановичу Матюшкину" (там же, стр. 1419). Жена Матюшкина нередко бывала при дворе на обедах у великой княгини Наталии Кириловны (там же, стр. 1055 и другие).

111 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 38; см. также письма Алекс. Михайл. к Матюшкину и Голохвастову.

112 Росс. Вивлиофика, т. VIII, стр. 100.

113 Так, в письме своем от 11 июня 1650 года, из Колязина монастыря, царь Алексей Михайлович, между прочим, пишет Матюшкину: "А будет кречетники наши и сокольники приехали втюхали ("Вероятно в Тюфели, в Тюфелеву Рощу, что в Рогожской части". – Примечание Бессонова, стр. 43), и вамбы (слово "вамбы" написано рукою царя вместо зачеркнутого слова "тебе б". – Примечание издателя, стр. 32) приказать Афонасью Заболотцкому, чтобы их отпустил всех в деревню, а велел бы им быть июля ко 2-му числу; а будет не бывали, и вы не приказывайте; а будет приедут, и вы прикажите" (Собр. писем Алекс. Михаил., письмо VI).

До нас дошел следующий интересный документ:

"Царю, Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу бьет челом холоп твой сокольник Филька Юров жалоба Государь мне, Государыни Царицы и Великие княгини Марьи Ильиничны на сына Боярского на Любима Ладыженского с детьми в нынешнем Государь во 174 году по твоему Великому Государю указу отпущен я холоп твой в Гулящую... ..дину и ныне Государь Октября в 3 и день... отвез меня холопа твоего из Семеновского.. сторож Левка и забежал за мною холопом твоим ищейный кобель и того кобеля послал я с тем же сторожем на Потешный двор. И как будет тот сторож Левка в Кисловке против его Любимого двора и его Любимовы дети Микита с братьями того ищейного кобеля учили отбивать и отбили и тот кобель прибежал ко мне холопу твоему на двор после того спустя много время и за тем кобелем ко мне холопу твоему к двору прибежал сын его Любимов и того кобеля учал имать и я холоп твой стал ему

говорить что ты его ловишь тот кобель Государева Потешного Двора ищейной и в те Государь поры ево Любимовы дети учили меня холопа твоего бить дубьем и за волосы волочить и увечить... ..Государь у меня холопа твоего рукавицы суконные червчатые да плеть, и впредь Государь от него Любима – и от детей его впредь проезду небудет Милосердый Царь Государь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец пожалуй меня холопа своего вели Государь того Любима Ладыженского и детей его поставить и в том его отбою Любимовых детей допросить и в моем бою и увечьи".

"Против сего челобитья отдана сыскная память". "В сыску Государыни Царицы и Великия Княгини Марии Ильиничны сенной сторож Микишка Елизаров по Евангельской заповеди Господней сказал шол де он к товарищу своему к Лучке Иванову в Кисловку и у Козмодемьянские де решетки против Любимова двора Ладыженского являет сокольник сказался а как зовут того он Микишка неведает налюбимовых детей Ладыженского на Микиту с братьями будто били его сокольника он Микита с братьями а ходит де нос расшибен докрови, а сам де он Микишка не видел кто того сокольника бил Микитали с братьями или кто иной, а как де сокольник объявлял и Микита де стоя у ворот и сокольника бранил матерны а говорил после брани ты де у меня однорядку изодрал" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 176 – 7174 г.).

"В сыску девица Орина Васильева дочь Бачманова хлебного Дворца подключника Дмитриева племянница Давыдова сказала по Евангельской заповеди Господней видела де она что Любимовы дети Ладыженского Микита с братом а как его зовут она не ведает сокольника били кулаками и за волосы драли а за што у

них стало того она не ведает".

"А Дмитриева жена Давыдова Авдотья по Евангельской заповеди Господни сказала как де Любимовы дети Ладыженского Микита с братом сокольника Филипа Юрова (вероятно, пропущено слово "били") того она не видала потому что спала а как услышала шум встала и сокольник де Филип Юров являл на Любимовых детей на Микиту с братом что будто его Филипа они (вероятно, опять пропущено "били") да и то де она слышала как Микита ево Филипа бранил всякою бранью".

"В сыскуж трубника Бориса Завьялова жена Авдотья по Евангельской заповеди Господни сказала как Любимовы дети Микита с братьями сокольника билиль или нет, того она сама не видала и слышала от работницы своей от девки Овдотьицы что Любимовы дети Микита с братьями сокольника Филипа били и заволосы драли. А про мужа своего она Авдотья сказала, что на Москве нет в отсылке".

"В сыску хлебного Дворца подключник Дмитрий Давыдов по Евангельской Заповеди Господни сказал как де Любимовы дети Ладыженского Микита с братьями бились или нет того он не видал потому что по указу Великого Государя приставлен у мельниц дома мало живет а слышал от жены своей только что Микита де Ладыженской бранил сокольника всякою бранью стал травить собаку сокольника Филипа Юрова и вышел де из двора он с плетью и пошел ко отцу на него Бориса (?) и вышед де из двора Любимова сын его Микита с братьями учили бить и за волосы драли а тот де сокольник их Микиту и братьей его небивал и небранивал".

"В сыску трубник Гаврило Завьялов по Евангельской заповеди Господни сказал как де

Любимова дети Микита с братьями сокольника Филипа Юрова били того он не видал потому что было дневань ево в Приказе а слышал он от жены своей что Любимовы дети Микита с братьями сокольника били, а за что у них случилось того жена его не ведает".

"В сыску Государыни Царицы и Великия Княгини Марии Ильиничны чину сын Боярской Иван Матвеев сын Лешов По Евангельской заповеди Господни сказал шол де улицею сокольник Филип Юров с плетью а за ним две собаки и гнался за Любимовым сыном Ладыженского за Борисом и как де он Филип будет у Любимова двора, и вышед де из двора сын ево Любимов Микита и учал сокольнику говорить за што де брата моего бьешь и сокольник де Микиту толкнул в грудь и Микита де с братом своим Игнатием учили сокольника бить кулаками и за волосы драли то он Иван видел".

"В сыску трубника Бориса Завьялова дворовая девка Дунька по Евангельской Заповеди Господни сказала то де она видала Любимов сын Ладыженский Борис стал.....".

"В сыску трубника жена Гаврила Завьялова Оксинья по Евангельской Заповеди Господни сказала то де она видала как Любимовы дети Ладыженского Микита с братом сокольника Филипа Юрова били и за волосы таскали а за что у них стало того она не ведает".

"В сыску подключника Дмитриев человек Давыдова Моисейка Афонасьев по Евангельской заповеди Господни сказал то он видел как Любимовы дети Ладыженского Никита с братьями а как их зовут того он не ведает сокольника Филипа Юрова били и за волосы драли а за што у них стало и ево Филипа били того он Мосейка не ведает" (Общ. Арх. Мин. Двора,

столб. 179 – 7174 г.).

К сожалению, чем окончилось это интересное дело, мы не знаем.

Приводим алфавитный список личного состава охот царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, упоминаемого в источниках, по годам:

1613 год. Сокольничий и думный дворянин Гаврило Григорьевич Пушкин.

1614 год. Охотник Ловчего пути Ябедин Степан; конный псарь Айгустов Степан; пеший псарь Селиванов Васька; холмогорский помытчик Гостев Тренка.

1615 год. Конный псарь Иевлев Константин; ястребник Бакин Истома.

1616 год. Конный псарь Яковлев Яков; пешие псари: Гаврилов Клипка, Дмитриев Афонька, Дрозжин Ивашка, Иванов Жданко, Корчмин Кондрашка, Неустроев Васька, Фадиев Нехорошка, Федоров Жданко. Кречетники и ястребники: Бакин Истом, Карпов Василий, Прямов Федор, Савелов Петр, Сычев Остафий, Устинов Григорий.

1617 год. Охотник Ловчего пути Перфуров Степан; двинские помытчики: Ботев Михалка, Офугин Давыдка.

1618 год. Сокольничий и думный дворянин Гаврило Григорьевич Пушкин; Тверской ловчий Григорий Григорьевич Маматов; псовник Усов Василий; охотники Ловчего пути: Айгустов Степан, Басков Григорий, Бундов Бажен, Евсевьев Константин, Опочинин Богдан, Перхуров Кирилл, Теряев Иван, Титов Алексей, Усов Наум, Ябедин Степан; пешие псари: Емельянов Сенька, Иванов Васька; кречетники: Лодыгин Иван, Маслов Посник, Паскин Михайло, Петров Борис, Петров Иван, Тоболин Яков;

сокольники: Гребенкин Микита, Ковалев Гаврила, Мясоедов Сава, Рыкунов Данило; ястребники: Григорьев Иван, Григорьев Розгильдей, Стогов Федор, Устинов Федор. Кречетники и ястребники (неизвестно, кто кречетник и кто ястребник): Гребенкин Юрий, Мясоедов Михайла, Рыкунов Федор, Савелов Онкундин, Савелов Федор, Тоболин Афонасей, Тоболин Федор, Чернцов Иван.

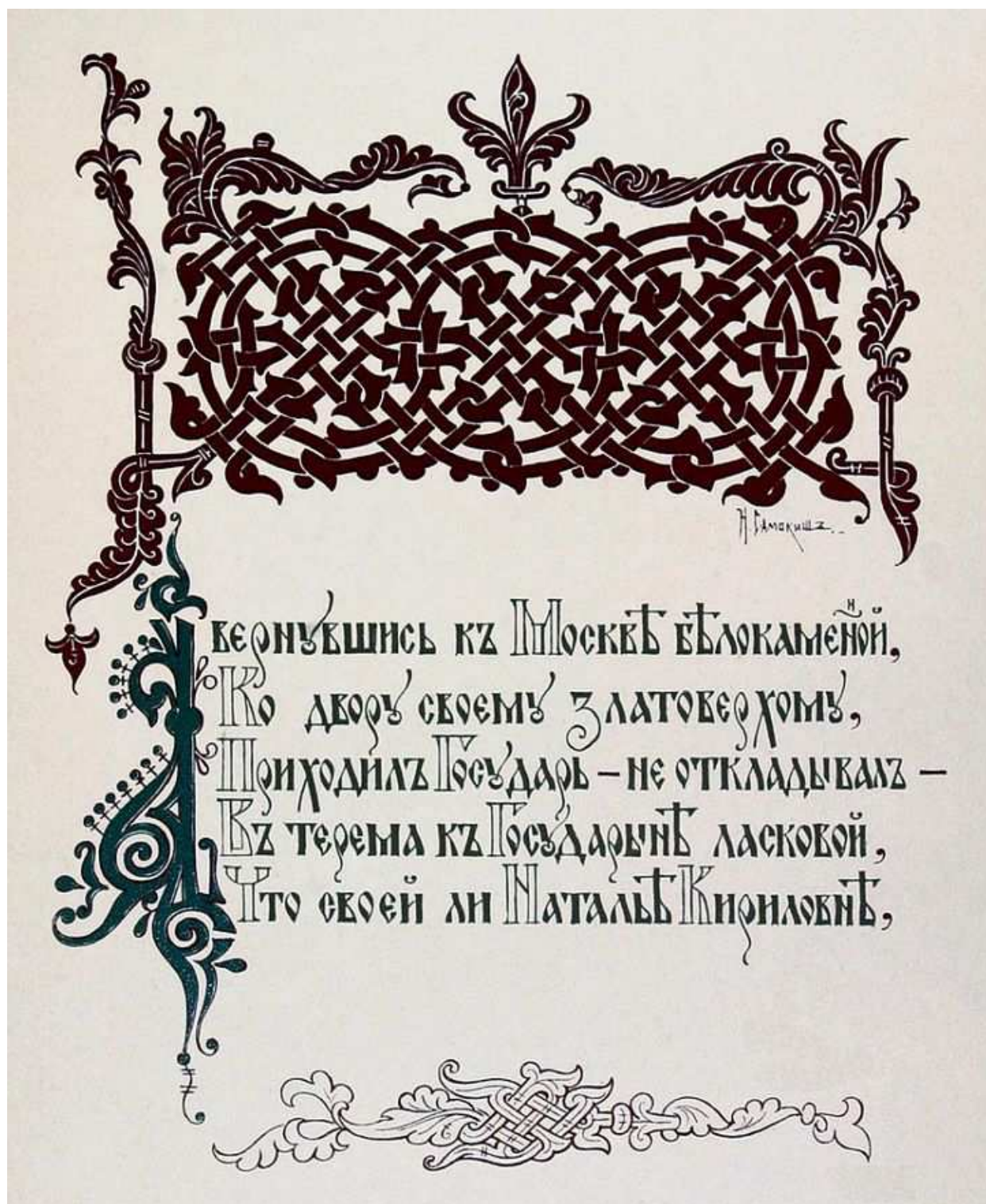
1619 год. Сокольничий и думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин; Тверской ловчий Григорий Григорьевич Маматов; охотники Ловчего пути: Опочинин Богдан, Теряев Иван, Усов Наум; конные псари: Вараксин Олфер, Горнастай Петрушка, Иванов Петр, Молчанов Петр, Олтуфьев Константин, Филипов Богдан; пеший псарь Корчмин Кондрашка; кречетники: Петров Иван, Чернцов Неустрой.

1620 год. Сокольничий и думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин; охотники Ловчего пути: Архаров Данила, Архаров Михайло, Айгустов Степан, Баскаков Григорий, Баскаков Федор, Евский Петр, Опочинин Богдан, Патрикеев Кирил, Перхуров Кирил, Перхуров Степан, Салицын Григорий, Титов Алексей, Усов Наум; приказчики борзых собак или псаренные и корытные приказчики: Корчмин Кондрат, Павлов Мартын; конные псари: Алексеев Семен, Баранов Андрей, Богданов Прокофий, Болховитин Федор, Бурцо Кондрат, Вараксин Олфер, Власов Тарас, Волков Тимофей, Горноста́й Петр, Горяйнов Григорий, Дмитриев Григорий, Дрозжин Иван, Елдезин Микита, Жуков Сава, Иванов Григорий, Карцов Иван, Корчмин Иван, Корчмин Кондрат, Корчмин Филип, Кузьмин Иван, Кузьмин Жданко, Курбатов Андрей, Левонтьев Нестер, Лишкин Олфер, Мартынов Федор, Матвеев Влас, Матвеев Григорий, Молчанов Осип, Молчанов

Петр, Молчанов Тимоха, Мордвинов Иван, Муромцов Спиридон, Нефедьев Роман, Нехороший Венедикт, Озорной Богдан, Олтуфьев Константин, Пантелеев Сергей, Позняков Афонасей, Прокофьев Девятый, Развалигородов Иван, Санин Иван, Селиванов Васильей, Слотов Тимофей, Слотов Федор, Софонов Иван, Софонов Сунгур, Спиридонов Богдан, Степанов Бажен, Сысоев Онофрей, Сычев Семен, Трофимов Исак, Трофимов Степан, Ульянов Третьяк, Федоров Артамон, Филипов Богдан, Филипов Иван, Юрьев Павел, Яковлев Андрей, Яковлев Петр, Яковлев Спиридон, Яковлев Яков; пешие псары: Артамонов Ивашка, Баженов Петрушка, Васильев Стенка, Васильев Тереха, Васильев Терешка (вероятно, 2-й, так как оба в одном списке), Дешин Гришка, Дмитриев Афонька, Дрозжин Ивашка, Иванов Ивашка, Иванов Митька, Иванов Жданко, Иванов Васька, Игнатьев Ивашка, Омельянов Сенька, Орешников Тимоха, Павлов Кирил, Семенов Савка, Семенов Онисим, Тимофеев Ивашка, Трофимов Ивашка, Фаддеев Нехорошко, Федоров Тарас, Юрьев Ивашка, Юрьев Марко; кречетник Тоболин Яков; сокольник Гребенкин Данило.

1621 год. Тверской ловчий Григорий Григорьевич Маматов; псовники: Усов Василий Федорович, Ябедин Степан Прокофьевич; охотники Ловчего пути: Архаров Михайло, Архаров Данила, Архаров Иван, Айгустов Степан, Баскаков Григорий, Баскаков Федор, Евский Петр, Опочинин Богдан, Патрекиев Кирил, Перхуров Кирил, Перхуров Степан, Салицын Григорий, Теряев Иван, Титов Алексей, Усов Наум, Усов Алексей; конные псары: Алексеев Семен, Богданов Прокофий, Вараксин Олфер, Горностай Петр, Горяйнов Григорий, Дмитриев Григорий, Дрозжин Иван, Елдезин Микита,

Жуков Сава, Иванов Кирил, Иванов Григорий, Карцов Иван, Козьмин Иван, Корчмин Кондрат, Корчмин Иван, Кузьмин Иван, Кузьмин Жданко, Курбатов Андрей, Левонтьев Нестер, Лишкин Олфер, Мартынов Федор, Матвеев Влас, Молчанов Петр, Молчанов Осип, Мордвинов Иван, Муромцов Спиридон, Нехороший Венедикт, Никифоров Арефа, Озорной Богдан, Олтуфьев Константин, Позняков Афонасей, Прокофьев Девятый, Развалигородов Иван, Санин Иван, Сафонов Сунгур, Сафонов Иван, Селиванов Василей, Слотов Федор, Спиридонов Богдан, Степанов Божен, Сысоев Анифрей,

Сычев Семен, Трофимов Степан, Трофимов Исак, Ульялов Третьяк, Черной Спира, Федоров Тарас, Федоров Артамон, Филипов Богдан, Филипов Иван, Юрьев Павел, Яковлев Обращ, Яковлев Яков, Яковлев Спиридон, Яковлев Андрей; приказчики борзых собак: Корчмин Кондрат, Павлов Мартын; пешие псари: Артамонов Ивашка, Боженков Петрушка, Васильев Степка, Дешин Гришка, Дрозжин Ивашка, Дылдин Терешка, Иванов Васька, Иванов Ивашка, Иванов Жданко, Иванов Митька, Исаков Ивашка, Корчмин Кондрашка, Омелянов Сенька, Орешников Тимоха, Семенов Онисимка, Семенов Савка, Семенов Оксенка, Тимофеев Ивашка, Трофимов Ивашка, Фадеев Нехорошка, Федоров Тарас, Юрьев Марко, Юрьев Ивашка; кречетники: Бакин Истома, Лучников Василий, Луцихин Иван (прозвище Мурат), Маслов Бурнаш, Маслов Фадей, Микулин Иван, Микулин Лаврин, Петров Иван, Тоболин Яков, Тоболин Сергей, Уланов Алексей, Чернцов Константин, Чернцов Офонасей, Чернцов Неустрой, Юрьев Алексей; ястребник Чернцов Константин; сокольник Гребенкин Данила.

1622 год. Псовники: Усов Василий Федорович, Ябедин Степан; конные псари: Иванов Кирил, Корчмин Кондрат, Корчмин Иван, Кузьмин Иван, Сафонов Ивай; пешие псари: Васильев Степанка, Дементьев Гришка, Дрозжин Иван, Иванов Васька, Иванов Жданко, Исаев Ивашка, Наумов Петрушка, Омелянов Семейка, Семенов Савка, Семенов Онисимка, Трафинов Митька, Юрьев Марко; кречетники: Рыкунов Федор, Тоболин Яков; сокольники: Гребенкин Данила, Гребенкин Иван, Корякин Смирной; ястребники: Григорьев Богдан, Григорьев Розгильдей, Маслов Бурнаш, Устинов

Григорий; переяславль-залесский помытчик Фомин Трофимка.

1623 год. Конные псари: Иванов Кирилка, Микифоров Орифейка, Толстов Семейка; ястребник Савелов Петр; кречетники и ястребники: Григорьев Богдан, Корякин Смирной, Маслов Бурнаш, Устинов Григорий.

1624 год. Псовники: Усов Василий, Ябедин Степан; охотники Ловчего пути: Айгустов Степан, Архаров Борис, Архаров Михайла, Архаров Данила, Архаров Иван, Баскаков Иван, Григорьев Федор, Григорьев Иван Федоров, Евский Петр, Патрекеев Кирил, Перхуров Кирил, Перхуров Степан, Силицын Григорий, Теряев Иван, Титов Алексей, Усов Наум, Усов Алексей; кречетники: Петров Иван, Рыкунов Федор, Тоболин Яков; сокольники: Микулин Иван, Мясоедов Семен, Рыкунов Гаврила; ястребники: Бакин Истома, Маслов Фадей, Стогов Лазарь, Чернцов Иван, Чернцов Федор; переяславль-залесский помытчик Фомин Трофимка.

1625 год. Конные псари: Корчмин Иван, Корчмин Кондрат; слоновщики (арапы): Тчанк-Фаталанк, Фотул-Мамутов, Чан-Ивбраимов; кречетники и ястребники: Григорьев Богдан, Ковалев Иван, Коноплев Богдан, Коноплев Дмитрий, Петров Тимофей, Савелов Богдан, Устинов Григорий, Фофанов Иван.

1626 год. Ловчего пути (начальный?) Тимофей Васильевич (или Иванович) Усов; охотник Ловчего пути Титов Алексей; конные псари: Васильев Стенка, Санин Иван; пеший псарь Омелянов Сенка; слоновщик Тчан.

1627 год. Ловчего пути Тимофей Иванович Усов; пеший псарь Юрьев Марко; кречетник Марков Иван

Петров.

1628 год. Ловчего пути Тимофей Иванович Усов; сокольничья пути (тоже начальный?) Истома Воейков; конные псари: Васильев Степан, Молчанов Осип; кречетники, сокольники и ястребники: Бакин Истома, Калинин Роман, Луцухин Мурат, Маслов Бурнаш, Маслов Фадей, Марков Обросим, Микулин Иван, Микулин Ларион, Мясоедов Савва, Петров Карп, Петров Степан, Сычев Юрий, Уланов Алексей, Чернцов Константин, Чернцов Афанасий, Чернцов Наум, Юров Алексей.

1629 год. Птичий стрелок Быковский Исак; кречетники: Гребенкин Борис, Дмитриев Андрей, Петров Иван, Тоболин Федор, Тоболин Федор Меркурьев (разные лица, ибо означены в одном списке), Чернцов Алексей; сокольники: Гребенкин Микита, Гребенкин Данила, Доброховский Игнатий, Савелов Григорий, Рыкунов Данила, Рыкунов Гаврила, Угренин Василий; ястребники: Григорьев Розгильдей, Григорьев Богдан, Коноплев Дмитрий, Стогов Лазарь, Устинов Григорий, Чаплыгин Василий.

1630 год. Охотники Ловчего пути: Архаров Михайло, Архаров Михайло Михайлов сын, Архаров Борис, Архаров Данила, Архаров Иван, Баскаков Иван, Баскаков Иван Григорьев, Баскаков Иван Федоров, Корчмин Иван, Перхуров Кирила, Перхуров Степан, Солицын Григорий, Титов Алексей, Усов Наум, Усов Алексей, Усов Безсон, Ябедин Иван; конные псари: Бровкин Евсюк, Васильев Стенка, Вараксин Федор, Горяинов Григорий, Дрозжин Ивашка, Жуков Сава, Иванов Гришка, Иванов Кирюшка, Камайдеев Влас, Карцов Иван, Кузьмин Жданко, Курбатов Андрей, Лотов Федор, Мартынов Федка, Мартынов Васка, Михайлов Мишка, Молчанов Осип, Молчанов Петр,

Молчанов Андрей, Муромцов Спиридонко, Никифоров Гришка, Озорной Богдан, Онтуфьев Костянтин, Павлов Сережка, Позняков Офонасий, Сафонов Сунгур, Селиванов, Иван, Спиридонов Богдашка, Трофимов Исачко, Труфанов Митка, Ульянов Тренка; кречетники: Гребенкин Борис, Дмитриев Андрей, Петров Иван, Тоболин Федор, Тоболин Федор Меркурьев, Чернцов Алексей; сокольники: Гребенкин Микита, Гребенкин Данила, Доброховский Игнатий, Савелов Григорий, Рыкунов Данила, Рыкунов Гаврила, Угренин Василий; ястребники: Григорьев Розгильдей, Григорьев Богдан, Коноплев Дмитрий, Стогов Лазарь, Устинов Григорий, Чаплигин Василий.

1631 год. Кречетники: Гребенкин Борис, Дмитриев Андрей, Петров Иван, Тоболин Федор, Тоболин Федор Меркурьев, Чернцов Алексей; сокольники: Гребенкин Микита, Гребенкин Данила, Доброховский Игнатий, Савелов Григорий, Рыкунов Данила, Рыкунов Гаврила, Угренин Василий; ястребники: Григорьев Розгильдей, Григорьев Богдан, Коноплев Дмитрий, Стогов Лазарь, Устинов Григорий, Чаплыгин Василий; кречетники и сокольники: Андреянов Григорий, Малинин Ратман, Марков Замятня, Микулин Ларион, Рукин Леонтий, Чаплыгин Иван.

1632 год. Конные псари: Исаев Иван, Меркулов Алексей, Молчанов Петр, Муромцов Спиридон; кречетники: Гребенкин Борис, Дмитриев Андрей, Петров Иван, Тоболин Федор, Тоболин Федор Меркульев, Чернцов Алексей; сокольники: Гребенкин Микита, Гребенкин Данила, Доброховский Игнатий, Савелов Григорий, Рыкунов Данила, Рыкунов Гаврила, Угренин Василий; ястребники: Григорьев Розгильдей, Григорьев Богдан, Коноплев Дмитрий, Стогов Лазарь, Устинов Григорий, Чаплыгин Василий; двинской

помытчик Лукьянов Михайло.

1634 год. Конные псари: Курбатов Андрей, Леонтьев Игнатий, Меркульев Алексей, Семенов Яков; пеший псарь Степанов Герасимка; кречетники, сокольники и ястребники: Ковалев Иван, Петров Алексей, Стогов Лазарь, Чаплыгин Иван, Чернцов Исаия, Чернцов Григорий, Шахматов Василий, ...ров Алексей, ...Томил.

1635 год. Ловчий с путем Иван Федорович Левонтьев; кречетники, ястребники и сокольники: Бакин Истома, Вороновский Матвей, Гребенкин Борис, Григорьев Иван, Емельянов Мартын, Коноплев Богдан, Петров Данила, Рукин Леонтий, Савелов Иван, Устинов Григорий, Фофонов Иван, Чаплыгин Герасим, Чернцов Наум, Чернцов Василий, Шахматов Максим.

1636 год. Ловчий Иван Федорович Левонтьев; конные псари: Иванов Григорий, Меркульев Алексей; пешие псари: Афанасьев Елистрашка, Яковлев (Путивлец) Ивашка.

1637, 1638 и 1639 года. Ловчий Иван Федорович Левонтьев.

1640 год. Ловчий Иван Федорович Левонтьев; переяславль-залесские помытчики: Корнильев Михлил, Новиков Тихон, Фомин Трофимка.

1641 год. Ловчий Иван Федорович Левонтьев.

1642 год. Переяславль-залесский помытчик Фомин Трофимка.

1644 год. Охотники Ловчего пути: Аристов Яков Иванов, Архаров Василий Михайлов, Архаров Иван Иванов, Баскаков Кондратий Григорьев, Бернов Лаврентий Петров, Головцын Семен Гаврилов, Молчанов Осип Кирилов, Молчанов Петр Тимофеев, Неверов Тимофей Семенов, Перхуров Иван Кирилов, Позняков Афанасий Григорьев, Солицын Иван

Микифоров, Теряев Иван Андреев, Теряев Еремей Иванов, Усов Алексей Васильев, Усов Наум Спиридонов, Ябедин Иван Степанов; зверовщики: Зерцалов Сила, Иванов Степан, Терентьев Семен; поместные псари: Айгустов Сергей, Гринев Тимофей, Гринев Кузьма, Елдетин Никон, Коняев Григорий, Курбатов Андрей, Малчин Иван, Меркульев Алексей, Сафонов Иван, Сафонов Яков, Табалин Богдан, Юдин Андрей, Ярцов Михаил; хлебные псари: Агеев Тимофей, Азарной Микифор Кусьмин, Азарной Богдан Петров, Акишев Влас Иванов, Андреев Микита, Анисимов Осип, Бровкин Евсевий Евсеев, Будаев Павел Васильев, Буколов Дементий Тимофеев, Буколов Петр Тимофеев, Васильев Антип, Волков Тимофей Ларионов, Данилов Давыд, Дрозжин Иван Иванов, Дрозжин Федор Микитин, Дылдин Терентий Васильев, Ермаков Борис, Завьялов Дмитрий Савельев, Иванов Григорий, Исаев Иван, Исаев Микита, Касимов Игнатий Леонтьев, Кляпушков Михайла Михайлов, Колокольцов Михаил Васильев, Максимов Микифор, Молчанов Любим Петров, Молчанов Иван Петров, Оксенов Артемий, Остафьев Потап, Павлов Иван, Позняков Исай Григорьев, Рышков Семен Агеев, Семенов Оксен, Степан Левонтий, Степанов Григорий, Степанов Сава, Тещин Богдан Спиридонов, Трифонов Дмитрий, Иевлев Михей, Ульянов Агей Третьяков, Федоров Василий, Черной Спиридон Яковлев, Шахов Василий Осипов, Яковлев Андрей, Яковлев Семен; конный псарь Шевелев Микита; корытные приказчики: Васильев Степан, Луковников Влас Матвеев; пешие псари: Арешников Иван Тимофеев, Бедерка Федор Степанов, Гирич Герасим Степанов, Гордеев Игнатий, Дешин Ефим Григорьев, Дмитриев Прокофий, Дрыжынек Петр Ортемьев, Иванов Сафон, Иванов

Федот, Косой Степан Васильев, Ларионов Роман, Мокеев Овдоким, Нагиба Григорий Иванов, Назарьев Борис, Новиков Иван Матвеев, Олексеев Данила, Олексиев Максим, Оринов Терентий, Офонасьев Елистрат, Офонасьев Иван, Павлов Петр, Пиголев Борис Васильев, Почитай Антон Иванов, Почитай Иван Иванов, Путимец Иван Яковлев, Романов Павел, Свистун Григорий Степанов, Семенов Филип, Сидоров Тит, Сафонов Макар, Сторожев Михей Иванов, Сторожев Федор Иванов, Шарапов Степан Васильев, Яковлев Марк; наварники: Ерш Гаврила Иванов, Лазарев Ортемий, Олексеев Ондрей, Семенов Григорий, Тарасов Тимофей, Трофимов Григорий, Харитонов Кирил.

1645 год. Сокольник Исаия Чернцов.

1646 год. Московский ловчий Иван Леонтьев; конные псари: Будаев Павел, Исаев Иван, Меркульев Алексей, Молчанов Любим, Озорной Никифор, Чарка Сенка, Шахов Василий, Шевелев Никита, Шевелев Дмитрий, ... Власка; пеший псарь ..... Марчка.

1647 год. Московский ловчий Иван Леонтьев; охотник Ловчего пути Молчанов Осип; конные псари: Акишев Влас, Будаев Павел, Буколов Дементий, Молчанов Любим, Молчанов Матвей, Озорной Никифор, Озорной Яков, Яковлев Андрей; пешие псари: Афанасьев Ивашка, Косов Стенка, Рындин Данилка, Сторожев Федька, Тарасов Тимошка, Яковлев Марчка; птичьи стрелки: Быков Исай, Тараканов Игнатий; сокольники: Володин Иван, Камчатов Дмитрий, Коноплев Василий, Константинов Родион, Мисюрев Дмитрий, Огонков ....., Патрекеев Митрофан, Чернцов Иван, Шатилов Иван; клубучечный мастер при кречатне Дмитриев Ивашка.

1648 год. Псовник Петр Жадовский; зверовщик

Сила Зерцалов; охотники Ловчего пути: Аристов Осип, Головцын Семен, Меркур(л?)ьев Алексей, Неверов Тимофей, Теряев Еремей, Ябедин Иван; конные псари: Будаев Павел, Гордеев Игнатий, Данилов Давыд, Дрозжин Федор, Исаев Иван, Молчанов Любим, Озорной Яков, Озорной Никифор, Шевелев Никита, Яковлев Андрей; пешие псари: Иванов Сафенка, Сафенов Макарка, Свистунов Гришка, Тарасов Тимошка; конные и пешие псари: Иванов Федор, Макеев Евдоким, Молчанов Матвей Осипов, Молчанов Иван Осипов, Онисимов Игнатий, Терентьев Семен; сокольники: Гребенкин Иван Данилов, Останков Ивашка, Тоболин Михейко.

1649 год. Московский ловчий Афанасим Софонтьевич Заболоцкий; охотники Ловчего пути: Молчанов Михаил, Неверов Тимофей, Пархунов Иван, Усов Алексей; конные псари: Будаев Павсл, Исаев Иван, Исаев Никита, Молчанов Любим, Озорной Никита. Кречетник Григорьев Иван; сокольники: Бабин Борис, Григорьев Тимофей, Деев Автоном, Зайцев Филька, Камчатов Дмитрий, Камчатов Александр, Клеин (Кельин?) Игнатий, Коноплин Василий, Константинов Родивон, Корчмин Иван, Мисюрев Яков, Рудаков Семен, Собакин Кирсан, Тулубьев Артамон, Хомяков Петр, Чириков Григорий, Шатилов Иван, Ярцов Филип.

1650 год. Московский ловчий Афанасий Сафонтьевич Заболоцкий; подсокольничий Петр Хомяков; охотник Ловчего пути Теряев Еремей; сокольники: Григорьев Ивашка, Ерофеев Мишка, Кельин Игнашка, Кельин Андрюшка, Кельин Афанасий, Кошелев Артем, Семенов Мишка, Собакин Кирсанка, Строгальников Мишка, Тоболин Парфюшка, Тоболин Михейка, Ярышкин Ивашка.

1651 год. Охотники Ловчего пути: Бернов Лаврентий, Корчмин Василий, Меркульев Алексей, Молчанов Петр, Молчанов Матвей, Молчанов Михайла, Молчанов Осип, Неверов Тимофей, Позняков Афанасий, Перхуров Иван, Теряев Максим, Усов Алексей; конные псари: Акишев Влас, Анисимов Осип, Бровкин Евсевий, Будаев Павел, Буколов Дементий, Гордеев Игнатий, Данилов Давыд, Дрозжин Федор, Дрозжин Иван,

Влезно съ ней обнималась — здоровалась,
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшаго царевнѣ,
Государя Петра Алексѣевича;

Зверовщиков Семен, Зорин Петр, Иванов Афанасий, Иванов Григорий, Иванов Антип, Ивлев Михей, Исасев Никита, Кланпошников Михайла, Клопшев Василий, Колокольцев Михайла, Логунов Иван, Матвеев Федор, Матвеев Исак, Минин Герасим, Молчанов Фаддей, Молчанов Иван, Молчанов Любим, Озорной Никифор, Озорной Яков, Остафьев Потап, Павлов Иван, Пахомов Лука, Петров Тихон, Петров Федор, Позняков Исай, Похирев Сергей, Свистунов Григорий, Семенов Сомойла, Степанов Григорий, Степанов Сава, Степанов Иван, Спиридонов Исак, Спиридонов Богдан, Фролов Терентий, Ябедин Иван, Яковлев Андрей; корытные приказчики: Васильев Степан, Исаев Иван; птичьи стрелки: Быковский Исай, Тараканов Игнатий.

1652 год. Московский ловчий Афанасий Сафонтьевич Заболоцкий; кречетник Чекин Семен; птичьи стрелки: Быковский Исай, Самойлов Гаврила, Тараканов Игнатий.

1653 год. Птичьи стрелки: Быковский Исай, Самойлов Гаврила, Тараканов Игнатий; сокольники: Арчаков Митька, Бабин Борис, Гринев Ивашка, Камчатов Дмитрий, Кислинский Карпуша, Корчмин Иван, Кельин Афонька, Лабутин Власка, Мисюрев ...(Яков?), Плещеев Никита, Салтанов Стенька, Тоболин Михей, Чириков Григорий, Юров Васька, Ярофеев Мишка, Ярофеев Ивашка; помытчик (какой?) Кельин Игнатий.

1654 год. Кречетники: Чаплыгин Иван, Чернцов Алексей; сокольники: Григорьев Акиноферка, Гринев Ивашка, Ильин Ивашка, Коноплев Васька, Кошелев Федька, Ломакин Анисимка, Маслов Кирюшка, Микулин Наум, Патрекеев Митрошка, Петров Матюшка, Петров Данила, Реутов Сидорка, Юров Ивашка.

1655 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; конные псары: Андреев Петр, Мат..... Исай (вероятно, Матвеев, смотри 1651 год), Степанов Иван, Фролов Терентий, Чернцов Федор, ... Иван, ... Игнат, ... Михей, ... Влас; пешие псары: Алексеев Данила, Григорьев Матвей, Елизарев Семен, Онд..... Гаврила, ... Сафон, ... Герасим; сокольники: Бабин Борис, Григорьев Акинфейка, Григорьев Левонтий, Григорьев Ивашка, Ерофеев Мишка, Иванов Ларивон, Кельин Прошка, Корсаков Васька, Кошелев Федька, Маслов Кирюшка, Петров Митюшка, Реутов Сидорка, Соло..... Ивашка, Теряев Ивашка, Тоболин Михей, Юров Васка, Юров Ивашка, ...Тихон, ... Митрошка; сибирские кречаты помытчики: Игеев Теней, Итеев Кучусь Маметя, Кадаулов Беметя, Кизылбаев Кочюгай.

1656 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин.

1657 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; птичьи стрелки: Самойлов Ганка, Тараканов Игнашка; кречетник Ярышкин Иван; ястребники: Алексеев Мурат, Сергеев Алексей; сокольники: Назарьев Сергей, Тоболин Парфений, Тулубьев Терентий; ростовский соколий помытчик Плешивов Константин.

1658 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Гавердовский Карп, Григорьев Карп, Зуй Федор; ермолинские сокольники: Коноплев Иван, Коноплав Неустрой, Лукьян Карп, Молчанов Роман, Никитин Терентий; ермолинские ястребники: Алексеев Кондратий, Антипов Яков, Никитин Самойла, Сергеев Алексей; ермолинские соколы и ястребы робята: Брезгин Ивашка, Григорьев Илюшка, Коноплев Мишка, Коноплев Кондрашка,

Кузьмин Филька, Маркилов Емелька, Маркилов
 Доронька, Микитин Тишка, Молчанов Стенька,
 Романов Сенька, Тиханов Андрюшка, Тиханов
 Макарка; ростовский соколий помытчик Плешивов
 Константин; тобольские кречаты помытчики:
 Ильчибаев Кулмаметка, Янгитов Чечнев.

1659 год. Московский ловчий Афанасий Иванович
 Матюшкин; пешие псари: Гаврилов Лугачь, Полежаев
 Иван; сокольники: Ерофеев Михайла, Сидоров Аникей.

1660 год. Московский ловчий Афанасий Иванович
 Матюшкин; сокольники: Алексеев Кондратий, Бабин
 Родька, Брезгин Иван, Григорьев Карп, Дорофеев
 Фома, Ерофеев Михайла, Ерофеев Микита, Зуй Федор,
 Ильин Хорошай, Казаков Тихон, Карпов Кузьма,
 Козлов Артемий, Коноплев Иван 1-й, Коноплев Иван
 2-й, Коноплев Михайла, Коноплев Кондратий, Кузьмин
 Филип, Лукьянов Карп, Мамошин Прокофий,
 Маркелов Омельян, Микулин Наум, Молчанов Роман,
 Никитин Терентий, Романов Семен, Романов Степан,
 Шулгин Прохор; ястребники: Антипин Яков, Никитин
 Самойла, Сергеев Алексей; состоял при кречатне
 Кулмаметов Овесбах; архангельские кречаты
 помытчики: Аникеев Гришка, Афанасьев Васька,
 Власов Петрушка, Григорьев Ивашка, Гурьев Трошка,
 Ефимов Климка, Иванов Мирошка, Иванов Васька,
 Иванов Афонька, Кустов Мишка, Каркавцев Осташка,
 Марков Ивашка Григорьев, Матвеев Акимка, Семенов
 Федька, Срыков Сенька; сибирские кречаты
 помытчики: Вазмин Елеска, Карташев Федька,
 Карташев Давыдка, Ожгибесов Анисимка, Решетников
 Митька; двинские кречаты помытчики: Жилин
 Алешка (с товарищами, 10 человек).

1661 год. Московский ловчий стольник Афанасий
 Иванович Матюшкин; корытный приказчик псовой

охоты Фролов Терентий; медведчик Федотов Авкудинка; сокольник Ерофеев Михайла; тобольский кречатий помытчик Мельников Никита; ростовский соколий помытчик Наумов Константин.

1662 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; конные псари: Матвеев Исаак, Пахирев Сергей; кречетники: Григорьев Василий, Ларионов Иван, Чекин Игнатий, Черцов Андрей, Черцов Игнатий, Черцов Кузма, Ярцов Фадей; сокольники: Ерофеев Михаил, Ерофеев Никита, Иванов Сафон, Коноплев Иван, Коноплев Кондратий, Лежнев Артемий, Микулин Наум, Немчинов Алексей, Рыкунов Гаврила; ястребники: Антипьев Яков, Сергеев Алексей, Степанов Александр, Степурин Александр, Уланов Алексей; кречетники, или сокольники, или ястребники: Данилов Доримент, Исаев Ларион, Карпов Кузьма, Кулин Сидор, Кельин Андрей, Лабутин Влас, Ляхов Семен, Маслов Кирила, Немчинов Устин, Отдавлетов Семен, Поляников Тимофей, Ромейков Ромило, Тоболин Парфений, Тургенев Портимуфей, Чернцов Роман, Ярышкин Иван; клобучечный мастер при кречатне Куприянов Ивашка; ростовские соколы помытчики: Кекин Антошка, Васильев Ивашка.

1663 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; охотники Ловчего пути: Баскаков Кондратий, Баскаков Артемий; конные псари: Мамошин Данила, Окишев Влас, Сафонов Гаврила; конные или пешие псари: Бернов Лаврентий, Ермолов Лаврентий; корытный приказчик псовой охоты Терентий Фролов; выжлятник Константинов Ивашка; медведчик Федотов Анкудин; сокольники: Гурьев Федор, Ерофеев Михаил; ростовский помытчик Кекин Антошка.

1664 год. Московский ловчий стольник Афанасий

Иванович Матюшкин; сокольники: Бордаков Дмитрий, Ерофеев Михайла, Сидоров Аникей, Теряев Мина, Ширков Ануфрий.

1665 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Ерофеев Михайла, Полозов Зот, Столетов Гервас, Теряев Алексей, Шетилов Юрий, Юров Филька; ловчий сокольник Сидоров Аник (Туляк); нижегородский соколий помытчик Кинячин Ивашка; казанский соколий помытчик Деев Куземка.

1666 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; конные псари: Горбунов Сидорка, Кирилов Левка, Яковлев Гришка; пеший псарь Григорьев Ивашка; сокольники: Батогов Елисей, Ерофеев Михайла, Раков Дмитрий; сибирские кречаты помытчики: Анохин Ивашка, Анохин Давыдка, Воронов Федка, Вязмин Елеска, Головин Митька, Друганов Федка, Зырян Еремка, Коклягин Микишка, Щулгин Наумка; ростовский соколий помытчик Плешивый Костька.

1667 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; псарь Цыпляев Григорий; сокольники: Григорьев Леонтий, Ерофеев Михайла, Капылов Данила Ларионов, Камчатов Алексей, Козаков Терентий, Теряев Мина, Тоболин Михей, Тулубев Терентий; ловчий сокольник Сидоров Аник; ростовские соколы помытчики: Кекин Ганка, Плешивов Костька; тобольские кречаты помытчики: Енмаматов Бузайка, Ильгиниц Стигерка, Ишеев Толка, Косырев Чечка.

1668 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; Царево-Борисовской зверовой охотник Костянтинов Севастьян; стремянные конюхи: Раков Федор, Шевелев Микита; кречетник Григорьев

Василий Иванов; сокольники: Долгинский Семен, Ерофеев Михайла, Карпов Кузьма, Плещев Никита, Похвиснев Епенет, Раков Микита, Раков Дмитрий, Руднев Артемий, Теряев Мина, Теряев Максим, Тулубьев Иван, Шастов Шаблыка; ловчий сокольник Сидоров Аник; ростовский соколий помытчик Кекин Антошка; сибирские кречатьи помытчики: Алмеметев Алмеметько, Ветлугин Петрушка, Ворогушин Савинко, Вязмин Елеска, Гагин Петрушка, Головин Федка, Головин Мишка, Измайлов Гришка, Изотьев Васка, Итеев Тененко, Котин Исачко, Крушинский Григорий, Крушинский Якимко, Кутабердеев Ешко, Мелников Микитка, Насекин Ларка, Павлов Нефедка, Палкин Шумилка, Полуянов Офонка, Полуянов Кирилка, Шулгин Назарка, Ярков Мишка, Ярков Стенка, Фифилов Аксенка.

1665 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; подъячий потешного двора Столетов Гервас; лекарь потешного двора Кириан Кутешев; сокольники: Ерофеев Михаил, Маслов Кирила, Михайлов Михайла, Полозов Зот, Похвистнев Епенет, Руднев Картерий, Тулупов Иван; сибирские кречатьи помытчики: Адраманов Кучючка, Бородин Мишка Потеряй, Фефилов Аксенка; соколий помытчик Чаранской округи Иванов Боженка; холмогорские кречатьи помытчики: Иванов Трофимка, Капустин Ивашка, Коркавцев Осташка.

1670 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Куликов Василий, Полозов Зот, Руднев Картерий; сибирские кречатьи помытчики: Иванов Пашка, Килдисанов Тлешко, Крушинский Гришка, Мальцов Сенка, Пушкарев Ивашка, Семенов Ивашка, Смирной Левка, Терентьев Петрушка, Уткин Мишка.

1671 год. Московский ловчий стольник Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Должинский Юшка, Зубок Митрошка, Збурский Юшка, Исаев Ларка, Казаков Терентий, Куликов Васька, Леонтьев Микишка, Леонтьев Лукашка, Мокринский Ивашка, Нелюдов Васька, Отдавлетов Семен, Ромейков Максимка, Руднев Картерех, Сидоров Ивашка, Терентьев Доронка, Теряев Минка, Тулубьев Терентий, Фролов Андрюшка.

1672 год. Думный дворянин и ловчий Московского пути Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Теряев Максим, Тулупов Иван, Фролов Андрей; сибирские кречаты помытчики: Кряжев Ивашка, Перфильев Кондрашка, Савин Кирилка, Фокин Тимошка, Ярцов Илюшка.

1673 год. Думный дворянин и Московский ловчий Афанасий Иванович Матюшкин; псовник Теряев Петр; сибирские кречаты помытчики: Кряжев Исачка, Перфильев Кондрашка.

1674 год. Думный дворянин и ловчий Московского пути Афанасий Иванович Матюшкин; сокольники: Буднев Корнилий, Полозов Зот Иванов; сибирские кречаты помытчики: Аддиев Суяргулко, Аксеитов Иткиня, Аксубеев Тарыгулко, Аксубеев Байтуган, Алгилдеев Агулан, Алметев Бузанко, Алсалбеев Арлым, Алсеитов Кочагулко, Алсеитов Кутлугилдейко, Алсеитов Куркачик, Алсеитов Костей, Аскалдеев Ярлыган, Бантов Енейко, Байсубаев Махметько, Бутаков Сююндрючко, Буйдянов Лучко, Дянов Тлешкобуй, Иганов Аткулко, Илбаев Келмаметько, Илгинин Турутурко, Илчибаев Утешко, Илчибаев Колушко, Инчибаев Биляшко, Ишеев Токлушко, Ишеев Ергиня, Килдисанов Миняк, Колкунеев Сурак, Копландеев Кадаулко, Косарьев Аитнелко, Кулаев

Утемышко, Рысов Чичканко, Рысов Ишберды, Сколдесанов Тлешко, Сорьев Литко, Тотуев Мелыш, Тотуев Куташко, Тотуин Евгаш, Тотыев Егирнячко, Тотыев Союрко, Утешев Бикдаклу, Чечкин Батурко, Чигиров Аташ, Ялгулов Атуганко, Янгитов Чечка, Янгитов Куташугурко.

1675 год. Думный дворянин и ловчий Московского пути Афанасий Иванович Матюшкин; стремянной конюх Озорной Андрей; сокольники: Полозов Зот Иванов, Похвистнев Епенет, Товадеев Семен; клобучечный мастер потешного двора Кипреянов Иван.

1676 год. Думный дворянин и ловчий Московского пути Афанасий Иванович Матюшкин; ростовский соколий помытчик Толстой Иван.

114 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 321, л. 2.

115 См. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 224; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 304, л. оборотн. 3 и 31 столб. 94 – 7182 г.

116 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 213; кн. 205, л. 194; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 207, л. оборотн. 57; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 18; столб. 104 – 7125 г.; столб. 65 – 7159 г.

117 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 355 и л. оборотн. 808; кн. 205, л. 195 и л. оборотн. 195; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 59 и 114; кн. 302, л. 81.

118 См. Забелина "Быт цариц", стр. 459–462; ср. Дворцовые разряды за соответствующие годы.

119 См. Урядник в "Собрании писем царя Алекс. Михаил.", изд. Бартенева, М. 1856, стр. 92–116; ср. Забелина "Опыты изучения русск. древностей", стр. 247–256.

120 Рукоп. Госуд. арх., ноябрь 1660, челобитная Бабина; Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77 – 7173 г., кн. 320, л. оборотн. 164.

Челобитная ловчего сокольника Аникия Сидорова: "Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержцу бьет челом холоп твой туленин (туляк) сокольник Аничко Сидоров в нынешнем Государь во 173 году по твоему Великому Государю указу привез я холоп Твой с Тулы к тебе Великому Государю к Москве шесть соколов, и те соколы у меня холопа твоего приняты, а твоего Государева жалованья на нынешний на 173 год против прошлых лет мне холопу твоему не выдано. Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержец пожалуй меня холопа своего своим царским жалованьем за мою службишко вели Государь мне свое Государево жалованье сукно на нынешний на 173 год выдать против прошлых лет. Царь Государь смилуйся пожалуй".

"Государь пожаловал велел ему дать сукно против прежних дач каковы им даютца сукна" (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77 – 7173 г.).

121 Общ. Арх. Мин. Двора, столбцы: 205 – 7140 г., 74 – 7155 г., 68 – 7160 г., 10, 54, 143 и 155 – 7161 г. и 62 – 7165 г.

122 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 374 – 7168 г.

123 Там же, столб. 24 – 7143 г.

124 В 1669 году, во время похода в село Хорошево, сокольник Кирила Маслов привез царю Алексею Михайловичу "двести бумаг в них по полтине, и того сто рублей" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1077, л.

оборотн. 55).

В том же 1665 году, в октябре месяце, сокольник Иван Тулупов привозил из Москвы в село Преображенское нищих, за что получил полтора рубля (там же, кн. 1077, л. 54).

В 1674 году в Дворцовых разрядах отмечено: "Того ж году прислан из походу от Великого Государя, из села Преображенского, нарочно сокольник к боярину и к оружничему к Богдану Матвеевичу Хитрову, что указано ему боярину пересмотреть во всех государевых хоромах, и в Государыни Царицыных, и у Государев Царевичев, и у Государынь Царевн болших и менших: худых мест, лавок, и мостов, и печей, и в мыленках, и где худо велено перечинить вновь; а будет в иных местах нелзе чинить, ино указано вновь построить к его Великого Государя приходу совсем" (Дворц. разр., т. III, стр. 1126).

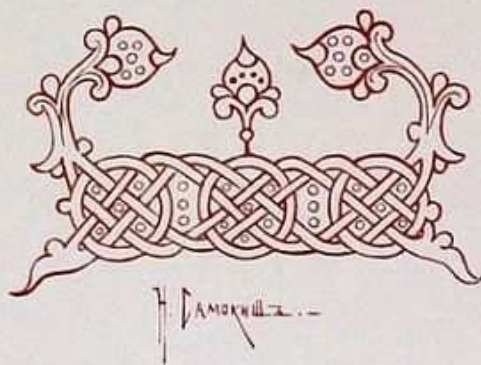
125 Госуд. Арх., разр. XXVII, No 173; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 172; кн. 1073, л. 70 и 129; кн. 1076, л. 249; кн. 1077, л. 40, 42, 54, л. оборотн. 55 и 88; Дворц. разр., т. I, стр. 662; т. II, стр. 97, 111, 113, 114, 135–137, 200, 206, 213, 330; т. III, стр. 234, 581, 915–918, 1126, 1424, 1428; Дополн. к III т., стр. 137 и 266.

Так, в 1625 году, при встрече в феврале месяце персидских послов, принимали участие в процессии, в числе других чинов, Ловчего пути охотники, псари и кречетники (Дворц. разряды, т. I, стр. 662). В октябре 1629 года при встрече французских послов участвовало в параде 5 охотников Ловчего пути и 56 псарей поместных (конных) (там же, т. II, стр. 97). В феврале 1630 года ко встрече шведских послов по государеву указу было велено охотникам Ловчего пути и конным псарям, "что бы они для посолские встречи были

готовы Февраля в 5 день, в пятницу; а были б цветны и конны" (там же, стр. 5). В этой встрече участвовало 18 охотников Ловчего пути и 31 конный псарь. Кроме того, в церемонии прннимали участие и "приказчики борзых и гончих собак" (там же, стр. 113); всего же чинов Ловчего пути было тут 73 человека (там же, стр. 114).

ДБЛОВАЛЪ — МИЛОВАЛЪ, ПРИГОВАРИВАЛЪ:
 — «ВѢХЪ ТѢ, ДИТАТКО, СЕОДЦЕ СТРОПТИВОЕ,
 СПОЗАНУКЪ БѢ ТЕБѢ, МОЕ ДИТАТКО,
 РАСХОДИЛАСЯ КРОВЬ БОГАТВРСКАЯ —
 НА РУМЯННУХЪ ЩЕКАХЪ ЗААЛѢЛАСЯ,
 ВЪ СОКОЛИННУХЪ ГЛАЗАХЪ ЗАГОРѢЛАСЯ ...

В мае того же 1630 года, при встрече турецкого посла "Фомы Катакузина", принимали участие в торжестве Ловчего пути охотники в числе 14 человек, псари в числе 51 человека, 7 трубников и 10 сурначеев также Ловчего пути (там же, стр. 135–137). В апреле 1631 года шведского посла Якова Руселя, между другими, встречали Ловчего пути 11 охотников, 32 конных псаря, 6 кречетников и ястребников и 14 трубников и накрачеев (там же, стр. 200). То же число чинов царской охоты участвовало в торжестве встречи посла того же короля Густава-Адольфа-Антон Монира в мае 1631 года (там же, стр. 206). В июне того же 1631 года, при встрече датского посла "Мантыяля", участвовало десять охотников Ловчего пути и тридцать псарей (там же, стр. 213). В апреле 1651 года, при встрече литовских послов, Станислава Витовского с товарищами, "за Тверскими вороты, за Земляным городом, за Ямскою слободою", в числе прочих, "ехали перед послы в город до посолского дворца..." "...и ловчего пути, и кречетники, и соколники, и ястребники, и псари конные..." "...на добрых лошадях в цветном платье" (там же, т. III, стр. 234). В 1658 году, при встрече грузинского царя Теймураза Давыдовича, "за Устренскими вороты за Земляным городом" у сокольников и стремянных конюхов был головою Артамон Сергеевич Матвеев (Дополнение к III тому Дворц. разр., стр. 137). В записке о приезде грузинского царя, между прочим, читаем, что приглашенный 8 мая 1658 года царем Алексеем Михайловичем в Грановитую палату грузинский царевич Николай Давыдович ехал в карете, "а около кареты шли конюшенного чину и Сокольники в атласных в червчатых и в лазоревых кафтанах с протозаны" (Вивлиофика Российская, т. VIII, стр. 127 и

128). То же читается и в записке о бытности на отпуске грузинского царевича, относящейся к 1660 году (там же, т. XIV, стр. 42). Под 1661 годом, в записке о встрече цесарских послов "Августина Фонмаерна да Горацыужа Вильгельма Калюдыуша" встречаем "на правой стороне против Никольских ворот стремены конюхи и сокольники" (там же, т. VIII, стр. 155). Встреча эта была за городом, за Тверскими воротами, а начальствовал сокольниками и стремянными конюхами полковник и голова стрелецкий Артамон Сергеевич Матвеев (Дополнение к III тому Дворц. разр., стр. 266). По поводу церемонии этой встречи послов императора Леопольда, между прочим, читаем под 25 мая в дневнике литовского стражника, находившегося в то время в плену в Москве, Михаила Обуховича: "Далее шли две хоругви царских конюхов, из коих одни называются степенные, другие же стадные. Степенные ухаживают собственно за царскими лошадьми, стадные же заведуют простыми, которых находится при Дворе бесчисленное множество. Стадные были в одежде трех различных цветов, в голубом, белом и красном; степенные же имели наряд еще великолепнее: лазуревую одежду и богачейшие шубы; Головою их был гость Василий Шорин: человек богатый и потому и одетый весьма великолепно. Далее Царские Сокольники, которых было две хоругви; их вел Артамон Сергеевич Стрелецкий голова, одетый в платье из драгоценной парчи и конь его был убран также богато; перед ним вели несколько превосходных и богато украшенных коней" (Дневник Обуховича, стр. 20).

В описании приема в 1664 году, в апреле месяце, английского посла "Чарлуса Говорта" читаем, что во дворце Алексея Михайловича "от передних сеней от

дверей до нижнего деревянного рундука (площадки), что в переграде, от постелного крыльца по обе стороны стояли 66 человек соколников, с нарядными с протозаны, в атласных кафтанах розными цветы" (Дворц. разряды, т. III, стр. 581). При встрече 31 декабря 1673 года великих и полномочных послов короля шведского, графа Оксенштерна с товарищами, за городом, за Тверскими воротами, за Гонною слободою, был "у соколников голова столник Иван Андреевич Посников, а ехали соколники с крылами" (там же, стр. 915–917). Далее, в церемониале той же встречи читаем: "А за каретою у послов, вместо гостей, ехал голова с сотнею Иван Посников, а у него в сотне Сокольники" (там же, стр. 918). Наконец, в "переводе с латинского письма Анибала Францышека де Ботония да Ягана Терлингерена" (венские посланники), помеченного 11 сентября 1674 года, читаем: "Нас звали на посольство... ехали перед нами 30 человек ездовых, которых сокольниками называют, на лошадях белых" (Памятники дипломат. снош., т. V, стр. 168).

126 Так, в 1651 году, мая 16, было приказано выдать в Государеву Мастерскую палату 137 рублей 25 алтын в жалованье сокольникам на 1652 год (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 79 – 7159 г.). В 1664 году, сентября 7, велено было выдать "на его государев потешный двор в Семеновское к столнику Василию Яковлевичу Голохвасту на роздачу Государева годового жалованья соколником и на иные расходы тысячу рублей" (там же, кн. л. оборотн. 17). В 1667 году, сентября 20, опять на Семеновский потешный двор выдана тысяча рублей для удовлетворения сокольников годовым жалованием (там же, кн. 1075, л. 64). На ту же надобность выдано в 1668 году, сентября 13, 981 рубль (там же, кн. 1076, л. оборотн. 234) и в 1669 году,

сентября 16 – 1176 рублей (там же, кн. 1077, л. оборотн. 34). В том же 1669 году велено было привезти из Домодедовской волости тысячу четвертей ржи также на Семеновский потешный двор и также в жалованье сокольникам (там же, кн. 1076, л. оборотн. 254).

127 20 сентября 1667 года сокольнику Мине Теряеву было выдано 20 рублей денег "на приданое сестре его" (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1075, л. 61). Того же года и месяца, в 24 число, на погребение псаря Григория Цыпляева было отпущено 3 рубля (там же, кн. 1075, л. оборотн. 64). 16 ноября того же 1667 г. на погребение же сокольника Никиты Плешова было отпущено 10 рублей (там же, кн. 1075, л. 72). 9 января 1668 года стремянному конюху Федору Ракову было дано на погребение брата его сокольника Микиты Ракова 25 рублей денег (там же, кн. 1075, л. оборотн. 80). Наконец, 17 февраля 1669 года сокольнику Епенету Похвистневу отпущено на погребение отца его 10 рублей (там же, кн. 1075, л. 262).

128 См. Катошихина, стр. 60 и 80; Арх. Мин. ин. дел, Дела приказные, No 24, свит. 51 – 7140 г. и No 27, свит. 12. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 254; кн. 282, л. 368; кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285; кн. 317, л. оборотн. 321; кн. 1072, л. оборотн. 17, л. 172; кн. 1075, л. 64 и л. оборотн. 65; кн. 1076, л. 234 и л. оборотн. 234 и 254; кн. 1077, л. оборотн. 34 и л. 40; столбцы: 32 – 7158 г., 62 и 79 – 7159 г., 388 – 7168 г. и 407 – 7170 г. Так, в списке наград сокольникам за потехи перед царевичем Феодором Алексеевичем, относящемся к 1671 году, находятся собственноручные приписки царя: "...да Минке киндяк лучшей..." "...кто тех держал соколов..." "...сукно киндяк Терешке Козакову от нас да софян..." (Госуд. арх., Разр. XXVII, No 52 – 7179 г.;

Беляева "Крестьяне на Руси", 1891, Москва стр. 43–44).

129 Об одеждах см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 261; кн. 304, л. 161; кн. 309, л. 63; кн. 321, л. 178 и т. д.; столбцы: 73 – 7156 г., 58 – 7163 г., 248 и 407 – 7168 г. и др.; Вивлиоф. Росс, т. VIII, стр. 127 и 128; "Дневник Михаила Обуховича, литовского стражника, писанный в плену в Москве с 1660 г.", Киев, 1862, стр. 20.

Источники указывают нам на следующие одежды чинов царской охоты XVII столетия:

Охотников Ловчего пути – кафтаны, однорядки, ферязи (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 140 и кн. 305, л. 127).

Псарей конных и пеших – кафтаны (там же, кн. 289, л. 426). Кафтаны "сукна инбарского (анбурского?) черлены, подложены крашениною розных цветов", при нашивках кружевных с мишурою. Такие кафтаны ценились в 19 алтын с полушкою кафтан (там же, кн. 208, л. 210).

Кречетников – кафтаны из дараги кармазиновой кизильбашского привоза и из дараги гилянской (там же, кн. 516, л. оборотн. 83).

Сокольников – кафтан сукна вишневого (там же, кн. 321, л. 178). Кафтан киндячный зеленый (там же, кн. 303, л. 261). Кафтаны стамедные (?) (там же, столб. 73 – 7156 г.). Кафтан киндяк красный и зендень зеленая (там же, кн. 309, л. 63). Кафтан зендень лазоревая (там же, столб. 58 – 7163 г.). Кафтан вишневого английского сукна, на подпушку тафта зеленая, обшитый золотым шнурком (шло шнурка 16 1/2 аршин), на нем нашиты нашивки долгие – шолк гвоздичен, в середках золото и пуговики, обшитые золотом, по три нашивки на кафтан. Цена такому кафтану была 5 рублей 30 алтын и деньга. Кафтан

такой же, но с нашивками – шелк гвоздичен, промыкан золотом. Цена этому кафтану 7 рублей 17 алтын (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтан вишневый с косым ожерельем, нашивка – шелк вишневый (там же, столб. 248– 7168 г.). Кафтан английского светло-зеленого сукна, обшитый золотым шнурком (шнурка пошло около 16 аршин), подпушка тафта зеленая; на нем три нашивки – шелк гвоздичен, протыканный золотом; пуговицы обшиты золотом. Цена этому кафтану у рублей 25 алтын 3 деньги (там же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтан суконный малинового цвета; нашивка длинная шелковая с золотом (там же, столб. 407 – 7168 г.). Кафтан из сукна английского темно-зеленого; под полы подбивка байка красная; нашивка на шнурках. Цена этому кафтану 2 рубля 14 алтын и деньга (там же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтан сукна английского темно-зеленого; на подпушку тафта желтая; три нашивки – шелк гвоздичен, протыканный золотом; пуговицы обшиты золотом. Цена этому кафтану была 6 рублей 2 деньги (там же). Кафтан из сукна полукармазина вишневого; к полам на подбивку байка зеленая; обшивка – шелковый гвоздичный шнур (пошло его 16 1/2 аршин); нашивка хомяная. Цена этому кафтану 2 рубля 25 алтына 3 деньги (там же). Кафтан теплый, под сукном, сукно голубого цвета; испод корсачий; нашивка длинная, шелковая, с золотом (там же, столб. 407 – 7168 г.). Кафтан киндячный на русаках; на кафтан этот пошло: киндяку зеленого полшеста (5 1/2) аршин, 10 хребтов русачьих, по 8 денег хребет, полмеха русачьего, ценою 15 алтын (надо заметить, что полмеха не значит полшкуры русака: мех получался от стачки известного количества шкур в одно полотнище), на кафтан нашивка из зендени на шнурке, ценою в 3 алтына 2

деньги; в нашивке "встошка" (?), ценою в 9 денег; на опушку пошло пуху на 8 алтын да на ожерелье пуху же на 10 алтын (там же, столб. 73 – 7156 г.). Кафтан киндячный зеленый на русаках; ожерелье из куницы и нашивка из зеленого шелка на шнурках (там же, столб. 73 – 7156 г.). Кафтан из тафты червчатой, подпушка – киндяк зеленый, на хлопчатой бумаге, нашивка шелковая на шнурках. Цена этому кафтану 2 рубля 30 алтын 2 деньги (там же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтан из тафты двоеличной, шелк червчат и желт; подкладка – крашенина лазоревая и красная, на хлопчатой бумаге; нашивки шелковые на шнурах. Цена этому кафтану 3 рубля 20 алтын 2 деньги (там же). Кафтан из тафты зеленой; подпушка – киндяк черленый; подкладка – крашенина лазоревая на хлопчатой бумаге; нашивка шелковая на шнурке. Цена этому кафтану 2 рубля 22 алтына 2 деньги (там же). На рукава (род муфт) кафтанов шли иногда беличьи хребты (там же, столб. 142 – 7172 г.).

Куртка на подкладке крашенины лазоревой; нашивка шелковая на шнурке (там же, кн. 303, л. 261).

Зипун вишневый суконный на подкладке из зенденя (там же, столб. 73 – 7156 г.).

Ферезея из бархата червчатого гладкого; подкладка – тафта желтая; обшивка – золотой шнур (пошло шнура 10 аршин 6 вершков), пришитый желтым шелком; нашивка золотная. Цена такой ферезее 15 рублей 19 алтын 2 деньги.

Сапоги у сокольников были кривые, большой, средней и малой руки (там же, столб. 624 – 7178 г.), из красной телячьей кожи (там же, столб. 298 – 7178 г.), а пояса из крашеных лосиных кож (там же, столб. 299 – 7183 г.).

В наряд и вооружение сокольников входили

лядунки и сабли, выдававшиеся из Оружейной палаты (там же, столб. 311 – 7161 г.). пищали (там же, столб. 103 – 7181 г.) и протазаны (Российская Вивлиофика, т. VIII, стр. 128).

При торжественных случаях, например при приемах и встречах иностранных послов, сокольники, участвовавшие в церемониях, надевали особые крылья. Сказать точно, какой вид имели эти крылья, мы не можем. Знаем только, что в 1675 году "на сорок пар к крыльям на вооруду и которые живут на сокольниках к выезду персидских послов" куплено было: "тесем шолковых розными цветами" – 100 аршин, по 3 алтына за аршин, и таких же тесем 100 аршин, по 2 алтына за аршин (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 192 – 7183 г.). Лопасты к крыльям сшивались из тафты (там же, столб. 10 – 7171 г.). На крылья шел холст, "клей рыбой и мездриной" и иные всякие запасы. Прикреплялись крылья к платью при помощи поясных ремней (там же, столб. 164 – 7183 г.).

130 [Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 507; столбцы: 65 – 7132 г.; 5 – 7136 г.; 233 – 7140 г.; 11 – 7141 г.; 10, 64 и 135 – 7142 г.; 17 – 7143 г.; 60 – 7153 г. Дворц. разр., т. I, 979. Соловьев, "Ист. Росс.", IX, 279–303.](#)

131 [Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 278, л. 205; кн. 284, л. оборотн. 63; кн. 290, л. 31 оборотн., л. 49 и 49 оборотн., л. 67 и 83 оборотн.; столбцы: 28 – 7143 г.; 97 и 99 – 7150 г.; 94 – 7154 г.; 305 – 7160 г.; 297 – 7161 г.; 186 и 193 – 7170 г.; 249 – 7171 г. Рукоп. Оруж. пал., столб. 51 – 7129 г. Арх. Мин. ин. дел, Дела приказные, Но 24, свит. 51. Дворц. разр., Доп. к III т., 333. Росс. Вивлиоф., т. V, 1–114, 130. Соловьев, "Ист. Росс.", IX, 85; 202–206; 291; XII, 276–280.](#)

132 [Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 68, л. 173; кн. 203, л.](#)

298; кн. 209, л. 231 оборотн.; столбцы: 78 – 7130 г.; 94, 111 и 192 – 7131 г.; 155 – 7138 г.; 100 и 102 – 7139 г.; 241 – 7140 г.; 251 – 7142 г.; 24 – 7143 г.; 109 – 7144 г.; 59 – 7145 г.; 42 – 7148 г.; 8 – 7148 г.; 112 – 7150 г.; 60 – 7151 г.; 60 – 7152 г.; 80 – 7153 г.; 116 – 7157 г.; 41 и 130 – 7158 г.; 82 – 7159 г.; 326 и 327 – 7160 г.; 257 – 7161 г.; 189 – 7162 г.; 156 – 7164 г.; 241 и 240 – 7166 г.

133 Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 117; столб. 210 и 223 – 7170 г. Соловьев, "Ист. Росс.", IX, 184, 240. Катошихин, 45.

134 Катошихин, 46.

135 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 449 – 7152 г.

136 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77 – 7145 г.; 16 – 7149 г.; 82 – 7155 г.; 189 и 200 – 7162 г.; 434 и 455 – 7168 г., Соловьев, "Ист. Росс", т. IX, 312; XII, 268, 274; XIII, 264.

137 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 276 – 7161 г.

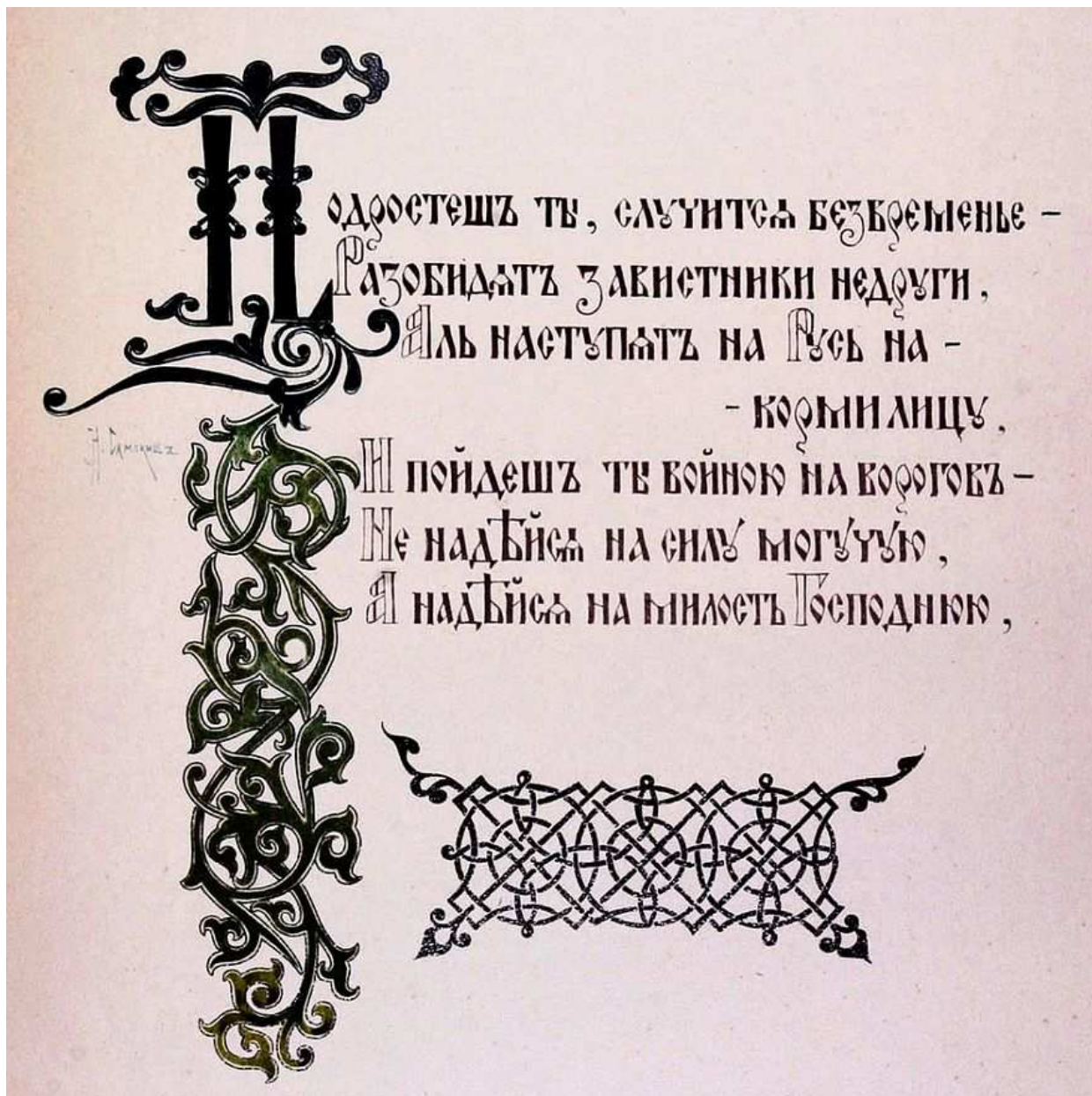
138 Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 17 – 7149 г.

139 Там же, столб. 177 – 7169 г.

140 Там же, столб. 367 – 7185 г.; Арх. Мин. Двора ин. дел, Дела приказные, Но 23, свиток 12.

141 От 1635 года дошел до нас документ, не только подтверждающий вышеприведенное соображение об установившемся нормальном количестве ловчих птиц, ежегодно отправлявшихся в Крым, но указывающий еще на то, что посылки эти являлись как бы обязательными. 12 января этого года "указал Государь Царь и великий Князь Михаил Федорович всеа Росии послати от себя Государя в Крым к Царю и Калге в поминках на два года на прошлой на 142 год да на

нынешний на 143 год к Царю по пяти кречатов да по два ястреба да к Калге по два кречета да по ястребу да в запас по два ястреба на год совсем птичьим и ястребьим нарядом" (там же, столб. 24 – 7143 г.).

142 В 1629 году в Персию были посланы кречетники, сокольники и ястребники, Федор Тоболин с товарищами, в числе 22 человек, с 19 ловчими птицами. Сокольники эти поехали с послами Андреем Плещеевым и Микифором Тализыным (Арх. Мин. иностр. дел, Дела прикзные, Но 24, свиток 51). Вернулось это посольство лишь в ноябре 1631 года, а в мае 1632 года сокольники, уже в числе 20 человек, оставшихся в живых, подали царю Михаилу Федоровичу челобитную с просьбою о награждении за их службу. По поводу этой челобитной до нас дошло целое дело, весьма для нас интересное, которое и приводим почти целиком:

"Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа России бьют челом холопи твои кречетники и сокольники и ястребники Федка Тоболин с товарищи двадцать человек. В прошлом Государь во 137-м году по твоему Государеву указу были мы холопи твои посыланы на твою государеву службу в Кизылбаши с твоим государевым послом с Ондреем Плещеевым, да с дьяком с Микифором Тализиным и пришли мы холопи твои с твоей государевой службы из Кизылбаш и били челом мы холопи твои тебе государю о своей Кизылбашской службе, и по твоему государеву указу дело в посольском приказе о нашей службе выписано, а по делу нам холопом твоим указу нет, волочимся седмой месяц. Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа России пожалуй нас холопей своих, вели государь по тому делу свой царской указ учинить, чтобы нам холопом твоим с волокиты в конец не погибнуть и твоей бы царской службе впредь не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй".

"На обороте: 140 году марта (вероятно, мая) в 14-й день дьяку Максиму Матюшкину государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Росии пожаловал велел доложить себя государя. Диак Посник Трофимов".

"Написано в доклад:" "Бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Росии кречетники и сокольники и ястребники Федор Тоболин с товарищи двадцать человек, а сказали: посланы де они были на государеву службу в Кизылбаши с государевыми послы стольником с Ондреем Плещеевым да с диакон с Микифором Талызиным со птицы кречеты и ястребы и они де довели в Кизылбаши до шаха и на посольстве отдали государевы послы девятнадцать птиц, и будучи они на государевой службе в Кизылбашех нужду и голод терпели, и как де они будучи в Кизылбашской земле, стояли два месяца, и Кизылбашские де люди из города выбегли, а их де с государевыми послы покинули, и они де хлеб и всякой харч покупали в Казбине и в полках дорогою ценою, и будучи они на Государевой службе в Кизылбашех испроелись до нога, а корм де им даван в Кизылбашех не сполна через день и через два. А прежде сего которые посыланы их братья кречатники и сокольники и ястребники с послы, и им де шахово жалованье давано по два кафтана да по две тюмеке денег а им де дано шахова жалованья по одному кафтану, а денег не дано; а как де государевы послы из Кизылбаш отпущены ко государю к Москве из Шемахи и им де дано поденного корму до Ширвани на двенадцать день, а от Ширвани до Дербени и до Тарков и до Быстрой им корму не давали, и как де они пришли на Терек и на Терке де жили 11 недель, а запас покупали мех муки в полтора рубли, а в Астрахани де

они жили семь недель, также запасы и харчъ покупали дорогою ж ценою, и как де их из Астрахани государевы воеводы стольника князь Федор Куракин с товарищи отпустили ко государю, к Москве, и они де из Астрахани едучи водою и сухим путем до Москвы запасы и харчъ покупали дорогою ж ценою, и будучи де они на Государевой службе в Кизылбашех и едучи Дорогою до Москвы испроелися и одолжали великим долгом. И государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа России пожаловал бы их за ту их Кизылбашскую службу и за терпенья своим государевым жалованьем, как государю об них Бог известит. А как кречатники и сокольники и ястребники посланы на государеву службу с послы с Ондреем Плещеевым, да с дьяком с Микифором Тализыным, и им дано государева жалованья для Кизылбашские посылки во дворце на 2 года на 137 год да на 138-й год по окладом их сполна да подмоги из большого приходу против жалованья обеих годов, да с казенного двора по сукну по доброму человеку. Да запасов дано им до Казани 2 человеком по 5 чети сухарей по 5 чети муки ржаные по осмине круп, по осмине толокна по полтю встчины 2-м человеком 5 ведр вина..." Далее в докладе указываются размеры получавшихся сокольниками денежных и поместных окладов, о чем мы уже имели случай говорить раньше в своем месте.

После этого следует:

"А были кречатники и сокольники и ястребники на государеве службе в Кизылбашех и с проездом пол третья года (2 1/2 года) а убытков и изрону в челобитьи своем кречатники и сокольники и ястребники Федор Тоболин с товарищи имянно ничего не написали. И только государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа России кречатников и сокольников и

ястребников Федора Тоболина с товарищи двадцати человек за Кизылбашскую службу пожалует своим государевым жалованьем в приказ и поместною и денежною казною".

"И выписано например":

"В прошлом во 129 году посыланы были в Кизылбаш с государевыми посланники с Васильем Коробиным да с дьяком Остафьем Кувшиновым кречатники и сокольники и ястребники Иван Петров с товарищи 4 человека (?), и как они с государевы службы из Кизылбаш к государю к Москви приехали, и им придано государева жалованья к поместным и денежным их окладом". "Кречатником" "Ивану Петрову к 23 рублем 5 рублей, поместного окладу не придано что оклад велик 430 чети".

"Ивану Микулину к 300 четьям... денег к 15 рублем".

"Ивану Луцкихину прозвище Мурату да Лаврину Микулину к 200 четьям денег 8 рублей, Лаврину к 7 рублем тем придано по 25 чети человеку".

"Бурнашу Маслову 23 рубли, поместного окладу не придано, что оклад велик 430 чети".

"Истоме Бакину 19 рублей. 2 рубли поместного не придано, что оклад велик 400 чети".

"Константин Чернцов к 300 четьям денег к 12 рублем. Офонасью Чернцову, Алексею Уланову, Алексею Юрьеву к 250 четьям денег к 10 рублем, Фадею Маслову к 200 четьям денег 7 рублей, тем всем придано по 25-ти ж чети, денег по 2 ж рубли человеку".

"Да им же за убытки и за изрон всем по 12 рублей, да по сукну по доброму, да по тафте человеку".

"Да государю ж царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Росии бьют челом вдова кречатника Сергеевская жена Тоболина с детьми с сыном с Ивашком да с дочерью с Федоркою, да кречатника

Неустроевская жена Чернцова вдова Анна, а сказали, посланы де были на государеву службу в Кизылбаши с послы с Ондреем Плещеевым, да с диаком с Микифором Тализиным Марфин муж Сергей, Марфин (ошибка: должно быть Аннин, что видно из самой челобитной, которую, чтобы не повторяться, мы не приводим) брат Василий Лучников с государевыми с птицы с кречаты, а судом де Божиим на государеве службе в Кизылбашской посылке их не стало Василий умер в Кизылбашех, Сергей Тоболин умер на Терке едучи из Кизылбаш, а они де после их остались с детьми в долгу, а помянуть их и долг заплатить нечем. И государь их пожаловал за службу и за смерть Марфина мужа, а Аннина брата своим государевым жалованьем на поминки и чем заплатить, как государю об них Бог известит".

"А как посыланы на государеву службу в Кизылбаши Марфин муж Сергей Тоболин, а с ним (вероятно, пропущено "Аннин") брат Василей и им дано жалованья на два года на 137-й да на 138-й год по окладом их сполна: Сергею по 10 рублей на год, да Василию лучникову по 8 рублей на год, да подмоги против жалованья обеих годов, да по сукну по доброму человеку. И только (надо заметить, что слово "только", употреблявшееся при подобных настоящему обороту фраз, означает "сколько?") государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Росии кречатника Сергеевскую жену Тоболина вдову Марфу, да Неустроевскую жену вдову Анну за службу и за смерть Марфина мужа Сергея, а Аннина брата Василя Лучникова пожалует своим государевым жалованьем" (Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, No 24, свиток 51).

Резолюция царя нам неизвестна.

143 "от Царя и Великого Князя Михайла Федоровича всея Руси, на Воронеж столнику Нашему и Воеводе Ондрею Васильевичу Бутурлину. По Нашему казу посланы во Царь-Город с Послы Нашими с Степаном Телепневым да з Диаком с Олферьем Кузовлевым со птицами кречатники и соколники и ястребники Исаи Чернцов с товарищи десять человек, а с ними послано от Нас к Турскому Ибрагим салтану двадцать шесть кречатов; а корм им на птицы велено имати до Воронежа по городом от города до города, сменя от которого города до города поспеть мочно, а с Воронежа указали есмя на те птицы взять корм до Азова. И как к Тебе ся Наша грамота придет, а кречетники и соколники и ястребники, Исаи Чернцов с товарищи, со птицы на Воронеж приедут, и тыб им на те птицы на Воронеже и от Воронежа до Азова корм велел дати, смотря по сколько недель до Азова поспеть мочно, по голубю на птицу или на две птицы по куряти на день; а за тот птичий корм дал бы еси денги из Наших из Воронежских доходов. Писан на Москве лета 7153 июля в 7 день" ("Воронежские губерн. ведом.", 1850 года, No 34, часть неофициальная).

144 До нас дошел посольский наказ князю Борятинскому, из которого и приводим интересные для нас извлечения:

"Лета 7126 году, Мая 18 дня, Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Росии, велел Дворянину и Наместнику Болховскому Князю Михаилу Петровичу Борятинскому, да Дворянину Ивану Ивановичу Чичерину, да Дьяку Михаилу Тюхину, идти к Кизылбашскому Шаху, для своего Государева и земского дела в Послах, а с ними посланы для Государева дела Переводчик Милюша Нагаев, и Толмачи пять человек. Да со птицы десять человек

Кречатников Федор Тоболин с товарищи; Да с ними ж вместе ийти в Кизылбаши Шах-Аббасовым Послом, которые были у Государя, Кая Салтану, да Булат-Беку, из Казани, и дожидатца им в Казани; а с ними Шаховых Барсовников и Кречатников девять человек..." Шах-Аббасу, между прочим, посыалось "в дарех двенадцать кречатов, да восемь чегликов кречатых, со всем птичьим нарядом, да соболи и лисицы, и рыбей зуб, и слюда и вино по разписи..." Относительно отправлявшихся ловчих птиц послам предписывалось: "И только над которым кречатом или над чегликом в дороге учинитца, которой заболит, вести будет нельзе (или который умрет). И Послом князю Михаилу Петровичю с товарищи, в того кречата или в чеглика место, таких же птиц сыскивать в городех где кого найдут; а где у кого кречата или чеглика скажут, и им у того та птица взяти на Государя, и велети вести к Шаху в выбылые место; а где над которою Государевою птицею что учинитца, и кого где в то место птицу возмутъ, и им о том отписати к Государю".

"А как будут у Шаха, и птицы на Посольстве отдадут, и нечто учнет к ним Шах присылати, как поедет тешитца, чтоб прислали к нему для птиц Государева Кречатника, а его кречатники к тем птицам не приобычились".

"И Послом Князю Михаилу Петровичю с товарищи отговаривати: Кречатники посланы со птицами того для, чтоб их довести здорово; а ныне они у Шаховых кречатников и Шаховы кречатники их приводят по своему как им надобно, а Государевым кречатником уж ныне што за дело? а в Государевом наказе о том им не написано, что Государевых кречатников с Шахом посылати на потеху, и Шаховоб Величество того на них

не пытал, чтоб им за то от Государя в опале не быть".

"А будет Шах о том учнет приказывати накрепко, чтоб присылати к нему на потеху Государева кречатника":

"И Послом Князю Михаилу Петровичю с товарищи отговорився всякими и мерами, будет отговор не иметь, Государева кречатника послать, который бы был досуж и навычен".

"А будет учнут говорити накрепко от Шаха, чтоб велели Государеву кречатнику Государевых птиц к ловле приводить, а отговоритца будет не мочно, и Послом Князю Михаилу Петровичю с товарищи велети Государеву кречатнику птиц приводить по их обычью, как Государевы кречатники на то извычны".

"А будет Шах учнет говорити, чтоб оставити у него для птиц Государева кречатника или двух на время".

"И Послом Князю Михаилу Петровичю с товарищи отговаривати, о том у них Государева указу нет, без Государева указу ныне оставити не сметь, чтоб у них того Шахово Величество не пытал, чтоб им за то у Государя в опале не быть, только им учинить без Государеву указу".

"А будет Шах за то упрямитца, и учнет о том говорити накрепко, а Государеве ссылке будет рад, и во всем за Государем похочет быти в дружбе и в любви, ко всякому будет добру придвижен, и на помочь казны послати хочет".

"И Послом Князю Михаилу Петровичю с товарищи оставити кречатника, которого одного из молодых, которой бы ко птицам знал гораздо, и во всем к тому делу был навычен, а оставити на время и о том договоритца: как будет к Шаху иные Государевы Послы, или Посланники, или гонец, или от Шаха к Государю Послыж и Посланники, или гонец, и Шаху

того Государева кречатника отпустить с ними не задержав".

В указе, между прочим, говорится, что если с послами захотят ехать в Персию торговые люди, то послам надлежит "заказати и самим того беречи на крепко, чтоб те торговые люди заповедных товаров, птиц никаких, и соболей и куниц и белок живых

А ПРИПОМИНИ ТЫ СЛОВО ОТЦОВСКОЕ :

ОХРАНЯЮТЪ СВЯТЫЕ УГОДНИКИ

И ГОСПОДЬ БЛАГОДАТЮ ПОЖАЛОВАЛЪ

ДОМЪ ЧЕСТНОЙ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ,

ВСЕДЕРЖАВНУЮ РУСЬ ПРАВОСЛАВНУЮ ».

И. А. Мещеряков

..." и других... "однолично с собою не возили". Даже и самим послам строжайшим образом приказывалось "к Шаху в поминках птиц никаких, кречетов, соколов и ястребов в поминках не носить" (Российская Вивлиофика, т. V, стр. 1–114).

Посольство Борятинского имело двоякую цель: благодарить шаха за присланное в 1617 году серебро и просить "прислать еще денег ратным людям на жалованье по случаю войны польской", говорит Соловьев. "Эти послы были встречены сухо; шах велел призвать младшего из них, дьяка Тюхина, и тот должен был выслушать сильную выходку против обычного в Москве обращения с иностранными послами, обращения, против которого тщетно до сих пор протестовали правительства европейские. Аббас говорил Тюхину с сердцем: "приказываю с тобою словесно к великому государю вашему, и ты, смотри, ни одного моего слова не утай, чтоб оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошение и хотенье исполню и казною денежною ссужу, но досада мне на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то их в Москве и в городах Казани и Астрахани запирали по дворам как скотину, с дворов не выпускали ни одного человека, купить ничего не давали, у ворот стояли стрельцы. Я и над вами такую же крепость велю учинить, вас засажу так, что птицей через вас не дам пролететь, не только вам птицы не видать, но и пера птичьего не увидите. Да и в том государь ваш оказывает мне нелюбовь: воеводы его в Астрахани и в Казани и в других городах моим торговым людям убытки чинят, пошлины с них берут вдвое и втрое против прежнего и не только с моих торговых людей, но и с моих собственных товаров, и для меня товары покупать запрещают: грошовое дело

птица ястреб. Купил мне мой торговый человек в Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купил сажали в тюрьму, зачем продавал заповедный товар. Вы привезли мне от государя своего птиц в подарок, а я из них велю только вырвать по перу да и выпущу всех – пускай летят куда хотят. А если в моих землях мои приказные люди вашего торгового человека изубытчат, то я им тотчас велю брюхо распороть".

"После этого послов долго не отпускали; князь Борятинский и умер в Персии (в городе Казбине. – Вивлиоф., т. V, стр. 130), а Чечерин и Тюхин возвратились в 1620 году с шаховым послом Булат-беком... Дьяк Тюхин дорого поплатился за то, что ездил к шаху один и выслушивал его выходки... Было несчастному 70 ударов, две встряски, клещами горячими по спине жгли... Бояре приговорили дьяка Тюхина за измену и воровство сослать в Сибирь и посадить в тюрьму в одном из сибирских пригородов" (Соловьев, "История", т. IX, стр. 202–204). Брэм, т. III, 439 и 440.

145 Весьма много сведений имеем мы о посылке ловчих птиц и других охотничьих животных в Персию к шаху Аббасу в 1662 году с нашими великими послами, окольничим Федором Яковлевичем Милославским, со стольником и наместником мядынским – Федором Савичем Нарбековым и с дьяком Степаном Шараповым, выехавшими из Москвы в мае месяце этого года (Дворц. разр., Дополнение к III т., стр. 333).

25 февраля этого года было приказано отправить с названными лицами к шаху Аббасу одного кречета подкрасного, 20 кречетов серых, 10 челигов кречатых и 6 ястребов (заметим, что из приводимого ниже

перечня птичьих нарядов явствует, что или в только что приведенном документе пропущено "15 соколов", или в соколье наряды убирались при желании и кречеты). (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 186 – 7170 г.). На птиц этих было заготовлено и передано по царскому указу несколько комплектов птичьих нарядов, а именно: 50 нарядов кречатых, 15 сокольных и 6 ястребьих. В числе кречатых и сокольных нарядов имелось 13 в одном золоте, 15 – золото с серебром, 17 – в одном серебре. У всех этих нарядов ворворки и кляпышки были обнизаны жемчугом. Наряды же ястребьи были ткани из золота с серебром и различными шелками (там же, столб. 193 – 7170 г.). Ко всем птичьим нарядам было приказано заготовить колокольцы (там же, столб. 197 – 7180 г.). С птицами этими должны были ехать в посольство сокольники: Василий Григорьев, Андрей Черцов, Игнатий Черцов, Игнатий Чекин, Иван Ларионов, Фадей Ярцов, Кузьма Черцов, Иван Коноплев, Сафон Иванов, Кондратий Коноплев, Никита Ерофеев, Наум Микулин, Артемий Лежнев, Гаврила Рыкунов, Алексей Нимчинов, Яков Антипьев, Алексей Сергеев, Алексей Уланов, Александр Степанов и Александр Степурин (там же, кн. 316, л. оборотн. 31 л. 49, л. оборотн. 49, л. оборотн. 67, л. оборотн. 83). Все эти сокольники получили перед выездом по доброму сукну, но все ли они поехали в посольство, или были частью заменены другими, точно сказать мы не умеем, так как в приводимом ниже наказе сокольникам о церемониале поднесения ловчих птиц шаху Аббасу, написанном для посольства тех же великих послов – окольничего Федора Яковлевича Милославского с товарищами, встречаем новые имена сокольников и не находим некоторых имен, приведенных выше.

Кроме ловчих птиц персидскому шаху, в эту посылку повезли, вероятно, в подарок и охотничьих собак. Для той же кизильбашской посылки велено было 15 июля заготовить у псовых свор: свору в золоте с серебром с кистями "ошек ткан в крушки", над кистью ворворка низана жемчугом; три своры из золота, тканного с шемахинским шелком, с золотыми кистями, с ворворками, обшитыми золотою же канителью; две своры из серебра, также тканного с шемахинским шелком, с серебряными кистями, при ворворках, обшитых канителью серебряною; наконец, одна свора из золота, тканного с серебром и с шемахинским шелком, с кистью – золота с серебром, при ворворке, обшитой золотою канителью (там же, столб. 193 – 7170 г.). К собакам были приставлены конные псари Исак Матвеев и Сергей Пахирев, которым также было выдано по доброму сукну на человека (там же, кн. 516, л. оборотн. 32).

Порядок поднесения шаху Аббасу отправленных в эту посылку ловчих птиц был определен весьма подробно особым церемониалом, который и приводим дословно по списку с рукописи, хранящейся в Государственном архиве:

"С начальным с Парфеньем Тоболиным красных птиц (.) несть их (:) кречат красной дикомыт Лариону Исаеву.

Кречат красной же молодик Кирилу Маслову
Кречат подкрасной дикомыт Роману Челцову
Да Парфеню ж Тоболину на имя Соколова (Думаем, что эта фраза должна была бы быть написана так: "Да Парфеню ж, – Тоболину на имя, – соколов:" – тогда она имела бы смысл).

Сокол дикомыт Афони держат (тут, должно быть, "Афониная держанья") Ромилу Ромейкову.

Сокол вешняк ромашник держат (вероятно, "Ромашкина держанья") Сидору Кулину.

Ивану Ярышкину Сокол дикомыт Кирсанов держат (вероятно, "Кирсанова держанья") Андрею Кельину.

Сокол дикомыт Московская держать Тимофею Поляникову Семену от Давлетову (Думаем, что эта фраза должна быть написана: "Сокол дикомыт, московского держанья Тимофея Поляникова, – Семену Отдавлетову").

Сокол вешняк его ж Семенов держать (вероятно, "Семенова держанья", т. е. тут смысл тот: "его же, Семена Отдавлетова, держанья", т. е. выноски, "сокола вешняка нести Ляхову") Семену Ляхову.

Дорименту Данилову Сокол Размыт (размыт – раз перелинявший) Ромилиги держать ("Ромилиа держанья") Устину Немчинову.

А именоватися соколом и всем Парфеньевой стат(ь)е точию звати по имяном чей сокол.

Ехати к Шахову величеству перед великими послами в новых подарках перед Парфенем Тоболиным.

Портумофей Тургенев на торелке и настоянце 3 клубучки с солками.

Весть на торелке и на стоянце, две рукавицы низаные.

(вероятно, с "совками")

Парфений Тоболин

Иван Ярышкин

Семен Отдавлетов

Андрей Кельин

Доримент Данилов

С кречеты красными

Ларион Исаев

Роман Чернцов

Кирило Маслов
С соколами
Рамид Ромейков
Кузма Карпов
Семен Ляхов
Сидор Кельин
Тимолай Поляников.
Устин Немчинов

Будет Шахово Величество пожелует позовет к руке
и им к руке итить по сей росписи

Парфеней Тоболин
Иван Ярышкин
Андрей Кельин
Семен Отдавлетов
Доримент Данилов
Ларион Исаев
Кирило Маслов
Роман Челцов
Влас Лабутин
Портимуфей Тургенев
Ромил Ромейков
Сидор Кельин
Кузма Карпов
Тимофей Полянинов
Семен Ляхов
Устин Немчинов

Запасная

О соколах бойцах у кого быть посколку или слыт им
твоей одной стати будет их умалитца числом (Эта
фраза, смысл которой совершенно темен, не может ли
быть написана так: "О соколах бойцах. У кого быть по
сколку естли из твоей" и т. д.).

Ехать к Шах Аббасову Величеству перед великими
послами в новых подарках и перед первым начальным

с торелками.

1) Вест(ь) на торелке и на стоянце

Вест(ь) на торелке и
на стоянце

2) рукавицы низаные

3 клобучка с совками

Парфеней Тоболин

Иван Ярышкин

Андрей Кельин

Семен Отдавлетов

Доримент Данилов

С кречеты красными

Ларион Исаев

Кирило Маслов

Роман Чернцов

С соколами

Роман Ромейков

Сидор Кельин

Кузма Карпов

Тимофей Полянинов

Семен Ляхов

Устин Немчинов

Будет Шах Аббасова величество пожелует позовет к
руке им к руке итить по сей росписи

Парфеней Тоболин

а за Парфением хто жив и здрав.

Как наши великие и полномочные послы к Шах
Аббасову величеству поедут на посолство, а нашу
великого Государя Царского величества поминки велят
нести и весть по росписям к указному месту приехав с
лошадей ссядут или из корет выдут и вам кречатником
и соколником по посолскому обычаю велят с лошадей
ссесть наперед и ждать себя на указном месте.

И как вы с посолского двора поедете и тебе б
кречатником Ивану Ярышкину. Андрею Кельину,
Семену Отдавлетову, Дорименту Данилову нарядные
рукавицы велить весть на персях своих положа за
верхние кафтаны.

А чтоб у тех рукавиц концы было видеть а
самому бы тебе ехать в тех рукавицах, которые
присланы будут с ерлыками и на обе руки и как Вы
перед великими и полномочными послы к указному

месту приедете и тебе велеть им рукавицы свои в чем они поедут отдать людям своим, и от персей нарядные рукавицы взять перекрестясь и положить себе на руки.

А кречетником же и соколником Лариону Исаеву с товарищи велеть ехать и птиц вестъ в нарядных рукавицах, а посолскую рукавицу велеть несть на персях же за рукавом бережно ж чтоб ее не измять.

И приехав бы вам к указному месту и покамест великие и полномочные послы к тому же месту придут и с лошадей ссядут или из корет выдут, а тебе бы первому начальнику доложат их великих и полномочных послов об птичьей уряде заранее и в то время птицы наряжать у приезжого места по росписи чтоб тот чин и уряд и строиство видеть было мочно многим людям и чтоб одно конечно тот уряд учинить бы тебе до приезду к указному месту великих и полномочных послов и итить бы тебе в тех рукавицах и до полаты и взять лутчево кречата, которой прилучитца тихо учтиво бережно со всяким охотнячим остерегательством отдать Ивану Ярышкину.

Другово   Андрею   Кельину   Третево   Семену
Отдавлетову   Клобучки   низанные   сняв   с   торелки
положить на кречатов.

А торелку с руковицею приняв самому же отдать несть Дорименту Данилову перед собою.

А на другую торелку, на которой были клобучки, положить другую рукавицу по белому отласу шитую канителю и обнизаную жемчюгом сняв с первые тарелки и велеть несть Ларивону Исаеву по левую сторону Доримента. А итить им вместе а тарелки несть на стоянцах, а на торелке быть по рукавици. А снятые со птиц клобучки велеть несть в тавте Кирилу Маслову без тарелки промеж кречетов и соколов.

А посолскую рукавицу велеть несть Власу Лабутину

на тафте без торелки, по левую сторону Кирила Маслова а итить вместе.

А за ними несть свою рукавицу Роману Челцову в руке без тафты.

А Портамуфею велеть итить позади поросжему.

И как великие и полномочные послы от приезжего места пойдут к Шах Аббасову величеству а тебе первому начальному и всем со птицы велить итить за собою по росписям и тебе бы итить по чину и как они великие полномочные послы к Шах Аббасову величеству пойдут в полату на посолство, а после того велят вас со птицами позвать к Шах Аббасову величеству в полату и укажут вам стать на улазном месте по чину и тебе б первому начальному в полату итить по сему нашему великого Государя указу и по росписи устрося.

А к полате пришедши рукавицу которая с ерлыком снять и отдать Гертимофею и вслет ему спрятать за рукав, чтоб ее было не видеть и велеть ему итить в указном месте позади и как в полату позовут и перво велеть итить перед собою вместе и несть торелки с рукавицами.

С правой Доримент с левой Ларион.

За ними итить тебе.

За тобою велеть несть кречаты по росписи и подносить по росписи ж.

И как великие и полномочные послы учнут поминки Шах Аббасову величеству объявлять и тебе б первому начальному взять у Доримента первую рукавицу шитую канителю и обнизываную жемчюгом бельшим по зеленому отласу на костяной тарелке и на тафте и поднести к первому великому послу к Околничему и Наместнику Новоторжскому к Федору Яковлевичю Милославскому и как он первой великой

полномочной посол к Шах Аббасову величеству тое торелку поднесет с руковицею и тебе бы первому начальному перекрестяся чинно и взяв свою руковицу и наложя ее на руку – взять у Ивана Ярыжкина первую птицу.

А как от Шах Аббасова величества он великий и полномочной посол придет и рукавицу, на которой ему Шах Аббасову величеству птицы подносить взденет и тебе бы первому начальному тое птицу ему великому и полномочному послу поднести со всякою учтивостью.

И как он тое птицу к Шах Аббасову величеству поднесет, а тебе б в то время взять у Лариона другую торелку костяную с руковицею шитою конителью ж и обнизаную жемчюгом по белому отласу на тафте ж и поднести первому ж послу и рукавицу от дву кречатов, будет третий кречат будет в деле и о том сказать ближним людям заранее, а будет будут два кречата и той рукавице быть от другово.

А как он тое торелку Шах Аббасову величеству поднесет, а тебе б начальному в то время перекрестяся взять у Андрея Кельина другую птицу.

И как он от Шаха Аббасова величества придет и тебе бы начальному тое птицу поднести ему же первому послу чинно ж.

А третьего кречата Шах Аббасову величеству поднести за твоею ж рукавицею а о соколах говорить заранее, что бы Шахово величество изволил на поле себе поднести и буде его Шах Абассово величество поволит себе соколов поднести после потехи на поле и третю рукавицу шитую канителью ж и обнизываную жемчюгом по байберску голубому подносить ему Шах Аббасову величеству перед соколами после потехи на поле первому ж послу с соколами вместе по росписи особо писанной и как тешить.

А снытые с кречетов клобучки, которые будут в тафте у Лориона Исаева после кречетов объявля отдать Шах Аббасова величества начальному птичью охотнику которому довеца (вероятно, "доведетца").

А будет Шах Аббасово величество велит на посолстве весть и соколов и тех соколов вести по росписи.

И великому полномочному послу к подносу Шах Аббасову величеству подносить тебе ж Парфенью, против того ж как писано выше сего первого сокола; и для того послана запасная рукавица а лежать ей в третих на низу на той же торелке. А от Шах Аббасова величества из палаты тебе первому начальному и всем итить до лошадей и на лошадях до посолского двора ехать стройно по первому чину, как с посолского двора ехали к Шах Аббасову величеству на посолство. А перед собою велеть ехать двум человеком: Власу да Патимуфею по-прежнему.

Роспись как тешить Шах Аббасово величество.

1-е.

Наперед выехать кречетником на те воды, где Шах Аббасову величеству тешитца, а тебе бы воды осмотреть стройны и пригодны (вероятно, пропущено "ли"), до того дни, как Шах Аббасову величеству тешитца. И выехав и по рассмотрению Парфенью половину заслать за воду и с соколами велети стать по чину, как ведетца против ветра.

2-е.

А как Шах Аббасово величество выедет и ему Парфенью велети с порозжими которые будут по сторону воды, с лошадей ссесть и ему саму другу или саму третью, стоять пешим на том месте где Шах Аббасову величеству недоехав у воды стать; и как Шах Аббасово величество станет ближитца к тому месту и

ему бы Парфеню велеть подъехать к Вам великим и полномочным послом известить о том где Шах Аббасову величеству стоять. А товарищам с того места сходить не велеть и Вам бы великим и полномочным послом тотчас подехать или подшетчи по тамошнему обычаю известить. Шах Аббасову величеству где стать. А он бы Парфений известя Вам то место, да тотчас объехав и стал по прежнему, на том месте дожидатца Шах Аббасово величество.

3-е.

А как Шах Аббасово величество придет где пристойно у воды стоять и вам бы великим и полномочным послом по тамошнему обычаю учтиво подъехав или подшетчи Шах Аббасову величеству известить, как укажет: откидывать соколов и как укажет и тогда велеть Парфенью с товарищи сесть на лошади и велеть откидывать соколов и как первый сокол полетит и Вам бы великим и полномочным послом Шах Аббасову величеству известить, чтобы изволил подвинутца к воде ближе, чтобы мочно было видеть. А как станет сокол в лету и тебе б великому и полномочному послу приказать первому начальному Парфенью Тоболину чтоб он подъехав известил тебе что сокол стал в лету и ждет убою, а тебе великому полномочному послу Шах Аббасову величеству, о том известить: укажет-ли гнать, а будет укажет тогда велеть гнать. А в то время известить бы чтоб Шах Аббасово величество изволил подвинутца к воде и ближе, чтоб видеть было гораздо. И как даст Бог сокол убьет утя и о том доложить живой ли? отымать или сокола потешить дать загрысть, а того отнять не говорить что отказывать ли.

4-е.

И как сокол убьет утя и Вам бы великим и

полномочным послом Шах Аббасова величества доложить изволит ли еще откидывать соколов на той же воде, будет будут утки или на иные воды изволит итить тешитца и как Шах Аббасово величество изволит так по его изволеню и делать по сей ж росписи а с соколами и порозжим из воды без указу Шах Аббасова величества не съезжать будет будут утки на той воде, с которой воды утя убьют.

5-е.

И как Шах Аббасово величество изволит итить с поля тешая и перед тем временем Вам великим и полномочным послом соколов всех которые убьют и неубьют велеть кречетником и соколником накормя мало, чтобы сыты были и самознатных поднести к себе всех и рукавицу на торелке по золоченой по сей росписи.

Первое перед Парфеньем итить с торелкою золоченою, на ней несть рукавицу по голубому байберу Андрею Кельину.

А Парфению итить, после его порозжему в рукавице нарядной по ярлыку.

А позади его несть одного сокола, который при Шах Аббасове величестве убьет утя Ивану Ярышкину.

А утя несть – Семену Отдавлетову с ним поровень по леву.

А достальных соколов несть лучшим ж людям первой и второй статьи кречатником, а итить с соколами второй статьи, а порожим итить за соколами.

И как Парфений с товарищи к Вам великим и полномочным послом придут и в то время Вам великим и полномочным послом – сойтить с лошадей и пришедчи Шах Аббасову величеству поднести по чину первому Великому и Полномочному Послу рукавицу, да соколом тем ж чином что и кречета; а утя поднести другому послу и как Вы великие и полномочные послы поднесете по чину и поклонитца б Вам Шах Аббасову величеству за просто, больше того как на посолстве бывает.

А ему Парфенью с товарищи в то время велеть поклонитца в землю, и поднести одного сокола доложить Вам Великим и Полномочным послом кому

Шах Аббасово величество укажет досталных соколов принимать, и буде велит отдавать при себе кому и Вам бы Великим и Полномочным Послом велеть тому и отдавать, а отдав велеть кречетником и соколником Шах Аббасову величеству поклонитца в землю ж.

Будет Шах Аббасово величество изволит себя тешить на завтрее или сряду и кречетником и сокольником приказать Шах Аббасово величество тешить тем же обычаем.

А на поле Парфению быть в той рукавице на которой подписано на ярлыке нменно, а товарищам своим велеть быть в простых рукавицах.

Статья запасная.

А на первой статье о выезде наводы кречетников со птицы до того времени как Шах Аббасово величество тешитца изволит говорити бы Вам Великим и Полномочным Послом заранее, и как Шах Аббасово величество ехать им изволит и которой сокол учнет лететь выше и того сокола называть первым" (Государственн. арх., разряд XXVII, No 52).

В заключение приводимых сведений об этой посылке скажем, что перед выездом посольства из Москвы были, между прочим, сшиты из тафты лопасти "к крыльям которые живут на сокольниках", отправляемых в Кизильбаши (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 10 – 7171 г.). Олеарий, стр. 673–682.

146 В 1663 году к шаху Аббасу, по всей вероятности, отправили из Москвы с государевой псарни живых медведей и охотничьих собак, так как под 3 марта этого года мы встречаем награду в виде сукна доброго конному псарю Власу Окишеву "для Кизильбашской службы", а под 3 апреля – такую же награду и по той же причине медведчику Акундину Федотову (там же, столб. 249 – 7171 г.). Об этой посылке Катошихин

говорит следующее: "А в прошлом 1663 году послано в Персию, с послы, больши 200.000 рублей даров: две кореты серебряны (одно позолочено, а к ним по 12 лошадей с прибавошными лошадми, соболи, куницы, и всякая мягкая рухлядь, птицы и звери всякие живые, многие, с прибавкою, потому что за дальнею дорогою и за поветрием птицы и звери помирают, и в то число прибавливают иные" (Катошихин, стр. 47). Интересно, что к приведенному сообщению Катошихин добавляет: "А возвращатся Московские послы от Турского салтана и от Перситцкого шаха назад, к Москве, в четвертое лето: понеже проезд гораздо жесток, и от воздуха многие люди помирают" (там же).

Сведений о посылках ловчих птиц с 1663 по 1667 год мы не имеем; в последнем же году ловчие птицы были отправлены в Персию с послом Клементом Иевлевым. Дошедший до нас документ, касающийся этой посылки, гласит, что отправлено было 5 кречетов с полным на них нарядом (Арх. Мин. Двора, Общий, столб. 252 — 7180 г.). Однако мы имеем полное основание думать, что птиц было отправлено к шаху гораздо больше, так как в эту посылку отправилось 11 человек сокольников, Терентий Толубеев с товарищами, которым — весьма интересный факт — было приказано выдать для Кизильбашской посылки по 3 фунта пороха на человека (там же, столб. 449 — 7175 г.). Надо полагать, что порох, а значит, и огнестрельное оружие выдавались отправляемым в чужие края сокольникам для доставления им возможности защищаться в случае нападения в пути недобрых людей. Заметим кстати, что посылка эта совпадает по времени с началом разбойничьих подвигов Стеньки Разина, деятельность которого имела ареною Волгу и Каспийское море, то есть края, через

которые надлежало проезжать посольству к шаху.

147 В декабре того же 1622 года вернулись в Москву кречетник Яков Тоболин и сокольник Данила Гребенкин, отвозившие ловчих птиц в Бухару в рядах посольства Ивана Даниловича Хохлова. По прибытии они подали царю Михаилу Феодоровичу следующую челобитную:

"Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Росии быют челом холопи твои кречетник Янка Тоболин, да сокольник Данилко Гребенкин. По твоему Государеву указу были мы холопи твои на твоей Государевой службе в Бухарех с твоим Государевым посланником с Иваном Даниловичем Хохловым, а на Москве нам дано холопом твоим твое Государево жалованье на прошлой на 128 и на 129 год, а на прошлой на 130 год и на нынешней на 131 год твоим царским жалованьем не пожалованы. Милосердый Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Росии пожалуй нас холопей своих своим царским жалованьем и на прошлый на 130 год и на нынешний на 131-й наши оклады против нашей братьи, которые были в Кизылбашех, для нашей великой бедности, и вели Государь нам дати из посольского приказу память в приказ большого дворца, чтоб мы холопи твои в конец не погибли и твоей царской службы впредь не отбыли. Государь Царь смилуйся пожалуй..." "Государь пожаловал велел дать на 130 год потому что был тот год на службе, а дать сполна" (Арх. Мин. иностр. дел, Дела приказные, No 23, свиток 12).

148 См. примечание 145.

149 "В 1624 году шаховы (персидские) послы Русан-бек и Булат-бек поднесли патриарху Филарету

драгоценный подарок, срачицу Христову, похищенную в Грузии..." Когда эти послы возвратились в свое отечество, то... "Вместе с Русан-беком приехали в Персию московские послы, князь Григорий Тюфякин, Григорий Ферфилятьев и дьяк Панов, и на них шах жаловался царю, что когда они пришли в Персию, то он, Аббас, находился в то время под Багдадом и просил послов прислать к нему туда кречетов, но они не прислали и когда потом представились ему, то поднесли птиц живых две или три да поднесли птичьи хвосты и перья; потом присланы были с ними от царя к шаху оконничные мастера, и они этих мастеров не прислали вовремя, по шаховой просьбе; не пошли к шаху представляться на том основании, что не могут представляться с другими послами; когда шах звал их на площадь смотреть конное ученье, то они не послушались, не поехали; наконец, не пошли к шаху в том платье, которое он им подарил. Во всем этом послы поступили по букве наказа, и бояра объявили шахову послу, что Тюфякин с товарищами не виноваты; несмотря на то, однако, царь верит шаху, что послы прогневали его и потому велел положить на них великое наказанье. Действительно положена была на послов опала за то, что когда за столом у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякин не допил своей чаши. За такую вину послов следовало бы казнить смертью, сказано в приговоре, но государь, для сына своего царевича Алексея и по просьбе отца своего патриарха Филарета Никитича, велел только посадить их в тюрьму, отобравши поместье и вотчины. Кроме этой вины, нашлись и другие: в городе Ардебиле князь Тюфякин велел украсть татарчонка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку и вывез ее тайком, положивши в сундук"

(Соловьев, "История", т. IX, стр. 205–6).

150 См. примечание 147. "В том же 1675 году кречеты и ястребы были отправлены в Бухару. Сколько было отправлено птиц – мы не знаем; знаем только, что для этой посылки было заготовлено 7 клубучков кречатых и 3 – ястребых (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 367 – 7183 г.) и что отправлявшиеся в Бухару сокольники, Епенет Похвистнев с товарищами, в числе 3-х человек, были вооружены для путешествия длинными пищалями и парю пистолетов каждый (там же, столб. 302 – 7183 г.). Эта посылка, судя по имеющимся документам, была последнею посылкою при царе Алексее Михайловиче".

151 Пять писем стольника Афанасия Ивановича Матюшкина к царю Алексею Михайловичу ("Чтения в Импер. Об-ве истор. и древн. российск. при Московском унив-те", 1847 г., No 5, стр. 139–143).

Но I. "Государю царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всея России, холоп твой, Афонка Матюшкин, челом бьет. В нынешнем, Государь, во 158 году Маия в... ..прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великого Князя, Алексея Михайловича всея России, грамота, велено мне, холопу твоему, писать х тебе, Государь, в который день буд... ..Москве; и на Москве. Государь, был дождь в ...бед и после обеда невелик. А пьтицы твои, Государевы, Боярин да Беляй с печенми, а Ойдар, Государь, дал Бог здорова, а Мурату, Государь, вчерась пускали осорью св... ..перя, и он, Государь, добыл добре добро... ..а челигу, Государь, Лихачу пушали... ..и он, Государь, добыл в верху ж, а Стреляю пускали осорью, и он ещо не хо... ..а кречеты, Государь, Алай да Нечей... ..шеде да чаликов, Государь, Нагая да... ..вабили к лошаде ж;

и они, Государь, кречеты и челиги, летали хорошо; а...
...Государь, Малец Сибирский занемог... ...Государь,
ушибла из окна окончиною и я... ...скивал, что хто та
окончину... ...вал нутри, и видаки Государь, есть...
....давал из тово окна Ивашка Ярышкин штаны Олешке
Камчатову ... ...чину вставлял и штаны... ...в том
запарса, и я, Государь, про то... ...и он повинился, что
штаны по... ...из окна, и я ево бил батогами, чтоб
вставлял окончину крепко... ...бы твоих Государевых
берег. А сокольник новой, Мишка Семенов, креста...
...не цаловал; а Нечая, Государь, кречета держит
Олешка, а Нагая челига держит ... ...ска Юров; а птиц
твоих Государевых... ...столники и соколники хорошо...
...Государь, Сальяна клобучечить... ...и он еще жесток;
да как, Государь... ...Боярина да Беляя держат-ли или
не держат, что они с печенми; а кречет Колмогор летит
сажень с пять; а... ...у нас Московских твоею,
Государскою; милостью дал Бог все здорово и добро; а
Карпунка Сакольник ещо не вставал; а птиц... ...держит
Алешка Камчатой; а квасцы... ...слал х тебе, Государю,
Василий Голохвастов.. ...жа Конюхом. А птицами,
Государь... ...шлять и х твоему Государеву приезду...
...как Бог помощи подаст".

Но II. "Государю Царю и Великому Князю Алексею
Михайловичу всея России, холоп твой, Афонка
Матюшкин челом бьет. В нынишнем Государь, во 158
году Мая в 28 день... ...твоя, Государя Царя и
Великого Князя Алексея Михайловича всея России,
грамота ко мне, холопу твоему, а велено мне, холопу
твоему, писать к тебе, Государь,... ...Государевых птиц,
чтоб ими промышлять... ...ему Государеву приезду
готовить; и грехом, Государь, моим, твои, Государевы,
пътицы занемогли, Боярин да Беляй... ...пуп, Государь,
у них мало не весь заволокло; а Мурат кречет сметал

двожды, а в третье, Государь,.. .....ли крылышко и он просидел, а Сибирской, Государь,... ...Малец болен, не ест; а Ковачь, Государь, чеглик по сю... ...лутчи, ни хуже нет, а Чеглику, Государь ....вали грачика в вабиле и он загрыс харашо... ...чу, Государь, Лихачю пуцоная пуцали во... ...добыл добре харашо, а булату; Государь, кречету давали осорью в вабиле, а он загрыс да... ...в вабиле давали осорью ж и он загрыс же... ...Государь, кречат дал Бог здаров, а Нечай, Государь, да Алай к лошаде к вабилу летят добре... ...а живое, Гдсударь, им в вабиле ещо не давали; а Колмогор, Государь, кречат на вабило летит сажень с пя... ...рочита, а сокол, Государь, Бежай летит на вабило... ...на, Государь, кречета кlobучечить Кирсан... ...ник, Ивашка Григоров привез от тебя Государя... ...асорей, и асорей, Государь, у нас будет стол... ...ков, Государь, у нас всего два, а промыслить, Государь,... ...а што, Государь, всего отобрать к твоему, Государь,.. ...ду пятнадцать асорей, и те, Государь, чато... ...браны и по твоему, Государь, указу сакол... ...шелева х тебе, Государю, послали... ...а Ивашку Ярышкина по твоему... ...батаги били, чтоб и иным впредь птиц бит... ...чтоб насили бережно, а што Государь приказно... ...лопу твоему о птицах радеть и ходить и промыслять, как Бог помощи подаст, и я по твоему... ...кресному цалованью рат всею душою, как Бог помощи подаст".

Но III. "Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всея Росии, Афонка Матюшкин челом бьет. В нынешнем, Государь, во 158 году, июня в 5 день, прислана твоя, Государева, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Росии, грамота ко мне, холопу твоему, с твоим Государевым, сокольником, с Офонкою... ...с ним же, Государь, послано есте коршаков... ...и я, холоп твой, по твоему

Государеву Указу у н... ..шесть коршаков, да орлок, да сарычь... ..Государь коршака от, Офонка, упустил на дороге. А птицы твои, Государевы, кречеты Айдар... ..Бог здорово, а Мурат кречет вые... ..а Стреляй, Государь, да Булат осорьи... ..загрызают худо; а Нечай, Государь,.. ..летить добро, а Алаю, Государь, кречету... ..есть, а Сибирский, Государь, кречет, гар... ..а Сальян, Государь, к клобучку смирен, а хо... ..класть вабиле, а челик, Государь, Сибирской... ..умер, а челига твои, Государевы, Лихачь... ..добывает добро, а Нагая, Государь, челигу... ..впервой воронку, и он улнул на земле... ..ну, Государь, челигу есть легче, а... ..тал, а сокол, Государь, Беляй лежит к... ..сажен с тридцать; а Петр, Государь, Хохяков исклобучечил; а осорей, Государь, будет... ..об осоевских, Государь, соколах мне, холопу твоему, Указу нет; а колоколцы, Государь кречатьи и с... ..послал я, холоп твой, с тем же Соколником, с Офонкою Кельнным; а Столники, Государь... ..ники птиц держат не ослушно... ..Государь, Боярин да Беляй с печенми... ..сокол съядога болен...".

Но IV. "Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всея России, холоп твой, Афонка Матюшкин челом бьет. Прислан ко мне, холопу твоему... ..Стриголников, а велено, Государь, с ним... ..ка и я, холоп твой, по твоему... ..корша... ..с ним к тебе, Государь, корша... ..А птицы твои, Государь, кречет... ..Бог здоров, и поскали (пускали), Государь, ему... ..ка, и он добыл добре добро, и хотн... ..да Алай, Государь, кречет, да Сокол Беляй... ..здоров, к вабилу летят хорошо... ..Государь, кречет к вабилу летит саж... ..цеть, а к клабучку жесток, а П... ..сокол без крыл, а обирок, Государь, сажен с десят, а Смирену, еще не исклобучечили; а соколы, Государь: Друг да Юдруг, да

Сижив, да Соловей едят худо; а Ковачя, Государь, меншой умер, што привез Парфеней; а коршав (коршаков), Государь осталось два, да сарыч, да орлак".

Но V. "Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всяя России, холоп твой, Афонка Матюшкин челом бьет. По твоему Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всяя России Указу, велено мне, холопу твоему, принять вод...

...сеевские соколы прислал... ..мятня Левонтьев, и я, холоп твой, по твоему, Государь, Указу те соколы во Дворце принял и послал к тебе, Государь, с соколником, с Кирсанком... ..ным".

Четыре письма Василия Яковлевича Голохвастова царю Алексею Михайловичу, 7158 – 1650 год ("Чтения в Импер. Общ-ве истор. и древн. росс. при Московск. универ.", год 3, No 5, стр. 91–94).

Но I. "Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, холоп твой, Васка Голохвастов, челом бьет. В нынешнем, Государь, во 158 году Мая в... ..прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси грамота, велено мне, холопу твоему, записывать в которой день, которова числа... ..будут, и я, холоп твой, по твоему Государеву указу стану записывать. Да мне же, холопу твоему, ты, Государь, велел отписать о бтицах к... ..носят и птицы, Государь, но... ..как при тебе, Государе, носили... ..по твоему Государеву указу... ..а кречету, Государь, Мурату пуценово пуцали осорью з... ..добыл челигу Лихачю пущеное пуцали, воронку, и он добыл... ..Алая к лошади вабят и... ..та Нечая к лошади же вабят, челига Нагая к лошадиж ваб... ..чилига Салтана к лошадиж... ..а кречет боярин с печ... ..да челиг

Малец Сибирской третей день не ест, а слышал я холоп твой, что зашиб... ..шко Ярышкин немного ненаро... ..окончиною, в тое пору как... ..твой был на Москве пере... ..кое что из чердака в полат... ..на сей Матюшкин за то бил... ..батогам, а кречета, Государь... ..чая, что Карпунька нес... .. Олешка держит, а челига Нагая Васка Яров держит, а... ..Государь, Беляй с печенью же... ..Сарьяна Кирсанко клобучечить, а кречет Сибирской Колмогор летит сажень с пять, а сокол дикомыт, что носит князь Се... ..Львов через должик скочит, а Карпунка болен лежит. Да прислал ты, Государь ко мне, холопу твоему, стадным конюхом с Мишкою Мартыновым, десять рублей денег, а велено мне, холопу твоему, те денги отдать Бориску Бабину, и я, холоп твой, те денги по твоему Государеву указу Бориску Бабину отдал; а кречетами, Государь, и челигами станем промышлять неопложно и выпуски давать, сколько Бог помощи подаст. Да мне же, холопу твоему, велено х тебе, Государю, ...фунт квасов сженок, и я, холоп твой, послал х тебе, Государю... ..стадным конюхом, с Мишкою Мартыновым, купя фунт квасов сженок. Да изволил ты, Государь, мне холопу своему, по челобитью соколника Кирсанка Соба... ..сыскать про Веземскова... ..мака, что он его, Кирсанка, лаял... во мне, холопу твоему, твоего Государя указу нет кого... ..Везему послать и какими... ..сыскивать про ту лаю а... ..соколник подал мне, холопу твоему, ссылку, а в ссылке пишет: слался он на Московска стрелца, Артамонова Приказу Матвеева, на Богданку Терентьева, да на крестьян боярин Бориса Ивановича Морозова, села Иславского, на Ивашку Медведя, да на Сеньку Иванова, а иных волостных людей и крестьян в то время, никаво, де, не было, и о том мне, холопу

своему, как ты, Государь, укажешь".

Но II. "Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всеа Руси, холоп твой Васка Голохвастов челом бьет. В нынешнем, Государь, во 158 году, Маия в 27 день, по твоему Государеву указу прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великого Князя, Алексея Михайловича всеа русии, грамота, а по сей твоей Государевой грамоте велено мне, холопу твоему, послать Стряпчева... ..Иванова сына Философова на Вяземской кабак сыскивать про Кирсан... .. дело, и на Вяземском кабаке про то дело сыскать некем, ни каких волостных... ..ных людей в то время не было, а он Кир... ..шлетца на Московска стрелца Артаманова Приказу Матвеев, на Богдашку Терентьева, да на тяглова человека... ..Мясницкой сотни, да на крестьян Боярина Бориса Ивановича Морозова, села Иславского, на Ивашку Медведя да на Сенку Иванова, и теми людьми про то дело сыскивать мне, холопу твоему, ими не указано, на которых он Кирсанко слался. Да мне же, холопу твоему, велено отобрать пятнадцать осорей, которые парчее, и беречь х твоему, Государеву, приезду; и я, холоп твой, по твоему Государеву указу пятнадцать осорей отобрал, и беречь... ..нем, да мне же, холопу твоему, по твоему Государеву указу велено кречетам и челигам в вабило осорьи ввязывать и промыслять кречетами и челигами, сколько Бог помощи подаст, а кречету Булату в вабиле живоно давали, да кречету Стреляю живое ж в вабиле давали и он загрыз, а челигу од... ..гаю живое давали в вабиле, и он загрыз, а сокол Беляй через д... ..скочит на вабило, а кречет Сибирской Колмогор сажень с пять летит на вабило, а... ..Алай к вабилу летит добре добро... ..Нечай к вабилу добреж добро летит, а живое давать им как ты, Государь,

укажешь, а Левкин, Государь, челиг Лихачь третьево дни до, был воронку пущеную добре добро, а кречет Мурат болен гораздо, дважды сметал, а Малец челиг Сибирской умирает... ..кречет Боярин и Беля с печен... ..болши полупупа заволокло г... ..холопу твоему, велено к тебе, Государю, п... ..коршака, будет три коршака... ..шаков здесь только, Государь, всего два, адин нарочет, а другой корш... ..худ; а Ивашка Ярышкина по твоему Государеву указу батогами били болно, а соколника Фетку по твоему Государеву указу х тебе, Государю, послали. Да прислал ты, Государь, к нам, холопом твоим пятнадцать осорей с соколником Ивашкою Григорьевым, и он, Ивашко, к нам, холопом твоим, привез всево... ..натцать осорей, а две сказыв... ..на дороге умерли, а чет... ..взял, де, Игнат, а пятна... ..не было, всево де с ним послано четырнадцать. Да писал ты, Государь, к нам, холопом своим, что не малоль у нас осорей, и осорей у нас здесь девяносто без осорьи, а будет ты и изволишь назад из походу прислать осорей десяток... ..сть, и оне, Государь, вперед пригодятца. А вперед, Государь, нам птиц беречь, и за ними ходить, и тебе, Государю, радеть, сколько Бог помощи подаст Соколник Ивашко к нам не... ..живал, а сказал, что осор... ..де Игнат у себя".

Но III. "Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всеа Руси, холоп твой, Васка Голохвастов, челом бьет. В нынешнем, Государь, во 158 году, июня в 5 день, по твоему Государеву Цареву и Великого Князя, Алексея Михайловича всеа Руси, указу прислана ко мне, холопу твоему, грамота с соколником с Офонкою Кельиным, а с ним, Государь, прислали к нам, холопом твоим, семь коршаков, да орлака, да сорыча... ..соколник, едучи от тебя, Государя, на дороги коршака опустил, привез к нам,

холопом твоим, шесть коршаков, да орлака, да сорыча, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу то принели. Да нам же, холопом твоим, по твоему Государеву указу велено кречетам пущеное пущать коршаков, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу кречетам станам пущеное пущать, а иных коршаков к твоему Государеву приходу беречь и кормить станем; а кречет Боярин... ...с печенми, а Мурату кречату есть легче, а... ...ской кречат болен, а челиг Малец Сибирской умер, а Стреляю и Булату осорьи давали в вабиле, и они при... ...летит к вабилу хорошо, а Алаю кречату ест, а челиг Лихач пущеное добывает добре добро, пущали воронку, и он ульнул на земли, а о сол... ...гу есть же легче, а Сейской сокол болен, а сол... ...чета исклобучечили. Да писал ты, Государь, к нам, холопом своим, про коршаки и про осорьи, и коршаков, Государь, деветь, а осорей, Государь, у нас полшестадесять да... ...да сарычь; а колоколцов, Государь, Мы холопи твои, послали десять. А соколника, Государь, Офонку мы, холопи твои, отпустили к тебе Государю, того ж..." Но IV. "Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всеа Руси, холоп твой, Васка Голохвастов, челом бьет.

Прислан ко мне, холопу твоему, с... ...Мишка Стригалников, и велено, Государь, мне прислать коршака, и я, холоп твой, по твоему Государеву указу, с ним к тебе, Государь, коршака отпустил. А птицы твои Государевы кречет Нечай дал Бог здоров, а пускали ему коршака, и он добыл добре добро охотно гораздо; Алей, Государь кречет да сокол Беляй дал Бог здоро к вабилу летят... ...рово; а Сальян, Государь, кречет к вабилу летит сажань с пятнадцать, а х клопучку жесток... ...Государь, сокол без крыл; а Обирок,

Государь, сокол сажень с десят; а Смирину, Государь, еще не исклобучечили, а соколы, Государь, Друг, да Юдругь, да Сирив, да Соковей едят худо; а Ковачь, Государь, челиг болен гораздо; а ястреб, Государь, меншой умер, што привес Парфеней; а коршаков осталось два, да сырычь, да орлак".

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Грамота утвержденная о избрании на Российский престол Царем и Самодержцем Михаила Феодоровича Романова-Юрьевых – за подписанием бывших при выборе всякого чина и звания людей – писано 1613 года в Маие месяце.

Великого Господа Бога Отца, страшного, и всесильного и вся содержащего, пребывающего во свете неприступнем, в превелицей, и превысочайшей, и велелепной и святей славе величества Своего, сидящего на Престоле Херувимстем с Превечным и единокровным Своим Сыном, Господом нашим Иисус Христом, и з Божественным и животворящим Своим Духом, им-же вся освящаютца, единосущныя и неразделныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопредельныя и равно силныя, и равно советныя, и равно действенныя, и равно сущныя, и соприносущныя, и собезначальныя, и единокровныя, и трисоставныя, и нераздельныя, в трех составех единого Божества, Царя Царствующих и Господа Господствующим, непреодоленного и всякие силы крепчайшего, им-же цари и царствуют и величии величаютца, сего в Троице приснославимого Бога нашего недоумеваемыми и неведомыми судьбами и неизреченным премудрым промыслом всяко создание от не бытия в бытие создаетца, и от не сущих в существо приводитца, и от рода в род летами исчитаютца; от Него-ж приимша земля наша Руская своими Государи обладаема быти, их же великих Государей Царей Росийских, корень изыде от

превысочайшего Цесарского Престола, и прекрасно цветущего и пресветлого корени, Августа Кесаря, обладающего всею Вселенною. Первый Князь Великий Рюрик содержаше скифетр великого Росийского Государства в Великом Новеграде. По нем дерзосердый в храбрских ополчениях сын его, Князь Великий Игорь, послушны себе учинил царствующего града Костянтинаполя Греческих Царей, на них же и дань взымаше, и из Великого Новгорода в преславный Град Киев преселися. По Игоре содержаше Росийское Государство и в Киеве сын его, Князь Великий Святослав, исполнен храбрского подвига, и по Дунаю восмдесят градов обладаше. Сии трие Росийские Государи беша до крещенья; по неже Руская земля пребываше, во тме неверия, и омрачена прелестию кумирослужения. По Святославе воссия пресветлая звезда, Великий Государь, сын его, Князь Великий Владимир Святославич, тму неверия просвети, и прелесть кумирослужения отгна, и всю Рускую землю просвети святым крещением, иже Равноапостолен наречеса и расширения ради своих государств, самодержавный именован бысть, ныне ж от всех покланяем и прославляем. По великом Государе по Владимире самодержавство восприимь, скифетр Росийского Государства сын его, Князь Великий, храбрый Ярослав Владимирович иже Балеслава Короля победы, и греков послушных сотвори. По нем на Росийском Государстве седе сын его, Князь Великий Всеволод Ярославич, иже над Половцы, и над Печенеги, преславную победу показа, и Государство свое крепче соблюде. По Всеволоде приим скифетр во обдержание Росийского Государства сын его, Князь Великий Владимир Всеволодич, и своим храбрским подвигом Фракию Царяграда поплени, и

превысочайшую честь, Царский венец и диадиму от Греческого Царя Костянтина Манамаха восприим, сего ради и Манамах наречется; от негож вси Росийские Великие Государи Царствия венцем венчавшася. По великом Государе Владимире Манамахе приим скифетр Росийского Царствия сын его, Князь Великий Юрьи Владимирович Долгорукой, и благочестием просия, и все Христианство в покое и в тишине соблюде. По нем седе на Росийском Государстве в Володимире сын его, Князь Великий Всеволод Юрьевич, рачитель благочестию, и крепкий поборник за святые церкви и о святой Православной Христианской Вере. По Всеволоде содержаше скифетр Росийского Государства сын его, Князь Великий Ярослав Всеволодичъ, егож соблюде Бог от Батыя в великом Новгороде и з детми, и по пленении безбожного Батыя, святую и непорочную Христианскую веру распространи, и святые церкви паки обнови. По нем великого Росийского Государства восприим скифетр сын его, храбрый Князь Великий Александр Ярославичъ, иже над Германый показа преславную победу на Неве, и на Христианскую веру безбожного Беркая Царя, двояростный гнев в Орде укроти, и по смерти даром чудесы от Бога прославлен. По Великом Государе Александре Невском сын его, Князь Великий Данил Александрович, от Владимиря преселися на Москву, и Царствия скифетр на ней утверди, и превысочайший престол Царствия в ней устрои, иже суть и до ныне Богом хранимо и соблюдаемо. По нем восприим скифетр Царствующего града Москвы сын (его), Князь Великий Иван Даниловичъ, всякими добродетельми и благочестием украшен, и неимущим нейскудную руку всегда простераше, желаше бо вместо пресветлых полат, восприяти вечное блаженство небесного

царствия. По великом князе Иване Даниловиче седе на Росийском Государстве сын его, Князь Великий Иван-же Ивановичь, и от безбожных Ординских Царей веру христианскую крепце соблюдаше, и все православие в покое и в тишине устрои. По нем восприим скифетр Царствия сын его, Князь Великий Дмитрий Иванович, достохвальный в храбрском подвиге и преславный в победе, иже победы безбожново Мамай на Дону, и всю Рускую землю в тихости и немятежно устрои. По Великом Государе Дмитрее Ивановиче Донском, восприим в содержание хоругви великого Росийского Государства сын его, Князь Великий Василей Дмитриевич, и добродетельного ради его жития, прослави его Бог, а Рускую землю и все православие помилова от нахождения безбожного Темир-Оксака, пришествием чюдотворного образа Пречистыя Своея Матери, егож богогласный Лука написа. По нем седе на Москве сын его, Князь Великий Василей Васильевич, и Рускую землю ото иноверных крепце соблюдаше, и за истинную Крестьянскую веру, и святые церкви и завсе православие, от безбожных Агарян в плен ят бысть, и паки на свое Государство возвращен бысть. По великом князе Василье восприим скифетр великого Росийского Государства великий Государь, сын его, Князь Великий Иван Васильевич, и своим премудрым разумом и осмотрением свое великое Государства распространи, Росийского Государства древнее многие города, которые после Батыева плененья Польскому королевству отошли, паки к себе привлече, и отчину свою Великий Новгород крепко и неподвижно устрои, и Самодержец именован бысть. По Великом Государе Иване хоругви Великого Росийского Государства восприя сын его, Князь Великий Василей Иванович, и

бодроопасным своим обдержательством всю Рускую землю, в покое и в тишине ото иноверных содержаше, и прародителей своих отчину, Великое Княжество Смоленское, от Польского Королевства отторже, и к себе привлече и послушны сотвори. А по Великом Государе Василье Ивановиче, приим скифетр Великого Росийского Царствия сын его, храбрый великий Государь, царь и Великий Князь Иван Васильевич, всеа Руси Самодержец благочестию рачитель и по Крестьянской вере крепкой поборник и в своих Государственных чинех и поведениях премудр, и высочайшую честь и вышехвальную славу, Царствия венец на главу свою восприять, егоже взыска от древних лет, от прародителя своего, великого Государя от Владимира Манаха; и от премудрого его разума и от храбрского подвига, все окрестные Государства имени его трепетали, зане знаменит бе и храбр, и в победах страшен, и Мусульманские государства, Царство Казанское, и царство Астороханское, и царство Сибирское, под свою высокую руку покори и в плену держимых христиан тмочисленных свободи; но и паче-же от потрясения меча его Германстии родове устрашишася. По великом Государе Царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси Самодержце, от его Царского прекрасноцветущего корени пресветлая и преславная ветвь от Богом данная и благочистивыя супруги от Великия Государени Нашея Царицы и Великия Княгини Настасеи Романовны Юрьева, процвете сын его, Государь наш, благоверный великий Государь наш, царь и Великий Князь Федор Иванович, всеа Руси Самодержец восприим скифетр Росийского Царствия и своим Царским бодроопасным осмотрением во всем своем великом Росийском Царстве благочестие крепче соблюдаше и все

православное Христианство в покое, и в тишине и во благоденственном житие тихо и неметежно устрои, и о всех его царских великих государствах Росийского Царствия радостное и светлое и веселия везде исполнено бяше; царствующий же град Москва тогда возвеличися, и преумножися и всеми благими на вселенней цветяше, превыше всех великих государств, и славно бысть имя великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Руси Самодержца, во всей вселенней честь и слава величества его возвысися и прославися и все великие Государи христианские и мусульманские ему великому Государю любочестные дары приношаху, по Его Царского Величества достоянию, и в дружбе и в любви с Его Царским Величеством быти желаху: а которые Его Царского Величества окрестные недруги и непослушники те все у Его превысочайшие Царские степени Величества послушны и в рабском послуженье учинилися, и великого его Росийского Царствия отторженные грады от Его Великого Государства многими леты, паки во своя возврати; и ради добродетельного Его жития и милостивого Царского нрава в своих Государствах ко всем человекам не оскудныя реки милосердия изливаше по своему Царскому милосердому обычаю и во всем бысть земный Ангел и небесный пресветлого рая житель. И грех ради наших, всего православного христианства Росийского царствия Господь Бог праведным Своим судом, превысочайшего и преславного корени Августа Кесаря Римского прекрасно цветущую и пресветлую ветвь в наследие великого Царствия не произведе; едину бо ветвь Царского своего изращенья от своея благозаконныя супруги, благоверныя и Христолюбивыя великия Государыни, Царицы, и

Великия Княгини Ирины Феодоровны всеа Руси, имяше дочь благоверную Царевну и Великую Княжну Феодосию, и сия Вседержителя Господа Бога Святым Его праведным судом прежде преставления Его Царского Величества будущий и некончаемый век небесного царствия отыде. Царствова же великий Государь, царь и Великий Князь Федор Иванович, всеа Руси Самодержец, на своих великих государствах Росийского Царствия четырнадцать лет; а после себя великий Государь Наш, царь и Великий Князь Федор Иванович всеа Руси Самодержец на всех своих великих государствах скифетродержания Росийского Царствия оставль свою благоверную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Феодоровну всеа Руси, а душу свою праведную приказал отцу своему и богомольцу святейшему Иеву.

Иноземцев и родов и Маринки с сыном, неискати и не хотети. А хто похочет мимо Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича, всеа Руси Самодержца и его детей которых им Государем вперед Бог даст, искати и хотети иного Государя ис каких людей небуди, или какое лихо хто похочет учинити: и нам Боярам, и Окольничим, и Дворяном, и приказным людем, и гостем, и детем боярским и всяким людем на того изменника стояти всею землею за один. Также нам, великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси всему сенклиту, Бояром, и Окольничим, и Князем, и Воеводам, и Дворяном и Приказным людем, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо Царского повеленья, чести себе никакой не хотети и не искати; и вотчины и поместья держати по своей мере, чем кого Государь пожалует; и быти в Государских делех по его Государеву крестному

целованию бес прекословия во всяких Государевых делах и во всяких чиновных людех несупротивну быти, как кому Государь, царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Руси, на своей Государеве службе и у всякого дела где кому быти велит, так тому и быти. Также нам Бояром и приказным людем и Диаком меж собою того смотрети накрепко чтоб ко Государю, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу, всеа Руси Самодержцу в розрядных и в земских делах кручины не приносить никоторыми делы никоторую хитростию, по прежней целовальной записи, на чем есмя Государю своему, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, души свои дали и животворящий крест целовали, крепко держати и неподвижно. Митрополиты-ж, и Архиепископы и Епископы со всем вселенским освященным собором, слыша от них сия, паки глаголют к ним: "Елма убо о сем толик обет пред Богом полагаете и обещаетесь, что вам таким к великому Государю нашему, к благочестивому Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, единокорным быти тем же подобает нам и грамоту утвержденную написавше, утвердиться, и вся, яже глаголемая и действуемая настоящее сие время, и наши скорби, и разоренье Московскому Государству от Полского и от Немецкого Королей в ней написавше, нам Государевым богомолцом руки свои приложить и печати свои привесити; а вам Царского Величества Бояром, и Околничий и Князем и Воеводам и Дворяном и всяким приказным людем, и гостем, и выборным людем, которые из всех городов всего великого Росийского Царствия приехали к Москве для Государского обирания руки свои приложить на болшее утверждение и единомыслие: дабудет вперед крепко и неподвижно и стоятельно во веки, как в сей

утвержденной грамоте написано будет, и на чем по записи прежде сево крест животворящий целовали". "Сия же слышав бояре и Дворяне и приказные люди и гости и Христолюбивое воинство и все Православное Христианство, вси единогласно глаголаху: "Благословен глагол ваш от Бога, великие Святители, Пастухи¹ душам нашим! Святого Духа преисполнени вси глаголи уст ваших; подобает тако быти, яко-же глаголете". "Слышавше сия Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, приговор о утвержденной грамоте всего освященного собора и Государевых Бояр, и весь Царский синклит и Христолюбивое воинство, повеле писати сию утвержденную грамоту, и да незабвенно будет писание в ней в роды и роды и во веки. Ея же по мале времени написавше и прочтоша сию утвержденную грамоту на вселенском соборе, и выслушав на большее во веки укрепление, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы руки свои приложили, и печати свои привесили; а Архимариты, и Игумены и честных монастырей соборные старцы руки свои приложили; а Бояре, и Околничие, и Дворяне, и Дьяки Думные руки же свои приложили на том, что в сей утвержденной грамоте написано с совету всего освященного вселенского собора, и Бояр, и Дворян, и всех чинов, всяких людей Царствующего града Москвы и всея Руския земли, всему инако не быти; а быти так во всем по тому как всей утвержденной грамоти писано. А кто убо и не похощет послушати сего соборного уложения, его же Бог благоизволи, и начнет глаголати ино и молву в людех чинити: таковой, аще от священных чину, и от Бояр Царских синклит и воинственных, или ин хто от простых людей и в каком чину ни буди, посвященным правилом Святых Апостол, и Вселенских седми соборов Святых Отец и

поместных, и по соборному уложению всего освященного собора, чину своего извержен будет, и от церкви Божии отлучен и святых Христовых Таин приобщения, яко раскольник, церкви Божии и всего православного Христианства мятежник, и разоритель закону Божию; а по Царским законом месть восприимет, и нашего смирения и всего освященного собору не буди на нем благословение отныне и до века; понеже не восхоте благословения и соборного уложения послушания, тем и удалися от него и облечеса в клятву.

Егда же написовше и совершихом сию утвержденную грамоту, и святительскими руками укрепльше и печатями своими утвердивше, в купе ж Болярскими руками, и честных монастырей Архимаритов, и Игуменов, и соборных старцов и всего освященного собора, непреложного ради и неременного утверждения: тогда Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы с Архрмариты и Игумены, и с соборными старцы и со всем освященным собором, и з Боляры, и з Дворяны, и с Приказными людьми, яко, да вкупе духовный совет сотворше, соборне изберут место и поведят вкупе; в нем же аще сохранны утвердивше положить сию утвержденную грамоту, да будет твердо и не разрушно в предъидущая лета в роды и роды, к не прейдет не едина черта, или иота едина от написанных в ней нечесоже. И тако вси вкупе совещащеся, и твердым согласием Святого Духа, положиша по в хранило Царские к докончальным и утвержденным грамотам. А на соборе были Московского Государства и изо всех городов Росийского Царствия власти, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и Протопопы и весь освященный собор, и Боляре, и Окольничие, и

Чашники, и Стольники, и Стряпчие, и Думные Дворяне и Дьяки, и Жилцы и Дворяне большие, и Дворяне из городов, и Дьяки ис приказов и Головы стрелецкие и всякие Приказные и Дворовые люди, и Гости и Сотники Стрелецкие, и Атаманы казаки, и стрельцы, и казаки и торговые и посатцкие, и всяких чинов всякие служилые и жилетцкие люди, и изо всех городов всего Росийского Царствия выборные люди, которые присланы с выборы за всяких людей руками о государском обирание. А уложено бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всеа Руси Самодержца, в царствующем граде Москве, в первое лето, Царства его, а от создания миру (1643), индикта месяца Май.

К сей Грамоте привешано десять печатей, из коих три Митрополичьих на красных, четыре Архиепископских на лазоревых и три Епископских на темно-коричневых шелковых снурках, из такого же цветом воску, как и снурки: но из числа оных печатей семь (четыре первые и три остальные) совсем раскрошились; на трех же Архиепископских, за крайним и сих повреждением, остались изображения.

На обороте Грамоты следующие духовных и светских людей собственноручные подписи:

Смиренный Ефрем, Божию Милостию, Митрополит Казанский и Свияжский.

Божиею Милостию, смиренный Кирил, Митрополит Ростовский и Ярославский.

Смиренный Иона, Божию милостию, Митрополит Сарский и Подонский.

Божиею милостию, смиренный Герасим, Архиепископ Суждальский и Торусский.

Смиренный Феодорит, Божию милостию,

Архиепископ Рязанский и Муромский.

*Смиренный Арсений, Божиею милостию,
Архиепископ Архангельский. Смиренный Иосиф
Коломенский и Коширский.*

*Смиренный Селивестр, Епископ Корельский и
Ореский.*

Рожественного монастыря Архимарит Исаия.

Чюдова монастыря Архимарит Аврамей.

*Живоначальная Троицы-Сергеева монастыря Келарь,
старец Аврамей.*

Симонова монастыря Архимарит Павел.

Свияжской Архиморит Корнилей.

Андрониковской Архимарит Сергей.

Кирилова монастыря Игумен Матфей.

*С Костромы Ипатицкого монастыря Архимарит
Кирил.*

*Из Нижнева Печерского монастыря Архимарит
Феодосей.*

*Из Ростова Богоявленского монастыря Архимарит
Иосиф.*

*С Костромы Богоявленского монастыря Игумен
Арсений.*

Богоявленской Игумен Семеон, из ветошного ряду.

*Из Ярославля Спаского Моностыря Архимарит
Феофил.*

Чудова моностыря Келарь, старец Мисаило.

Из Боровска Пафнутьева монастыря Игумен Иона.

С Волока Иосифова монастыря Игумен Аресней.

*Спаского монастыря из Суздаля Архимарит
Митрофан.*

С Резани Спаской Архиморит Рофаил.

*С Вологды Каменого монастыря Архимарит
Питерим.*

С Ростова Борисоглебской Игумен Петр.

С Резани Соловчинского монастыря Трифон.

С Вологды Прелуцкого монастыря Игумен Кирил.

*Из Кашина Колязина монастыря Игумен Феодосей
руку приложил.*

С Вологды Корнильева монастыря Игумен Симеон.

Боярин Князь Федор Мстиславской

Боярин Князь Иван Голицын.

Боярин Князь Алексей Сицкой.

Боярин Князь Иван Воротынской.

Боярин Федор Шереметев.

Боярин Князь Иван Одоевской.

Боярин Князь Дмитрий Трубецкой.

*Боярина во Князя Андреево, Куракина, Окольничей
Федор Лунин и в свое место.*

Боярин Борис Солтыков.

Боярин Князь Дмитрий Пажарской.

Боярин Князь Иван Куракин.

Боярин Василей Морозов.

Боярин Князь Григорей Ромодановской.

*В Боярина во Князя Иваново место Андреевича
Хованского, Боярин Князь Дмитрий Пажарской руку
приложил.*

Боярин Князь Иван Борисович Черкасской.

Боярин Иван Романов.

Окольничей Ортемей Измайлов.

Окольничей Князь Данило Мезецкой.

Боярин Князь Володимер Ростовской.

Окольничей Семен Головин.

Крайчей Михайло Салтыков.

Князь Иван Кошурев-Ростовской.

*В Князь Дмитриево места
Манструковича Черкасского, Князь Василей Туренин
руку приложил.*

Чашник Князь Афонасей Ростовской.

*Стольник Федор Ипатьев, и в брата своего места во
Князь Петра.*

Думной Диак Сыдавной Васильев.

Князь Семен Прозоровской.

Стольник Иван Плещеев.

Стольник Василей Измайлов.

Стольник Иван Морозов.

Отольник Василей Нагой.

Стольник Борис Морозов.

Стольник Глеб Морозов.

*Стольник Князь Алексей Львов, и во Княж Юрьево
место Липецкаго.*

Стольник Левонтей Веляминов.

Стольник Князь Василий Туренин.

Стольник Князь Микита Черкасской.

*Стольник Иван Пушкин, и в брата своего Ивана
Гргорьева сына Пушкина.*

Стольник Богдан Михайло сын Титов.

Стольник Степан Проестев.

Стольник Князь Иван Лобанов-Ростовской.

Стряпчей Федор Пушкин.

Стольник Григорей Плещеев.

Стряпчей Князь Фома Межецкой.

Стольник Князь Степан Гагин-Великой.

Стряпчей Олександр Воейков.

Стольник Князь Микита Межецкой.

Стряпчей Иван Плещеев.

Дементей Погожей.

Стольник Князь Данила Гогарин.

*Стряпчей Василей Стрешнев и в стряпчевож место
Федора Толочанова.*

Иван Чемоданов руку приложил.

Стольник Иван Плещеев.

Стряпчей Степан Милюков.

Стряпчей Григорей Обрасцов.

Стряпчей Емельян Бутурлин, и в Стольника в Князь Васильево место Мосальского.

Стольник Князь Иван Лобанов-Ростовский.

Стольник Князь Федор Сицкой.

Стряпчей Князь Петр Волконской.

Стольник Иван Трахониотов.

Стряпчей Князь Михайло Волконской.

Стряпчей Михайло Измайлов.

Стольник Дмитрий Колтовской.

Стряпчей Князь Иван Волконской.

Стряпчей Иван Головин.

Стряпчий Дмитрий Воейков.

Стряпчей Семен Воейков.

Стряпчей Федор Колединской.

Стряпчей Алексей Вельяминов.

Стольник Князь Иван Хилков.

Стольник Борис Шереметев.

Стольник Князь Фома Маецкой.

Иван Болотников.

Князь Иван Буйносов.

Михайло Пушкин.

Семен Пратасьев, и в Князь Михайлово место Сонцово, руку приложил.

Князь Семен Борятинской, и в Князя Семеново Лыкова места, руку приложил.

Микита Пушкин.

Федор Шушерин.

Обросим Лодыженской.

Максим Радилов руку приложил.

Федор Погожей.

Ждан Карпов.

Князь Федор Борятинской руку приложил.

Алексей Шарпилов, руку приложил.

Михайло Огарков руку приложил.

Ефим Телепнев руку приложил.

Марко Поздеев.

Сава Раманьюков.

Князь Федор Татев руку приложил.

Михайло Данилов.

Федор Лихачев.

Князь Роман Пожарской руку приложил.

Богдан Кашкин руку приложил.

Федор Опраксин руку приложил.

Матвей Сомов руку приложил.

Семейка Зеленой.

Дмитрей Радцов руку приложил.

Василей Карабын руку приложил.

Ондрей Вареев.

Булгак Милованов.

Федор Пушкин руку приложил.

В Григорьево место, Обрасцова Иван Кондырев руку приложил.

Оклесей Витофтов руку приложил.

Иван Шевырев.

Ондрей Степанов руку приложил.

Максим Титов руку приложил.

Олександр Иванов.

Иван Васильев.

Исак Спешнев руку приложил.

Богдан Хомутов руку приложил.

Иван Антонов.

Патрикей Насонов.

Иван Козлов.

Соловой Протасьев руку приложил.

Осип Грязной руку приложил, и во Князь Андреева места Далгорукова.

Юрьи Редриков, во Князя Мироново место

Шаховского, руку приложил.

Федор Семенов сын Пушкин руку приложил.

Иван Бутурлин руку приложил.

Федор Янов.

Иван Чечерин.

1 В копии с себя Грамоты тогдашнего времени, писанной, как и подлинное, местами золотыми буквами (хранящейся также в Архиве Государственной Коллегии иностранных дел), вместо слова Пастухи, употреблено Пастырие. Соблюдая в полной мере точность оригинала, издатели не смели переменить оного.